

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2026 Volume 30 No. 1

LANGUAGE, CULTURE, COGNITION AND COMMUNICATION

**Founded in 1997
by the RUDN University**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г. **Учредитель:** Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

DOI: 10.22363/2687-0088-2026-30-1

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory): <http://www.ulrichsweb.com>.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 15.03.2026. Выход в свет 28.03.2026. Формат 70x108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,45. Тираж 500 экз. Заказ № 16. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR IN CHIEF

Tatiana V. LARINA, RUDN University, Moscow, Russian Federation
e-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan KECSKES, State University of New York at Albany, Albany, USA
e-mail: ikecskes@albany.edu

ASSOCIATE EDITORS

Douglas Mark PONTON, University of Catania, Catania, Italy
Anna GLADKOVA, Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander V. IGNATENKO, RUDN University, Moscow, Russian Federation
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura ALBA-JUEZ, National Distance Education University (UNED), Madrid, Spain
Steven A. BEEBE, Texas State University, San Marcos, Texas, USA
Liudmila BOGDANOVA, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Donal CARBAUGH, University of Massachusetts, Amherst, Massachusetts, USA
Vadim DEMENTYEV, Saratov State University, Saratov, Russian Federation
Yulia EBZEEVA, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Cliff GODDARD, Griffith University, Brisbane, Australia
Elena S. GRITSENKO, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Svetlana IVANOVA, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Olga IRISKHANOVA, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Dániel Z. KÁDÁR, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Vladimir KARASIK, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Zoltán KÖVECSES, Eötvös Loránd Tudományegyetem, Budapest, Hungary
Olga A. LEONTOVICH, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation
Carmen MAÍZ-ARÉVALO, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain
Sara MILLS, Sheffield Hallam University, Sheffield, UK
Andreas MUSOLFF, University of East Anglia, Norwich, UK
Etsuko OISHI, Tokyo University of Science, Tokyo, Japan
Aneta PAVLENKO, University of Oslo, Oslo, Norway
Martin PÜTZ, University of Koblenz-Landau, Landau, Germany
Klaus SCHNEIDER, University of Bonn, Bonn, Germany
Maria SIFIANOU, National and Kapodistrian University of Athens, Athens, Greece
Olga A. SOLOPOVA, South Ural State University (National Research University), Cheliabinsk, Russian Federation
Yuhua SUN, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China
Neelakshi SURYANARAYAN, Delhi University, Delhi, India
Rafael Guzman TIRADO, University of Granada, Granada, Spain
Maria YELENEVSKAYA, Technion-Israel Institute of Technology, Haifa, Israel
Anna ZALIZNIAK, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Franco ZAPPETTINI, Università La Sapienza, Rome, Italy
Aseel ZIBIN, University of Jordan, Amman, Jordan

Review editor **Konstantin V. Zenkin**
English language editor **Julia B. Smirnova**
Computer design **Natalia A. Yasko**

Editorial office:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

ЛАРИНА Татьяна Викторовна, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

e-mail: larina-tv@rudn.ru

КЕЧКЕШ Иштван, Университет штата Нью-Йорк в Олбани, Олбани, США
e-mail: ikecskes@albany.edu

ПОНТОН Дуглас Марк, Катанийский университет, Катания, Италия
Анна Николаевна ГЛАДКОВА, Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Москва, Российская Федерация

ИГНАТЕНКО Александр Владимирович, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

АЛЬБА-ХУЭС Лаура, Национальный университет дистанционного образования (UNED), Мадрид, Испания
БИБИ Стивен А., Университет штата Техас, Сан Маркос, Техас, США

БОГДАНОВА Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ГОДДАРД Клифф, Университет Гриффит, Брисбен, Австралия

ГУСМАН Тирадо Рафаэль, Гранадский университет, Гранада, Испания

ГРИЩЕНКО Елена Сергеевна Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация

ЕЛЕНЕВСКАЯ Мария, Технион – Израильский политехнический институт, Хайфа, Израиль

ЗАЛИЗНЯК Анна Андреевна, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

ЗАПЕТТИНИ Франко, Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия

ЗИБИН Асель, Университет Иордании, Амман, Иордания

ИВАНОВА Светлана Викторовна, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ИРИСХАНОВА Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

КАДАР Дэниел, Институт лингвистики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия

КАРАСИК Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

КАРБО Донал, Массачусетский университет, Амхерст, Массачусетс, США

КЕВЕЧЕШ Золтан, Университет имени Этвеша Лоранда, Будапешт, Венгрия

ЛЕОНТОВИЧ Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

МАИС-АРЕВАЛО Кармен, Университет Комплутенсе де Мадрид, Мадрид, Испания

МИЛЛС Сара, Университет Шеффилд Холлэм, Шеффилд, Великобритания

МУЗОЛФ Андреас, Университет Восточной Англии, Норидж, Великобритания

ОИСИ Эцуко, Токийский исследовательский университет, Токио, Япония

ПАВЛЕНКО Анета, Университет Осло, Осло, Норвегия

ПУТЦ Мартин, Университет Кобленц-Ландау, Ландау, Германия

СИФЬЯНУ Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии, Афины, Греция

СОЛОПОВА Ольга Александровна, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Российская Федерация

СУНЬ Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков, Далянь, КНР

СУРЬЯНАРАЯН Нилакши, Делийский университет, Дели, Индия

ШНАЙДЕР Клаус, Боннский университет, Бонн, Германия

ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Литературный редактор **К.В. Зенкин**
Редактор англоязычных текстов **Ю.Б. Смирнова**
Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

LANGUAGE, CULTURE, COGNITION AND COMMUNICATION
ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, СОЗНАНИЕ И КОММУНИКАЦИЯ

CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

INTRODUCTORY ARTICLE / ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Tatiana V. LARINA

Language, culture, cognition and communication: The paradigms of modern linguistic research

Язык, культура, сознание и коммуникация: парадигмы современных лингвистических исследований

7

RESEARCH ARTICLES / НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Cláudio Márcio do CARMO

Systemic functional linguistics and social cognition: A theoretical approach to the relationship between language, society and culture

Системно-функциональная лингвистика и социальное познание: теоретический подход к взаимоотношению языка, общества и культуры

33

Елена Сергеевна ГРИЦЕНКО

Язык и гендер: лингвистические, социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации

Language and gender: Linguistic, social and ethical paradoxes of inclusive communication

55

Зоя Григорьевна ПРОШИНА

Легитимность вариантов английского языка как неродного

Legitimacy of varieties of English as a non-native language

82

Radoslav BALTEZAREVIĆ, Lazar STOŠIĆ and Olga B. MIKHAILOVA

AI-assisted academic writing: Balancing linguistic enhancement with legal and ethical oversight

Использование искусственного интеллекта в научных публикациях: соотношение лингвистического совершенствования с юридическим и этическим контролем

105

Douglas PONTON and Peter MANTELLO

Simulated selves: Creativity, authenticity and semiotic agency in AI companionship

Имитированные личности: креативность, подлинность и семиотическая активность в общении с искусственным интеллектом

124

Lama KHALIFAH, Aseel ZIBIN and Abdel Rahman Mitib ALTAKHAINEN

More than just a taste: Exploring food metaphors in Jordanian Arabic

Больше, чем вкус: исследование пищевых метафор в иорданском диалекте арабского языка

145

Namrata PAUL, Abhijeet SATSANGI and Sanjukta GHOSH

Metaphorical landscapes of HAPPINESS in Hindi and Bangla:

A cognitive semantic analysis

Метафорические ландшафты счастья в языках хинди и бенгали:

когнитивно-семантический анализ 171

Hiromichi SAKABA

Conceptualization of emotion in Japanese: Adjectives vs. verbs

Концептуализация эмоций в японских прилагательных и глаголах 204

Джиюн ДЖОН, Екатерина Владимировна РАХИЛИНА

Полисемия русской формулы *мало ли что* и ее корейские эквиваленты

Polysemy of the Russian formula *malo li chto* and its Korean equivalents 230

BOOK REVIEWS / РЕЦЕНЗИИ

Habib SANDY

Review of Anna Wierzbicka. 2025. *The Nicene Creed in Minimal English:*

Why Christianity Needs Universal Human Concepts. Cham: Springer Nature 257

Yuxuan WANG

Review of Andrea Musumeci. 2025. *Rethinking Translators: Constraints, Affordances,*

Postures. Singapore: Springer Nature Singapore 262

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-48905>

EDN: AAMJTV

Introductory article / Вступительная статья

Language, culture, cognition and communication: The paradigms of modern linguistic research

Tatiana V. LARINA

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 larina-tv@rudn.ru

Abstract

This special issue is devoted to the study of correlation between language, culture, cognition and communication. This topic was widely discussed at the VII International Firsova's Readings at the RUDN University on October 23–25, 2025. The issue presents articles by conference participants, covering a wide range of topics. They demonstrate that in the modern, anthropocentric stage of linguistics, an interdisciplinary research paradigm is dominant. It enables scholars to transcend their disciplines, integrate research methods, share knowledge from different subject areas, and open up new research opportunities and perspectives. The focus of this kind of research is not the language system itself, but the individual who speaks the language, along with their emotions, feelings, relationships, and the worldview. The development of digital technologies and artificial intelligence provides a powerful impetus for interdisciplinary linguistic research. They offer researchers new opportunities but also raise important questions that require solutions. This introductory article outlines the paradigms of contemporary linguistic research and provides a brief overview of the articles presented in this issue.

Keywords: *lingua-culture, communication, cognition, discourse, linguacultural identity, interdisciplinarity*

For citation:

Larina, Tatiana V. 2026. Language, culture, cognition and communication: The paradigms of modern linguistic research. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-48905> EDN: AAMJTV

© Tatiana V. Larina, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Язык, культура, сознание и коммуникация: парадигмы современных лингвистических исследований

Татьяна Викторовна ЛАРИНА

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 larina-tv@rudn.ru

Аннотация

Представляемый тематический выпуск посвящен вопросам взаимодействия языка, культуры, сознания и коммуникации, широкое обсуждение которых состоялось на VII Международных Фирсовских чтениях в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы 23–25 октября 2025 г. В выпуске представлены статьи участников конференции, в которых рассматривается широкий спектр вопросов. Они свидетельствуют о том, что на современном, антропоцентрическом этапе лингвистики доминирующей является междисциплинарная исследовательская парадигма, которая обеспечивает выход ученых за рамки своих дисциплин, интеграцию методов исследования, взаимообогащение знаниями из разных предметных областей, предоставляет новые исследовательские возможности и открывает новые перспективы. В фокусе исследований — не система языка, а человек, говорящий на языке, в совокупности с его эмоциями, чувствами, отношениями и мировоззрением. Мощный толчок для междисциплинарных лингвистических исследований дает развитие цифровых технологий и искусственного интеллекта. Они предоставляют исследователям не только новые возможности, но и ставят при этом важные вопросы, которые требуют решения. В статье намечаются парадигмы современных лингвистических исследований и дается краткий обзор представленных в номере статей.

Ключевые слова: лингвокультура, коммуникация, сознание, дискурс, лингвокультурная идентичность, междисциплинарность

Для цитирования:

Larina T.V. Language, culture, cognition and communication: The paradigms of modern linguistic research. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-48905> EDN: AAMJTV

1. Introduction

This issue explores the correlation between language, culture, cognition and communication, this topic was widely discussed at the VII Firsova's Readings (October, 23–25, 2025) held in memory of the distinguished Russian linguist Natalia M. Firsova at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) since 2014. Firsova's research devoted considerable attention to the influence of culture on language and communication, as well as the linguistic and communicative variability that creates difficulties in intercultural communication (e.g. Firsova 2000, 20002, 2004 to name a few). The Firsova's Readings has become a powerful international forum for the discussion of most current issues in linguistic and interdisciplinary research.

The conference once again demonstrated the interdisciplinary nature of modern linguistic research, focused on a person who thinks, speaks, feels, and who

cannot live outside of society and communication. As noted earlier (e.g. Ebzeeva 2021), the interdisciplinary research paradigm has led not only to the convergence of linguistics with other humanities, resulting in the emergence of psycholinguistics, sociolinguistics, linguacultural studies, etc., but also to the convergence of humanities with natural sciences, which led to the emergence of such disciplines, as cognitive linguistics, computational linguistics, corpus linguistics, neurolinguistics, ecological linguistics, which expanded the research field and proposed new research directions (e.g. Akhutina 2026, Chernigovskaya 2016, Druzhinin 2025, Ebzeeva et al. 2023, Furkó 2025, Goddard 2021, Ingram 2007, Plungyan 2008, Shuneiko 2026, Poole 2022, 2025, Ponton 2024, among many others.).

The introductory article identifies several key areas that, as the conference results demonstrated, are most relevant to contemporary linguistics. The focus remains on the relationship between language, culture, cognition and communication; discourse-pragmatic studies; emotive linguistics; sociolinguistic research, including sociocultural identity, linguistic varieties and gender studies; cognitive studies of language. A new challenge and a new research field is human interaction with artificial intelligence (AI), which also constitutes a form of communication (Ponton & Manlillo 2026).

2. The correlation of language, culture, cognition and communication

The correlation between language, culture, cognition and communication is the core focus of the *Russian Journal of Linguistics*, regularly discussed in its pages and at the conferences ‘Firsova’s Readings’. Communication here is understood in its broadest sense — interpersonal, intercultural, interstate, media, online, author-reader, as well as human-AI communication.

It has long been proven that language provides us with a tool for communication, however, how to construct it, how to express communicative intentions, how to convey feelings and emotions, and how to demonstrate one’s attitude toward one’s interlocutor—this knowledge is provided by culture, which is defined as the collective intelligence, the collective memory of a people (Lotman 2004), and as the “software of the mind” (Hofstede 1991). In other words, culture defines human consciousness and guides human activity, including communicative activity.

Currently, comparative studies aimed at identifying ethnocultural differences do not pursue the path of accumulating facts, but aim to systematize them, which allows us to see the systematic nature of the differences identified and their cultural predetermination. As Wierzbicka (2003) notes, in different societies and communities, people speak differently; these differences are profound and systemic, they reflect different cultural values, or at least different value hierarchies, and different communicative styles can be explained in terms of independently established different cultural values and cultural priorities (Wierzbicka 2003: 69). The regularity and systematic nature of culturally determined differences in

language use have enabled researchers to systematize them as ethnocultural communication styles, or communicative ethnostyles (House 2006, Larina 2009, 2015, 2025) and to identify their dominant features. People's communication styles and preferences reflect their identity. Thus, through language, a person can express his or her identity, which is multilayered and includes individual, social and cultural traits (Eslami et al. 2023: 32).

Identity is closely connected with discourse. Identity arises from communication and functions as a complex interweaving of the collective, refracted through the prism of individuality, and the individual, embedded in the collective (Leontovich 2017: 252). When considering the interaction of language, culture, cognition and communication, linguacultural identity deserves special attention. It manifests itself in linguistic behavior through which a language user verbalizes all concepts, values, and schemes of conduct practiced in a particular lingua-culture (Bilá et al. 2020, Larina et al. 2017).

The vocabulary of a language provides us with objective data on key words that identify the values of the culture served by a given language (Bromhead & Ye 2020, Wierzbicka 1997), including communicative values that regulate human behavior and shape discursive and pragmatic features. Words contain culturally marked meanings that accumulate encoded information about the psychology and values of an ethnic group (Leontovich 2022: 51). These values, fixed in mind, regulate people's communicative behavior.

As research in cross-cultural pragmatics has shown, the same speech acts are performed differently in different linguistic cultures, in accordance with the understanding of politeness shared by a given society and its norms corresponding to the sociocultural context (e.g., Fernández-Mallat & Moyna 2025, Haugh & Chang 2019, Litvinova & Larina 2023, Larina 2009, Malyuga & McCarthy 2021, Wierzbicka 2003, etc.). These facts testify to the sociocultural determination of communicative behavior and serve as further confirmation of the correlation between language, culture, cognition and communication.

Moreover, culture is the main factor determining the formation of varieties of pluricentric languages (Firsova 2002, Proshina 2026). Research in the field of World Englishes provides convincing evidence showing how representatives of local cultures adapt English to express their cultural and communicative values (e.g. Botha & Bernaisch 2025, Nelson et al. 2020, Proshina & Nelson 2020, Soomro & Larina 2024, to name a few).

3. Discursive-pragmatic studies

Discursive-pragmatic studies represent a unifying research field that examines the use of language and its functioning in institutional, social, cultural, emotional, and other contexts. As a result, a wide variety of discourses become objects of study—everyday interpersonal discourse, media discourse, academic discourse, political discourse, diplomatic discourse, advertising discourse, gender discourse, religious discourse, as well as artistic discourse, poetic discourse, film discourse,

etc. (e.g. Breeze 2020, Gritsenko 2021, Karasik 2022, Sánchez Macarro & Cabrejas-Peñuelas 2014, Zykova 2021 among many others). In other words, discourse analysis examines language use in all spheres of human life and activity.

With the digitalization of society, new types of discourse are emerging that explore communication in virtual space—digital discourse, internet discourse and network discourse. Researchers focus on the creativity of social media users, new linguistic forms, the influence of digital discourse on the system of standard language and its norms, the multimodal means provided by digital technologies, sociocultural and psychological factors, and the ideologies underlying the creation of digital texts and identity (e.g. Bou-Franch & Blitvich 2019, Romanova 2023, Rhee 2023, and many others). Digital media discourse explores how this type of discourse is created and perceived, linking linguistic research with the theoretical foundations of communication, political science, journalism, etc. (Đorđević 2022).

The development of digital technologies has expanded the possibilities of online communication, including intercultural communication, stimulating interest in the study of online cultures (e.g. Danet & Herring 2007, Lee 2017). Linguists feared that the dominance of English could lead to a decrease in cultural and linguistic diversity in discursive practices. However, as numerous studies have shown, despite existing similarities in online communication, its participants exhibit significant cultural differences (e.g. Eslami et al. 2023, Rhee 2023, Xie et al. 2021, and others). Thus, the connection between language, culture, and communication can also be traced in the virtual context.

This interconnectedness is also clearly evident in artistic discourse, which represents a unique mode of aesthetic and ethnocultural worldview (Ignatenko 2025). The author of a literary text acts as a representative of their culture and displays not only their personal but also their sociocultural identity. Moreover, the same text, when transferred to a different linguistic and cultural context, can receive new interpretations and content, acquiring numerous polycode and multimodal interpretations (e.g. Chesnokova et al. 2024).

The discursive approach to the analysis of language has expanded the research field, by adding new objects of study, including linguistic creativity in various types of discourse — artistic, poetic, advertising, academic, etc. (Zykova 2021), politeness strategies in various speech acts and genres (Haugh & Chang 2019, Larina 2009, Leech 2014 among many others), the development and functioning of discursive-pragmatic markers (Floricić & Sokolova 2025, Heine et al. 2024, Traugott 2022), the expression of emotions in various social and cultural contexts and discourses (Alba-Juez & Haugh 2025, Mackenzie & Alba-Juez 2019, Ponton & Larina 2022, etc.), the study of metaphor against the background of a wide linguistic, cultural and discursive contexts (Kövecses 2005, Sun et al. 2021, Zibin & Solopova 2024), postcolonial linguistics (Levisen 2024) and many others.

4. Psycholinguistic studies of discourse

Discourse theory has become the foundation for many areas of linguistic research. One of these areas is the study of emotions which has evolved into the linguistics of emotion (Alba-Juez & Haugh 2025, Firsova 2004, Ionova 2022, Mackenzie & Alba-Juez 2019, Shakhovsky 2015, 2018, to name a few). In addition to the verbalization of emotions, which shape a modal worldview with ethnocultural characteristics (Gladkova 2013, 2022, Ignatenko 2023, Sakaba 2026, Wierzbicka 1999, etc.), researchers focus on the semiotic, pragmatic and discursive aspects of emotions in various contexts. Of great interest are comparative studies to identify the meanings and functions of emotions in different cultures (e.g. Alba-Juez & Haugh 2025, Larina 2009, Leontovich & Yakusheva 2014, Pavlenko 2002).

Several special issues of the *Russian Journal of Linguistics* have been devoted to the study of emotions in discourse (see *Russian Journal of Linguistics* 2025, 1; 2018, 22(1); 2021, 25(3)). These issues, along with the growing literature in psychology, sociology and linguistics, indicate that the role of emotions in various spheres of public life has become more prominent. Researchers speak of the emotionalization of public space, i.e., the intensification and legitimization of emotions and emotional discourse in public spheres of life (Lerner & Rivkin-Fish 2021). Emotionalization is observed in both everyday interpersonal interactions and institutional ones, including those areas for which emotions were recently considered uncharacteristic (e.g. diplomatic, economic and financial discourses) (Zappettini et al. 2021: 588). Emotionalization is observed in the media, where emotions are used as one of the most important means of persuasion (Zappettini et al. 2021), and it has become an integral feature of political discourse (Breeze 2020 et al.).

Discourse-pragmatic studies demonstrate the importance of emotions in such phenomena as implicature, irony, humor and metaphor (see Alba-Juez & Larina 2018), as well as in the expression of positive and negative evaluations, the semantics and pragmatics of which may not coincide. The importance of the emotional component in communication and the diversity of the functions of emotions have prompted researchers to distinguish between such phenomena as emotionality and emotiveness, examining them in terms of politeness, impoliteness, and rudeness, and to identify a category such as emotive politeness (Larina 2019, Larina & Ponton 2022), which is defined as “emotional/emotive sensitivity and focus on the feelings of others, ethics in the expression of one’s own feelings and emotions, and the provision of communicative support to the interlocutor” (Larina 2025b:121). Emotive politeness intersects with ecological emotiology (Shakhovsky 2016), which studies the techniques and methods of emotional balancing, conflict amortization, mitigation of verbal aggression, the formation of the ability for emotional tolerance, etc. Its goal is to orient participants in communication towards a positive vector of communication in all its types and spheres.

Other research topics include the use of emotional/emotive words and conceptual metaphors in various contexts and discourses, the use and functions of obscene and invective vocabulary, emoticons in online communication, pauses and

silence as markers of aggressive speech, and much more (for details, see Alba-Juez & Larina 2018). Researchers have also focused on emotiveness and emotive density in artistic discourse (Ignatenko 2023) as a multimodal and pragmatic phenomenon of systemic linguistic relations.

5. Cognitive studies of language in the digital era and other issues

The correlation between language and cognition, the role of language in conceptualizing and categorizing the world, in cognitive processes and the generalization of human experience, in generating and interpreting the meaning of utterances in various sociocultural contexts—these questions continue to interest researchers working within a multidisciplinary paradigm (e.g. Zolyan & Tulchinsky 2024, Zolyan et al. 2024). Cognitive linguistic research analyzes how humans perceive the world, conceptualize knowledge and verbalize it, forming a linguistic picture of the world (Kasevich 2026 et al.). These issues cannot be addressed within the confines of a single research field, as they are linked to philosophical, social and psychological aspects, integrating cognitive linguistic research into an interdisciplinary paradigm. This allows researchers to go beyond linguistic analysis and description of the phenomena under study, finding explanations for the results obtained and tracing the relationship between language, cognition and communication.

The object of cognitive research that continues to attract attention of scholars is metaphor. Although there are universal features in metaphor, it has distinct characteristics in each lingua-culture. The variability of metaphor indicates differences in people's experiences, the ways they interact with physical objects in their surroundings. These differences are reflected in their worldview, fixed in language and manifested in metaphorical units (see Kövecses 2005, Leontovich et al. 2023, Paul et al. 2026, Zibin & Solopova 2024, to name a few).

Artificial intelligence plays a key role in cognitive linguistics, expanding access to information, processing and analyzing large amounts of linguistic data, modeling cognitive processes, testing and refuting hypotheses, and recognizing speech. The conceptualization of artificial intelligence in the human mind and its role in society are discussed in cognitive and corpus linguistics, media linguistics, and translation theory and practice (e.g. Bernikova & Kizhaeva 2024, Galichkina 2024, Ozyumenko & Larina 2025, Ilyinova & Kochetova 2024, among others).

In addition to those listed, the conference addressed a wide range of sociolinguistic issues: the interaction of language and society, the influence of social processes on language, language policy, the future of minority languages, the status of pluricentric language varieties, the linguistic landscape, and others. Traditionally, much attention was paid to theoretical and applied issues of translation, teaching and learning foreign languages.

6. Outline of contributions to the issue

The issue opens with a theoretical article by the Brazilian linguist Claudio Márcio do Carmo, “Systemic functional linguistics and social cognition: A theoretical approach to the relationship between language, society and culture”. It proposes a model of the interaction between systemic-functional linguistics (SFL) and social cognition, which, according to the author, makes it possible to identify the social, cultural and cognitive factors that collectively influence the semantics of discourse and facilitate effective communication. This interdisciplinary approach allows us to determine the role of language in constructing reality at the levels of situational and cultural contexts, and demonstrates that social cognition is essential for understanding the relationship between lexical grammar and discursive semantics.

Elena S. Gritsenko identifies and analyzes key paradoxes and contradictions generated by gender-inclusive communication practices, which arise contrary to its declared goals of equality and respect. An analysis of English-language texts across various genres and styles reveals that inclusive communication generates a complex set of systemic contradictions of various kinds: linguistic (between the desire to erase and simultaneously multiply gender differences, which leads to semantic tautology and a violation of linguistic conventionality); social (when inclusivity in practice turns into an instrument for excluding dissenters and marginalizing the experiences of traditional groups); and ethical (including the conflict between the ideology of self-identification and biological realities, as well as the imposition of Anglo-centric models on other linguistic cultures). The interpretation of the obtained results shows that inclusive language is not only a discourse of power, but also a tool of autocommunication aimed at redefining the core of the cultural semiosphere and consolidating a “progressive” identity.

Language contacts lead to the formation of pluricentric language varieties based on the culture and mentality of their users. However, the status of these varieties is not always clearly defined. Zoya G. Proshina explores the legitimacy of Expanding Circle English varieties, one of the most controversial topics in contemporary sociolinguistics which has been discussed repeatedly in our journal (e.g. Nelson & Proshina 2020, Shaibakova et al. 2023, Yelenevskaya & Protassova 2021). The author sets the ambitious goal of summarizing theoretical debates, presenting new data, and arguing for the recognition of idioms such as Russian English and Chinese English as fully-fledged varieties within the paradigm of World Englishes. The author identifies the factors behind the recognition of English varieties of the Expanding Circle and determines the main functions and features of Russian English. Based on these findings, a conclusion is drawn regarding the legitimacy of recognizing Russian English as an Expanding Circle English variety.

Two articles explore the issue of human interaction with artificial intelligence—a new reality of our time. Baltezarević et al. examine the use of AI in academic writing, a scholarly communication traditionally involving the author and the readership. However, in the digital age, AI often acts as an indirect participant

in this communication, raising a number of legal and ethical challenges. Although this study draws on concepts and discussions relevant to linguistic research, it does not aim to conduct a detailed linguistic analysis of the data. It employs an interdisciplinary approach, examining the use of AI primarily from legal and ethical perspectives, which is relevant not only for linguists but for all authors of academic texts. Douglas Ponton and Peter Mantello view AI as a synthetic personality participating in communication. Their article, “Simulated selves: Creativity, authenticity and semiotic agency in AI companionship”, examines how users ascribe or deny agency, emotion and sincerity to AI partners, and how these constructs differ across cultural contexts—English and Japanese. Their findings suggest that synthetic selves are not a future possibility, but a discursive achievement that raises broader questions about the nature and cultural shaping of human-AI interactions.

The next two articles explore metaphor as a key tool for understanding experience and expressing social meanings and identity. Khalifah, Zibin & Altakhaineh examine the sociolinguistic use of food-related metaphors in Jordanian Arabic, focusing on how they reflect and shape perceptions of appearance, personality and social traits. The study found that food-related metaphors in Jordanian Arabic are experiential and shaped by sociolinguistic variables such as age, gender and context. Quantitative analysis revealed differences in the use of food metaphors across age and gender groups, suggesting that the underlying semantic focus of these metaphors is not fixed but is interpreted depending on the specific cultural context, reflecting and reinforcing cultural values. Indian authors — Namrata Paul, Abhijeet Satsangi and Sanjukta Ghosh — compare conceptual metaphors for happiness in Hindi and Bengali, exploring how sociocultural, religious and philosophical factors contribute to the formation of emotional meaning in the two cultures. Both articles contribute to cross-cultural research on metaphors and provide new insights into the interactions between language, culture and cognition.

Hiromichi Sakaba continues the topic of conceptualizing emotions. He conducts his research using Japanese verbs and nouns expressing emotions, which are considered from three aspects: (1) the cause of the emotion, (2) the object of the emotion, and (3) the expression of the emotion. Using the Natural Semantic Metalanguage (NSM) to describe the semantic structures of emotions (Gladkova & Larina 2018a, b), the author proposes a semantic model that facilitates a systematic analysis of the meaning of Japanese lexemes describing emotions. The study identified some differences in the frequency of use of verbs and adjectives denoting emotions, which are interpreted in light of cultural attitudes towards emotions in Japanese society. The obtained results contribute to a deeper understanding of how speakers of different languages conceptualize and classify emotional experiences, which is important for the further development of lexical typology in the field of emotions.

The issue concludes with a corpus-based study by Jiyeon Jeong and Ekaterina V. Rakhilina, aimed at comparing Russian set phrases such as *malo li (chto)*, which function as dialogue responses, with Korean units typologically distinct from Russian and identifying the most accurate and functionally comparable analogs. The study showed that understanding the semantics and pragmatics of these phrases is only possible through an analysis of their underlying constructions and contexts. The analysis identified and resolved inconsistencies in the description of *malo li (chto)*, which are found in databases, and clarified their functional properties. The proposed methodology refines the description of Russian phrases and offers a reliable approach to comparing them with typologically distinct languages, including Korean.

7. Conclusion

The conference, as well as the articles in this issue, demonstrated that interdisciplinarity, which involves the interaction of many scientific fields, is a crucial paradigm in contemporary linguistic research. An interdisciplinary approach enables scholars to transcend their disciplines, integrate research methods, and draw on knowledge from various subject areas, opening up new research opportunities and perspectives.

As Vladimir I. Karasik noted, “the classical dyad of linguistics—language and speech—is revealed at the modern, anthropocentric stage as linguistic consciousness and communicative behavior”, and “at the center of this understanding of the subject of linguistics is the linguistic personality, which represents the bearer of lingua-cultural, communicative and activity values...” (Karasik 2002: 429). Based on this statement and slightly modifying it, we can conclude that continued research in the field of interaction between language, culture, cognition and communication remains one of the central paradigms of modern linguistics, an approach that allows us to see the systematicity and logic in the use of language by representatives of different lingua-cultures in various sociocultural contexts. The anthropocentric paradigm has shifted the focus of research from the language system to the individual, incorporating into the research field their feelings, emotions, relationships, worldview, and the environment in which they operate. The development of digital technologies and artificial intelligence provides a powerful impetus for interdisciplinary linguistic research. This has opened up new opportunities and formed new paradigms in the field, but it also raises important legal and ethical concerns.

RU

1. Введение

Этот тематический выпуск посвящен вопросам взаимодействия языка культуры, сознания и коммуникации, которые широко обсуждались на

VII Фирсовских чтениях (23–25 октября 2025 г.), традиционно проводимых в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) с 2014 г. в память о выдающемся российском ученом-романисте Наталии Михайловне Фирсовой. Н.М. Фирсова уделяла большое внимание влиянию культуры на язык и коммуникацию, языковой вариативности, создающей трудности в межкультурной коммуникации (Фирсова 2000, 2002, 2004 и многие другие). Фирсовские чтения стали влиятельным международным форумом для обсуждения самых актуальных вопросов в лингвистических и междисциплинарных исследованиях.

Конференция в очередной раз продемонстрировала междисциплинарный характер современных лингвистических исследований, в центре которых человек — человек думающий, говорящий, чувствующий, человек как социальное существо, который не может жить вне общества и общения. Как уже отмечалось ранее (см. Эбзеева 2021), междисциплинарная исследовательская парадигма привела не только к сближению лингвистики с другими гуманитарными областями, в результате чего появились психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и др., но и к сближению гуманитарного знания с естественно-научным, что привело к возникновению таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика, нейролингвистика, экологическая лингвистика, которые расширили исследовательское поле и предложили новые исследовательские направления (Ахутина 2026, Плунгян 2008, Черниговская 2016, Шунейко 2026, Эбзеева и др. 2023, Druzhinin 2025, Goddard 2021, Poole 2022, 2025, Ponton 2024 и др.).

В статье выделено несколько основных направлений, которые, как показали результаты конференции, являются наиболее актуальными для современной лингвистики. В фокусе внимания по-прежнему остаются: взаимоотношение языка, культуры, сознания и коммуникации; дискурсивно-прагматические исследования, эмотивная лингвистика, социолингвистические исследования, включающие социокультурную идентичность, языковую вариативность и гендерные исследования; когнитивные исследования языка. Новый вызов и новое исследовательское поле — взаимодействие человека с искусственным интеллектом, которое также представляет собой коммуникацию (Ponton & Mantello 2026).

2. Взаимоотношение языка, культуры, сознания и коммуникации

Взаимоотношение языка, культуры, сознания и коммуникации — основное направление журнала *Russian Journal of Linguistics*, которое регулярно обсуждается на его страницах, как и на конференциях, проводимых в рамках Фирсовских чтений. Коммуникация здесь рассматривается в самом широком плане — как межличностная, межкультурная, межгосударственная, медийная, сетевая, как коммуникация автора с читателем и даже как коммуникация человека с искусственным интеллектом.

Давно доказано, что язык дает нам инструмент для коммуникации, а как ее строить, как выражать те или иные коммуникативные намерения, как передавать чувства и эмоции, демонстрировать свое отношение к собеседнику — эти знания дает культура, которая определяется исследователями как коллективный интеллект, коллективная память народа (Лотман 2004), как «программное обеспечение ума» (*software of the mind*) (Hofstede 1991). Другими словами, культура формирует сознание человека и руководит его деятельностью, в том числе коммуникативной.

На современном этапе сопоставительные исследования, нацеленные на выявление этнокультурных различий, идут не по пути накопления фактов, а ставят своей целью их систематизацию, которая позволяет увидеть системность выявляемых различий и их предопределенность культурой. Как отмечает А. Вежбицкая, в разных обществах и сообществах люди говорят по-разному, эти различия являются глубокими и системными, они отражают разные культурные ценности или, по крайней мере, разные иерархии ценностей, и могут быть объяснены с точки зрения независимо установленных различных культурных ценностей и культурных приоритетов (Wierzbicka 2003: 69). Регулярность и системность предопределяемых культурой различий в использовании языка дали возможность исследователям систематизировать их в виде этнокультурных стилей коммуникации, или коммуникативных этностилей (House 2006, Larina 2015, 2025, Ларина 2009), и выделить их доминанты. Стили и предпочтения людей в коммуникации отражают их идентичность. Таким образом, через язык человек может выразить свою идентичность, которая многослойна и включает индивидуальные, социальные и культурные черты (Eslami et al. 2023: 32).

Идентичность теснейшим образом связана с дискурсом. Идентичность вырастает из коммуникации и выступает как «сложное переплетение коллективного, преломляемого через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное» (Леонтович 2017: 252). При рассмотрении вопросов взаимодействия языка, культуры, сознания и коммуникации особого внимания заслуживает лингвокультурная идентичность (Larina et al. 2017). Она проявляется в «языковом поведении, посредством которого пользователь языка вербализует концепции, ценности и схемы поведения, практикуемые в определенной лингвокультуре»¹ (Bilá et al. 2020: 347).

Словарный состав языка дает нам объективные данные о ключевых словах, называющих ценности обслуживаемой данным языком культуры (Bromhead & Ye 2020, Wierzbicka 1997), в том числе коммуникативные ценности, которые регулируют поведение людей и формируют дискурсивно-прагматические особенности. Слова содержат культурно маркированные значения, которые аккумулируют в себе закодированную в них информацию о психологии и ценностях этноса (Леонтович 2022: 51). Эти зафиксированные в сознании ценности регулируют коммуникативное поведение людей.

¹ Перевод наш. — Т.Л.

Как показали исследования в области кросс-культурной прагматики, одни и те же речевые акты в разных лингвокультурах совершаются по-разному, в соответствии с пониманием вежливости, разделяемым тем или иным социумом, и его нормами, соответствующими социокультурному контексту (например, Ларина 2009, 2025, Fernández-Mallat & Moyna 2025, Haugh & Chang 2019, Litvinova & Larina 2023, Malyuga & McCarthy 2021, Wierzbicka 2003 и др.). Данные факты свидетельствуют о социокультурной детерминированности коммуникативного поведения и являются очередным подтверждением взаимодействия языка, культуры, сознания и коммуникации.

Более того, культура является основным фактором, детерминирующим формирование вариантов плюрицентричных языков (Прошина 2026, Фирсова 2002). Исследования в области контактной вариантологии английского языка, приводят убедительные факты, показывающие, как представители местных культур адаптируют заимствованный ими английский язык к выражению своих культурных и коммуникативных ценностей (Botha & Bernaisch 2025, Nelson et al. 2020, Proshina & Nelson 2020, Soomro & Larina 2024 и др.).

3. Дискурсивно-прагматические исследования

Дискурсивно-прагматические исследования представляют собой своего рода объединяющее исследовательское поле, в котором рассматривается использование языка и его функционирование в институциональных, социальных, культурных, эмоциональных и иных контекстах. В результате объектами исследования становятся самые разные типы дискурса — бытовой, научный, медийный, религиозный, политический, юридический, дипломатический, медицинский, рекламный, гендерный, а также художественный дискурс, поэтический дискурс, кинодискурс и др. (см., например, Гриценко 2021, Зыкова 2021, Карасик 2022, Breeze 2020, 2014 и др.). Другими словами, дискурс-анализу подвергается язык, используемый во всех сферах жизнедеятельности человека.

В связи с цифровизацией общества появляются новые типы дискурса, исследующие коммуникацию в виртуальном пространстве — цифровой дискурс, интернет-дискурс, сетевой дискурс. В сфере внимания исследователей — креативность пользователей социальных сетей в использовании языка, новые языковые формы, влияние цифрового дискурса на систему литературного языка и его нормы, мультимодальные средства, предоставляемые цифровыми технологиями, социокультурные и психологические факторы, идеологии, лежащие в основе создания цифровых текстов и идентичности (см. Романова 2023, Vou-Franch & Blitvich 2019, Rhee 2023 и др.). Дискурс цифровых медиа изучает как создается и воспринимается этот вид дискурса, связывая лингвистические исследования с теоретическими основами коммуникации, политологии, журналистики и т.д. (Đorđević 2022).

Развитие цифровых технологий расширило возможности онлайн-коммуникации, в том числе межкультурной, что стимулировало интерес к изучению

онлайн-культур (Danet & Herring 2007, Lee 2017). Лингвисты опасались, что доминирование английского языка может привести к уменьшению культурного и языкового разнообразия в дискурсивных практиках. Однако, как показали многочисленные исследования, несмотря на имеющиеся сходства в он-лайн коммуникации, ее участники демонстрируют существенные культурные различия (Eslami et al. 2023, Rhee 2023, Xie et al. 2021 и др.). Таким образом, связь между языком, культурой и коммуникацией прослеживается также и в виртуальном контексте.

Данная взаимосвязь ярко проявляется в художественном дискурсе, который представляет собой особый способ эстетического и этнокультурного мировидения (Игнатенко 2025). Автор художественного текста выступает как представитель своей культуры и проявляет в нем не только авторскую, но и социокультурную идентичность. Более того, один и тот же текст, перенесенный в другой лингвокультурный контекст, может получить новое прочтение и наполнение, приобрести многочисленные поликодовые и мультимодальные интерпретации (Чеснокова и др. 2024).

Дискурсивный подход к анализу функционирования языка расширил исследовательское поле в том числе и за счет новых объектов исследования, среди которых — лингвокреативность в различных типах дискурса — художественном, поэтическом, рекламном, научном и др. (Зыкова 2021), стратегии вежливости в различных речевых актах и жанрах (Ларина 2009, 2025а,б), развитие и функционирование дискурсивно-прагматических маркеров (Floricić & Sokolova 2025, Heine et al. 2024, Traugott 2022), выражение эмоций в различных социальных и культурных контекстах и дискурсах (Игнатенко 2023, Alba-Juez & Haugh 2025, Mackenzie & Alba-Juez 2019, Ponton & Larina 2022 и др.), исследование метафоры на фоне широкого лингвистического, культурного и дискурсивного контекстов (Сунь и др. 2021, Kövecses 2005, Zibin & Solopova 2024), постколониальная лингвистика (Levisen 2024) и многое др.

4. Психолингвистические исследования дискурса

Теория дискурса является основой для многих направлений лингвистических исследований. Одной из этих областей стало изучение эмоций, сформировавшееся в лингвистику эмоций (Ионова 2022, Фирсова 2004, Шаховский 2015, 2018, Alba-Juez & Haugh 2025, Mackenzie & Alba-Juez 2019 и многие другие). Помимо вербализации эмоций, которые формируют модальную картину мира, обладающую этнокультурными особенностями (Игнатенко 2023, Gladkova 2013, 2022, Sakaba 2026, Wierzbicka 1999 и др.), в фокусе исследователей находятся семиотические, прагматические, дискурсивные аспекты эмоций в различных контекстах. Большой интерес представляют сопоставительные исследования по выявлению значений и функций эмоций в разных культурах (Pavlenko 2002, Ларина 2009, Леонтович, Якушева 2014).

Исследованию эмоций в дискурсе были посвящены несколько наших спецвыпусков (см. *Russian Journal of Linguistics* 2015, 1; 2018, 22 (1); 2021, 25 (3)), которые, наряду с растущим объемом литературы в области психологии, социологии и лингвистики свидетельствуют о том, что роль эмоций в разных сферах общественной жизни стала более заметной. Исследователи говорят об эмоционализации публичного пространства, т.е. об интенсификации и легитимации эмоций и эмоционального дискурса в общественных сферах жизни (Lerner & Rivkin-Fish 2021). Эмоционализация наблюдается как в повседневном межличностном взаимодействии, так и в институциональном, включая те сферы, для которых обращение к эмоциям еще недавно считалось нехарактерным, например, в дипломатическом, финансовом, экономическом дискурсах (Zappettini et al. 2021: 588). Эмоционализация наблюдается в средствах массовой информации, где эмоции используются как одно из важнейших средств убеждения (Zappettini et al. 2021), она стала неотъемлемой чертой политического дискурса (Breeze 2020 и др.).

Дискурсивно-прагматические исследования показывают важность эмоций в таких явлениях, как импликатура, ирония, юмор, метафора (см. Alba-Juez & Larina 2018), также при выражении позитивных и негативных оценок, семантика и прагматика которых могут не совпадать. Важность эмоциональной составляющей в коммуникации и многообразие функций эмоций побудили исследователей разделять эмоциональность и эмотивность, рассматривая их в аспекте вежливости, невежливости и грубости, а также выделять такую категорию, как *эмотивная вежливость* (Ларина 2019, Larina & Ponton 2022), которая определяется как «эмоциональная / эмотивная чувствительность и ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику» (Ларина 2025б: 121). Эмотивная вежливость пересекается с экологической эмотиологией, которая изучает приемы и методы эмоционального балансирования, амортизации конфликта, смягчения речевой агрессии, формирования способности к эмоциональной толерантности и т.д., ее цель — ориентировать участников коммуникации на позитивный вектор общения во всех его типах и сферах (Шаховский 2016).

Из других объектов исследования можно отметить использование эмоциональных слов и эмоциональных концептуальных метафор в различных контекстах и дискурсах, употребление и функции обценной и инвективной лексики, также эмотиконы в интернет-коммуникации, паузы и молчание как маркеры агрессивной речи и многое др. (подробно см. Alba-Juez & Larina 2018). Внимание исследователей привлекает эмотивность и эмотивная плотность в художественном дискурсе (Игнатенко 2023) как мультимодальное и прагматическое явление системных отношений языка.

5. Когнитивные исследования языка в эпоху цифровизации и другие вопросы

Соотношение языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, в порождении и интерпретации смысла высказывания в различных социокультурных контекстах — вопросы, которые продолжают интересовать исследователей, работающих в рамках мультидисциплинарной парадигмы (Золян, Тульчинский 2024, Золян и др. 2024). Когнитивные лингвистические исследования анализируют как человек воспринимает мир, концептуализирует знания и вербализует их, формируя языковую картину мира (Касевич 2026 и др.). Данные вопросы не могут рассматриваться в рамках одного исследовательского поля, поскольку связаны с философскими, социальными и психологическими аспектами, что встраивает лингвокогнитивные исследования в междисциплинарную парадигму. Это позволяет ученым не ограничиваться лингвистическим анализом и описанием изучаемых явлений, а находить объяснение полученным результатам и проследить взаимосвязь между языком, сознанием и коммуникацией.

Объектом когнитивных исследований, к которым не ослабевают внимание лингвистов, является метафора. Несмотря на наличие универсальных черт, метафора обладает ярко выраженными специфическими характеристиками в каждой лингвокультуре. Метафорическая вариативность свидетельствует о различиях в опыте народа, особенностях его взаимодействия с окружающими физическими объектами, которые отражаются в мировидении, закрепляются в языке и проявляются в метафорических единицах (см. Kövecses 2005, Leontovich et al. 2023, Paul et al. 2026, Zibin & Solopova 2024).

Важная роль в когнитивной лингвистике отводится искусственному интеллекту, который расширяет доступ к получению информации, обладает способностью обрабатывать и анализировать большие массивы лингвистических данных, моделировать когнитивные процессы, проверять и опровергать выдвигаемые гипотезы, распознавать речь. Концептуализация искусственного интеллекта в сознании людей и осмысление его роли в жизни общества обсуждаются в когнитивной и корпусной лингвистике, в медиалингвистике, в теории и практике перевода (Берникова, Кижаяева 2024, Галичкина 2024, Озюменко, Ларина 2025, Пуйнова, Kochetova 2024 и др.).

Помимо перечисленных, на конференции рассматривался широкий круг вопросов социолингвистического плана: взаимодействие языка и общества, влияние социальных процессов на язык, языковая политика, судьба миноритарных языков, контактная вариантология, статус вариантов плюрицентричных языков, языковой ландшафт и др. Традиционно большое внимание было уделено теоретическим и прикладным вопросам перевода, преподаванию и усвоению иностранных языков.

6. Статьи выпуска

Выпуск открывает теоретическая статья бразильского лингвиста Клаудио Марсио до Кармо «Системно-функциональная лингвистика и социальное познание: теоретический подход к взаимоотношению языка, общества и культуры». В ней предлагается модель взаимодействия системно-функциональной лингвистики (СФЛ) и социального познания, которая, по мнению автора, дает возможность выявить социальные, культурные и когнитивные причины, которые в совокупности влияют на семантику дискурса и способствуют эффективной коммуникации. Данный междисциплинарный подход позволяет определить роль языка в конструировании реальности на уровнях ситуативного и культурного контекста и указывает на то, что социальное познание является условием для понимания взаимосвязи лексической грамматики и дискурсивной семантики.

В статье Е.С. Гриценко «Язык и гендер: лингвистические, социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации» выявляются и анализируются ключевые парадоксы и противоречия, порождаемые практиками гендерно-инклюзивной коммуникации, которые возникают вопреки декларируемым целям равенства и уважения. В результате анализа англоязычных текстов различной жанрово-стилевой принадлежности установлено, что инклюзивная коммуникация порождает комплекс системных противоречий различной направленности: лингвистических (между стремлением стереть и одновременно умножить гендерные различия, что ведет к семантической тавтологии и нарушению конвенциональности языка); социальных (когда инклюзивность на практике оборачивается инструментом исключения инакомыслящих и маргинализации опыта традиционных групп); этических (включающих конфликт между идеологией самоидентификации и биологическими реалиями, а также навязывание англоцентричных моделей другим лингвокультурам). Интерпретация полученных результатов показывает, что инклюзивный язык является не только дискурсом власти, но и инструментом автокоммуникации, направленным на переопределение ядра культурной семиосферы и консолидацию «прогрессивной» идентичности.

Языковые контакты приводят к образованию вариантов плюрицентричных языков, в основе которых лежит культура и менталитет их пользователей. Однако статус этих вариантов не всегда однозначно определен. Статья З.Г. Прошиной посвящена одной из самых дискуссионных тем современной социолингвистики и контактной вариантологии — легитимности вариантов английского языка расширяющегося круга (*Expanding Circle*), которая неоднократно обсуждалась на страницах нашего журнала (Nelson & Proshina 2020, Shaibakova et al. 2023, Yelenevskaya & Protassova 2021 и др.). Автор ставит амбициозную задачу обобщить теоретические дебаты, представить новые данные и аргументировать признание таких идиомов, как русский английский и китайский английский, полноценными вариантами в рамках парадигмы мировых вариантов английского языка. Автор устанавливает факторы признания вариантов английского языка расширяющегося круга и определяет

основные функции и черты русского английского, на основе которых сделан вывод о легитимности его признания как варианта английского языка расширяющегося круга.

Две статьи данного выпуска посвящены проблеме взаимодействия человека с искусственным интеллектом — новой реальности нашего времени. Первая статья (Бальтезарович, Стошич, Михайлова) рассматривает использование ИИ при написании научной статьи, т.е. в одном из жанров научной коммуникации, участниками которой традиционно являются автор и читательская аудитория. Однако в цифровую эпоху опосредованным участником данной коммуникации часто выступает и искусственный интеллект, что ставит ряд проблем как правового, так и этического характера. Хотя настоящее исследование опирается на концепции и дискуссии, имеющие отношение к лингвистическим исследованиям, оно не ставит своей целью проведение подробного лингвистического анализа данных. В нем используется междисциплинарный подход, в рамках которого применение искусственного интеллекта рассматривается в первую очередь с юридической и этической точек зрения, что актуально не только для лингвистов, но и всех авторов научного текста. Д. Понтон и П. Мантелло рассматривают искусственный интеллект как синтетическую личность, участвующую в общении. В статье «Имитированные личности: креативность, подлинность и семиотическая активность в общении с искусственным интеллектом» они исследуют как пользователи приписывают или отрицают субъектность, эмоции и искренность по отношению к ИИ-партнерам и как эти конструкции различаются в разных культурных контекстах — английском и японском. Полученные результаты означают, что синтетическая личность — это не будущая возможность, а дискурсивное достижение, которое ставит вопросы более широкого плана о характере и культурном формировании взаимоотношений человека с ИИ.

Следующие две статьи исследуют метафору как ключевой инструмент для осмысления опыта и выражения социальных смыслов и идентичности. Иорданские исследователи Л. Халифах, А. Зибин и А. Альтахайнех изучают социолингвистическое использование метафор, связанных с едой, в иорданском диалекте арабского языка, фокусируясь на том, как они отражают и формируют представления о внешности, личности и социальных чертах. Исследование показало, что метафоры, связанные с едой, в иорданском арабском основаны на опыте и формируются такими социолингвистическими переменными, как возраст, пол и контекст. Количественный анализ выявил разницу в использовании пищевых метафор в возрастных и гендерных группах. Они свидетельствуют о том, что основной смысловой фокус этих метафор не является фиксированным, а интерпретируется в зависимости от конкретного культурного контекста, отражая и укрепляя культурные ценности. Индийские авторы — Н. Пол, А. Сатсанги и С. Гош — сравнивают концептуальные метафоры счастья в языках хинди и бенгали, исследуя, как социокультурные, религиозные и философские факторы способствуют формированию эмоционального смысла в двух культурах. Обе статьи вносят вклад в кросс-

культурные исследования метафор и предоставляют новые данные о взаимодействии языка, культуры и сознания.

Продолжает тему концептуализации эмоций статья Х. Сакаба. Свое исследование он проводит на материале японских глаголов и существительных, выражающих эмоции, которые рассматриваются в трех аспектах: (1) причина эмоции, (2) объект эмоции и (3) выражение эмоции. Используя Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ/NSM) (Gladkova, Larina 2018a, b), для описания семантических структур эмоций, автор предлагает семантическую модель, которая помогает систематически анализировать значение японских лексем, описывающих эмоции. Выявлены различия в частотности использования глаголов и прилагательных, обозначающих эмоции, которые интерпретированы в свете культурных установок по отношению к эмоциям в японском обществе. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию того, как носители разных языков концептуализируют и классифицируют эмоциональные переживания, что имеет важное значение для дальнейшего развития лексической типологии в области эмоций.

Завершает выпуск корпусное исследование Д. Джон и Е.В. Рахилиной, нацеленное на сопоставление русских устойчивых формул *мало ли (что)*, функционирующих как ответные реплики в диалоге, с типологически далекими от русского языка корейскими единицами и выявление наиболее точных и функционально сопоставимых аналогов. Показано, что понимание семантики и прагматики формул возможно лишь через анализ базовых конструкций и контекстов. Проведенное исследование позволило выявить и устранить непоследовательность в описании формул *мало ли (что)* в базах данных и уточнить их функциональные особенности. Предложенная методика уточняет описание русских формул и предлагает надежный подход к их сопоставлению с типологически далекими языками, в том числе корейским.

7. Заключение

Доклады участников конференции, как и статьи данного выпуска, показали, что междисциплинарность, которая предполагает взаимодействие многих научных областей, является важнейшей парадигмой в современных лингвистических исследованиях. Междисциплинарный подход обеспечивает выход ученых за рамки своих дисциплин, интеграцию методов, взаимообогащение знаниями из разных предметных областей, предоставляет новые исследовательские возможности и открывает новые перспективы.

Как отмечал В.И. Карасик, «классическая диада лингвистики — язык и речь — на современном, антропоцентрическом этапе раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение», а «в центре такого понимания предмета языкознания находится языковая личность, которая представляет собой носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей...» (Карасик 2022: 429). Опираясь на данное высказывание и слегка модифицируя его, можем заключить, что продолжение исследований в области взаимодействия языка, культуры, сознания

и коммуникации остается одной из центральных парадигм современной лингвистики, обращение к которой позволяет увидеть системность и логику в использовании языка представителями той или иной лингвокультуры в различных социокультурных контекстах. Антропоцентрическая парадигма сместила фокус исследований с системы языка на человека, включив в исследовательское поле его чувства, эмоции, отношения, мировоззрение и ту среду, в которой он осуществляет свою деятельность.

Развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта дают мощный толчок для междисциплинарных лингвистических исследований, предоставляют новые возможности, формируют новые парадигмы, но и ставят при этом важные вопросы правового и этического характера.

References / Список литературы

- Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: ЯСК, 2026. [Akhutina, Tatiana V. 2026. *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of lexicon, semantics, and pragmatics]. Moscow: YASK (Yazyki slavianskoï kul'tury). (In Russ.)].
- Берникова О.А., Кижаева Н.А. Искусственный интеллект и анализ настроений на арабском языке: поиск эффективных решений // *Арабистика Евразии*. 2024. № 1. С. 31–50. [Bernikova, Olga A. & Natalia A. Kizhaeva. 2024. Artificial intelligence and sentiment analysis in Arabic: Searching for effective solutions. *Arabistics of Eurasia* 1. 31–50. (In Russ.)].
- Галичкина Е.Н. Концептуализация искусственного интеллекта в российском медийном дискурсе // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2024. Т. 23. № 5. С. 124–137. [Galichkina, Elena N. 2024. Conceptualization of artificial intelligence in Russian media discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 23 (5). 124–137. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.10>
- Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // *Вопросы психолингвистики*. 2021. №3 (49). С. 60–73. [Gritsenko, Elena S. 2021. New trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in modern English. *Journal of Psycholinguistics* 3 (49). 60–73. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73>
- Игнатенко А.В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 1004–1014. [Ignatenko, Aleksander V. 2023. Emotive suggestiveness in contemporary Chinese fictional discourse: A case study of Yu Hua's to live (1992). *Oriental Studies* 16 (4). 1004–1014. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014>
- Игнатенко А.В. Параметры идиодискурсивного и лингвоэстетического художественного моделирования // *Russian Journal of Linguistics*. 2025. Т. 29. №3. С. 688–711. [Ignatenko, Aleksander V. 2025. Linguoesthetic and idiodiscursive dimensions of artistic modelling. *Russian Journal of Linguistics* 29 (3). 688–711. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43207>
- Ионова С.В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 3 (166). 2022. С. 221–226. [Ionova, Svetlana V. 2022. Linguistics of emotions in the context of

- modern scientific research. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University* 3 (166). 221–226. (In Russ.).
- Золян С.Т., Тульчинский Г.Л. Динамика смысла. Глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. [Zolyan, Suren T. & Gennady L. Tulchinsky. 2024. *Dinamika smysla. Glubokaya semioticheskaya i stereometricheskaya semantika* (Dynamics of meaning. Deep semiotics and stereometric semantics). Moscow: Izdatel'sky Dom YaSK. (In Russ.).]
- Золян С.Т., Тульчинский Г.Л., Чернявская В.Е. Прагмасемантика и философия языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. [Zolyan, Suren T., Gennady L. Tulchinsky & Valeria E. Chernyavskaya. 2024. *Pragmasemantics and philosophy of language*. Moscow: YASK. (In Russ.).]
- Зыкова И.В. (ред.). Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности. М.: «Р.Валент», 2021. [Zykova, Irina V. (ed.). 2021. *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: predely i vozmozhnosti* (Linguistic creativity in discourses of different types: Limits and possibilities). Moscow: R. Valent. (In Russ.).]
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. 2002. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (The linguistic circle: Personality, concepts, discourse). Volgograd: Peremena. (In Russ.).]
- Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: ЯСК, 2026. [Kasevich, Vadim B. 2026. *Kognitivnaya lingvistika: V poiskah identichnosti* (Cognitive linguistics: In search of identity). Moscow: YASK. (In Russ.).]
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: ЯСК, 2009. [Larina, Tatiana V. 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie angliiskih i russkih lingvokul'turnykh tradicii* (The category of politeness and communication style: A contrastive study of English and Russian lingua-cultural traditions). Moscow: YASK. (In Russ.).]
- Ларина Т.В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии // *Вопросы психолингвистики*. 2019. Т. 1. № 39. С. 38–57. [Larina, Tatiana V. 2019. *Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review*. *Journal of Psycholinguistics* 1 (39). 38–57. (In Russ.).] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57>
- Ларина Т.В. Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025а. Т. 16. № 2. С. 118–135. [Larina, Tatiana V. 2025a. *Emotive politeness in face-threatening speech acts: Cross-cultural perspectives*. *Slovo.ru: Baltic Accent* 16 (2). 118–135. (In Russ.).] <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-2-7>
- Ларина Т.В. Дискурсивный подход к исследованию вежливости: расширение парадигмы // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2025б. Т. 24. № 4. С. 5–16. [Larina, Tatiana V. 2025b. *Discursive approach to politeness: Expanding the paradigm*. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 24 (4). 5–16. (In Russ.).] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.4.1>
- Леонтович О.А., Якушева Е.В. Понимание — начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. М.: Гнозис, 2014. [Leontovich, Olga A. & Elena V. Yakusheva. 2004. *Understanding as the beginning of agreement: Intercultural family communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).]
- Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга. Волгоград: ПринтТерра Дизайн, 2022. [Leontovich, Olga A. 2022. *The Word and the Image in Search of Each Other*. Volgograd: Print Terra Design. (In Russ.).]

- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПб, 2004. [Lotman, Yury M. 2004. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)].
- Озюменко В.И., Ларина Т.В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2025. Т. 24. №1. С. 117–130. [Ozyumenko, Vladimir I. & Tatiana V. Larina. 2025. Artificial Intelligence in translation: Advantages and limitations. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* 24 (1). 117–130. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>
- Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (16). 2008. С. 7–20. [Plungyan, Vladimir A. 2008. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokah sovremennoyi korpusnoyi lingvistiki (The corpus as a tool and as an ideology: On some lessons of modern corpus linguistics). *Russkii Yazyk v Nauchnom Osveshchenii* 2 (16). 7–20. (In Russ.)].
- Прошина З.Г. Легитимность вариантов английского языка как неродного // *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 82–104. [Proshina, Zoya G. 2026. Legitimacy of varieties of English as a non-native language. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 82–104. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-47921>
- Романова Г.В. Влияние цифрового дискурса на формирование новой языковой реальности // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. (4). 6–14. [Romanova, Galina V. 2023. The Influence of digital disclosure on the formation of a new linguistic reality. *Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication* (4). 6–14. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/6-14>
- Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. [Sun, Yuhua, Oleg I. Kalinin & Aleksander V. Ignatenko. 2021. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 250–277. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277>
- Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. М.: Изд-во РУДН, 2000. [Firsova, Natalia M. 2000. *Yazykovaya variativnost' i natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya v ispanском yazyke*. (Language variation and ethnically cultural specifics of speech communication in Spanish). Moscow: RUDN Univ. Press. (In Russ.)].
- Фирсова Н.М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки: Колумбия, Эквадор, Пуэрто-Рико. М.: Муравей, 2002. [Firsova, Natalia M. 2002. *Ispanskii yazyk v ispanoyazychnykh gosudarstvakh Latinskoj Ameriki: Kolumbiya, Ehkvador, Puehrto-Riko* (Spanish in Spanish-speaking countries of Latin America: Colombia, Ecuador, and Puerto-Rico). Moscow: Muravei. (In Russ.)].
- Фирсова Н.М. Отражение национальных особенностей эмоций испаноязычных и англоязычных народов в вербальных средствах коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2004. № 6. С. 71–79. [Firsova, Natalia M. 2004. Otrazhenie natsional'nykh osobennostey emotsiy ispanoiazychykh i angloiazychykh narodov v verbal'nykh sredstvakh kommunikatsii (Reflection of national peculiarities of emotions of Spanish-speaking and English-speaking peoples in verbal means of communication). *Russian Journal of Linguistics* 6. 71–79. (In Russ.)].
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. [Shahovsky, Victor I. 2008. *Lingvisticheskaya teoriya ehmocii* (Linguistic theory of emotions). Moscow: Gnozis. (In Russ.)].
- Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016. [Shahovsky, Victor I. 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii*. Volgograd: Izd-vo IP Polikarpov, 2016. (In Russ.)].

- Dissonance in communicative sustainability: People, language, emotions. Volgograd: IP Polikarpov Publ. (In Russ.).
- Шаховский В.И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. 22 (1). 54–79. [Shahovsky, Victor I. 2018. The cognitive matrix of emotional-communicative personality. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 54–79. (In Russ.).]
- Шунейко А.А. Корпусная лингвистика. М., 2026. [Shunejko, Aleksandr A. 2026. *Korpusnaya lingvistika (Corpus Linguistics)*. Moscow (In Russ.).]
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2016. [Chernigovskaya, Tatiana V. 2016. *Cheshirskaya улыбка кота Shredingera: yazyk i soznanie. 2-e izd.* (The Cheshire cat's grin: Language and consciousness. 2nd ed). М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.).]
- Чеснокова О.С., Алонци Р., Гишкаева Л. Н. Песенно-поэтический текст Bella ciao в мозаике языков, культур и искусств // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. 28 (2). 365–390. [Chesnokova, Olga S., Roberta Alonzi & Luiza N. Gishkaeva. 2024. Song and poetic text Bella ciao in a mosaic of languages, cultures and arts. *Russian Journal of Linguistics* 28 (2). 365–390. (In Russ.).] <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37403>
- Эбзеева Ю.Н. QS саммит 2020 по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика»: Языки и миграция в условиях глобализации // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. №2. С. 299–316. [Ebzeeva, Yulia N. 2021. QS Subject Focus Summit 2020 on Modern Languages and Linguistics: Languages and migration in a globalized world. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 299–316. (In Russ.).] <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-299-316>
- Эбзеева Ю.Н., Солнышкина М.И., Патхан Х. Вариативность и функциональное многообразие дискурса в когнитивном аспекте // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 4. С. 767–796. [Ebzeeva, Yulia N., Marina I. Solnyshkina & Habibullah Pathan. 2023. Varieties and functional diversity of modern discourse in cognitive perspective. *Russian Journal of Linguistics* 27 (4). 767–796. (In Russ.).] <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37185>
- Alba-Juez, Laura & Tatiana Larina 2018. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 9–7.
- Alba-Juez, Laura & Michael Haugh (eds.). 2025. *The Sociopragmatics of Emotion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bilá, Magdaléna & Svetlana V. Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Bilá, Magdalena, Alena Kačmárová & Ingrida Vaňková. 2020. The encounter of two cultural identities: The case of social deixis. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 344–365. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-344-365>
- Botha, Werner & Tobias Bernaisch. 2025. World Englishes and sociolinguistic variation. *World Englishes* 44. 2–11. <https://doi.org/10.1111/weng.12695>
- Bou-Franch, Patricia & Pilar Garcés-Conejos Blitvich. 2019. *Analyzing Digital Discourse: New Insights and Future Directions*. 10.1007/978-3-319-92663-6
- Breeze, Ruth. 2020. Angry tweets: A corpus-assisted study of anger in populist political discourse. *Journal of Language Aggression and Conflict* 8 (1). 118–145.
- Bromhead, Helen & Zhengdao Ye. 2020. *Meaning, Life and Culture in Conversation with Anna Wierzbicka*. Australian National University. <http://doi.org/10.22459/MLC.2020>
- Danet, Brenda & Susan C. Herring (eds.). 2007. *The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online*. New York: Oxford University Press
- Đorđević, Jasmina. 2022. *Digital Media Discourse in Linguistic Research*. Niš, 10.46630/dmd.2022

- Druzhinin, Andrey S. 2025. Language, nature and entrapped cognition. *Russian Journal of Linguistics* 29 (1). 37–58. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40405>
- Eslami, Zohreh R., Tatiana V. Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fernández-Amaya, Lucia. 2019. Disagreement and (im)politeness in a Spanish family members' WhatsApp group. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 1065–1087. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-1065-1087>
- Fernández-Mallat, Víctor & María Irene Moyna (eds.). 2025. *Binaries in Address Research: Politeness and Identity Practices in Interaction*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins PC
- Floricić, Franck & Olga V. Sokolova. 2025. Pragmalinguistics: Corpora and discourse studies. *Russian Journal of Linguistics* 29 (4). 731–744. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-46503>
- Furkó, Péter Bálint. 2025. Pragmatic markers and ideological positioning in EUROPARL: A corpus-based study. *Russian Journal of Linguistics* 29 (4). 795–816. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-45985>
- Gladkova, Anna. 2013. 'Intimate' talk in Russian: Human relationships and folk psychotherapy. *Australian Journal of Linguistics* 33 (3). 322–343.
- Gladkova, Anna. 2022. Emotions and attitudes in present day Russian through the prism of new words: Cultural semantics of zhest' and related concepts. *Russian Journal of Linguistics*, 26 (4). 970–994. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32167>
- Gladkova, Anna N. & Tatiana V. Larina 2018a. Anna Wierzbicka, words and the world. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 499–520. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520>
- Gladkova, Anna N. & Tatiana V. Larina 2018b. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748>
- Goddard, Cliff. 2021. *Minimal Languages in Action*. Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-64077-4>
- Haugh, Michael & Wei-Lin Melody Chang. 2019. Indexical and sequential properties of criticisms in initial interactions: Implications for examining (im)politeness across cultures. *Russian Journal of Linguistics* 23 (4). 904–929.
- Heine, Bernd, Wenjiang Yang & Seongha Rhee. 2024. Discourse-pragmatic markers of (inter)subjective stance in Asian languages. *Russian Journal of Linguistics* 28 (4). 751–770. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-40718>
- Hofstede, Geert H. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- House, Juliane. 2006. Communicative styles in English and German. *European Journal of English Studies* 10 (3). 249–267. In Juliane House & Daniel Kádár (eds.), *Cross-cultural pragmatics*, 2021. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ingram, John C. L. 2007. *Neurolinguistics: An Introduction to Spoken Language Processing and Its Disorders*. Cambridge University Press.
- Kövecses, Zoltan. 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.
- Larina, Tatiana. 2015. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics* 7 (5). 195–215.
- Larina, Tatiana. 2025. Emotive politeness and communicative styles: Leave-taking in British and Russian interpersonal interaction. In Laura Alba-Juez & Michael Haugh (eds.), *The Sociopragmatics of Emotion*, 171–193. Cambridge: Cambridge University Press.

- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Svetlana Kurteš. 2017. I-identity vs we-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics* 13 (1). 195–215.
- Larina, Tatiana & Douglas Ponton. 2022. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research* 18 (1). 201–226.
- Lee, Carmen. 2017. *Multilingualism Online*. London & New York: Routledge.
- Leech, Geoffrey. 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
- Leontovich, Olga A. 2017. “A mirror in which everyone displays their image”: Identity construction in Discourse. *Russian Journal of Linguistics* 21 (2). 247–259. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259>
- Leontovich, Olga A., Oleg I. Kalinin & Alexander V. Ignatenko. 2023. Metaphor power and language typology: Analysis of correlation on the material of the United Nations declarations. *Training, Language and Culture* 7 (2). 21–29. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-21-29>
- Lerner, Lulia & Michele Rivkin-Fish. 2021. On emotionalisation of public domains. *Emotions and Society* 3 (1). 1–11. <https://doi.org/10.1332/263169021X16149420145743>
- Levisen, Carsten. 2024. *Postcolonial Semantics: Meaning and Metalanguage in a Multipolar World*. Berlin/Boston: de Gruyter.
- Litvinova, Angela & Tatiana V. Larina. 2023. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. *Training, Language and Culture* 7 (1). 116–130.
- Mackenzie, Lachlan J. & Laura Alba-Juez. (eds.) 2019. *Emotion in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Malyuga, Elena N. & Michael McCarthy. 2021. “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
- Nelson, Cecil L., Zoya G. Proshina & Daniel R. Davis. 2020. *The Handbook of World Englishes*. 2nd edn. Hoboken, N. J. : Wiley — Blackwell.
- Paul, Namrata, Abhijeet Satsangi & Sanjukta Ghosh. 2026. Metaphorical landscapes of HAPPINESS: A cognitive semantic analysis in Hindi and Bangla. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 171–203. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43493>
- Pavlenko, Aneta. 2002. Emotions and the body in Russian and English. *Pragmatics and Cognition* 10 (1). 202–242.
- Poole, Robert. 2022. *Corpus-Assisted Ecolinguistics*. Bloomsbury.
- Poole, Robert. 2025. Ecolinguistics: Consolidating a research paradigm. *Russian Journal of Linguistics* 29 (1). 6–16. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43172>
- Ponton, Douglas M. 2024. *Exploring Ecolinguistics: Ecological Principles and Narrative Practices*. Bloomsbury.
- Ponton, Douglas & Peter Mantello. 2026. Simulated selves: Creativity, authenticity and semiotic agency in AI companionship. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 124–144. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42427>
- Proshina, Zoya G. & Cecil L. Nelson. 2020. Varieties of English and Kachru’s Expanding Circle. *Russian Journal of Linguistics: World Englishes in the Expanding Circle* 24 (3). 523–550.
- Rhee, Seongha. 2023. Politeness and impoliteness in social network service communication in Korea. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 39–66. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32031>
- Sakaba, Hiromichi. 2026. Conceptualization of emotion in Japanese: Adjectives vs. verbs. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 204–229. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42740>

- Shaibakova, Damina, Ekaterina Protassova & Maria Yelenevskaya. 2023. Linguistic pluricentrism and the Russian language. *Russian Journal of Linguistics* 27 (3). 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>
- Traugott, Elizabeth Closs. 2022. *Discourse Structuring Markers in English*. Amsterdam: John Benjamins.
- Wierzbicka, Anna. 1997. *Understanding Cultures through their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 1999. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2003 [1991]. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2nd ed-n. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Xie, Chaoqun, Francisco Yus & Hartmut Haberland (eds.). 2021. *Approaches to Internet Pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins
- Yelenevskaya, Maria & Ekaterina Protassova. 2021. Teaching languages in multicultural surroundings: New tendencies. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 546–568. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-546-568>
- Wilce, James. 2009. *Language and Emotion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zappettini, Franco, Douglas Ponton & Tatiana Larina 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 586–610
- Zibin, Aseel & Olga A. Solopova. 2024. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. *Russian Journal of Linguistic* 28 (1). 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837>

Article history:

Received: 18 January 2026

Accepted: 25 February 2026

Bionote:

Tatiana V. LARINA is Doctor Habil., Full Professor at RUDN University, Moscow, Russian Federation. Her research interests embrace interaction of language, culture and communication, the theory of politeness and impoliteness, cross-cultural pragmatics and communicative ethno-styles. She has authored and co-authored monographs, book chapters, and numerous articles in peer-reviewed journals, including *Intercultural Pragmatics*, *International Review of Pragmatics*, *Journal of Politeness Research*, *Language and Communication* among others.

e-mail: larina-tv@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Сведения об авторе:

Татьяна Викторовна ЛАРИНА — доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация. Ее исследовательские интересы включают взаимодействие языка, культуры и коммуникации, кросс-культурную прагматику, теорию не/вежливости и этнокультурные стили коммуникации. Она является автором и соавтором многочисленных публикаций, включающих монографии, главы книг и статьи в международных рецензируемых журналах, в том числе в *Intercultural Pragmatics*, *International Review of Pragmatics*, *Journal of Politeness Research*, *Language and Communication* и др.

e-mail: larina-tv@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-48784>

EDN: AASDFR

Research article / Научная статья

Systemic functional linguistics and social cognition: A theoretical approach to the relationship between language, society and culture

Cláudio Márcio do CARMO

*Federal University of São João del-Rei, São João del-Rei, Minas Gerais, Brazil
National Council for Scientific and Technological Development, Brasília, Brazil*

 claudius@ufsj.edu.br

Abstract

In this article, I argue in favor of strengthening the relationship between Systemic Functional Linguistics (SFL) and Social Cognition in order to answer the following question: how could we extend the understanding of how linguistic choices are affected or complemented cognitively? I thus attempt to integrate the views introduced by SFL and Social Cognition by recognizing that the categories from the former, added to the principles of the latter, may lead researchers in linguistics — both theoretical and applied — to a broader field of comprehension which may have some impact on all ways of apprehending the social element. The study draws on categories proposed by SFL as well as the propositions of Social Cognition. I assume, therefore, that there are social, cultural, and cognitive reasons that, if integrated, impact discourse semantics in a manner that contributes positively to an effective communication. That is why a few elements from sociology — egological perspective, dialectic perspective of social reality, sociocultural memory — are used to explain aspects of the social construction of reality and to support the discussions undertaken, in addition to providing some input to answer the following questions: (1) what is the relationship between SFL and Social Cognition, and (2) what does this relationship imply for our analyses? These reflections point to the role of language in the construction of possible worlds on levels that permeate the situational and cultural contexts and indicate that social cognition is a condition for understanding the interrelationship between lexicogrammar and discourse semantics.

Keywords: *social cognition, systemic functional linguistics, society, culture, discourse*

For citation:

Carmo, Cláudio Márcio do. 2026. Systemic functional linguistics and social cognition: A theoretical approach to the relationship between language, society and culture. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 33–54. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-48784> EDN: AASDFR

© Cláudio Márcio do Carmo, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Системно-функциональная лингвистика и социальное познание: теоретический подход к взаимоотношению языка, общества и культуры

Клаудио Марсио до КАРМО

*Федеральный университет Сан-Жуан-дель-Рей, Сан-Жуан-дель-Рей,
Минас-Жерайс, Бразилия*

Национальный совет по научно-техническому развитию, Бразилия, Бразилия

 claudius@ufsj.edu.br

Аннотация

В данной статье предлагается модель взаимодействия системно-функциональной лингвистики (СФЛ) и социального познания с целью ответа на вопрос, можем ли мы расширить понимание того, как языковой выбор подвергается когнитивному воздействию или дополнению. Таким образом, предпринята попытка интегрировать положения СФЛ и социального познания, полагая, что категории первой, добавленные к принципам второй, могут привести лингвистов — как теоретических, так и прикладных — к более широкой области понимания, которая может оказать определенное влияние на все способы восприятия социального элемента. Исследование опирается на категории, предложенные СФЛ, а также на положения социального познания. Делается предположение о том, что существуют социальные, культурные и когнитивные причины, которые в совокупности влияют на семантику дискурса и вносят положительный вклад в эффективную коммуникацию. Для объяснения аспектов социального конструирования реальности и поддержки проводимых дискуссий используются некоторые понятия социологии — эгологическая перспектива, диалектическая перспектива социальной реальности, социокультурная память. Они также помогают ответить на следующие вопросы: (1) какова связь между СФЛ и социальным познанием и (2) что эта связь подразумевает для нашего анализа. Данные размышления указывают на роль языка в конструировании возможных миров на уровнях, пронизывающих ситуативный и культурный контексты, и на то, что социальное познание является условием для понимания взаимосвязи лексической грамматики и дискурсивной семантики.

Ключевые слова: *социальное познание, системно-функциональная лингвистика, общество, культура, дискурс*

Для цитирования:

Carmo, C.M. Systemic functional linguistics and social cognition: A theoretical approach to the relationship between language, society, and culture. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 33–54. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-48784> EDN: AASDFR

1. Introduction

This article argues in favor of strengthening the relationship between Systemic Functional Linguistics (SFL) and Social Cognition to answer the following question: how could we extend the understanding of how linguistic choices are affected or complemented cognitively? It aims to integrate perspectives from Systemic Functional Linguistics (SFL) and Social Cognition by recognizing that the categories of the former, added to the principles of the latter, may change the

direction of research in linguistics — theoretical or applied, thus impacting all areas of society by offering a basis on which to clarify a range of topics and elements associated with the relationship between language, society, and culture in conjunction with a cognitive view. The ideas that instigated this text have increased since the end of the 2000s, with the first concerns being presented at the 4th Conference of the Latin American Systemic Functional Linguistics Association (ALSFAL), which was held at the Federal University of Santa Catarina (UFSC) in 2008 (see Carmo, 2008). Furthermore, it is important to highlight, in this sense, interdisciplinary and transdisciplinary approaches to studies in socio-cognitive pragmatics (e.g. Bilá & Ivanova 2020, Kecskes 2010, 2016, and Senft 2014, 2020).

An approach that differs from the previously dominant paradigm — represented, for instance, by Noam Chomsky’s biological basis — does not primarily mean forgoing the relationship that can be established between an instrumentalizing perspective based on human communication, such as Systemic Functional Linguistics (SFL), and the social activities that one performs when knowingly incorporating/learning a linguistic repertoire, especially the situations attached to this repertoire.

This is not to advocate a closure, but a (re)opening of a space for reflection to think about an interface between SFL and the premises of Social Cognition. In other words, the basis of SFL does not exclude the possibility of considering lexicogrammar as constituted by and imbued with a Social Cognition that seeks to guarantee the mutual understanding of its forms in a given society and culture, thus featuring a large repertoire of possibilities that users can choose to employ, according to a certain context.

In this article, I will seek to guide categories proposed mainly by Halliday (1994) and Halliday & Matthiessen (2004, 2014) toward the propositions of Social Cognition, especially according to Augoustinos, Walker & Donaghue (2006), Smith & Semin (2004), and Garrido, Azevedo & Palma (2011). I will then reflect on the linguistic, social, and cultural relevance of this integration.

In order to organize these reflections, the text is divided into three sections: (1) Main principles and categories in Systemic Functional Linguistics; (2) Main principles and categories in Social Cognition; and (3) Mind, language, and society: the search for integration and the construction of a space for reflection, followed by final considerations and references.

2. Main principles and categories in Systemic Functional Linguistics

This section draws mostly on Halliday (1985a, 1985b, 1994), Halliday and Hasan (1976, 1993), Halliday & Matthiessen (1999, 2004, 2014), and Matthiessen & Halliday (2009). It also takes into account Eggins (2004), Fuzer & Cabral (2014), Lock (1996), Martin (1997, 2001, 2017), Martin et al. (1997), and Thompson (2014) as references in order to understand, consider, and review SFL.

Systemic Functional Linguistics (SFL) was developed by the linguist Michael Alexander Kirkwood Halliday (1925–2018) in order to become “an analysis-

synthesis of grammar based on the paradigmatic notion of choice, built upon the work of Saussure, Malinowski and Firth, Hjelmslev, the Prague School and American anthropologist linguists Boas, Sapir, Whorf; with J. R. Firth as the main inspiration” (Halliday 1985b: 30). Regarding its recognition as an important theory in language studies in general, Schleppegrell (2012: 21) claims that this is due to the fact that “SFL recognizes the powerful role language plays in our lives and sees meaning-making as a process through which language shapes, and is shaped by, the contexts in which it is used”. Fuzer & Cabral (2014) explain that SFL is not only systemic, as it sees language as networks of linguistic systems that are interconnected to provide resources for the construction of meanings and for doing things in the world, but also functional, as it explains grammatical structures in relation to meaning, that is, with regard to the functions of language performed in and by texts.

This approach sees language as functional by perceiving it as a means of constructing meanings, thus being concerned with the impact that it may have on the context. The perception of language use from a socio-semiotic perspective focuses on meaning as constituted by the choices that produce social meanings.

Halliday (2015: 19) explains that “in any one semiotic event, many ‘moments’ of choice will be activated across many locations within the total architecture of the language”. Meanwhile, Bache (2015: 73) understands “choices in text production as ‘communicatively motivated’ (...) *as motivated means to a communicative end.*” Thus, Fontaine (2015: 113) draws attention to the fact that choice as selection is “a recursive process in the language system as the selection of semantic options,” and, therefore, choice is perceived as a complex function.

For SFL, language is a social and cultural product that presupposes attitudes, values, experiences, and behaviors, for example, as it derives from the necessity of satisfying the needs of those who make use of the linguistic system. SFL is concerned with how language is structured for use, so its point of view is based on the idea of interaction, of communication between those who make use of the linguistic system for different propositions, in different contexts and situations. As Martin (2017: 54) summarizes: “SFL has evolved as a theory of language foregrounding paradigmatic relations as the basic organizing principle of both theory and description.” SFL thus shifted the focus to the functional aspect of language through what are called *metafunctions*, which are *ideational* (subdivided into *experiential* and *logical*), *interpersonal*, and *textual*. These metafunctions are based, respectively, on the perception that language is used (1) to organize, understand, and express ways of perceiving the world from our own perspective, in the sense of our way of seeing what surrounds us and of doing things (ideational metafunction); (2) to participate in communicative events with other people, in order to allow the reciprocal expression and understanding of our feelings, attitudes, judgments, and status (interpersonal metafunction); and (3), finally, to organize information in oral or written texts, in order to enable its understanding, in a cohesive and also coherent way (textual metafunction).

Such a way of thinking requires one to rethink the status of the clause, as each metafunction focuses on a different view: the ideational metafunction views it as representation; the interpersonal as an exchange; and the textual as a message. This way of seeing the clause, in turn, has a direct impact on the way of perceiving lexicogrammar, since it imposes seeing the linguistic forms also in a particular way, that is, within interactional, social, and cultural propositions, to the extent that relationships are established in social practices. That is why language and the social context need to be seen as semiotic levels that complement each other and are integrated. In other words, it is, above all, a socio-semiotic perspective to understand how we produce and interpret the semantic unit that we call text. This means that the basic functions of language are specifically related to the micro and macro contexts in which language itself is used, being closely linked with the social context by “making sense of our experience, and acting out our social relationships” (Halliday & Matthiessen 2014: 30).

This relationship evokes concepts and analytical categories that seek to explain the *social context*, dividing it into the *situation context*, which is linked to the concept of *register* and is studied in terms of the variables *Field*, *Tenor*, and *Mode*; and the *cultural context*, which is linked to the concept of genres. These two contexts combined generate and allow human action/activity in a given society and culture. Such variables in the *register* impact the constitution of genres, as they motivate linguistic choices within the genre. *Field* refers to what takes place, that is, the topic and nature of social action; *Tenor* concerns the participants in the interaction, those who take part in the communicational act; and *Mode* refers to the expectations that each participant has, what each one expects from language in a certain situation.

Thompson (2014) views Register as varying according to use and explains that one only uses configurations of recognizable linguistic resources in certain contexts. This leads him to define genre as a summation of the Register plus a proposition that makes it possible to recognize what the interlocutors are doing through language and how they organize the linguistic event to successfully complete the proposition. It is in this context of greater use of language that the lexicogrammar of language is allocated, because it provides the overall number of possible choices according to rules that are systematically and functionally connected to the communicative needs of those who use the system. Lexicogrammar is, therefore, a source for the production of meanings. For SFL, these choices are made in terms of systems connecting to metafunctions and to their corresponding register variables. The ideational metafunction is linked to the Field and is carried out through the transitivity system. The Interpersonal relationship concerns the Tenor variable and is realized through the systems of Mood and Modality; and, finally, the textual metafunction concerns the Mode variable, which is realized through the theme-rheme structure and the system of information.

The ideational metafunction is based on the fact that the clause can model experience and, therefore, reality would be shaped/made through Processes (verbs

in Traditional Grammar). Thus, the approach to experience must be made from the category of transitivity. Halliday (1985a, 1994) and Halliday & Matthiessen (2004, 2014) recognize three main types of processes: (1) *Material*, (2) *Mental*, and (3) *Relational*; and three minor types: (a) *Behavioral*, (b) *Verbal*, and (c) *Existential*. The three latter ones are considered processes bordering the main ones; therefore, they share characteristics from both sets. If one assumes a certain ambivalence that even makes it difficult to classify these procedural categories, since it arises from the characteristics of two other processes, the Behavioral would be between the Material and the Mental, the Verbal between the Mental and the Relational, and the Existential between the Relational and the Material. These processes evoke a specific type of participant. The Material process would evoke an *Actor* and/or a *Goal*, a *Beneficiary*, a *Scope/Range*, a *Recipient*, a *Client*, and sometimes an *Attribute*; the Mental process, a *Senser* and a *Phenomenon*; the Relational process, a *possessor* and a *possessed*, a *Token* and a *Value (identifier and identified)* or a *Carrier* and *Attribute*; the *Behavioral* process, a *Behaver*; the *Verbal* process, a *Sayer* and *Verbiage* — sometimes a *Receiver* or a *Target*; and the *Existential* process, an *Existent* (see Halliday 1985a, 1994, Halliday & Matthiessen 2004, 2014). Circumstances could occur freely in all types of clauses, regardless of the process.

For Halliday (1985a, 1985b, 1994) and Halliday & Matthiessen (2004, 2014), within the interpersonal metafunction, during Mode analysis, the researcher would stick to two main categories: the *Subject*, whom the speaker wants to become responsible for the value of proposition, and the *Finite*, which expresses the Deicticity of the process in relation to the speaker and the now (past, present, and future), and the judgment of the Speaker (*Modality*: Probability, Usuality, Obligation, and *Inclination*: high, medium, or low). What remains after the analysis of the Subject and the Finite is called *Residue*. In terms of Polarity, the Modality should be analyzed as a *Modulation*, which is related to the area of meaning between yes and no, including both yes and no.

The main category of analysis in the textual metafunction is the *theme-rheme* sequence. The *theme* is the starting point of the sentence and extends to the first element that has a function in transitivity, while the *rheme* is, *roughly speaking*, the information that remains after the theme has been removed. From the point of view of an information system, one can work towards two other remaining concepts from the Prague School: the *Given* and the *New*, which are analyzed from the tonal group emitted by the speaker, with the new component coming at the end and or not coming with any data component. Another category of this metafunction concerns textual cohesion, whether grammatical or lexical (see Halliday & Hasan 1976).

Furthermore, with regard to the textual metafunction, complex clauses are also addressed using two systems: Tactical and Logical-Semantic. Understood as two organizational axes, the former is constructed by two types of interdependence: *paratactic* and *hypotactic*. The relationship is established between elements of the same status (*paratactic*) or unequal status (*hypotactic*), as one element changes the

other. In the latter case — a *Logical-Semantic system* — the relations established between the elements of a complex clause occur by means of either *expansion* or *projection*. Through *expansion*, one clause can expand another, while through *projection*, one clause projects itself onto the other, thus functioning as a representation introduced by the transitivity of an element in the clause to which it is linked within a clause complex. Matthiessen & Teruya (2024) presented a thoroughly updated review of SFL.

3. Main principles and categories in Social Cognition

This section seeks to integrate the general principles and categories of what has been called *Social Cognition*, adopting mainly the position of Augoustinos, Walker & Donaghue (2006), who explain that Social Cognition is a branch of Social Psychology and has, in recent times, terminologically supplanted this nomenclature in use. To begin, the major problem pointed out is that Social Psychology is not always well viewed due to its sweeping principles originating from disciplines that are considered unreliable: Psychology and Sociology. Garrido, Azevedo & Palma (2011: 27) summarize that “Social Cognition emerged in the mid-70s as a generic conceptual approach to understand and explain how people make sense of themselves and of others and how such perceptions explain, predict and shape their social behavior.” However, studies such as those by Smith & Semin (2004) highlight the value of Social Cognition as a way to integrate other approaches that focus on emotional, motivational, and bodily constraints, as well as the situational effects on cognition itself, understood as the fundamental regulatory elements of that cognition, rather than additional sources of information to be processed. Therefore, when one thinks about SFL and its proposal for the production of a grammar that addresses human experience, one thinks that it productively encompasses thinking about the relationship between language, society, and culture, which provides inputs for understanding the regulation not only of linguistic behavior, but also of experiencing and producing meaning in society. It thus constitutes a socio-semiotic approach that can make use of what Social Cognition proposes.

Even from the perspective of the so-called “individual,” cognition itself can and should be thought of as a dialectical space of cultural apprehension, which is, in turn, seen as a factor of development, since language itself is part of it as a sign and as more than an instrument for interaction. It is through language that culture in general and experiences are exchanged. This already displaces the conventional way of perceiving culture, which can only be learned dialectically, even though it is continuously (re)articulated by the individual due to the social context, which requires collective thinking and group interaction.

The main argument of Augoustinos, Walker & Donaghue (2006) in support of Social Cognition rests on the fact that the reconciliation and integration of the individual and society can result in a more profound, reflective, and dynamic understanding of human experience. The authors demonstrate the contributions of

three major approaches that influenced the development of this field: the Theory of Social Identity, the Theory of Social Representations, and Discursive Psychology. These approaches are pertinent due to their emphasis on the social aspect, which facilitates the attainment of socio-interactive objectives through the formation of social groups that share common representations of the world, thereby unifying them. This represents a departure from other orientations within cognitive approaches that employ divergent methodologies in addressing this subject. These approaches may utilize analytical principles such as conscious and unconscious concepts, which appear to be superfluous when attempting to establish a connection between Social Cognition and SFL.

Cleeremans (2001) points out that characterizing conscious processes is one of the most important goals in cognitive psychology, but he also highlights the difficulty of exploring the nature of consciousness, whether in the functional approach to the brain in neuronal terms, the behavioral approach, or through computational resources, when cognition is considered to be linked to the dichotomous concepts of conscious and unconscious. Therefore, the author reviews experimental works in order to question the extent to which cognition can occur unconsciously. The author concludes that the study of the differences between conscious and unconscious processes is an area of Cognitive Neuroscience and that, from this point of view, what is called the unconscious process may be better characterized as the indirect effects of the conscious process itself.

Kayes (2002), from an educational point of view, discusses ways to analyze and perceive the role of experience in learning management. To do so, he revises the concept of experience to more clearly consider its relationship to the personal and social elements (tacit or explicit) of knowledge itself. Starting with a theoretical reconceptualization that considers several previous theories about the subject, he then defines experience within the context of language and social action. According to a large portion of the literature in learning management, learning is involved in the processes of action, reflection, and experience. Thus, learning involves an interactive game between two interdependent dimensions of knowledge, acquisition and transformation, which require an individual to dialectically solve this game in the form of competition, that is, in a tension involved in the acquisition of knowledge itself: apprehension (concrete experience) *versus* understanding (abstract conceptualization). Soon, new experiences will be added to those which the individual has already undergone, especially in environments where competition will have an impact on the professional construction of the individual.

Although one must keep in mind that, due to different orientations, there does not seem to be any consensus on this topic, the relevant literature tends to think of cognition as something usually considered from certain processes involving specific cognitive factors such as attention, perception, memory, reasoning, judgment, imagination, thought, and language. Greco (2002) defines perception as an input of sensory impression into consciousness. Perception itself can also be understood from the interactional point of view, since it involves what is present in

the environment, because what gives input does not originate, a priori, in the individual, but in the way that an experience is absorbed and reactivated whenever something even partially recognizable happens once again. Therefore, according to Magill (1984), we must understand perception not as a condition, but as a capacity for knowledge and an interpretation of the stimulation that enters the information processing system. This is what makes us use attention mechanisms to keep these stimuli in order to provide us with recognizable forms of the situations experienced, and one can compare them at other times. These must be kept in memory, from which one will access the acquired knowledge. When one processes new information, one will then be able to reason, think, or imagine if this or that knowledge/experience matches a certain situation, society, and culture, thus enabling one to make decisions, make choices, and act according to what one considers most appropriate. This is marked in lexical-grammatical choices, in accordance with the provisions of Systemic Functional Linguistics. As Godinho et al. (1999) alert us, one should not understand memory only as a place where one stores something, but as a human faculty of organization and separation of information and stimuli that one receives. Thus, one can always see it from an interactional and (re)articulatory point of view of knowledge and lived experiences.

The idea of social cognition has been used to try to understand how people think of themselves as members of a group and to consider society, culture, and the world itself. Ultimately, it seeks to describe different ways of selection, interpretation, and memory, so as to provide and use social information to make judgments, choices, and decisions. A constitutive social cognition would also directly impact the language choices one makes when interacting, as one makes a selection in the lexicogrammar that best conveys one's experiences to others. When one grasps something and realizes the best way to externalize it, one moves one's experiential knowledge, which provides one with informative material about the environment in which one lives, and, through social cognition, one searches for registers to make communication viable. From there, one moves to the social context and selects the linguistic material for the externalization of one's experience.

Just as one acquires a repertoire of linguistic structures with potential significance, from which, through choices, one gives functionality to the linguistic system, one also needs to acquire a repertoire of situations that have to do with the attitudes one should/can take when faced with them. In other words, there are two types of acquisition: a linguistic one, through which, in the production of meaning, in the articulation of lexicogrammar, one conveys experiences, interacts, and organizes one's texts (oral or written, in the form of textual-discursive genres); and another one, of different situations, that one would keep according to sociocultural standards, which would appear in other moments and environments in order to be recognized, (re)articulated, and/or (re)produced and/or modified contextually. There is one repertoire represented in lexicogrammar and another represented in the

form of what is here called social cognition. This means that the interaction/communication would be linked to a “systemic-functional cognitivism.”

As Augoustinos, Walker & Donaghue (2006) explain, several theories have contributed to highlighting, in different ways, the categories used by Cognitive Science, no longer focusing on the idea of an individual mind but rather on the nature of cognition. It is in this direction that the main analytical categories of Social Psychology began to migrate. While these categories were initially understood as indisputable and perceived directly through physical and intra-individual characteristics, they are now increasingly seen as interchangeable and negotiated both socially and culturally. Thus, these categories are legitimized insofar as they are articulated in society, but they start from worldviews present in social cognition. If there are stereotyped categories, such as “black,” “obese,” or “disabled,” among others, it is because, in some way, they are in dialogue with a superordinate category, as highlighted by the theory of Social Cognition.

According to Augoustinos, Walker & Donaghue (2006), the concepts of schema, category, and stereotype are central to Social Cognition in order to understand how people make sense of the social world in a systematic and organized way. At first seen as cognitive structures in experimental research, schemas/prototypes, social role schemas, self-schemas, and scripts have recently been researched not with models of social perception, but through more pragmatic approaches in order to highlight the oriented and motivated nature of thought itself. In this context, Social Representations Theory considers these concepts as a set of systems of meanings that are modeled culturally, historically and politically, while Discursive Psychology views them as topics of conversation, that is, as a social practice externalized through language from the choices made by the interacting individuals.

Another important concept is *attitude*, because “attitudes are general evaluations that people make of people, places, objects and issues” (Loewenhaupt & Iglesias 2018: 280). In traditional approaches to social cognition, attitude is a stable cognitive structure that assesses an object, person, or issue. However, this concept has different connotations: in (1) the Functional Approach, attitudes are markers of social identity that include the group as a whole and influence behaviors; in (2) Social Representations Theory, attitudes are reinstated as characteristics arising from interaction and dialogue; — and in (3) Discursive Psychology, attitudes are understood as evaluative practices that have an impact on interaction. Such a reanalysis has also been performed regarding the social motivation of attributions, which were previously seen as implicit and constructed by the individual in daily life. For Social Identity Theory, there are sets of attributions that people make based on group identification and intergroup relationships, such as class, ethnicity, social gender, and religion, for example. For Social Representations Theory, attributions are not perceptual or individual cognitive judgments, but systems of cultural meanings modeled collectively. Finally, for Cognitive Psychology, attributions originate in discursive practices and therefore need to be studied in light of social

interaction. This is the reason why Social Cognition, as it is asserted today, approaches prejudice, for example, not as an authoritarian personality but rather as something brought about by a social orientation that aims to be dominant in relation to others. Fiske & Taylor (1991: 13) draw attention to the fact of

a fully engaged thinker who has multiple cognitive strategies available and chooses among them based on goals, motives, and needs: sometimes the motivated tactician chooses wisely, in the interests of adaptability and accuracy, and sometimes the motivated tactician chooses defensively, in the interests of speed or self-esteem.

As Augoustinos, Walker & Donaghue (2006: 384) conclude, research on cognition is based on different levels, namely: intraindividual, interindividual, intergroup, and collective. Although it is clear that, on the intra-individual level, it is not possible to approximate Social Cognition and SFL, on other levels, with an orientation towards the meaning and function of language in the construction of social relations, it does seem possible to relate them through reflection on the assumptions of the theories previously discussed, as explored in the next section. Recent research, such as that of Gladkova & Larina (2018), Bilá & Ivanova (2020), and Eslami, Larina & Pashmforoosh (2023), demonstrates the importance of approaches that focus on the relationship between language, society, and culture, as well as the proposal undertaken here, which will be developed in the following section.

4. Mind, language and society: The search for integration and the construction of a space for reflection

As previously mentioned, in an attempt at integration, this paper starts from studies of the social nuance of SFL, as demonstrated in Martin et al. (1997) and Gouveia (2006). Gouveia (2006) points out that Halliday sought a dialogue with Noam Chomsky, proposing a form of linguistics concerned with “a linguistics of consumable knowledge,” that is, a linguistics that was instrumental as opposed to genetic, the latter of which restricted our grammars and their combinatorial rules. He thus shows that the orientation of a functional grammar is social rather than biological. However, in terms of attitude, faced with the choices made among the possibilities offered by the system, the guarantee of success among interlocutors could/should be connected to a social cognition in the following sense: a choice in the linguistic system made by the speaker will depend on his/her probable aims — which is still a mental aspect, although it is more related to the non-arbitrariness of the use of the forms and the effects of the meaning produced. For its part, the meaning is related to the performative aspect of its organization in the sense that speakers need, at the very least, to anticipate the likely interpretation that their interlocutors may make of their choices in propositional terms.

From a functionalist perspective, Dik (1989) asserts, for instance, that the language system and the use of language are interconnected but distinct, since

interaction between people is extremely complex and calls into question any simplistic or definite response about what is involved in verbal exchange or about the probable/possible greater relevance of any constituent elements in that process. He thus rejects a description of language in which participants can only be perceived and understood within the interaction situation, which is itself determined socio-culturally. This involves a mobilization of elements from different spheres. In verbal interaction, between the probable intention of the addressee speaker and the interpretation by the recipient listener, there is a linguistic expression that must be understood as mediation, as a grammar of the language viewed as something emerging from this situation, as pointed out by Hopper (1988, 2012). Dik (1989) explains that linguistic expression is a function of three interconnected elements: (1) the speaker's intention, (2) pragmatic information, and (3) the speaker's anticipation of the listener's interpretation. This interpretation, for its part, would already be a function (1) of linguistic expression, (2) pragmatic information, and (3) conjectures about the speaker's intentions, as well as the listener's operations during the interaction.

For this reason, the relevance of social cognition can be recovered, albeit in SFL, in the contexts of situation and culture, because these operations must also be performed by the interlocutor. That is, social cognition starts from the principle that interlocutors have command of the linguistic system — as a system of choices — and therefore will be able to understand the proposition made, because they know the lexicogrammar of language in its performative aspect. It can thus be deduced that there are expectations for the choice and for the specific use of a form of expression. There must be a whole recognizable social and cultural conjuncture — social cognition — that can, in the search for and anticipation of the probable “intentions” or communicative aims of the speaker, try to “guarantee” the mutual understanding of the proposition. In other words, there are expectations, based on a group or collective knowledge. Unlike an egological perspective such as that of Schütz (1979), which is centered on the “I” and not exactly on the intentionality of that “I,” as Searle (2000) observes, there is only one social reality because of the shared knowledge that constructs the figure of the “we,” the “collective us,” a society and an organized culture. General knowledge shared across different spheres of society, such as science, and knowledge coming from common sense both influence and are shaped by social reality, as we can see in the work of Berger & Luckmann (1973). Therefore, this knowledge should be part of thought, imagination, and sociocultural memory, that is, of social cognition. Beyond a polarized perception that distinguishes the self and the social, there is a dialectic that is constructing what we call social reality, in which every constituent element is closely interrelated in the construction of the meaning of linguistic forms and of the greater sense, which has been constructed situationally and culturally in the text, understood in a broader sense.

It is not only a question of a social context divided into a context of culture and situation, but also of social cognition, which is responsible for the social repertoire,

in addition to cultural and situational exchanges that enable inter-cultural exchanges and seek to ensure the effectiveness of such exchanges by evaluating the chance of a minimum supply of expectations generated through possible/probable intentions of the speakers and the knowledge of the listeners who should be able to understand them in the process of decoding the text. This text is produced from the lexical-grammatical (or other) choices made by the ones who use the possibilities that the linguistic (or semiotic) system provides for the production of meaning. It should therefore be noted that what we have are effects of meaning coming from these choices, and social cognition which makes something recognizable and potentially significant, such that the idea of “intention” or “intentionality” can only be presumed.

Both Berger & Luckmann (1973) and Halliday (1978) use the construction metaphor to talk about the representative capacity of language. The former seeks to show language as a construction of symbolic representation and the latter as a construction of meanings and therefore a semiotic construct. It is important to note that Berger & Luckmann (1973) consider reality from the interactional perspective, because they start from the relationship established with the other, which is why they affirm that it — reality — is previously apprehended and objectified. Thus, based on the Metafunctions proposed by the Systemic Functional model, lexicogrammar would move this knowledge according to the communicative aims of the individual who makes use of the system. The representative potential of the language in use would then be respected, both in its referential and in its metaphorical use pointed out by Halliday (1978). The success of the interaction depends on these operations, and we argue that it is necessary not only to have a social context — divided into a situational and cultural context — but also a social cognition, so as to ensure that the lexicogrammar is taken as a gateway for the dialectical transfer of this shared knowledge that is essential for the constitution of reality, society, and culture.

What is referred to here as Social Cognition is a dialectical assumption about the dynamics present in discourse semantics, since investing something lexicogrammatically implies the production of meaning, particularly of recognizable sociocultural and cognitive meaning in a certain society and culture. The attempt to include social cognition in the universe of discourse semantics requires such an adaptation, as illustrated in the model in Figure 1.

Halliday & Matthiessen (1999) have already proposed a debate within Cognitive Science by affirming that cognition is not thought but meaning, since the mental “map” is a semiotic map. Cognition is thus considered to be a way of talking about language while lexicogrammar would be a form of construction and modeling of social cognition and the knowledge pertinent to it. From both our point of view and that of the aforementioned authors, although grammar creates a clear distinction between cognition and desire (*desideration*) on the one hand, and between perception and emotion on the other (see Halliday & Matthiessen 1999: 139), it still seems relevant, as the authors themselves indicate, to forge a dialogue with theories

of cognition that can be aligned with LSF. A certain dialogue is proposed here, one that is open to new reflections and encouraging contributions.

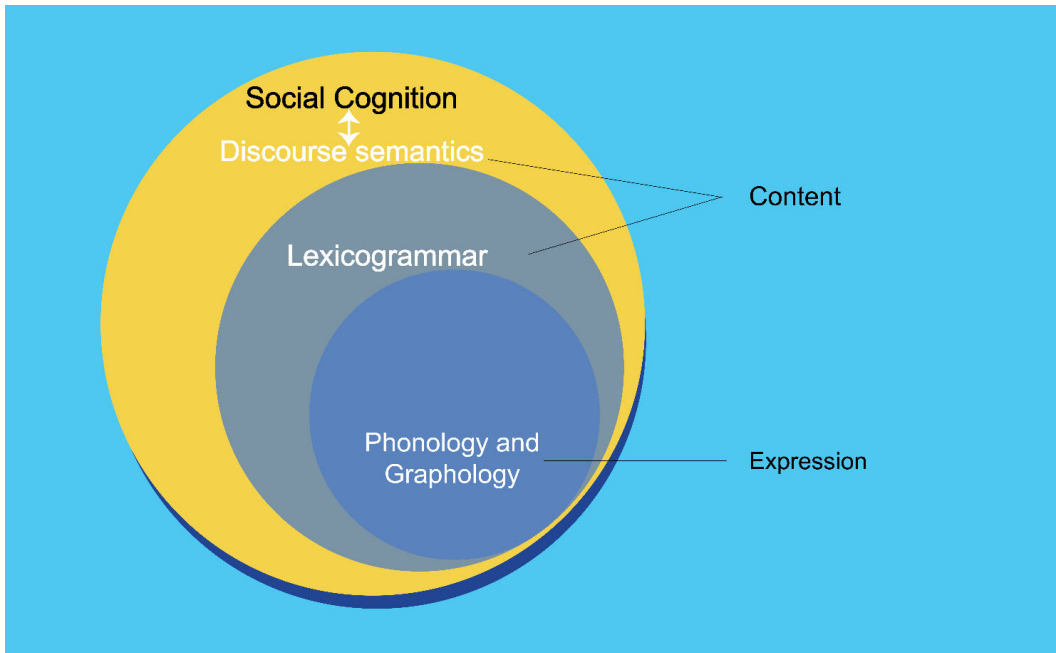

Figure 1. Discourse Semantics with the Inclusion of Social Cognition
Based on: Martin (1997: 6).

Halliday & Matthiessen (2014: 27) claim that “the system of a language is ‘instantiated’ in the form of text,” the instantiation itself being tied to the possible choices offered by the language system. In this sense, it is relevant to introduce the contributions of Vian Júnior (2009) when he asserts that instantiation is a dialectical process and is considered to be the manifestation of the linguistic system in the text, thus presenting the prerogative of constructing and reconstructing the meaning potentials of a given culture. According to Gouveia (2009), the text itself is an instantiation of the system and it is possible to visualize its functioning in a network by examining what has been instantiated. For Halliday & Matthiessen (2004), as an artifact, the text needs to be seen as a product of human interaction that leads to an investigative activity which seeks to know how it means what it means and why.

What we have presented is a way to expand the discussion around our interpretation of Halliday’s (1978) proposal to understand language as a code imbued with the potentialities of both *behavior* and *meaning*. This constitutes a point of reflection on how the means of expression are also connected to the human organism, both with regard to what it *can do* in interaction with others, and in terms of the creative and transformative potential of language, based on what structures *can mean*. These structures, according to Metafunctions, would be permeated by the attributive and attitudinal potential required by situations and contexts, thus

turning language into a form of social action. This understanding could connect the categories of Social Cognition explained in the previous section to those proposed by SFL, without, however, opposing a perspective based on meaning constructed within the interaction. We would continue to perceive the use of language from a socio-semiotic perspective, defining meaning as constituted by the choices that produce meanings, adding that there would be a repertoire not only of lexicogrammatical choices, but also of situations and attitudes demanded by the social context and the effects of the meaning produced, with neither theory diminishing the other nor asymmetric relations of power existing between them, but rather a productive dialogue fostering research and debates between the perspectives.

To conclude and outline these reflections, the following model in Figure 2 is a possible summary of what has been discussed here thus far:

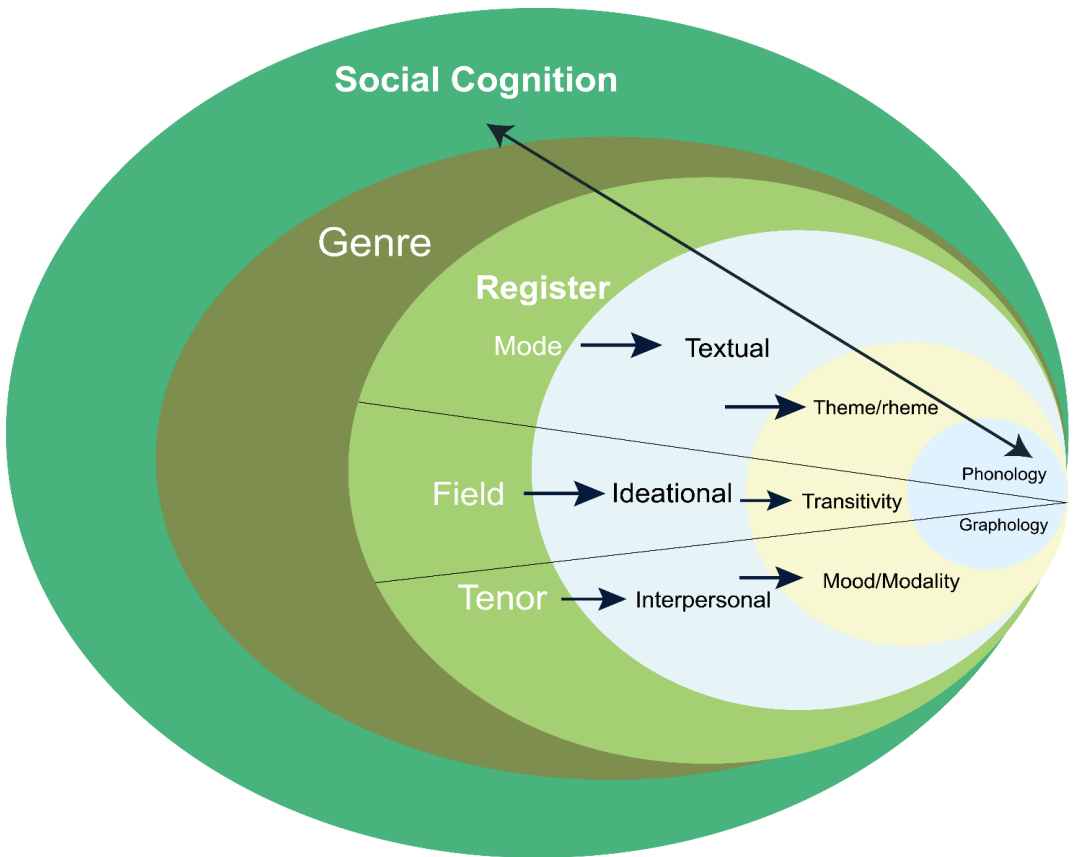

Figure 2. Systemic Model with the Insertion of Social Cognition

Based on: Martin (1997).

This model, which is simply an adjustment of what has already become traditional and canonical in SFL, is intended to demonstrate that Social Cognition would pervade all levels examined by SFL, thus making it possible to meet

communicative expectations within social interaction processes, such as understanding genre (cultural context), whose different approaches always point to ritualized situations and their nature as social actions with recognizable configurations; register and its variables (situational context); and the Metafunctions, which have a direct impact on expected attitudes based on the understanding of lexicogrammar in terms of its potential for meaning.

To exemplify the proposed integration, we will use a short exchange that we witnessed after a discussion between two children playing on the street, and compare it with another case taken from the social network Instagram.

Situation 1. It was a Sunday afternoon, near a sports court in the district of Águas Gerais, São João del-Rei, Minas Gerais, Brazil. Several children were playing and two of them, approximately 4 to 6 years old, had an argument. They will be designated by the fictitious names João and Carlos, in the dialogue reproduced below.

João: *Me dá a bola!* [Give me the ball!]

Carlos: *Não!* [No!]

João: *Me dá ela!* [Give it to me!]

Carlos: *Não dou!* [No, I won't]

João: *Me dá!* [Give it to me!]

Carlos: *Preto! Engole ela então!* [Blackie! Swallow it then!]

After that, João starts crying a lot, leaves the place, and screams for his mother using the following structure: João: *Manhê! O Carlos me xingou de preto.* [Mommy! João called me blackie]. The structure consists of Vocative (*Manhê*), Behaver (*O João*), Target (*me*), Behavior process (*xingou*), and Attribute (*de preto*). Here we have a common lexical selection for children. What particularly stands out is the selection of the word *preto/blackie*, which introduces a different hue. Carlos is a white boy and João is a black boy, which places the entire focus of the argument and the result of Carlos' lexical selection under analysis when he uses the clause with a behavioral process (*engole/swallow*): Carlos — as a behaver — has a linguistically marked prejudiced attitude towards João's blackness. However, João also demonstrates prejudice towards himself when choosing the process and perceiving his blackness as something negative, as evident in the attribute used and, therefore, understood and classified as an insult. The prejudice of both is thereby ideationally marked. In terms of structure, beginning a clause with a vocative is prototypical, but it is possible to go beyond this observation. According to Halliday & Matthiessen (2004), vocatives occur frequently and exhibit great mobility, but they are not part of the Mood or the Residue. They do, however, appear in the structure as interaction, because both vocatives and expletives are features of casual dialogues to reinforce the “you-and-me.”

From this point on, one could move into Social Cognition, as there is already something beyond, something connected with situational, social, and cultural aspects. First, there is the affective relationship between mothers and children, which leads children to tend to call their mothers first in different situations.

Second, there are socio-historical aspects that guide the views of both Carlos and João, who see the condition of being black as negative. That which belongs to the sphere of experience, which is linguistically marked in the lexicogrammar, goes beyond both poles of the conversation and leads to the same social apprehension of blackness due to a long history of slavery, devaluation, and racism that, more than social and cultural behaviors, are part of the collective memory reverberating at different levels of the national subconscious, thus acting subliminally and guiding ways of acting and thinking. Therefore, it is part of social cognition as an expansion of the level of discourse semantics. It is not just a linguistic, social, or cultural issue, but something that retrieves a history that is in the memory not only of Brazilians, but of all the countries that suffered from slavery, whose tentacles remain in the mind, both individually and collectively.

This also concerns one's lexicogrammatical choices, which directly impact the way one chooses to express oneself. It involves an expansion in the way of seeing the organization of thought and experience in society. Linguistic aspects under the socio-semiotic lens of SFL point to the attitudes of individuals by highlighting their situational, social, and cultural orientation. Within the approach presented here, one can think of linguistic categories as indicators of linguistic and sociocultural behaviors arising from Social Cognition, as an expansion of discourse semantics itself. These categories serve as gateways to attitudinal sources, which can be accessed in different ways and informed by constructs and psychological factors stored in memory that influence people's lexicogrammatical and behavioral choices within social dynamics. For sake of comparison, let us analyze a comment published on the internet.¹

(1) Eu não sou racista, aliás, (2) eu não tenho preconceitos. [I'm not racist, in fact, I am not prejudiced] (3) Mas cada vez que aprontam uma dessas comigo, (4) nasce 1% de barreira contra PRETOS em mim. [But every time they do something like that to me, a 1% barrier against BLACKIES is born in me] (5) E estavam num carro importado, (6) certo que é roubado. [And they were in an imported car, it's surely stolen] (7) Acabei de ser quase atropelada por um casal de negros. [I just almost got run over by a black couple] (8) Depois vocês falam (9) que é racismo, (10) mas TINHA QUE SER, né? [Then you all say it's racism, but THEY HAD TO BE [BLACK], right?]

The structure consists of Carrier (*Eu*) Polarity (*não*) Relational process (*sou*) Attribute (*racista*), Connective (*aliás*), Possessor (*eu*) Polarity (*no*) Relational process (*tenho*) Possessed (*preconceitos*). Connective (*Mas cada vez que*) Material process (*aprontam*) Scope (*uma dessas comigo*), Material process (*nasce*) Actor (*1% de barreira*) Circumstance (*contra PRETOS*) Circumstance (*em mim*). Connective (*E*) Relational process (*estavam*) Circumstance (*num carro importado*), Circumstance (*certo que*) Material process (*é roubado*). Material process (*Acabei*

¹ Available at: <https://m.g1.globo.com/rs/rio-grande-do-sul/noticia/2013/08/comentarios-de-estudante-do-rs-contranegros-revoltam-redes-sociais.html>. Accessed Jan. 17, 2025.

de ser [polarity *quase*] *atropelada*) Actor (*por um casal de negros*). Connective (*Depois*) Sayer (*vocês*) Verbal process (*falam*) Connective (*que*) Relational process (*é*) Identifier (*racismo*), Connective (*mas*) Relational process (*TINHA QUE SER*), Conversational mark (*né*)?

Here, we have a comment that can only be understood as part of previous argumentation, anchored in shared forms of thinking (Social Cognition): skin color is the starting point for racial evaluation, especially from the perspective of differentiation and a presumed superiority of whoever posted it. Prejudice occurs in the language, demonstrating a hostile attitude, because the targets of the comment belong to a socially devalued group with a history of disrespect constructed and stored in Social Cognition, thus shaping attitudes and creating hierarchization, exclusion, and discrimination based on an external physical marker. The denial presupposes the opposite — (1) and (2), which is reinforced by (3) and (4). There is also an aporophobic perception in (5) and (6). The description of what happened (7), followed by a simulation of interactive dialogue in (8) and (9), summarizes an extremely racist speech uttered in Brazil — (10) “só podia ser coisa de preto”/ “It could only be a black thing”, as indicated in the deontic modality *TINHA QUE SER*.

Social Cognition is responsible for shaping and outlining the world via a perception that is dialectically signaled and constructed in and through language, thus creating a false idea of normality and a premise of naturalized, alleged inferiority/superiority in social relations. Social Cognition is an element that guarantees social cohesion around certain ideas, although this cohesion is controversial and questionable when compared to other perceptual possibilities and other worldviews. It derives from social standards established in racial relations that generate prejudice and exclusion, thus being sources of discrimination. It mainly guides forms of thinking and beliefs that are signaled in language by lexicogrammatical choices, in the dialectic that occurs between language, action, and thought in social dynamics. The research questions featured in this text are centered on what the relationship between SFL and Social Cognition is and what this relationship implies for these analyses. Social Cognition is an element that guarantees social cohesion around certain ideas, ways of thinking, and constructions of the world. It is based on an original cohesion in a naturalized and alleged normality constructed from social standards, thus resulting in prejudice. It mainly guides forms of thinking and beliefs that are signaled in language by lexicogrammatical choices. This implies that one must include Social Cognition in one’s analyses in order to reach a limbic layer that is no less important than the materiality of linguistics constructed through lexicogrammar. The relationship highlighted here also entails a different perspective of SFL in its paradigmatic view of language by viewing it as a network of options offered to the speaker/listener to satisfy communicative needs, thus expanding the way in which one learns, creates, and knows the world through the meaning in linguistic and semiotic sources.

5. Final considerations

The previous section is one way to expand the discussion around an interpretation of Halliday's (1978) proposal to understand language as a code, imbued with potentialities of both *behavior* and *meaning*. Just as the interface between *behavior* and *meaning* can introduce another form of dialogue to theoretical and applied language researchers, the broader social and educational environments can make use of it to transform the school environment into a research laboratory that has interindividual, intergroup, or collective relationships as its objects of study. This could impact the social and cultural relations both within and outside the boundaries of the school, due to its ability to shed light on the most likely reasons for disputes and asymmetries observed in the socio-cultural context, in addition to suggesting mechanisms and means to combat the many forms of inequality and exclusion, which often end up costly to society.

Such an integration could also aid in the development not only of the understanding of the role of language in society and culture, but also of agency, understood by Zabaleta (2005: 117) as “a change strategy to generate changes and transformations in the self and the environment.” It could lead to entering the universe of attitudes, those general evaluations that people make of themselves, of other people, and of places, objects, and issues. As Loewenhaupt & Iglesias (2018) explain, attitudes are the result of an implicit cognition, in which different types of prejudice reside, thus generating, for example, discrimination, with prejudice being a predictor of behavior indicated by different semiotic ways of constructing meaning, such as language. Social Cognition is more than a neurobiological process that enables human beings to properly interpret social signs and present appropriate responses to them, as Butman & Allegri (2001) propose. It is a sociocultural dimension of memory connected to the discourse semantics that has in language a dynamic, dialectical, and dialogical signaling element for the construction of meaning in the world.

Individual and collective, subjective and intersubjective aspects are dialectically present in the space of Social Cognition. If this were not the case, one would give an exaggerated importance to individual and subjective aspects, which, before being constituted as isolated actions, are co-constructed. What is expected from this article is not a definitive answer, but an extensive and fruitful dialogue about the aspects involved in the use of language and how productive it can be to examine its use from the perspective of the intersection between different approaches dedicated to its study.

References

- Augoustinos, Martha, Iain Walker & Ngaire Donaghue. 2006. *Social Cognition: An Integrated introduction*. 2nd ed. New York: Sage Publications.
- Bache, Carl. 2015. Grammatical choice and communicative motivation: A radical systemic approach. In Lise Fontaine, Tom Bartlett & Gerard O'Grady (eds.), *Systemic functional linguistics: Exploring choice*, 71–94. Cambridge: Cambridge University Press.

- Berger, Peter L. & Thomas Luckmann. 1985. *A Construção Social da Realidade*. Petrópolis: Editora Vozes.
- Bilá, Magdalena & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Bilá, Magdalena & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Butman, Judith & Ricardo F. Allegri. 2001. Social cognition and the brain cortex. *Psicol Reflex Crit* 14 (2). 275–279.
- Carmo, Cláudio M. 2008. Lingüística Sistêmico-Funcional e Cognição Social: Integrando mente, linguagem e sociedade. In *Anais do IV Congresso da Associação de Lingüística Sistêmico-Funcional da América Latina*. Florianópolis: UFSC. 95–118.
- Cleeremans, Axel. 2001. Conscious and unconscious process in cognition. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. 2584–2589.
- Dik, Simon C. 1989. *The Theory of Functional Grammar*. Dordrecht: Foris Publications.
- Eggs, Suzanne. 2004. *An Introduction to Systemic Functional Linguistics*. New York: Pinter.
- Eslami, Zohreh, Tatiana V. Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fiske, Susan T. & Shelley E. Taylor. 1991. *Social Cognition*. New York: McGraw-Hill.
- Fontaine, Lise. 2015. Semantic options and complex functions: A recursive view of choice. In Lise Fontaine, Tom Bartlett & Gerard O’Grady (eds.), *Systemic functional linguistics: Exploring choice*, 95–114. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fuzer, Cristiane & Sara R. S. Cabral. 2014. *Introdução à Gramática Sistêmico-funcional em Língua Portuguesa*. Campinas: Mercado de Letras.
- Garrido, Margarida V., Catarina Azevedo & Tomás Palma. 2011. Cognição social: Fundamentos, formulações actuais e perspectivas futuras. *Psicologia* 25 (1). 113–157.
- Gladkova, Anna N. & Tatiana V. Larina. 2018. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748>
- Goginho, Mário, Filipe Melo, João Barreiros & Rui Mendes. 1999. *Controlo Motor e Aprendizagem: Fundamentos e Aplicações*. Lisboa: FMH.
- Gouveia, Carlos A. M. 2009. Texto e gramática: Uma introdução à Linguística Sistêmico-Funcional. *Matraga* 16 (24). 13–47.
- Gouveia, Carlos A. M. 2006. A linguística e o consumidor: Teoria, política e política da teoria. In *XXI Encontro Nacional da Associação Portuguesa de Linguística*. 427–433.
- Greco, Pablo J. 2002. Percepção no esporte. In Dietmar M. Samulski (org.), *Psicologia do Esporte: Conceitos e novas perspectivas*, 57–83. Barueri: Manole.
- Halliday, Michael A. K. 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London: Edward Arnold.
- Halliday, Michael A. K. 1985a. *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Halliday, Michael A. K. 1985b. Dimensions of discourse analysis: Grammar. In Theo van Dijk (ed.), *Handbook of discourse analysis: Dimensions of discourse* 2, 29–56. London: Academic Press.
- Halliday, Michael A. K. 1994. *An Introduction to Functional Grammar*, 2nd ed. London: Edward Arnold.

- Halliday, Michael A. K. 2015. Meaning as choice. In Lise Fontaine, Tom Bartlett & Gerard O'Grady (eds.), *Systemic functional linguistics: Exploring choice*, 15–36. Cambridge: Cambridge University Press.
- Halliday, Michael A. K. & Christian M. I. M. Matthiessen. 1999. *Construing Experience Through Meaning: A Language-based Approach to Cognition*. London: Cassell.
- Halliday, Michael A. K. & Christian M. I. M. Matthiessen, 2004. *An Introduction to Functional Grammar*. 3rd ed. London: Edward Arnold.
- Halliday, Michael A. K. & Christian M. I. M. Matthiessen. 2014. *An Introduction to Functional Grammar*. 4th ed. London: Edward Arnold.
- Halliday, Michael A. K. & Ruqaiya Hasan. 1976. *Cohesion in English*. London: Longman.
- Halliday, Michael A. K. & Ruqaiya Hasan. 1993. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Hopper, Paul. 1988. Emergent grammar and the apriori grammar postulate. In Deborah Tannen (ed.), *Linguistic in context: Connecting observation and understanding*, 117–133. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation.
- Hopper, Paul. 2012. Emergent Grammar. In James Paul Gee & Michael Handford (eds.), *The Routledge handbook of discourse analysis*, 301–314. London and New York: Routledge.
- Kayes, Christopher. 2002. Experiential learning and its critics: Preserving the role of experience in management learning and education. *Academy of Management Learning and Education* 1 (2). 137–149.
- Keckes, Istvan. 2010. The paradox of communication: Socio-cognitive approach to pragmatics. *Pragmatics and Society* 1 (10). 50–73
- Keckes, Istvan. 2016. A dialogic approach to pragmatics. *Russian Journal of Linguistics* 20 (4). 26–42. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15146>
- Lock, Graham. 1996. *Functional English Grammar: An Introduction for Second Language Teachers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Loewenhaupt, Raquel R. S. & Fabio Iglesias. 2018. Perspectivas da Cognição Social Implícita para redução do preconceito. *Revista Negócios em Projeção* 9. 278–286.
- Magill, Richard A. 1984. *Aprendizagem Motora: Conceitos e Aplicações*. São Paulo: Editora Edgard Blucher.
- Martin, James R. 1997. Analysing genre: Functional parameters. In Frances Christie & James R. Martin (org.), *Genre and institutions: Social processes in the workplace and school*, 3–39. London and New York: Continuum.
- Martin, James R. 2001. Cohesion and texture. In Deborah Schiffrin, Deborah Tannen & Heidi E. Hamilton (eds.), *The handbook of discourse analysis*, 35–53. Malden: Blackwell Publishers.
- Martin, James R. 2017. Atitudinal relations: Continuing the study of lexis. In Leila Barbara, Adail S. Rodrigues-Júnior & Giovanna M. V. Hoy. (orgs.), *Estudos e pesquisas em Linguística Sistêmico-Funcional*, 53–89. Campinas: Mercado de Letras.
- Martin, James R., Christian M. I. M. Matthiessen & Clare Painter. 1997. *Working with Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Matthiessen, Christian M. I. M. & Kazuhiro Teruya. 2024. *Systemic Functional Linguistics: A Complete Guide*. London and New York: Routledge.
- Matthiessen, Christian M. I. M. & Michael A. K. Halliday. 2009. *Systemic Functional Grammar: A First Step into the Theory*. Beijing: Higher Education Press.
- Schleppegrell, Mary J. 2012. Systemic Functional Linguistics. In James P. Gee & Michael Handford (eds.), *The Routledge handbook of discourse analysis*, 21–31. London and New York: Routledge.
- Schütz, Alfred. 1979. O cenário cognitivo do mundo da vida. In Helmut R. Wagner (org.), *Fenomenologia e relações sociais: Textos escolhidos de Alfred Schutz*, 77–120. Rio de Janeiro: Zahar.

- Searle, John R. 2000. *Mente, Linguagem e Sociedade: Filosofia no Mundo Real*. Rio de Janeiro: Rocco.
- Senft, Gunter. 2014. *Understanding Pragmatics*: New York: Routledge.
- Senft, Gunter. 2020. "...to grasp the native's point of view..." – A Plea for a holistic documentation of the Trobriand Islanders' language, culture and cognition. *Russian Journal of Linguistics* 24 (1). 7–30. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-7-30>
- Smith, Eliot R. & Gün R. Semin. 2004. Socially situated cognition: Cognition in its social context. *Advances in Experimental Social Psychology* 36. 53–117.
- Thompson, Geoff. 2014. *Introducing Functional Grammar*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Vian Júnior, Orlando. 2009. O sistema de avaliatividade e os recursos para gradação em Língua Portuguesa: Questões terminológicas e de instanciação. *D.E.L.T.A* 25 (1). 99–129.
- Zabaleta, Alonso T. 2005. Agenciación humana en la teoría cognitivo social: Definición y posibilidades de aplicación. *Pensamiento Psicológico* 1 (5). 17–123.

Article history:

Received: 18 July 2025

Accepted: 25 January 2026

Bionote:

Cláudio Márcio DO CARMO is Full Professor of Linguistics and Portuguese Language at the Federal University of São João del-Rei (UFSJ), São João del-Rei, Minas Gerais, Brazil. He is also a researcher at the National Council for Scientific and Technological Development (CNPq-Brazil). His research interests include the relationship between language, society and culture, through theories based on Systemic-Functional Linguistics and Corpus Linguistics, including Critical Discourse Analysis, Social Semiotics, and multimodality. He is a member of the Research Group on Pragmatics, Text and Discourse (GEPTED-UFGM), the Association of Applied Linguistics of Brazil (ALAB), and the Latin American Association of Discourse Studies (ALED).

e-mail: claudius@ufsj.edu.br

<https://orcid.org/0000-0002-0677-8302>

Сведения об авторе:

Клаудио Марсио ДО КАРМО — профессор лингвистики и португальского языка в Федеральном университете Сан-Жуан-дель-Рей (UFSJ), Сан-Жуан-дель-Рей, штат Минас-Жерайс, Бразилия; научный сотрудник Национального совета по научно-техническому развитию (CNPq-Brazil). В сферу его научных интересов входят взаимодействие языка, общества и культуры, рассматриваемое через призму теорий, основанных на системно-функциональной лингвистике и корпусной лингвистике, включая критический дискурс-анализ, социальную семиотику и мультимодальность. Является членом Исследовательской группы по прагматике, тексту и дискурсу (GEPTED-UFGM), Ассоциации прикладной лингвистики Бразилии (ALAB) и Латиноамериканской ассоциации исследований дискурса (ALED).

e-mail: claudius@ufsj.edu.br

<https://orcid.org/0000-0002-0677-8302>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-46513>

EDN: AATGDW

Research article / Научная статья

Language and gender: Linguistic, social and ethical paradoxes of inclusive communication

Elena S. GRITSENKO

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 elena.s.gritsenko@gmail.com

Abstract

Contemporary scholarly discourse on gender-inclusive communication remains predominantly descriptive, often avoiding a systematic critical analysis of its internal contradictions and social consequences. However, the growing social tension around new linguistic norms, their ideologization, and direct impact on public institutions demand unbiased examination. The aim of this article is to identify and analyze the key paradoxes generated by gender-inclusive communication, which persist despite its proclaimed goals of equality and respect. The research material comprises English-language texts of various genres and styles, including scholarly articles, media publications, documents from university websites, healthcare institutions, governmental, non-governmental, and commercial organizations, as well as data from blogs and social networks from the period 2017 to 2025. This allowed us to examine gender-inclusive communication both in the sphere of academic reflection and within the context of public practice. The methodological framework is based on critical discourse analysis, which interprets linguistic changes as a struggle for power, and Lotman's theory of the semiosphere, which views inclusive language as a phenomenon of cultural dynamics. The study establishes that inclusive communication generates a complex of systemic contradictions across different dimensions: *linguistic* (between the striving to erase and simultaneously multiply gender differences, leading to semantic tautology and a violation of linguistic conventionality); *social* (where inclusivity in practice becomes a tool for excluding dissenting voices and marginalizing the experiences of traditional groups); *ethical* (encompassing the conflict between the ideology of self-identification and biological realities, as well as the imposition of Anglo-centric models onto other linguacultures). Interpreting the results through the chosen methodological lens reveals that inclusive language functions not only as a discourse of power but also as a tool of auto-communication, aimed at redefining the core of the cultural semiosphere and consolidating a "progressive" identity. The findings open perspectives for comparative studies on the reception of inclusive practices in different linguacultures and for interdisciplinary research into the long-term social effects of linguistic reform.

© Gritsenko Elena S., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: *inclusive communication, gender, gender-neutral language, ideology, power, language reforms*

For citation:

Gritsenko, Elena S. 2026. Language and gender: Linguistic, social and ethical paradoxes of inclusive communication. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 55–81. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-46513> EDN: AATGDW

Язык и гендер: лингвистические, социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации

Елена Сергеевна ГРИЦЕНКО

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

 elena.s.gritsenko@gmail.com

Аннотация

Современный научный дискурс о гендерно-инклюзивной коммуникации носит преимущественно описательный характер, избегая системного критического анализа ее внутренних противоречий и социальных последствий. Однако растущая социальная напряженность вокруг новых языковых норм, их идеологизация и прямое воздействие на общественные институты требуют непредвзятого научного осмысления. Цель данной статьи — выявить и проанализировать ключевые парадоксы и противоречия, порождаемые практиками гендерно-инклюзивной коммуникации вопреки декларируемым ею целям равенства и уважения. Материалом для исследования послужил корпус англоязычных текстов различной жанрово-стилевой принадлежности, включающий научные статьи, публикации в СМИ, документы с сайтов университетов, медицинских учреждений, государственных, неправительственных и коммерческих организаций, а также данные из блогов и социальных сетей за период с 2017 по 2025 гг. Это позволило рассмотреть феномен гендерно-инклюзивной коммуникации как в сфере академической рефлексии, так и в контексте публичной практики. Методологическую основу составили критический дискурс-анализ, интерпретирующий языковые изменения как борьбу за власть, и теория семиосферы Ю.М. Лотмана, рассматривающая инклюзивный язык как явление культурной динамики. В результате исследования установлено, что инклюзивная коммуникация порождает комплекс системных противоречий различной направленности: лингвистических (между стремлением стереть и одновременно умножить гендерные различия, что ведет к семантической тавтологии и нарушению конвенциональности языка); социальных (когда инклюзивность на практике оборачивается инструментом исключения инакомыслящих и маргинализации опыта традиционных групп); этических (включающих конфликт между идеологией самоидентификации и биологическими реалиями, а также навязывание англоцентричных моделей другим лингвокультурам). Интерпретация результатов в рамках избранной методологии показывает, что инклюзивный язык является не только дискурсом власти, но и инструментом автокоммуникации, направленным на переопределение ядра культурной семиосферы и консолидацию «прогрессивной» идентичности. Полученные выводы открывают перспективы для сравнительных исследований рецепции инклюзивных практик в разных лингвокультурах и для междисциплинарного изучения долгосрочных социальных эффектов языкового реформирования.

Ключевые слова: *инклюзивная коммуникация, гендер, гендерно нейтральный язык, идеология, власть, языковые реформы*

Для цитирования:

Гриценко Е.С. Язык и гендер: лингвистические, социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 55–81. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-46513> EDN: AATGDW

1. Введение

Язык — это не только инструмент общения, но и отражение социальных изменений, идеологий и конфликтов, арена борьбы за культурную власть. Инклюзивная коммуникация, связанная с гендером, стала в последние годы одной из самых обсуждаемых тем в лингвистике и общественных науках, особенно в контексте глобализации и возросшего внимания к вопросам идентичности и культурного разнообразия. При этом освещение феномена гендерно инклюзивной коммуникации носит преимущественно описательный характер. На Западе исследователи либо описывают формы и функции гендерно-инклюзивного языка, либо продвигают его как этически правильный, избегая критического анализа. Это связано с социальным давлением и доминированием «прогрессивных» нарративов в современной западной академической среде. В научных журналах преобладают статьи, где обсуждаются вопросы языковой дискриминации (Baran 2023); анализируются особенности речи представителей нетрадиционных групп (George et al. 2025, Zimman 2017a, Shu Min Yen 2024), функционирование инклюзивного языка в различных коммуникативных средах (Albou 2023, Reichelt & Lukač 2025, Salerno & Rizzo 2024); описываются инклюзивные речевые практики — например, использование гендерно-нейтральных личных имен (Balbach 2025) и небинарных местоимений (Sheydaei 2021, Walter & Long 2025); подчеркивается необходимость лингвистического активизма для продвижения гендерной инклюзивности (Luck 2020, Zimman 2017b, 2024). Практически не обсуждаются социальные последствия гендерно-инклюзивной коммуникации и сопротивление новым нормам, за исключением работ, в которых исследователи из стран Глобального Юга критикуют навязывание инклюзивного гендерного дискурса, созданного в англофонной культуре (Borba & Silva 2024, de Bres 2024) — справедливость и правильность политики гендерной инклюзивности при этом не подвергается сомнению.

В отечественной науке существует сформировавшаяся ранее критическая традиция осмысления взаимоотношений языка и гендера. Ее основы были заложены в 1990-х — первой половине 2000-х гг. в работах коллектива гендерной лаборатории МГЛУ под руководством А.В. Кирилиной. Исходным методологическим принципом данной школы стало признание лингвокультурных различий и, как следствие, неприменимости или ограниченной применимости западных феминистских и гендерных теорий к иным языковым системам и культурным кодам. В рамках этого подхода был получен ряд значимых выводов: о несистемном и внутренне противоречивом характере гендерно-корректного употребления языка (Kirilina 1999);

о сравнительно сниженной андроцентричности русского языка (Кирилина 1999, 2000); о методологической произвольности ряда ключевых пресуппозиций феминистской критики языка (Добровольский, Кирилина 2000) и не вполне оправданном «гендерном» цензурировании англоязычных лексикографических источников (Васькова 2003); а также о бóльшей, по сравнению с полом, значимости для коммуникации фактора совместной деятельности (Маслова 2010). Данные положения, а также последующие работы А.В. Кирилиной, где изучение процессов, связанных с гендером в коммуникативном пространстве русского языка, сопровождается анализом динамики взаимодействия глобальных и локальных преставлений (Кирилина 2015, 2021), формируют методологическую базу для критического анализа феномена инклюзивной коммуникации с точки зрения гендерной лингвистики.

Важным вкладом в осмысление инклюзивной коммуникации как формы политической корректности являются работы О.А. Леонтович, в которых рассматривается историческая динамика понятий «политическая корректность», «инклюзивный язык» и «свобода слова», выявляются механизмы и новые тенденции их реализации в англофонном социуме, в том числе связанные с небинарным подходом к отражению гендера (Леонтович 2021, 2025).

Однако исследования, критически характеризующие гендерно-инклюзивные речевые практики, немногочисленны и в основном фокусируются на описании данного явления как новой тенденции, пришедшей с Запада, не углубляясь в его исторические корни и имманентные противоречия. Многие авторы, описывающие данный феномен на материале английского языка, воспроизводят западные нарративы о благородных целях инклюзивной коммуникации, игнорируя ее социокультурные последствия, в том числе для российского контекста (Боженко и др. 2022, Ковалева и др. 2022, Себрюк 2017 и др.). Критические публикации в основном связаны с тем, что гендерно-инклюзивный язык воспринимается как маргинальная тема в контексте русской культуры, менталитета и норм русского языка, где гендерные категории жестко связаны с грамматикой (Евтушенко 2023, Майба 2016, Маринина 2010, Шаров 2010).

Недостаток системного критического анализа делает тему инклюзивной коммуникации актуальной для изучения связанных с ней проблем. Цель данной статьи — показать, как гендерно-инклюзивный язык, несмотря на заявленные цели равенства и уважения, порождает парадоксы и противоречия, которые требуют осмысления. Мы рассмотрим исторический контекст (феминистские реформы языка) и эволюцию инклюзивной коммуникации, связанную с трансформацией гендерного концепта, после чего проанализируем ее противоречия и парадоксы в лингвистическом, социальном и этическом измерениях. Для реализации данной цели в работе последовательно решаются две взаимосвязанные задачи, которые можно сформулировать в виде следующих исследовательских вопросов:

- Каковы лингвистические механизмы и семиотические основания парадоксов, присущих гендерно-инклюзивной коммуникации, и как они проявляются в конкретных дискурсивных практиках и нарративах (на материале публичных текстов, медиа и лексикографических источников)?
- Каким образом эти лингвистические и семиотические парадоксы трансформируются в социальные конфликты и этические дилеммы на практике, и как данный процесс интерпретируется в рамках критического дискурса-анализа с точки зрения борьбы за власть и смыслы?

2. Теоретические основы исследования: исторический контекст

Понятие языковой инклюзивности уходит корнями в 1970-е гг., когда представители феминистской лингвистики, опираясь на гипотезу Сепира-Уорфа о влиянии языка на мышление, заявили о «незаметности» женщин в языке (*invisibility of women*) и начали борьбу с андроцентризмом, ставящим мужчину в центр картины мира (Cameron 1985, Lakoff 1975, Spender 1994, Pauwels 1998 и др.). Яркой иллюстрацией андроцентризма английского языка того времени служит первое издание словаря А.С. Хорнби (ALDCE 1958 г.), для которого характерны как структурная (проявляющаяся в употреблении метагендерных *he* и *man*), так и статистическая «незаметность» женщин. Например, в иллюстративных контекстах ALDCE были представлены десятки имен знаменитых мужчин (императоров, полководцев, первооткрывателей, писателей, актеров), тогда как репертуар имен известных женщин ограничивается лишь тремя — Queen Elizabeth, Joan of Arc и Florence Nightingale. При этом патриархальные стереотипы актуализировались даже в рамках одной словарной статьи, как в примере с прилагательным BRILLIANT — *He is a brilliant scientist* («Он блестящий ученый») // *She was wearing brilliant jewels* («На ней были великолепные украшения») (Гриценко, Сергеева 2020).

Борьба за равную представленность мужчин и женщин в английском языке велась с помощью двух основных стратегий: (i) добавления женского слова к мужскому (*he and she, men and women*) и (ii) замены мужской лексемы на нейтральную (*chairman — chair*). Эта борьба оказалась успешной, и к началу 2000-х годов в авторитетных лексикографических источниках, таких как, например, седьмое издание словаря Хорнби (OALD 2005 г.), гендерная асимметрия была практически устранена. Лексикографы отказались от метагендерных *he* и *man*, сбалансировали число наименований мужчин и женщин, заполнили гендерные лакуны (*bachelor girl, jurywoman, Ms.*). В словарных статьях OALD сочетание мужских и женских контекстов способствует уже не воспроизводству, а ломке патриархальных стереотипов, как, например, в глаголе WAYER — *She never wavered in her determination to succeed* («Она ни разу не дрогнула в своем стремлении к успеху») // *His voice wavered with emotion* («Его голос дрожал от волнения») (Гриценко, Сергеева 2020).

Все эти изменения были направлены на устранение гендерной асимметрии, но сохраняли бинарную модель «мужчина–женщина». Кардинальный

сдвиг произошел во второй половине 2000-х годов, когда в западном гуманитарном знании под влиянием идей о перформативной природе гендера (Butler 1991) и под лозунгом борьбы с эссенциализмом утвердилось новое понимание гендера. Если изначально он определялся как социокультурный пол (Cameron 1985, Кирилина 1999), то теперь его стали трактовать исключительно как параметр самоидентификации индивида, который может не совпадать с биологическим полом или вообще быть с ним не связанным (Cameron 2005, Гриценко 2021). Это небинарное понимание, ставшее доминирующим в либеральных и академических кругах, изменило и цель языковой инклюзивности, которая была направлена уже не на баланс между мужчинами и женщинами, а на легитимацию нетрадиционных гендерных идентичностей (трансгендерных, небинарных).

Инклюзивные коммуникативные практики, проникнув во все сферы жизни западного общества, стали не просто рекомендацией, а часто нормативным предписанием. Продвижение новых норм осуществлялось по модели «сверху-вниз» и «снизу-вверх» одновременно, охватив ключевые институты социализации и власти. Эти нормы продвигались через переплетение академического дискурса, государственных рекомендаций, корпоративных HR-практик, медианарративов и цифровых интерфейсов, создавая эффект повсеместности. Нарушение инклюзивных гендерных конвенций могло повлечь серьезные социальные и профессиональные санкции: обвинения в трансфобии, увольнение или «отмену». Так, был уволен школьный учитель Джордан Сернек, отказавшийся использовать местоимения, выбранные его учениками-трансгендерами (Wisconsin Public Radio 2024); профессор Кэтлин Сток подверглась травле из-за своих научных взглядов (Guardian 2021); а писательница Дж. К. Роулинг была обвинена в трансфобии за твит с критикой выражения «people who menstruate» («люди, которые менструируют»), которую она сопровождала пародией на инклюзивные модификации слова women: “‘People who menstruate’... I’m sure there used to be a word for those people. Someone help me out. Wumben? Wimpund? Woomud?”¹

Примечательно, что если в консервативной части общества инклюзивные речевые новации нередко вызвали протест, то в академической среде новая гендерная идеология и ее языковые корреляты стали неоспоримой нормой. В следующих разделах мы раскроем суть современной гендерно-инклюзивной коммуникации, проанализируем механизмы ее продвижения в науке и медиа, рассмотрим ее внутренние противоречия и социальные последствия.

3. Материал и методологические основы исследования

Исследование выполнено преимущественно на англоязычном материале, поскольку феномен гендерно-инклюзивной коммуникации зародился

¹ <https://www.pravilamag.ru/entertainment/729021-djoan-u-nas-otmena-taimlain-zatyajnego-konflikta-rouling-i-obshchestva/>

и получил наиболее широкое распространение в англофонной культуре. Материалом для анализа послужил корпус текстов различной жанрово-стилевой принадлежности, позволяющий исследовать феномен гендерно-инклюзивной коммуникации как в плоскости академической рефлексии, так и в сфере публичной практики. Для выявления и критического осмысления того, как данный феномен трактуется и продвигается в рамках англоязычного научного дискурса, были проанализированы статьи, опубликованные в период с 2017 по 2025 г. в ведущих международных рецензируемых журналах (*Journal of Sociolinguistics, Gender and Language, Sociolinguistic Studies, Journal of Language and Discrimination*). Эти работы выступают в исследовании как вторичный источник, отражающий основные векторы, аргументацию и способы легитимации гендерно-инклюзивных норм в академической среде. Первичным источником, т.е. эмпирической базой для изучения реальных коммуникативных практик, их восприятия и возникающих коллизий составили публикации в онлайн-СМИ, материалы официальных сайтов американских и британских университетов, медицинских и правительственных учреждений, неправительственных организаций, а также данные из блогов и социальных медиа, охватывающие преимущественно период 2019–2025 гг. Подобное сочетание источников обеспечивает возможность сопоставления декларируемых в науке принципов с их конкретным воплощением в публичном дискурсе и позволяет выявить на этом стыке ключевые парадоксы.

Методологически работа базируется на положениях критического дискурс-анализа (Fairclough 1989, 2003, Vila & Ivanova 2020 и др.) и теории Ю.М. Лотмана о семиосфере как семиотическом пространстве культуры и языке как организующем стержне семиосферы (Лотман 1999). Обращение к критическому дискурс-анализу позволяет выйти за рамки собственно лингвистического описания рассматриваемого феномена и перейти к интерпретации языковых изменений как борьбы за власть и смыслы. Теория Ю.М. Лотмана помогает осмыслить инклюзивный язык как явление культурной динамики и семиозиса, а его внутренние противоречия как столкновение культурных кодов.

4. Анализ и результаты

4.1. Гендерно инклюзивные коммуникативные практики

На современном этапе гендерная инклюзивность в коммуникации трактуется как подход к общению, который стремится учитывать разнообразие людей, их идентичностей и опыта, чтобы никто не чувствовал себя исключенным или дискриминированным. Известное академическое издательство Wiley определяет инклюзивный язык следующим образом: «*Inclusive language refers to vocabulary and descriptions that minimize bias, and exhibit transparency and cultural awareness when referencing people, social and cultural identities, and geographical locations*» (Inclusive Language Guidelines 2026) [«Инклюзивный

язык подразумевает использование слов и описаний, которые минимизируют предвзятость и демонстрируют прозрачность и культурную осведомленность при упоминании людей, социальных и культурных особенностей, а также географических названий» (здесь и далее перевод наш. — Е.Г.).

Инклюзивная коммуникация включает широкий спектр речевых практик.

Прежде всего, это **гендерно-нейтральный язык** — использование слов, которые не указывают на пол (гендер) референта: вместо *father/mother* («отец/мать») инструкции и пособия по инклюзивной коммуникации рекомендуют использовать слово *parent* («родитель»), вместо *man/woman* («мужчина/женщина») — *person* («человек»), вместо «муж/жена» — «партнер» и т. п. Авторитетные англоязычные руководства по академическому письму, например, онлайн-ресурс Американской психологической ассоциации APA Style, предписывают воздерживаться от использования гендерно маркированных местоимений (1):

- (1) *Avoid using combinations such as “he or she,” “she or he,” “he/she,” and “(s) he” as alternatives to the singular “they” because such constructions imply an exclusively binary nature of gender and exclude individuals who do not use these pronouns* (Gender and Noun usage, 2026). [Избегайте сочетаний «он или она», «она или он», «он/она» и «он/а» в качестве альтернативы местоимению «они» в единственном числе, поскольку такие конструкции подразумевают исключительно бинарную природу пола и исключают людей, которые не используют эти местоимения.]

Декларируемая цель подобных рекомендаций — уклонение от любых предположений о гендере референта. Следуя новым нормам, авиакомпания перешла на гендерно-нейтральную формулу приветствия пассажиров (*Good morning/evening, everyone!*); в университетах сотрудникам и профессорам рекомендуют заменять обращение *ladies and gentlemen* на *colleagues* и не использовать в разговорах со студентами фразу *your mom and dad* (это считается некорректным по отношению к студентам из однополых семей). В медицинских учреждениях и профильных медицинских журналах словосочетание *pregnant women* заменяют на *pregnant people* и *pregnant patients*. (см., напр., BMC Pregnancy and Childbirth 2021); страховые компании предлагают медицинские страховки для *pregnant individuals* (Medi-Cal for Pregnancy 2026).

В 2021 г. администрация Дж. Байдена в бюджетных документах использовала термин *birthing persons* вместо *mothers*, что вызвало широкую дискуссию. Примерно в это же время активисты Американского союза защиты гражданских свобод в твите, посвященном годовщине со дня смерти известной правозащитницы и юриста Рут Бейдер Гинзбург², отредактировали одну из ее

² Рут Бейдер Гинзбург — одна из самых известных и влиятельных фигур в истории американской юриспруденции, член Верховного Суда США, основательница и главный юрист проекта по вопросам прав женщин при Американском союзе гражданских свобод (ALCU).

известных цитат о репродуктивных правах женщин, заменив местоимение *she* на *they*, а слово *woman* на *person*, что вызвало возмущение консервативных пользователей соцсетей (2).

- (2) *The decision whether or not to bear a child is central to a [person's] life, to [their] well-being and dignity ... When the government controls that decision for [people], [they are] being treated as less than a fully adult human responsible for [their] own choices.* (ACLU 2021)

[Решение о том, заводить ли ребенка, имеет центральное значение для жизни человека, для их благополучия и достоинства... Когда правительство контролирует это решение за людей, это значит, что с ними обращаются как с инфантильными (неполноценными) взрослыми, не несущими ответственности за свой собственный выбор.]

Второй важной составляющей инклюзивной коммуникации является **практика использования** так называемых **предпочитаемых местоимений** (*preferred pronouns*) — т.е. местоимений, которые человек выбирает для себя сам в соответствии со своей гендерной идентификацией (напр., *he/she*, небинарное *they* или неместоимения типа *ze, hir* и проч.). Данная практика получила особенно широкое распространение в академической среде США: студенты университетов имеют право указывать предпочитаемые местоимения при регистрации на курс; желающим предлагают значки с местоимениями, чтобы уточнить, как к ним следует обращаться (см. пример 3).

- (3) *These issues have become hot topics on college campuses in particular as some universities are investing in trans-inclusive language practices by, for instance, making 'pronoun pins' available to students who want to signal whether they should be referred to as she, he, they, or some other pronoun* (Zimman 17b: 85)

[Эти вопросы стали особенно актуальными в университетских кампусах: некоторые университеты инвестируют в инклюзивные языковые практики для трансгендерных людей, например, предоставляя студентам «значки с местоимениями», которые позволяют указать, следует ли обращаться к ним «она», «он», «они» или используя какое-либо иное местоимение.]

Сторонники «прогрессивной» гендерной идеологии включают свои местоимения в подпись при электронной переписке; некоторые исследователи указывают их в личных данных при публикации научных статей.

В настоящее время термин *preferred pronouns* считается архаичным. По мнению активистов, он содержит коннотацию выбора и индивидуального желания, а не самоопределения. Вместо него были предложены нейтральное *someone's pronouns* и выражение *correct pronouns*. Этот терминологический рефрейминг — переход от *preferred pronouns* («предпочитаемые местоимения») к *correct pronouns* («правильные местоимения») демонстрирует стремление уйти от идеи выбора/предпочтения как чего-то необязательного и

подчеркнуть ответственность собеседника за «правильное» использования местоимений (4):

- (4) *...it was once common to talk about trans people's preferred pronouns, but, in time, there was a shift from talking about preference (which may be seen as nonessential) to talking about correctness. The idea of correct pronouns (or titles, identity labels, etc.) moves the locus of the problem from the trans individual (who must make their preference known) to others (who are responsible for the "correctness" of their speech), while simultaneously validating trans identities (Zimman 2024: 5)*

[...когда-то было принято говорить о местоимениях, предпочитаемых трансгендерными людьми, однако со временем стали говорить не о предпочтениях (которые могут показаться несущественными), а о правильности. Понятие правильных местоимений <...> перемещает центр проблемы с трансгендерного человека (который должен заявить о своих предпочтениях) на собеседников (которые несут ответственность за «правильность» своей речи), одновременно подтверждая трансгендерные идентичности.]

Практика спрашивать и называть местоимения при встрече (*pronoun check*) появилась в группах трансгендеров. Ее включение в нормативные практики знакомства для общества в целом целенаправленно продвигалось, чтобы легитимизировать идею гендерного самоопределения:

- (5) *Trans people treat each individual as an ultimate source of authority on their own gender and thus a determiner of what language others should use (Zimman 2017b: 92).*

[Транслюди имеют право сами определять свой гендер и то, как к ним должны обращаться другие.]

Гендерная инклюзивность предполагает также **признание разнообразия гендерных идентичностей** и соответствующих номинаций (*non-binary, trans gender, agender, pangender, gender fluid* и т. д.) и **отказ от выражений, которые воспроизводят гендерные стереотипы и предубеждения**. В качестве примера последних приводят, в частности, патриархальные стереотипы, например, *men don't cry* («мужчины не плачут»), однако, по сути, речь идет об утверждениях типа *men can give birth* («мужчины могут рожать»): стереотипом в данном случае считается то, что рожать могут только женщины. Гетеронормативность (то есть признание, что нормой являются мужские и женские идентичности) в рамках «прогрессивной» гендерной идеологии также считается стереотипом. Для его деконструкции по аналогии с префиксом *trans-* (*transgender, trans man, trans woman*) создан префикс *cis-*, который используется для обозначения мужчин и женщин, чья гендерная идентичность совпадает с полом (*cisgender, cis man, cis woman*). Тем самым стирается немаркированный характер слов *man* и *woman*. В работах лингвистов, представляющих транс сообщество, нам встретилось определение *cis-* через *trans-* (см. пример 6 ниже), что можно интерпретировать как попытку

концептуальной реверсии (смены нормативных оснований), где *транс*- не просто равноправен, а становится отправной точкой для определения идентичности. В этом же ключе можно трактовать и понятие транснаормативности (transnormativity) (Zimman 2024), продвигаемое представителями так называемого «транс лингвистического активизма» (trans language activism):

- (6) ... *there is clearly a growing segment of the cisgender (i.e. non-transgender) population who recognise the importance of language for transgender liberation.* (Zimman 2017b: 85)

[Очевидно, что растёт доля цисгендерного (то есть не трансгендерного) населения, которое осознаёт важность языка для освобождения трансгендеров.]

Таким образом, хотя утверждается, что цель инклюзивной коммуникации — это создание безопасного и комфортного пространства для всех и уважение опыта небинарных и трансперсон, которые в традиционном языке не замечались и стигматизировались, в реальности за гендерно-инклюзивной терминологией стоит стремление перестроить систему традиционных ценностей и сконструировать альтернативную картину мира. Данный вид речевых практик порождает ряд внутренних противоречий и парадоксов, которые в академическом дискурсе до настоящего времени не получили системного освещения.

4.2. Лингвистические парадоксы инклюзивной коммуникации

С лингвистической точки зрения парадоксы гендерно-инклюзивной коммуникации связаны с ключевыми механизмами языкового моделирования мира — номинацией, категоризацией и семантикой. Стремление к инклюзивности запускает два разнонаправленных процесса. С одной стороны, имеет место унификация через внедрение гендерно-нейтральных терминов (*people, children, parents, siblings* и т.п.), призванных преодолеть бинарную оппозицию «мужское/женское». С другой стороны, происходит дифференциация традиционных гендерных категорий: понятия «мужчина» и «женщина» дробятся на «цисгендерных» и «трансгендерных» с целью деконструкции гетеронормативности. Таким образом, инклюзивный язык одновременно стремится стереть и умножить гендерные различия, создавая системное противоречие в своей категориальной основе.

Ключевым вызовом становится переопределение базовых категорий *man* и *woman*. Инклюзивные определения мужчины и женщины, наряду с традиционными, кодифицируются. Например, в декабре 2022 г. инклюзивные определения слов *woman* и *man* были включены в Кембриджский словарь (7,8):

- (7) *WOMAN* — 1. *an adult female human being*; 2. *an adult who lives and identifies as female though they may have been considered to have a different sex at birth: e.g., Mary is a woman who was assigned male at*

birth (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/woman?q=woman+>)

[ЖЕНЩИНА — 1. взрослая женщина (буквально: взрослая особь женского пола); 2. женщина, которая живет и идентифицирует себя как женщина, хотя при рождении ей могли приписать другой пол: например, Мэри — женщина, которой при рождении был присвоен мужской пол.]

- (8) *MAN* — 1) *an adult male human being*; 2) *an adult who lives and identifies as male though they may have been considered to have a different sex at birth: e.g., Connor is a man who was assigned female at birth.* <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/man>.

[МУЖЧИНА — 1. взрослый мужчина (буквально: взрослый человек мужского пола); 2. человек, который живет и идентифицирует себя как мужчина, хотя при рождении ему мог быть присвоен другой пол: напр., Коннор — мужчина, которому при рождении был присвоен женский пол.]

В гендерно-инклюзивной картине мира определения, опирающиеся на биологические признаки, замещаются дефинициями, основанными исключительно на самоидентификации («женщина — человек, который идентифицирует себя как женщина»; «мужчина — человек, который идентифицирует себя как мужчина»). Это порождает семантическую тавтологию, где значение термина объясняется через его же производные, что приводит к концептуальной неопределенности. Конфликт между объективным (биологическим) и субъективным (идентификационным) подходами к значению создает зону семантического напряжения, разрешить которую в рамках одного языкового знака проблематично.

Наряду с этим, инклюзивный язык демонстрирует прагматический сдвиг, когда коннотативное (дополнительное, идеологически окрашенное, «индексальное») значение слов вытесняет их денотативное (основное, предметное) значение. Использование предпочитаемых местоимений или гендерно-нейтральных номинаций зачастую функционирует как индекс идеологической позиции и/или политической ориентации говорящего, иллюстрируя «выдвижение подтекста» (Чернявская 2021) — гендерно значимых пресуппозиций и импликатур. В подобных случаях коммуникативная функция (информирование) уступает место функции символической, сигнализируя принадлежность говорящего к определенной ценностной группе (Eslami et al. 2023). Ярким примером является публичное указание «своих» местоимений политиками и другими известными персонами, чья гендерная идентичность не вызывает вопросов (Гриценко 2025). Например, известная представительница Демократической партии США Камала Харрис прибегала к данной тактике как в ходе предвыборной кампании 2020 г. (Equality 2019), так и во время своего пребывания на посту вице-президента США. Например, в июле 2022 г. она начала свое выступление на Круглом столе, посвященном годовщине

подписания Закона о поддержке людей с ограниченными возможностями (Americans with Disabilities Act), следующими словами (9):

- (9) *I am Kamala Harris. My pronouns are 'she' and 'her,' and I am a woman sitting at the table wearing a blue suit.* (Remarks 2022).

[Меня зовут Камала Харрис. Я использую местоимения «она» и «её», и я женщина, сидящая за столом в синем костюме.]

Примечательно, что исследование гендерно-нейтральных форм в учебных материалах и брошюрах для студентов, созданных профессорами парижских университетов (Burnet & Pozniak 2021), также выявило, что инклюзивный язык используется не только для гендерно-нейтральной референции, но и как способ индексации политической принадлежности автора.

Искусственное внедрение инклюзивных норм вступает в противоречие с принципами конвенциональности и системности языка, сформулированными Фердинандом де Соссюром. Связь между означающим и означаемым устойчива благодаря общественному договору. Инклюзивный язык, переопределяя значения слов в отрыве от устоявшихся конвенций, воспринимается как насильственное вмешательство в языковую систему. У Соссюра значение элемента языка определяется его местом в системе противопоставлений. Нивелирование гендерно-маркированных оппозиций — замена *women/girls* на *people/children* в контекстах, где гендер критически важен, например, в случаях насилия — нарушает сложившуюся систему смысловозначения, приводя к потере семантических оттенков и коммуникативной точности. Пример одной из таких «инклюзивных» замен приводит в своем блоге «*language: A feminist guide*» известный британский социолингвист Дебора Камерон. Речь идет о трагическом инциденте в г. Саутпорт летом 2024 г., когда жертвами подростка с ножом стали несколько девочек (участницы занятия по йоге и танцам) и их матери. При этом в сообщениях полиции, заявлениях правительства и публикациях СМИ для описания жертв использовался гендерно-нейтральный язык (*children, adults*), что привело к сокрытию ключевой характеристики преступления: гендерный характер насилия был стерт из официального нарратива (10):

- (10) *In everything from the Home Secretary's official response to the reports in newspapers and on TV, we were told that the Southport attacker targeted "children", along with a smaller number of "adults", at a Taylor Swift-themed yoga and dance class. None of these sources acknowledged that most or perhaps even all of the victims were girls and women...* (A Modest proposal 2024).

[Во всех сообщениях, начиная с официального ответа министра внутренних дел и заканчивая сообщениями в газетах и на телевидении, нам говорили, что нападавший в Саутпорте выбрал своей целью «детей» и нескольких «взрослых» на занятиях йогой и танцами под музыку Тейлор Свифт. Ни один из этих источников не признал, что большинство или, возможно, даже все жертвы были девочками и женщинами.]

Продвижение гендерно-инклюзивных практик ведет также к нарушению синхронической стабильности. По Соссюру, язык в каждый конкретный момент времени (синхрония) представляет собой относительно стабильную систему. Искусственное внедрение (навязывание, политизация) языковых норм приводит к нарушению этой стабильности. Показательна в этой связи ситуация в США, где исполнительный указ президента Трампа от 20 января 2025 г. законодательно закрепил требование ориентироваться на биологический пол и отмену гендерно-инклюзивного языка в федеральных документах (Presidential Actions 2020). На сайтах федеральных медицинских организаций, таких как the US Department of Health and Human Services (HHS) и Center for Disease Control and Prevention (CDC), больше не используются термины «pregnant people», «birthing persons» и подобные. В результате в одном коммуникативном пространстве параллельно и на официальном уровне существуют две конкурирующие языковые модели: федеральная, основанная на традиционном понимании гендера и пола, и «прогрессивная», по-прежнему практикуемая в ряде демократических штатов (например, в Калифорнии), где сохраняется гендерно-нейтральная терминология в правительственных и медицинских учреждениях (см. примеры 11–12). Это создает уникальный прецедент, когда синхроническое состояние языка становится не единым для лингвокультурного сообщества, а политически фрагментированным, что противоречит принципу синхронической стабильности.

- (11) *All pregnant individuals in California are eligible for screening* (CDPH 2025)

[Все беременные люди в Калифорнии имеют право на обследование (Программа пренатального скрининга, сайт департамента здравоохранения Калифорнии)];

- (12) *...we offer a range of culturally appropriate health care services for pregnant patients* (UCFS Health 2025)

[...мы предлагаем ряд медицинских услуг, соответствующих культурным особенностям беременных пациентов (сайт клиники Университета Сан-Франциско)].

По Соссюру, языковые изменения — это результат медленного, стихийного общественного согласия. Инклюзивный язык и его продвижение является следствием целенаправленной деятельности активистов и политических групп, что противоречит принципу органичной социально обусловленной эволюции языка.

Таким образом, лингвистические парадоксы гендерно-инклюзивной коммуникации коренятся в фундаментальном противоречии между декларируемым стремлением к социальной справедливости и законами функционирования языка как знаковой системы. Напряжение возникает на уровнях категоризации (унификация vs. дифференциация), семантики (тавтологичность определений) и прагматики (доминирование коннотации над денотацией), а также в области базовых языковых конвенций.

4.3. Социальные и этические парадоксы инклюзивной коммуникации

Целью данного раздела является демонстрация того, как внутренние лингвистические противоречия инклюзивной коммуникации материализуются в реальных общественных практиках, порождая комплексные проблемы. В этом контексте разделение на строго социальные и строго этические парадоксы затруднительно и методологически нецелесообразно. Каждый рассматриваемый ниже пример одновременно раскрывает и этическую дилемму (что правильно? что справедливо?), и ее социальные последствия (кто исключен? какой возникает конфликт?). Такой интегрированный подход, созвучный принципам критического дискурс-анализа, позволяет проследить, как языковые нормы становятся инструментом социального управления и полем этической борьбы.

Гендерно-нейтральный язык, провозглашающий своей целью достижение инклюзивности и устранение дискриминации, на практике порождает комплекс этических и социальных противоречий. Его нормативное предписание вступает в конфликт с такими фундаментальными ценностями, как свобода слова, точность коммуникации, справедливость и уважение к культурному опыту. Наиболее очевидное противоречие заключается в том, что меры, направленные на создание инклюзивной среды, могут сами становиться инструментом исключения. Требование обязательного признания новой гендерной идеологии и использование инклюзивного языка под угрозой профессиональных санкций (так называемая «культура отмены») создает ситуацию, при которой инклюзивность для одной группы обеспечивается за счет маргинализации другой — тех, кто по религиозным, культурным или философским причинам не принимает новые нормы. Это трансформирует язык из средства коммуникации в инструмент идеологической лояльности, порождая социальную поляризацию.

Нарастающая напряженность вокруг вопросов, связанных с гендером и инклюзивностью, проявляется не только в политическом противостоянии между демократами и республиканцами в США, лейбористами и консерваторами в Великобритании, но и выливается в острые общественные конфликты вплоть до трагических событий, подобных убийству консервативного активиста Чарли Керка в США. Более того, политические аналитики — даже те, кто придерживаются либеральных взглядов, например, Фарид Закария³ — связывают такие явления, как победа Дональда Трампа на выборах 2024 г., «усталостью» части общества (включая традиционный электорат демократов) от агрессивного продвижения политики идентичности, центральным элементом которой стал инклюзивный язык (*New York Post* 2024). Таким образом,

³ Фарид Рафик Закария — один из влиятельных и популярных американских политических аналитиков, ведущий программы *Fareed Zakaria GPS* на канале CNN (<https://edition.cnn.com/shows/fareed-zakaria-gps>)

стремление к тотальной инклюзивности парадоксальным образом приводит к углублению социальных разломов.

Стремление к универсальности оборачивается риском элиминации конкретного исторического, культурного и социального опыта традиционных гендерных групп. Замена гендерно-маркированных терминов на нейтральные в определенных контекстах приводит к этическим и коммуникативным потерям. Например, замена слова *women* на *pregnant people* или *birthing persons* обесценивает культурный и личный опыт материнства, значимый для многих женщин, а замена *woman* и *she* на *people* и *they* в текстах Рут Гинзбург стирает опыт многолетней борьбы американских женщин за право голоса в вопросах, касающихся репродуктивных прав. Опыт «бытия мужчиной» или «женщиной» в культуре имеет собственную ценность и внутреннее наполнение, не сводимое к вопросу о соответствии полу. Новая терминология делает этот опыт невидимым.

Наиболее остро социальные и этические противоречия, связанные с использованием инклюзивного языка, проявляются в дискурсе о насилии. Ярким примером служит дело о систематическом сексуальном насилии над сотнями несовершеннолетних девочек со стороны мужчин преимущественно пакистанского происхождения в г. Ротереме (Великобритания). Хотя практически все идентифицированные жертвы были именно девочками-подростками, официальный язык отчетов и расследования данного дела последовательно избегает гендерно-специфичной лексики. В средствах массовой информации, в Википедии и даже в публикации на сайте Национального уголовного агентства эти преступления описываются как «насилие над детьми» (см. примеры 13 и 14). О том, что жертвами были девочки, упоминается вскользь или не упоминается вообще.

- (13) ... *the NCA's investigation into child sexual abuse in Rotherham*; <...> *the single largest law enforcement investigation into non-familial child sexual exploitation and abuse in the UK. (Operation Stonewood 2022)* [... расследование Национального агентства по борьбе с преступностью (NCA) по факту сексуального насилия над детьми в Ротереме; <...> крупнейшее в Великобритании расследование правоохранительных органов по факту внесемейной сексуальной эксплуатации и насилия над детьми.]
- (14) *Between 1997 and 2013, around 1,400 children were sexually exploited in Rotherham, UK, by grooming gangs (Humanium 2025)* [В период с 1997 по 2013 год около 1400 детей подверглись сексуальной эксплуатации в Ротереме, Великобритания, со стороны групп, занимавшихся совращением несовершеннолетних.]

Подобный лингвистический выбор, хотя формально и инклюзивный, фактически стирает гендерный характер преследования и затрудняет выработку целевых мер защиты. Это создает социальный и этический парадокс: язык, призванный быть инклюзивным, маргинализирует страдания и опыт конкретной группы лиц, делая его невидимым в публичном пространстве.

Еще один ключевой парадокс касается столкновения идеологии и науки. Попытки переопределения языковых категорий порождают конфликт между уважением к индивидуальной идентичности и объективными биологическими реалиями. Утверждения типа «мужчины могут рожать», относящиеся к трансгендерным мужчинам, создают лингвистический разрыв: традиционный денотат слова «мужчина» исключает возможность беременности и материнства (14):

- (15) *Transgender man who gave birth slams nurses who called him 'Mom'*
(New York Post 2021) [Трансгендерный мужчина, родивший ребенка, обрушился с критикой на медсестер, которые называли его «мамой».]

Данный конфликт переходит в этическую и социальную плоскость в таких областях, как спорт, где участие трансгендерных женщин (биологических мужчин) в женских соревнованиях ставит принцип инклюзивности в прямое противоречие с принципом справедливости и равных условий для обычных женщин. В результате язык, призванный устранять несправедливость, становится катализатором и источником новых конфликтов.

В аспекте межкультурной коммуникации активное продвижение инклюзивного языка, созданного в рамках англоязычного дискурса, нередко воспринимается в других лингвокультурах как форма неоимпериализма. В языках с грамматическим родом (напр., русский, испанский) внедрение гендерно-нейтральных конструкций выглядит искусственным и разрушающим естественную структуру языка. Классическим примером является попытка навязать испаноязычному миру гендерно-нейтральный суффикс *-x* (*Latinx*), созданный в англофонной академической среде. Данный суффикс оказался чуждым фонетике и грамматике испанского языка и не получил сколько-либо значимого распространения среди самих носителей (Salinas & Lozano 2021). По данным Исследовательского центра Pew, лишь 3 % жителей США используют этот термин, в то время как подавляющее большинство его не признает (Pew Research Center 2020). В качестве органичной инициативы, зародившейся внутри испаноязычного сообщества, предлагается суффикс *-e*, который фонетически интегрируем и не нарушает языковых норм.

Названная проблема выходит далеко за рамки лингвистического удобства и упирается в более глубокий конфликт — неокOLONиальный по своей сути. Как справедливо отмечают Р. Борба и М.Р. Сильва (Borba & Silva 2024), лингвистические стратегии и слова, созданные в рамках дискурса Глобального Севера, оказываются неспособными передать сложный опыт гендерных групп и сообществ Глобального Юга, чья жизнь определяется сложным переплетением расы, класса, территории, происхождения, религиозности, многоязычия и насилия:

- (16) *...linguistic strategies and vocabularies forged in the Global North are unable to capture the experiences of travestis, muxes, bakla, hijras, fakaleiti, bissu, fa'afafine, kathoey and others whose gendered lives*

are embodied at the intersection of race, class, territory, ancestry, religiosity, multilingualism and violence (Borba & Silva 2024: 11).

[... лингвистические стратегии и термины, созданные в странах Глобального Севера, не способны отразить опыт трансвеститов, мухесов, хиджр, факалейти, биссу, фаафафине, катоев и других локальных групп, чья жизнь определяется пересечением расы, класса, территории, происхождения, религиозности, многоязычия и насилия.]

В результате глобализирующий подход англоцентричной инклюзивной лингвистики парадоксальным образом игнорирует истинное разнообразие гендерного опыта, которое он призван защищать, и встречает сопротивление как со стороны широких слоев общества, так и со стороны самих маргинализованных групп Глобального Юга.

Как видим, практика инклюзивной коммуникации демонстрирует ряд системных этических и социальных парадоксов, балансируя между принудительностью и свободой, универсальностью и уникальностью опыта, идеологическими целями, а также биологическими и социальными реалиями.

5. Обсуждение результатов

Феномен гендерно-инклюзивного языка, рассмотренный выше в аспекте внутренних противоречий и парадоксов, требует теоретического осмысления, выходящего за рамки чисто лингвистического подхода. Критический дискурс-анализ (КДА) и теория семиотической модели коммуникации Ю.М. Лотмана предлагают мощные инструменты для интерпретации этих процессов как борьбы за власть и смыслы в динамике культурного развития. Если критический дискурс-анализ фокусируется на синхронном измерении власти — на том, как язык используется для доминирования, легитимации и исключения в текущем социальном поле, — то теория Лотмана позволяет осмыслить эти конфликты в диахронической перспективе, как фазу динамического, а часто и «взрывного» развития самой культуры. Их сочетание дает возможность увидеть в гендерно-инклюзивном языке одновременно инструмент актуальной идеологической борьбы и симптом глубинного культурного сдвига.

С позиции критического дискурс-анализа (Fairclough 1989, 2003, Vila & Ivanova 2020) продвижение инклюзивного языка представляет собой не столько лингвистическую либерализацию, сколько оспаривание доминирующих нарративов и установление нового дискурса власти. Этот дискурс выполняет функцию перераспределения символического капитала (Bourdieu 1989): он легитимирует одни социальные группы (транс- и небинарные люди) и одновременно делегитимирует другие, чьи позиции основаны на традиционных категориях («биологических» женщин и мужчин, сторонников традиционной гендерной идеологии, религиозных консерваторов и др.). Данный процесс реализуется в нескольких измерениях:

- использование предпочитаемых местоимений или выражений типа *birthing persons* функционирует как аккумуляция символического капитала в «прогрессивном» социальном поле;
- прагматический сдвиг, при котором коннотативное значение (сигнал о принадлежности к группе) вытесняет денотативное (информацию о референте), превращает язык в инструмент идеологического позиционирования — маркер идеологической лояльности;
- закрепление новых норм через механизмы корпоративных политик, правил общения в академической среде и медийного давления демонстрирует, что инклюзивность трансформируется из этической рекомендации в нормативное предписание. Такие практики, как увольнение и «отмена» инакомыслящих, обнажают ключевой парадокс — дискурс, борющийся с исключением, сам порождает новые формы исключения, основанные на идеологической дисциплине.

Таким образом, критический дискурс-анализ раскрывает инклюзивную коммуникацию как дискурсивную технологию власти, которая, маскируясь под этический императив, осуществляет передел символического капитала и устанавливает новые режимы идеологической лояльности. Однако этот анализ оставляет открытым вопрос о более фундаментальных, культурно-исторических причинах столь радикальной перекодировки базовых понятий. Ответ на него предлагает семиотический подход.

Семиотическая теория Ю.М. Лотмана позволяет интерпретировать текущие языковые конфликты как закономерный этап культурной динамики. Лотман рассматривал культуру как сложную систему, основанную на накоплении, сохранении и передаче информации. Ключевое понятие его концепции — семиосфера — это «семиотическое пространство», необходимое для существования и функционирования языков культуры. Структура семиосферы асимметрична: она включает ядро (традиционные, устойчивые коды) и периферию (новые, маргинальные коды). Традиционная гендерная бинарность длительное время составляла ядро семиосферы западной культуры. Гендерно-инклюзивный язык, зародившийся на ее периферии как маргинальный код, совершил резкий, «взрывной» прорыв в ядро, запустив процесс перекодировки. Попытка периферийных кодов переопределить ядро семиосферы вызывает борьбу за языковые формы. Описанные выше лингвистические парадоксы — унификация и дробление, тавтологичность определений и проч. — можно рассматривать как симптомы этой перекодировки. Старая система значений (*woman = adult human female*) отвергается сторонниками инклюзивного языка как дискриминирующая⁴; новая, основанная на самоидентификации, не обрела устойчивых семантических контуров, что порождает нестабильность.

⁴ Характеристика традиционного дискурса как репрессивного (*oppressive linguistic structures and practices*) содержится, напр., в статье Л. Зиммана *Trans language activism and intersectional coalitions* (Zimman 2024: 7):

Ю.М. Лотман различает коммуникацию с Другим (передача информации в канале «Я — Он») и автокоммуникацию (канал «Я — Я»), трактуемую как общение, направленное на укрепление собственной идентичности. Важным отличительным признаком автокоммуникации в его понимании является редукция слов соответствующего языка, которые «будут иметь тенденцию превращаться в знаки слов — индексы знаков» (Лотман 1999: 169). Гендерно-инклюзивный язык функционирует как инструмент автокоммуникации: используя его, «прогрессивное» сообщество прежде всего подтверждает свои границы и ценности, отделяя себя от «чужих» кодов. Это объясняет, почему язык становится полем столь ожесточенной борьбы — речь идет не только о словах, но о конституировании самой группы.

В терминах Лотмана, лингвистические парадоксы инклюзивного языка — это следствие того, что новый гендерный код (основанный на самоидентификации) и старый код (основанный на биосоциальных категориях) лишены общего метаязыка для перевода. Их противостояние является не просто спором о словах, а столкновением несоизмеримых картин мира. Прагматический сдвиг, когда слово становится «индексом знака», идеологическим маркером (что фиксирует КДА), с точки зрения Лотмана есть признак перехода языка в режим интенсивной автокоммуникации, где его главная функция — не передача информации вовне, а консолидация групповой идентичности и постоянное проведение границы со «своим» культурным пространством.

Наиболее драматично социальные и этические противоречия проявляются в ситуациях, где гендерная инклюзивность вступает в конфликт с безопасностью и юридической точностью. Ярким примером служит дело о систематическом сексуальном насилии над девочками в г. Ротереме. С точки зрения критического дискурс-анализа, замена точных формулировок («пакистанские мужчины-мигранты насилуют белых девочек») на гендерно- и этнически-нейтральные («насилие над детьми») представляет собой классическую дискурсивную практику сокрытия. Власть, в лице местных администраций и полиции, использует язык не для решения проблемы, а для ее нивелирования, подменяя конкретный анализ абстрактной риторикой. С точки зрения теории Лотмана, здесь сталкиваются два несовместимых культурных кода: код «политической корректности» (требующий избегать стигматизации этнических меньшинств) и код «защиты женщин и детей» (требующий называть вещи своими именами). «Взрывной» код политкорректности подавил традиционный код защиты, поставив язык в семиотическую ловушку, выход из которой оказался сопряжен с прямым ущербом для безопасности и справедливости.

Эпизод в Ротереме служит емкой иллюстрацией того, как описанные теоретически механизмы работают в трагической реальности. Он демонстрирует конвергенцию властного дискурса (КДА) и семиотического конфликта (Лотман): абстрактная риторика инклюзивности была использована властными институтами для сокрытия конкретной социальной проблемы, что привело к

семантическому коллапсу, в котором язык утратил способность адекватно описывать реальность.

Таким образом, инклюзивная коммуникация предстает как сложный и далеко не однозначный феномен. Критический дискурс-анализ раскрывает ее природу как инструмента власти и идеологической борьбы, а теория Ю.М. Лотмана — как симптом и катализатор глубокого культурного «взрыва». Парадокс, при котором стремление к инклюзивности оборачивается исключением и наносит вред, является системным следствием того, что язык становится полем борьбы за определение реальности. Эта борьба ведется между конкурирующими системами ценностей, властными институтами и культурными кодами, определяющими саму возможность высказывания.

6. Заключение

Проведенный анализ показывает, что гендерно-инклюзивная коммуникация, провозглашающая своей целью создание справедливого и равного для всех языкового пространства, на практике порождает комплекс системных противоречий и парадоксов в лингвистической, социальной и этической областях.

Лингвистические парадоксы коренятся в самой структуре языка. Стремление к инклюзивности приводит к одновременной унификации (нивелированию бинарных оппозиций) и дифференциации (дроблению категорий «мужчина» и «женщина»), что создает конфликт в категориальной основе языка. Переопределение базовых понятий через самоидентификацию ведет к семантической тавтологии и концептуальной неопределенности. Искусственное внедрение новых норм нарушает принципы конвенциональности, системности и синхронической стабильности языка, постулированные Ф. де Соссюром, а также ведет к потере коммуникативной точности в критически важных контекстах.

Социальные и этические противоречия оказываются не менее острыми. Язык как инструмент, призванный обеспечивать инклюзивность, сам становится механизмом исключения и маргинализации для инакомыслящих, что наглядно демонстрирует практика «отмены» и увольнений. Стремление к универсальности оборачивается стиранием конкретного исторического и культурного опыта традиционных гендерных групп, например, в дискурсе о материнстве или сексуальном насилии (события в Роттереме). Кроме того, наблюдается конфликт между идеологией инклюзивности и объективными биологическими реалиями, что порождает новые формы несправедливости, например, в спортивных состязаниях. Межкультурный аспект выявляет неоимпериалистический характер явления: попытки навязать англоцентричные лингвистические модели (напр., суффикс «-х» в испанском) игнорируют грамматические и культурные особенности других языков и встречают обоснованное сопротивление, в том числе со стороны маргинализированных сообществ Глобального Юга.

Теоретическое осмысление через призму критического дискурс-анализа позволяет интерпретировать инклюзивный язык не как нейтральный инструмент, а как дискурсивную практику власти, направленную на перераспределение символического капитала и утверждение «прогрессивной» гендерной идеологии. В рамках семиотической теории Ю.М. Лотмана этот феномен предстает как культурный «взрыв», при котором периферийный код пытается переопределить ядро семиосферы, что приводит к ожесточенной борьбе за смыслы и значения.

Таким образом, гендерно-инклюзивная коммуникация оказывается полем напряженного конфликта между конкурирующими системами ценностей, властными интересами и культурными кодами. Ее внутренние противоречия носят системный характер и не могут быть разрешены в рамках чисто лингвистических реформ, требуя открытого общественного диалога о пределах языкового конструирования реальности, ценности биологических и культурных фактов, а также балансе между стремлением к инклюзивности и фундаментальными правами человека, такими как свобода совести и слова.

Список литературы / References

- Боженко Ю.С., Эм Л.С., Калиновская Е.А. Языковые признаки гендерной нейтральности в английском и русском языках (на примере интернет-публикаций) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. № 15 (5). С. 1543–1547. [Bozhenko, Yulia S., Ludmila S. Ehm & Elena A. Kalinovskaya. 2022. Linguistic signs of gender neutrality in the English and Russian language (by the example of the internet publications). *Philology. Theory & Practice* 15 (5). 1543–1547. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30853/phil20220260>
- Васькова О.А. Представление гендера в английских фразеологических словарях // *Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Третьей международной конференции*. (Москва, 27–28 ноября, 2003 г.) С. 27–30. [Vas'kova, Oksana A. 2003. Predstavlenie gendera v angliiskikh frazeologicheskikh slovaryakh (Representation of gender in English phraseological dictionaries). *Gender: Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya: Proceedings, III International Conference (Moscow, November 27–28)*. 27–30. (In Russ.)].
- Гриценко Е.С. О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // *Вопросы психолингвистики*. 2021. №3 (49). С. 60–73. [Gritsenko, Elena S. 2021. New trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation in modern English. *Journal of Psycholinguistics* 3 (49). 60–73. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-60-73>
- Гриценко Е.С. Гендерные аспекты манипулирования в политической риторике (на материала английского языка) // *Вестник РГГУ. Серия: «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2025. № 3. С. 67–75. [Gritsenko, Elena S. 2025. Gender-based manipulations in political rhetoric (based on the English language material). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series* 3. 67–75. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2025-3-67-75>
- Гриценко Е.С., Сергеева М.В. Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в британской толковой лексикографии // *Вопросы лексикографии*. 2020. № 18. С. 22–51. [Gritsenko, Elena S. & Marina V. Sergeeva. 2020. Current trends in gender conceptualization and their reflection in English Learner's Dictionaries.

Voprosy lexicografii — Russian Journal of Lexicography 18. 22–51. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17223/22274200/18/2>

- Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // *Гендер как интрига познания*: сб. статей. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35. [Dobrovolskii, Dmitrii O. & Alla V. Kirilina. 2000. Feministskaya ideologiya v gendernykh issledovaniyakh i kriterii nauchnosti (Feminist ideology in gender studies and scientific criteria). *Gender as an Intellectual Puzzle: Collected Articles*. 19–35. Moscow.: Rudomino. (In Russ.)].
- Евтушенко О.В. Перевод на русский: к обсуждению влияния инноваций в языке на национальный менталитет // *Перевод как профессия, наука, творчество*. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. 1. Москва, Изд-во МГЛУ, 2023. С.10–18. [Evtushenko, Olga V. 2023. Perevod na russkii: k obsuzhdeniyu vliyaniya innovatsii v yazyke na natsional'nyi mentalitet (Translation into Russian: Language innovation and its impact on national mentality). *Translation as a Profession, a Science, and an Art*. Conference Proceedings Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vol. 1. 10–18. Moscow: MGLU. (In Russ.)].
- Зими́на Е.В., Авилова Е.А., Аслаева Ю.Г. Анализ гендерно-нейтральной лексики в деловом общении современных предпринимателей // *Экономика и предпринимательство*. 2024. 8 (169). С. 838–841. [Zimina, Evgeniya V., Avilova E.A., & Aslaeva Y.G. 2024. Analiz genderno-neitral'noi leksiki v delovom obshchenii sovremennykh predprinimatelei (Analysing gender-neutral words in business communication of Russian Entrepreneurs). *Economics and Entrepreneurship* 8 (169). 838–841. (In Russ.)].
- Кирилина А.В. Гендер: Лингвистический аспект. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. [Kirilina, Alla V. 1999. *Gender: Lingvisticheskii aspekt (Gender: A Linguistic Perspective)*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // *Общественные науки и современность*, 2000. 4. С.138–143. [Kirilina, Alla V. 2000. Gendernye issledovaniya v zarubezhnoi i rossiiskoi lingvistike (Filosofskii i metodologicheskii aspekty) (Gender studies in Russia and abroad: Philosophic and methodological aspcts. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* 4.138–143. (In Russ.)].
- Кирилина А.В. Семиотические особенности гендерных репрезентаций в современной России [Semiotic features of gender representations in contemporary Russia]. (In Russ.) // *New Approaches to Gender and Queer research in Slavonic Studies. Proceedings of the International Conference “Language as a Constitutive Element of a Gendered Society — Developments, Perspectives and Possibilities in the Slavonic Languages* (Innsbruck, 1–4 October 2014). In (ed.) Dennis Scheller-Boltz. Serie: Die Welt der Slaven. Sammelbände. Band 59. Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 2015. 33–49.
- Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // *Вопросы психолингвистики*. 2021. 3 (49). 109–147. [Kirilina, Alla V. 2021. Gender and gender linguistics at the border of the millennium. *Journal of Psycholinguistics* 3 (49). 109–147. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>
- Ковалева Е.В., Кошмина А.С., Власенко Н.И. Гендерная нейтральность языка и ее влияние на языковые нормы // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2022. 12 (3). 68–76. [Kovaleva, Ekaterina V., Anna S. Koshmina & Natalya I. Vlasenko. 2022. Gendernaya neutral'nost' yazyka i ee vliyanie na yazykovye normy (Gender neutrality and its influence on language norms). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy* 12 (3). 68–76. (In Russ.)].

- Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. 25 (1). 194–220. [Leontovich, Olga A. 2021. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 194–220. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220>
- Леонтович О.А. Лингвоэтические аспекты политической корректности // *Язык и культура*. 2025. № 69. С. 59–82. [Leontovich, Olga A. 2025. Linguistic and ethical aspects of political correctness. *Language and Culture* 69. 59–82. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.17223/19996195/69/3>
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. [Lotman, Yury M. 1999. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* (Inside the thinking worlds: Man — text — semiosphere — history). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)].
- Майба В.В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. [Majba, Vita V. 2016. *Politicheskaya korrektnost' kak lingvoideologicheskoe yavlenie i ee recepciya v russkoi lingvokul'ture* (Political correctness as a lingua-ideological phenomenon and its reception in Russian culture). Rostov-on-Don: Rostov State Transport University. (In Russ.)].
- Маринина Е.В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2012. 2. С. 78–86. [Marinina, Elena V. 2012. O nekotorykh tendentsiyakh yazykovoï politiki USA i Velikobritanii (On recent trends in the language policy of the USA and Great Britain). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* 2. 78–86. (In Russ.)].
- Маслова Л.Н. Научная дискуссия как институциональный феномен // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2010. 584. 189–199. [Maslova, Lubov N. 2010. Nauchnaya diskussiya kak institutsional'nyi fenomen (Academic discussion as an institutionalized phenomenon). *Vestnik of Moscow State Linguistic University* 584. 189–199. (In Russ.)].
- Себрюк А.Н. Об учете андроцентризма и гендерной асимметрии в обучении современному английскому языку // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. 2017. № 1. С. 75–85. [Sebryuk, Anna N. 2017. Ob uchete androtsentrizma i gendernoï asimmetrii v obuchenii sovremennomu angliiskomu yazyku (Considering androcentrism and gender asymmetry in teaching modern English). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin* 1. 75–85. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2017.1.8>
- Чернявская В.Е. Социальное значение в зеркале политической корректности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021. 18 (2). С. 383–399. [Chernyavskaya, Valeria E. 2021. Social meaning in the mirror of political correctness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature* 18 (2). 383–399. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.208>
- Шаров К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // *Вопросы философии*. 2010. № 3. С. 30–43. [Sharov, Konstantin S. 2010. Na temnoi storone politkorrektnosti: genderno-neitral'nyi novoyaz (On the black side of political correctness: Gender-neutral newspeak. *Voprosy Filosofii* 3. 30–43. (In Russ.)].
- Abbou, Julie. 2023. Inclusive writing. *Gender and Language* 17 (2). 148–173. <https://doi.org/10.1558/genl.20021>
- Balbach, Anna-Maria. 2025. Emilia, Noah, or Charly? Current Developments of Boys', Girls' and Gender-Neutral Names in Germany and Other (European) Countries. *Sociolinguistic Studies* 19 (1–2). 36–66. <https://doi.org/10.3138/SS-2024-0021>

- Baran, Dominika. 2023. Defending Christianity from the ‘rainbow plague’: Historicised narratives of nationhood in the anti-genderism register in Poland. *Gender and Language* 17 (1). 77–101. <https://doi.org/10.1558/genl.18548>
- Bilá, Magdalena & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24 (2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Borba, Rodrigo & Maria Rafaela Silva. 2024. Trans language activism from the Global South. *Journal of Sociolinguistics* 28. 9–14. <https://doi.org/10.1111/josl.12658>
- Bourdieu, Pierre. 1989. Social space and symbolic power. *Sociological Theory* 7 (1). 14–25. <https://doi.org/10.2307/202060>
- Burnett, Heather & Pozniak Celine. 2021. Political dimensions of gender inclusive writing in Parisian universities. *Journal of Sociolinguistics* 25. 808–831. <https://doi.org/10.1111/josl.12489>
- Butler, Judith. 1990. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York and London: Routledge.
- Cameron, Debora. 1985. *Feminism and Linguistic Theory*. The MacMillan Press LTD. London and Basingstoke.
- Cameron, Debora. 2005. Language, gender, and sexuality: Current issues and new directions. *Applied Linguistics* 26 (4). 482–502. <https://doi.org/10.1093/applin/ami027>
- de Bres, Julia. 2024. Decolonising trans-affirming language in Aotearoa. *Journal of Sociolinguistics* 28 (3). 30–34. <https://doi.org/10.1111/josl.12657>
- Eckert, Penelope & Robert Podeshva. 2021. Non-binary approaches to gender and sexuality. In Jo Angouri & Judith Baxter (eds.), *The Routledge handbook of language, gender, and sexuality* (1st ed.), 25–36. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315514857>
- Eslami, Zohreh R., Tatiana Larina & Roya Pashmforoosh. 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics* 27 (1). 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>
- Fairclough, Norman. 1989. *Language and Power*. 1-st edition. Pierson Education Ltd.
- Fairclough, Norman. 2003. Political correctness: The politics of culture and language. *Discourse and Society* 14 (1). 17–28. <https://doi.org/10.1177/0957926503014001927>
- George, Angela, Diana Carter & Fransis Langevin. 2025. Gender-neutral language practices by nonbinary and gender-diverse Spanish-speakers. *Gender and Language* 19 (2). 133–157. <https://doi.org/10.3138/gl-2025-0013>
- Lakoff, Robin. 1975. *Language and Woman’s Place*. Harper and Row: New York.
- Luck, Christiane. 2020. *Rewriting Language: How Literary Texts Can Promote Inclusive Language Use*. UCL Press. <https://doi.org/10.14324/111.9781787356672>
- Pauwels, Anne. 1998. *Women Changing Language*. Longman: London, New York, 1998
- Reichelt, Susan & Morana Lukač. 2025. Negotiating gender-fair language on YouTube: A micro approach to studying normative linguistic behaviour. *Journal of Language and Discrimination* 8 (2). 192–216. <https://doi.org/10.3138/jld-2024-0104>
- Salerno, Paula & Maria F. Rizzo. 2024. Gender-inclusive language in the Argentine digital public discourse: A glottopolitical perspective. *Language and Discrimination* 8 (2). 141–164. <https://doi.org/10.3138/jld-2024-0102>
- Salinas, Cristobal & Adele Lozano. 2021. History and evolution of the term Latinx. In Enrike G. Murillo, Dolores Delgado Bernal, Socorro Morales, Luis Urrieta Jr., Eric Ruiz Bybee, Juan Sánchez Muñoz, Victor B. Saenz, Daniel Villanueva, Margarita Machado-Casas & Katherine Espinoza (eds.), *Handbook of Latinos and Education. Theory, Research, and Practice* (2-nd edition), 249–263. Rutledge. <https://doi.org/10.4324/9780429292026>
- Sheydaei, Iman. 2021. Gender identity and nonbinary pronoun use. *Gender and Language* 15 (3). 368–393. <https://doi.org/10.1558/genl.18871>

- Shu, Min Yuen. 2024. Beyond “correctness”. *Journal of Sociolinguistics* 20 (3). 35–39. <https://doi.org/10.1111/josl.12656>.
- Spender, Dale. 1994. *Man Made Language*. 2nd edition. London: Pandora.
- Zimman, Lal. 2017a. Gender as stylistic bricolage: Transmasculine voices and the relationship between fundamental frequency and /s/. *Language in Society* 46 (3). 339–370. <https://doi.org/10.1017/S0047404517000070>
- Zimman, Lal. 2017b. Transgender language reform. *Journal of Language and Discrimination* 1 (1). 84–105. <https://doi.org/10.1558/jld.33139>
- Zimman, Lal. 2024. Trans language activism and intersectional coalitions. *Journal of Sociolinguistics* 28. 3–8. <https://doi.org/10.1111/josl.12661>
- Walter, Daniel & Avery Long. Beyond xier: An exploration of German nonbinary pronoun usage and discourse on Twitter. *Language and Gender* 19 (2). 209–231. <https://doi.org/10.3138/gl-2025-0010>

Источники / Sources of the material

- ACLU apologises for changing Ruth Bader Ginsburg quote to be gender-neutral. In *Independent*. September 28, 2021. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/aclu-ruth-bader-ginsburg-abortion-gender-neutral-b1928809.html> (accessed January 15, 2026).
- A modest proposal. In: Cameron, D. *language: a feminist guide* (blog). URL: <https://debuk.wordpress.com/2024/07/30/a-modest-proposal/> (accessed 18 September, 2025).
- APA Style. Gender. Pronoun and noun use. URL: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/bias-free-language/gender>
- BMC Pregnancy and Childbirth. July 2, 2021. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8250556/> (accessed January 5, 2026).
- Humanium: Confronting group-based child sexual exploitation in the UK URL: <https://www.humanium.org/en/confronting-group-based-child-sexual-exploitation-in-the-uk/> (accessed January 8, 2026).
- Inclusive Language Guidelines. Author Resources. Wiley. URL: <https://authorservices.wiley.com/author-resources/Journal-Authors/Prepare/manuscript-preparation-guidelines.html/inclusive-language-guidelines.html> (accessed January 5, 2026).
- Guardian: Sussex professor resigns after transgender rights row. October 28, 2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/oct/28/sussex-professor-kathleen-stock-resigns-after-transgender-rights-row> (accessed September 8, 2025)
- Pew Research Center: About One-in-Four U.S. Hispanics Have Heard of Latinx, but Just 3% Use it. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/race-and-ethnicity/2020/08/11/about-one-in-four-u-s-hispanics-have-heard-of-latinx-but-just-3-use-it/> (accessed August 25 2025).
- Remarks by Vice President Harris in a Roundtable with Disability Advocates. July 26, 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/07/26/remarks-by-vice-president-harris-in-a-roundtable-with-disability-advocates/> (accessed September 5, 2025).
- Equality in America Town Hall with Sen. Kamala Harris (D-CA), Presidential Candidate. Aired 9:30-10p ET. URL: <https://transcripts.cnn.com/show/se/date/2019-10-10/segment/05> (accessed September 8, 2019).
- Medi-Cal for Pregnancy. URL: <https://www.coveredca.com/health/medi-cal/pregnant-women/> accessed January 15, 2026).
- New York Post: Transgender man who gave birth slams nurses who called him ‘Mom’. December 22, 2021. URL: <https://nypost.com/2021/12/22/transgender-man-who-gave-birth-slams-docs-who-called-him-mom/>

New York Post: CNN host Fareed Zakaria argues Dems made 3 major errors in loss to Trump in scathing takedown. Nov.10, 2024. URL: <https://nypost.com/2024/11/10/us-news/cnn-host-fareed-zakaria-offers-3-reasons-harris-lost-to-trump-in-scathing-takedown-of-dems/> (accessed August 25, 2025).

Operation Stonewood — the NCA’s investigation into child sexual abuse in Rotherham. National Crime Agency. URL: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/what-we-do/crime-threats/operation-stovewood-rotherham-child-sexual-abuse-investigation> (accessed September 18, 2025).

Presidential Actions. Defending women from gender ideology extremist and restoring biological truth to the federal government. January 20, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/defending-women-from-gender-ideology-extremism-and-restoring-biological-truth-to-the-federal-government/> (accessed August 25, 2025).

Wisconsin Public Radio: Wisconsin teacher suing school district after being fired for not using students’ preferred pronouns. August 6, 2024. URL: <https://www.wpr.org/news/wisconsin-teacher-suing-school-district-fired-not-using-students-preferred-pronouns>

Словари / Dictionaries

ALDCE: A.S. Hornby, E.V. Gatenby, & H. Wakefield. *The Advanced Learner’s Dictionary of Current English*. First published 1948. Oxford University Press, 1958.

OALD: A.S. Hornby. *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English*. Ed. by Sally Wehmeier. 7th edition, 2005. Oxford University Press.

Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed September 8, 2025).

Article history:

Received: 18 October 2025

Accepted: 25 January 2026

Сведения об авторе:

Елена Сергеевна ГРИЦЕНКО — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка № 3, МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация. Сфера научных интересов — социолингвистика, дискурс-анализ, язык и культура, язык и гендер. Является автором и соавтором многочисленных публикаций на русском и английском языках, включая монографии, главы в книгах и статьи в международных научных журналах, в том числе *World Englishes*, *Language and Communication* и др.

e-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

Bionote:

Elena S. GRITSENKO is Dr. Habil. in Linguistics, Professor of English Department No. 3 at MGIMO University, Moscow, Russian Federation. Her research interests include sociolinguistics, discourse analysis, language and culture, language and gender. She is author and co-author of numerous publications in Russian and English, including monographs, chapters in edited volumes, and articles in international peer-reviewed journals such as *World Englishes*, *Language and Communication*, and others.

e-mail: elena.s.gritsenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8669-360X>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-47921>

EDN: ACFVQA

Research article / Научная статья

Legitimacy of varieties of English as a non-native language

Zoya G. PROSHINA

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 proshinazoya@yandex.ru

Abstract

The article discusses the status of varieties of a pluricentric language, such as Russian English, Chinese English, among others. Some linguists waive this status because the language system of these varieties is not based on their own norms but is grounded on the norms of other varieties, either British or American. However, speakers of these varieties use them as lingua francas for communication and their Englishes are easily recognized as non-British or non-American, i.e., their varieties serve for linguacultural identification of the users. This is due to the fact that each variety is underpinned by the users' culture and mindset and reflects traces of the users' native languages, which allows us to make a conclusion that local varieties are not bound to the "political map" of the region (one of the critical arguments against world Englishes) but they are associated with their ethnic cultures. The article is an analytical review of the debatable issues of the World Englishes paradigm, English as a Lingua Franca theory, and English as an International Language concept. It aims to reveal factors that make it possible to recognize Expanding Circle varieties, to state the major features and functions of Russian English. The author focuses on some practical textbooks aimed at teaching world Englishes and their cultures. The method of corpus analysis of Russian English was used. Quantitative and comparative analysis of research articles in the leading sociolinguistic journals (*World Englishes* and *English Today*) was conducted to reveal the overwhelming predominance of Chinese English research as compared with that of Russian English. The author concludes that world Englishes of the Expanding Circle are legitimate varieties that have variable exonorms. Certain trends for their endonorms to start forming are revealed.

Key words: *a variety of a pluricentric language, Kachru's three circles, lingua franca, English as an International Language, Russian English, Chinese English*

For citation:

Proshina, Zoya G. 2026. Legitimacy of varieties of English as a non-native language. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 82–104. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-47921> EDN: ACFVQA

© Zoya G. Proshina, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Легитимность вариантов английского языка как неродного

Зоя Григорьевна ПРОШИНА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*
 proshinazoya@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о статусе вариантов плюрицентричного языка — таких как русский английский, китайский английский и др. Некоторые лингвисты отказывают этим идиомам в статусе варианта на том основании, что их языковая система ориентирована не на собственные нормы, а на нормы других вариантов, преимущественно британского и/или американского. Однако большинство говорящих используют эти варианты для коммуникации как лингва франка, и их речь легко опознается как небританская и неамериканская, т. е. их варианты одновременно выступают и как средство культурно-языковой идентификации. Это происходит потому, что в основе каждого варианта лежит культура и менталитет его пользователей, а также в разной степени отражаются следы их родного языка, что позволяет говорить о том, что локальные варианты привязаны не к «политической карте» своего региона (один из факторов критики вариантов), а к культуре своего этноса. Статья представляет собой аналитический обзор дискуссионных проблем парадигм контактной вариантологии, английского языка как лингва франка и английского как международного языка. Цель статьи — установить факторы признания вариантов английского языка расширяющегося круга и определить основные функции и черты русского варианта английского языка. В статье представлен анализ практических учебных пособий, нацеленных на знакомство с вариантами английского языка и соответствующими культурами. Использовались методы корпусного анализа конкретных вариантов, количественно-сопоставительный метод представленности двух вариантов (русского английского и китайского английского) в двух ведущих социолингвистических журналах (*World Englishes* и *English Today*), в результате чего обнаружено значительное доминирование исследований китайского варианта английского языка по сравнению с русским. В заключение исследования сделан вывод о легитимности вариантов расширяющегося круга, существовании в них вариативных экзонорм, тенденции к началу формирования некоторых эндонорм, отличающих их от эндонорм вариантов внутреннего круга.

Ключевые слова: вариант плюрицентричного языка, три круга Качру, язык-посредник, английский язык как международный, русский вариант английского языка, китайский вариант английского языка

Для цитирования:

Прошина З.Г. Легитимность вариантов английского языка как неродного. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 82–104. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-47921> EDN: ACFVQA

1. Введение

Вопрос о легитимности вариантов английского языка, не являющегося родным языком пользователей, поставленный еще в конце XX — начале XXI в., сегодня часто предполагает позитивное утверждение. Тем не менее, до сих пор встречаются сомневающиеся в этом вопросе и даже категорично

отрицающие вариантный статус языка, приобретенного в результате изучения через систему образования страны в качестве «иностранный язык», как полноправного идиома. Подобного рода дискуссии побудили нас еще раз взяться за обсуждение данной проблемы, несмотря на то что в той или иной степени она затрагивалась и на страницах настоящего журнала (Hino 2020, Proshina & Nelson 2020), а также других журналов (Berns 2019, D'Angelo 2013, Д'Анджело 2014) и книг (Jenkins 2017).

Проблема легитимности статуса неродного языка затрагивает все плюрицентричные языки, само определение которых, предложенное Майклом Клайном (Clayne 1992), дает основание для сомнения в признании статуса варианта идиом, подобных русскому английскому или китайскому английскому. М. Клайн называет плюрицентричным язык, имеющий несколько очагов развития (центров стандартизации), т. е. используемый несколькими странами в качестве официального и принимаемый ими в их собственной норме, отражающей их культурно-языковые особенности, что приводит к варьированию этого языка (Clayne 1992). Названный в этом определении признак функционирования в качестве официального языка не относится к вариантам, называемым «русский английский» или «китайский английский», которые не являются официальными языками в своих странах и у которых нет собственных норм, выработанных внутри именно их языковой системы, поскольку они опираются на нормы вариантов, служащих в качестве модели обучения, обычно нормы британского и американского. Именно по данному признаку этим идиомам чаще всего отказывают в статусе варианта (см., например, Bruthiaux 2003, Dröschel 2011). Однако нет сомнения, что у вариантов неродного для пользователей языка есть собственные культурно-языковые особенности, и благодаря им варианты отличаются как друг от друга, так и от британского или американского вариантов, обычно представляющих модели обучения.

Сказанное касается не только английского как глобального плюрицентричного языка. Плюрицентричные языки включают испанский (см. Фирсова 2000, 2002, Раевская 2021), французский (Загряжская 2015, Куксова 2021), немецкий (Muhr 2008, Едличко 2020, 2023, 2024) и многие другие европейские и азиатские языки.

Цель данной статьи — установить факторы признания вариантов английского языка расширяющегося круга и определить основные функции и черты русского варианта английского языка как представителя расширяющегося круга. В статье будут даны ответы на следующие исследовательские вопросы: можно ли признать законным статус варианта, не являющегося родным языком пользователя, например, русского английского и/или китайского английского; какие факторы способствуют признанию таких вариантов; как проявляется развитие стандартизации в таких вариантах?

2. Материал и методы исследования

Аналитический обзор, проведенный в данной статье, опирается на научные монографии и статьи, составляющие парадигму контактной вариантологии, известной за рубежом как *World Englishes paradigm*. Привлекались также материалы дискуссии между сторонниками направления «английский как лингва франка» (*English as a Lingua Franca, ELF*) — в частности, Дж. Дженкинс (Jenkins 2009) и Б. Зайдльхофер (Seidlhofer 2009) — и контактной вариантологии — см. М. Бернс (Berns 2009), А. Пакир (Pakir 2009) — о разграничении терминов ‘варианты английского языка’ (*world Englishes*) и ‘английский как лингва франка’ ‘*ELF*’ (Symposium, 2009). Статистические данные взяты из научно-публицистических статей и отчетов ИСИЭЗ (Института статистических исследований и экономики знаний) НИУ ВШЭ и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). Был проведен анализ практических учебных пособий, нацеленных на знакомство с вариантами английского языка и соответствующими культурами, лежащими в их основании. Представление о дистинктивных признаках русского варианта английского языка сформировано на основе наблюдений и анализа собранного автором данной работы корпуса англоязычных статей русских авторов, предоставивших их для публикации в виде материалов конференций. Для сопоставления публикационной активности и представленности русского и китайского вариантов английского языка в специализированных научных журналах “*World Englishes*” издательства “*Wiley-Blackwell*” и “*English Today*” издательства Кембриджского университета использован количественный метод, результаты которого представлены в таблице.

3. Функциональная классификация вариантов английского языка и их нормы

В отношении английского языка полезной моделью классификации вариантов, имеющей достаточную объяснительную силу, стала теория трех концентрических кругов американского лингвиста индийского происхождения Баджа Б. Качру (Kachru 1985). Согласно этой модели варианты английского языка делятся на три большие группы по функциональному признаку. Первая группа составляет внутренний круг, куда входят варианты, функционирующие как национальные (государственные) языки, обслуживающие самые разные сферы деятельности. Вторую группу Б. Качру определил как внешний круг — он объединил варианты, сформированные в бывших колониальных странах в результате контакта с автохтонными языками, а ныне являющиеся вторыми официальными языками в постколониальных странах. Основные функции, выполняемые этими вариантами — регулятивная (в сфере управления, в суде, в бизнесе), инструментальная (в образовании), интерперсональная (но не для всего населения, а лишь его части) и креативная (в литературе, средствах массовой информации и т. д.). Пример функционального

исследования индийского варианта английского языка — варианта внешнего круга — представлен в статье Т.В. Лариной и Н. Сурьянараян (Larina & Suryanarayan 2023). В третью группу, представляющую расширяющийся круг, входят варианты английского языка, неродные для пользователей, в речи которых они образуются в результате обучения в образовательных заведениях. Основная функция этих вариантов — служить средством межкультурной коммуникации, но, как показывает современная практика, постепенно происходит расширение функций английского языка и в странах расширяющегося круга (в образовании, науке, рекламе, литературе, бизнесе и т. д.).

Следует отметить, что, несмотря на широкую распространенность классификации трех кругов Качру, ее нередко критикуют. Кто-то видит в ней одновременное использование классификаций по нескольким критериям: функциональному, историческому и лингводидактическому (Jenkins 2003, Seargeant & Swann 2012). В ответ на эту критику можно существенно возразить: функциональный параметр в данной классификации явно доминирует.

Другие критикуют теорию трех кругов из-за ее нестабильности, вызванной миграцией населения и вместе с этим — миграцией языков (Galloway & Rose 2015). Это возражение предусмотрел и сам основатель теории, утверждавший условность схемы, не проводящей четких разграничительных линий между кругами — в результате изменений в языковой политике варианты могут переходить из одного круга в другой, что как раз и является следствием критерия функциональности данной теории. Например, ирландский английский, будучи постколониальным вариантом и по этому признаку относящийся к внешнему кругу, сегодня выполняет практически все функции национального языка, поскольку им владеет практически все население Ирландии, и на этом основании его уже относят к внутреннему кругу. С другой стороны, Б. Качру относил Малайзию к странам внешнего круга, как и Сингапур, но в 1970-х годах Малайзия отказала английскому языку в статусе второго официального языка, и тем самым малазийский английский перешел в расширяющийся круг. По всей видимости, следует дополнить теорию трех кругов теорией поля, тогда часть вариантов в каждом круге будут составлять ядро круга, а другая часть — находиться на пересекающихся перифериях. В этом случае модель трех кругов будет обладать большей объяснительной силой.

Третье критическое замечание (см., например, Schneider 2017a) касается неоднородности отдельных вариантов, которые могут рассматриваться и как локальные, и как региональные идиомы, включающие в свой состав разные этнические подварианты, образованные также в результате контакта английского языка с языками местного населения. Например, американский вариант английского языка включает в себя не только стандартизированный общий английский, но и афро-американский (эбоникс), мексиканский английский (чикано), луизианский (французско-английский, или каджун), гавайский английский (аборигенный английский) и др.). Аналогично и русский

английский можно было бы считать региональным вариантом, поскольку Российская Федерация — многонациональное и мультикультурное государство, и каждая культура имеет свои реалии, отражаемые в том числе и в английском языке. Когда после Брежневского встал вопрос о появлении нового варианта евроанглийского, развивающегося с отклонением от британского, многие критически восприняли эту идею в связи с отсутствием монолитности языка и культуры в Европейском Союзе и были правы в этих рассуждениях. Теперь говорят об опирающихся на свои культуры французском английском, немецком английском и других локальных этнических вариантах английского языка в Европе, *European Englishes* (Schmied 2010, Crystal 2017, Schneider 2017b), а евроанглийский воспринимается либо как региональное абстрактное обобщение, либо как специфический бюрократический язык европарламента (James 2000, Deneire 2017).

Четвертое критическое возражение (Bruthiaux 2003) против теории кругов Качру заключается в том, что эта классификация смыкается с политической картой мира, то есть ориентируется не на лингвистические признаки вариантов, а на политические границы между ними, которые не всегда совпадают с социолингвистической реальностью (Saraceni 2015: 52). Несмотря на это возражение, сложившаяся конвенция такова, что варианты, как и культуры, лежащие в их основании, продолжают называть по ассоциации со странами, в которых они функционируют.

Абсолютно все варианты — всех трех кругов — имеют нормы, но они разные по своей природе. В вариантах внутреннего круга (англо-британском, шотландском, ирландском, американском, канадском, австралийском и новозеландском) свои собственные эндонормы стандартизированы внутри этих вариантов, но кодифицированы они в разное время (например, кодификация австралийского и новозеландского вариантов произошла только в 1970–1980-х гг.), и фактически в начале своего развития данные варианты опирались на британские экзонормы. Стандартизация этих вариантов произошла в результате культурно-языкового осознания пользователями особенностей собственного языка, менталитета и культуры.

Сейчас подобный процесс стандартизации происходит с вариантами внешнего круга, где идет процесс признания и стандартизации эндонорм (Hickey 2012), несмотря на то, что некоторые лингвисты и образовательные учреждения по-прежнему ратуют за экзонормы, заимствованные из британского или американского вариантов. Поскольку процесс создания эндонорм в вариантах внешнего круга еще полностью не завершился, немецкие лингвисты Д. Мукхерджи и Т. Бернайш (Mukherjee & Bernaisch 2021: 171) называют такие варианты полуавтономными (*semi-autonomous*) — примером может быть индийский английский.

В вариантах расширяющегося круга имеются экзонормы, также строящиеся преимущественно на британской и/или американской моделях. Особенностью вариантов этого круга оказывается бóльшая вариативность норм,

нередко приводящая к их смешению, созданию «эклeктичных норм» (Modiano 2024: 221). Как писал в одной из своих работ о европейских вариантах английского языка, также относящихся к расширяющемуся кругу, Марко Модiano (Modiano 2002), развитие норм европейских вариантов английского языка допускает смешение британских и американских форм, обогащенных содержанием локальной культуры, с предпочтением «ситуационной адаптации» последовательному единству норм (Modiano 2002: 246). В зависимости от ситуации общения и участвующих в ней коммуникантов представителям вариантов расширяющегося круга приходится приспосабливаться к нормам своих коммуникантов, что объясняет, например, почему русские студенты, обучающиеся в австралийских университетах, принимают австралийскую норму речи, а инженеры и технический персонал, находящиеся в долгой командировке в Индии, повторяют формы индийского английского.

Таким образом, аргумент об отсутствии норм в вариантах расширяющегося круга представляется неправомерным. Нормы есть у всех вариантов, но они разные. Многие ныне считающиеся национальными варианты внутреннего круга когда-то опирались на экзонормы, а теперь выработали собственные эндонормы. В вариантах внешнего круга в настоящее время происходит формирование эндонорм. Варианты расширяющегося круга имеют экзонормы, но в отличие от вариантов, чьи нормы они используют в качестве модели, они отличаются гораздо большей вариативностью и даже смешением норм. Развитие в них собственных норм — перспектива будущего, начальные явления этого процесса только появляются.

4. Сущность варианта языка и его динамика

Дальнейшее обсуждение статуса идиом расширяющегося круга требует определения термина «вариант». Вариантами плюрицентричного языка называются особые языковые и речевые образования, появляющиеся в результате языковых контактов, имеющие социолингвистическую природу, характеризующиеся специфическими чертами в результате влияния автохтонного языка и отражения автохтонной культуры. Мы говорим о языковых и речевых образованиях, что как раз связано с некоторым изменением языковой системы, происходящим во внутреннем и внешнем кругах, обусловленным изменением языковой нормы. Сначала изменения происходят в речевом узусе образованных пользователей вариантов, потом эти изменения постепенно переходят в письменный узус, который вытесняет старую норму и подвергается кодификации. Как пишет известный российский социолингвист Л.П. Крысин, «постоянно изменяющийся, пополняемый новшествами узус, живая речевая практика оказывает давление на традиционную норму» (Крысин 2017: 24). Так происходят изменения в языковой системе, характеризующейся эндонормой (примером может быть изменение нормы в согласовании подлежащего *data* с глаголом в единственном числе, закрепившееся в словарях и грамматиках сравнительно недавно: *the data is...* и демонстрирующее

динамику изменения норм внутреннего круга). В расширяющемся круге наблюдаются изменения (в сравнении с моделью обучения) в речевой деятельности — именно поэтому Б. Качру характеризовал варианты расширяющегося круга как *performance varieties*, т. е. речевые варианты, или варианты речевого исполнения; их языковая система остается в сравнительно неизменной форме модели обучения, т. е. «языкового идеала, который имеется в голове учителя и ученика при осуществлении преподавания и при изучении языка»¹ (Kachru 1981: 286). Этот языковой идеал подается учащемуся как инпут (input), т. е. входной материал, входящая информация, а вот на выходе (output) получается речевой вариант с трансференционными признаками родного языка и культуры обучающегося. У одних пользователей варианта эти признаки проявляются в большей степени, у других — в меньшей. Когда речь идет о варианте как социолингвистическом феномене, во внимание принимаются усредненные черты, типичные для многих (но не всех) членов социума и проявляющиеся в разной степени интенсивности. Эти черты как раз служат дистинктивными признаками, позволяющими отличать один вариант от другого и идентифицировать носителей тех или иных вариантов.

Как и языки, варианты представляют собой неоднородные явления. В теории Б. Качру (Kachru 1983) их представляют как билингвальный континуум, делящийся на три лекта: акролект — мезолект — базилект. *Акролект* — это такая часть континуума, которая свойственна образованным людям, использующим язык в формальной ситуации. Акролектная речь основана на письменной норме и характеризуется лишь небольшим фонетическим акцентом, отличающим говорящего от речи образованного носителя языка. *Мезолект* основан на разговорной норме (Standard Spoken English), в российской грамматике, чаще называемой узусом образованных пользователей. Мезолект используется образованными людьми в неформальной ситуации либо в формальной ситуации, когда в силу каких-то психологических причин (усталость, расстройство, нервозность, гнев и пр.) человек теряет в некоторой степени контроль над своей речью. *Базилект* представляет собой гибридную, пиджинизированную речь, свойственную людям, обладающим слабой языковой компетенцией. Базилект характерен для изучающих язык, но находящихся на низком уровне владения им. По-английски он часто именуется learner's English. В зависимости от функциональной задачи пользователь варианта с высоким уровнем владения языком может двигаться от акролекта (используемого, например, на работе) к мезолекту (дома, в семейной обстановке) и даже к базилекту (общаясь, например, с торговцами на рынке). Однако обратное движение от базилекта вверх континуума невозможно в силу недостаточной языковой компетенции не очень образованного пользователя.

Китайские лингвисты предложили именовать лекты разными терминами: акролект — *China English*, мезолект — *Chinese English*, а гибридный

¹ Перевод здесь и далее наш. — З.П.

базилект — *Chinglish* (Ge 1980). И несмотря на то что такое разграничение номинаций не принято повсеместно, оно представляется весьма целесообразным. В отношении русского варианта английского языка можно было бы говорить об акролектном *Russia's English* (уже никем не оспаривается тот факт, что английский язык принадлежит всем тем, кто использует его как средство коммуникации, потому притяжательный падеж весьма уместен: это вариант, который принадлежит русским коммуникантам); мезолектном *Russian English* и базилектном *Ruslish*, или *Runglish*. Поскольку описание вариантов осуществляется с учетом наибольшего количества признаков, которые проявляются в мезолекте², общее название русского варианта английского языка обычно предстает как *Russian English* (Proshina & Eddy 2016). Ассоциировать же *Ruslish* со всем вариантом, как это иногда делают наши коллеги, а не его лишь третьей частью, представляется неуместным, поскольку базилект несет на себе стигму идиома необразованных пользователей и потому имеет негативную тональность, в то время как вариант — нейтральный феномен, используемый в первую очередь людьми, хорошо владеющими английским языком и выражающими на нем свой менталитет и свою культуру.

5. Начало кодификации вариантов расширяющегося круга

Итак, несмотря на отсутствие собственных норм, варианты расширяющегося круга опираются на экзонормы уже кодифицированных вариантов, которые им необходимы в той или иной жизненной ситуации или представляются предпочтительными, к которым они приучены в своих образовательных заведениях; при этом нередко имеет место непоследовательное употребление и смешение вариантных экзонорм. Своих собственных норм у этих вариантов нет, но до определенного времени. Например, уже сейчас некоторые аспекты китайского варианта английского языка начинают стандартизироваться: с 2000 г.³ отрегулировано использование современного стандарта латинизации китайских слов — пиньинь, которому поначалу противились американские синологи. С 2014 г. китайские лексикографы начали колоссальный проект по созданию онлайн-словаря китайского варианта английского языка (Qin & Gao 2020), который, как планируется, должен отразить лексический итог контактов китайского и английского языков на разных территориях, тем самым фиксируя все разновидности китайского английского: гонконгского, сингапурского, собственно континентального и др. Если этот проект будет реализован, словарь станет лексикографической кодификацией китайского

² В акролекте речь чаще всего является нормативной, вариантные черты могут проявляться лишь в легком фонетическом акценте, потому для описания вариантов чаще всего прибегают к сбору типичных черт на мезолектном уровне.

³ В 2000 г. Библиотека конгресса США перевела все свои китайские каталоги на пиньинь, и эта дата стала отправной точкой закрепления китайского письменного стандарта латиницы (пиньинь).

английского и покажет дифференциацию использования слов в разных китайских социумах, использующих английский язык.

Образовательная кодификация также осуществляется через описание варианта в серьезных теоретических источниках — монографиях, энциклопедиях, статьях. Из всех вариантов расширяющегося круга китайскому английскому посвящено наибольшее количество работ, авторами которых являются китайские, европейские, австралийские и российские ученые. В 2025 г. вышла в свет шеститомная энциклопедия мировых вариантов английского языка (Bolton 2025), в которой более 60 описанных вариантов принадлежат внешнему кругу, 100 вариантов — расширяющемуся кругу, в том числе три статьи — о китайском английском в его трех лектах; одна статья — о русском варианте английского языка.

Учебные пособия тоже начинают ориентироваться на многообразие вариантов английского языка, а не только на британский и американский английский. Особенно выделяются в этом отношении курсы “Global” издательства «Макмиллан», созданный под патронажем Д. Кристала, и “English Unlimited” (Cambridge). Последний в одно из своих пособий даже включил отрывок из транслингвального романа китайского автора, демонстрирующего базилектный китайский английский, что многие наши педагоги, возможно, посчитают весьма проблематичным и даже неуместным. Стоит также обратить внимание на учебное пособие, созданное в Германии, под названием “The Amazing World of Englishes” (Siemund et al. 2012). Это одна из первых попыток показать в практическом применении варианты всех трех кругов, опираясь на их лингвокультурные особенности. Среди вариантов расширяющегося круга представлены европейские варианты, включающие французский английский, немецкий английский и русский английский. Японские лингвисты и педагоги также создали интересные пособия, связанные с межкультурной коммуникацией на разных вариантах английского языка: учебное пособие “Understanding Asia” (Honna & Takeshita 2009) фокусируется на информации об Индии, Таиланде, Вьетнаме, Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Филиппинах, Китае, Гонконге, Корее, России и Японии. В приложении к пособию на диске записаны спонтанные диалоги на соответствующих азиатских вариантах английского языка. Через три года после публикации этого учебного пособия те же авторы, к которым присоединился Джеймс Д’Анджело, выпустили еще одно пособие “Understanding English across Cultures”, где теория вариантов английского языка сочетается с практическими упражнениями на развитие языковой и межкультурной компетенций (Honna, Takeshita & D’Angelo 2012). Очевидно, что дальневосточные ученые и педагоги осознали неразрывную связь контактной вариантологии с теорией и практикой межкультурной коммуникации и увидели в этом синтезе дисциплин необходимость практического приложения.

В российских учебниках английского языка всегда уделялось достаточно внимания культурно-страноведческой информации о России — это и есть

один из шагов к стандартизации своего варианта, ибо, как акцентировал основоположник контактной вариантологии Брадж Качру, стандартизация варианта реализуется через образовательную, авторитарную, социологическую и психологическую кодификацию (Kachru 1985).

Образовательную кодификацию мы кратко рассмотрели. Она производится через словари, учебники, научные труды. Авторитарной кодификации, при которой для установления и поддержания стандарта используется специальное учреждение, как, например, Академия французского языка, для английского языка нет. Небольшим исключением может служить Академия английского языка⁴ в Южно-Африканской республике, созданная для поддержки южноафриканского варианта английского языка, конкурирующего с африкаанс, оставшимся от голландских потомков. В России, как и в Китае, авторитарной кодификацией занимается министерство образования, выпускающее федеральные / государственные стандарты обучения. Важным видом стандартизации является социологическая кодификация, при которой социум осознает, что используемый им вариант английского языка выражает культурно-языковую идентичность пользователей. Когда в странах внутреннего круга, где английский язык, по сути, является государственным, произошло осознание культурно-языковой идентичности, была реализована кодификация американского, австралийского, новозеландского и других национальных вариантов английского языка. В вариантах расширяющегося круга социолингвистическая кодификация только начинается.

6. Функциональная нагрузка вариантов расширяющегося круга и их дистинктивные признаки

Еще один аргумент, который приводится против признания вариантов расширяющегося круга, — функциональная нагрузка. Утверждается, что данные идиомы не выполняют интерперсональной функции в своих социумах, существуя, главным образом, для межкультурного общения. Однако на данный момент несомненен рост числа пользователей английского языка и, соответственно, сфер использования этого языка. Так, например, по данным Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ на 2024 г., по числу научно-исследовательских кадров Россия находится на 6 месте в мире после Китая, США, Японии, Германии и Республики Корея. Как видим, кроме США, все перечисленные страны — из расширяющегося круга⁵.

⁴ <http://www.englishacademy.co.za/> (дата обращения: 28 декабря 2025).

⁵ Кадров крупных и средних организаций науки: итоги 2024 / материал подг. Т. Ратай, И. Тарасенко, И. Юдин. 28 окт. 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1096744741.html> (дата обращения: 28 декабря 2025).

Английский язык давно стал языком науки. По данным того же ИСИЭЗ⁶, свободное владение английским языком характерно для 13,9 % кандидатов и докторов наук РФ — это каждый седьмой обладатель ученой степени; о возможности свободно читать профессиональную литературу заявили 28,6 % научно-исследовательских кадров; еще 26,3 % прибегают к помощи словарей при чтении профессиональной литературы, 18,3 % владеют устной и письменной речью на базовом уровне. Почти четверть знающих английский язык — молодые ученые. Больше всего владеющих английским языком — в области естественных и технических наук, математики и медицинских наук. Несмотря на геополитическую ситуацию, российские ученые продолжают издавать свои труды на английском языке; отечественные журналы привлекают не только зарубежных, но и российских авторов, публикующих свои работы на английском. Английский язык звучит на многих международных конференциях, в том числе и в интерперсональной коммуникации. Огромная роль отводится английскому языку в образовании новых терминов, как на отечественной почве (кальки: *компьютерное зрение* — *computer vision (CV)*, *большие языковые модели* — *large language models*; *глубокое обучение* — *deep learning*), так и заимствованных (например, *интерфейс*, *чат*, *промт/промпт*, *дипфейк*, *GPT*). Многие из этих терминов сегодня знакомы не только специалистам, но и простым обывателям, не владеющим в полной мере английским языком, но использующим эти заимствованные слова в бытовой речи.

Согласно данным Фонда «Общественное Мнение» (ФОМ)⁷, 7 % россиян используют иностранный язык (преимущественно английский) на работе; 7 % пользуются им в свободное время преимущественно для развлекательных целей: смотрят фильмы, сериалы, видео; 5 % получают новости; 9 % — используют английский язык для общения с теми, кто живет за границей; 3 % — для чтения книг.

Еще более значима роль варианта как транслингвального средства, позволяющего играть с языком, осуществлять кодовое смешение, гибридизацию. Примером такого употребления могут быть гибридные названия художественных и публицистических произведений (Сергей Минаев «Духless», Оксана Робски «Про любoff/on», Татьяна Огородникова «Брачный коNтракт или Who is ху...» и др.); рекламные названия учреждений, магазинов, отделов и т. п. (банк *Trust*, *Фабрика окон VEKA*, *БуGOODu*, *Studio Beauty*, *Shik & Blesk*, *FARШ*, *Брюкленд* и др.). Такая креативная функция, в которой активно участвует английский язык, реализуется за счет различий в системах письма,

⁶ Знание иностранных языков российскими учеными / материал подг. Н. Шматко и Г. Волковой. 24 окт. 2018. URL: <https://issek.hse.ru/news/226574939.html> (дата обращения: 28 декабря 2025).

⁷ Владение иностранными языками. Знание и востребованность иностранных языков в России // ФОМ. Наука и образование. 31 июля 2025. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/15222> (дата обращения: 28 декабря 2025).

способствующих контрастному выделению элементов обоих языков и тем самым привлекающих внимание к соответствующим номинациям.

Креативная функция проявляется в транслингвальных произведениях русских писателей, большинство из которых — иммигранты в англоязычных странах (С. Красикова, О. Грушина, К. Мельник, И. Рейн, Б. Фишман, Э. Литман, Г. Штейнгард, А. Улинич, Л. Вапняр и др.). В 2017 г. вышел в свет первый англоязычный роман и в России — “Russian-English Romance: Homage to John Fowles”, его автором стала московская писательница, использующая псевдоним Таня Дэйвис.

Все эти факты доказывают, что в современной России, как и в других странах расширяющегося круга, происходит расширение функций английского языка, который выступает не просто как лингва франка, т. е. язык-посредник, но и выполняет культуруносную функцию, свойственную языковым вариантам, и осознание этого факта пользователями есть шаг к социолингвистической кодификации варианта.

Выполнение культуруносной функции означает способность варианта выражать менталитет пользователей, что нередко сопровождается переносом некоторых языковых черт родного языка носителей варианта в англоязычный узус. Эти языковые черты называются дистинктивными признаками варианта, если они типичны, продуктивны и системны (Kachru, 1983: 81). Например, для русского варианта английского языка характерны следующие основные дистинктивные признаки:

на уровне фонетики

- оглушение согласных в абсолютном конце слова или в консонантном кластере в середине слова (*bag* — *back*; *absorption*);
- сокращение долготы гласных (*sheet*);
- отсутствие аспирации у глухих смычных (*paper*);
- специфическая интонация;

на уровне грамматики

- пропуск или нестандартное употребление артиклей;
- избегание препозитивных атрибутивных цепочек (предпочтение отдается выражениям типа *period of Old English* вместо *Old English period*);
- топиализация дополнения с его выносом на первую позицию в предложении: *This book I have read.*;
- бессоюзиe в однородных членах: ... *way to safety, constancy, tranquillity* (отсутствует союз *and* перед последним однородным членом);
- предпочтение безличных структур в сложных предложениях простым предложениям с вторично-предикативными структурами (*It is expected that the conference will take place in Moscow*, вместо *The conference is expected to take place in Moscow.*);

на лексическом уровне

- использование калек с русского языка (*home task* — домашнее задание; *Candidate of Science* — кандидат наук);

- изменение значения некоторых слов (например, *scientific* очень часто употребляется в генерализованном значении ‘научный’, а не ‘естественнонаучный’: *scientific conference in linguistics* (вместо *research conference in linguistics*); или *tuning* — не ‘регулировка инструмента’, а ‘улучшение внешнего вида автомобиля’);

- неологизмы (*shoptour, groupmate, Palace of Culture*);

- реалии (*dacha, Kremlin, perestroika*);

на дискурсивном уровне

- маскулинность, выражающаяся в превалировании местоимения *he* для существительных общего рода, а также существительного *man* в генерализованном значении ‘человек’ (...*man as social being, his activities*...);

- прямая императивность (*Open the door please*);

- предпочтение безличных структур (*It's interesting to know* вместо *I wonder*).

Далеко не все эти признаки являются отклонением от стандарта, лежащего в основе модели обучения в российских учебных заведениях. Они употребляются и в британском, и американском вариантах, которые служат экзонормой для русских, изучающих английский язык, но количество их употреблений в англоязычной речи русских намного превышает число употреблений таких речевых явлений в эндонормативных вариантах. Объясняются же такого рода явления влиянием родного языка и мышления русских пользователей, говорящих и/или пишущих на английском языке.

7. Дискуссия: Дескрипция вариантов расширяющегося круга

Несмотря на то, что варианты расширяющегося круга не имеют собственной нормы, описание их находится в достаточно активной стадии, что представляет собой начало образовательной кодификации. В отношении русского варианта английского языка интерес представляет учебное пособие В.В. Кабакчи «Англоязычное описание русской культуры» (2009), которое концентрируется на обучении выражения русской культуры средствами английского языка. Большую значимость имеет также словарь русской культуры, ориентирующий на передачу русских реалий на английском языке (Kabakchi 2002).

В 2017 г. в Самаре была защищена докторская диссертация Н.В. Щенниковой «Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка»⁸. Уже по названию диссертации виден спорный статус рассматриваемого объекта — термин «русский вариант английского языка» здесь не используется, но вся логика рассуждений и примеры доказывают его наличие (см. тж. монографию: Щенникова 2015).

Мировой научной общественности русский вариант английского языка был впервые представлен в 2005 г. — сначала статьей И.П. Устиновой

⁸ Щенникова Н.В. Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2017.

(Ustinova 2005), затем спецвыпуском журнала “World Englishes” (Proshina 2005). В 2010 г. описание нашего варианта было включено в “The Routledge Handbook of World Englishes” (Proshina 2010), в 2020 — в “Handbook” издательства “Wiley-Blackwell” (Proshina 2020). В 2016 г. издательство Кембриджского университета выпустило коллективную монографию об истории, особенностях и функционировании русского варианта английского языка (Proshina & Eddy 2016). Интересно, что в апреле 2010 г. блог издательства «Макмиллан» сделал призыв к русским читателям активизировать сбор материала по особенностям употребления английского языка в России, при этом был использован термин *Russian English*⁹. Таким образом, признание термина «русский вариант английского языка» сначала произошло за рубежом.

Интересно, что в некоторой степени мы повторяем путь, который прошли молодые национальные варианты английского языка. В Австралии, например, долгое время не решались говорить об австралийском варианте, предпочитая называть его английским языком в Австралии (Fritz 2007). Так же и в России многие предпочитают говорить не о русском варианте английского языка, а об английском языке в России¹⁰. Однако в таком случае из объекта исследования выпадает речь русских эмигрантов или временно проживающих за рубежом. В то же время создается двусмысленность в связи с тем, что на английском языке в России могут говорить и писать не только граждане РФ, но и иностранцы. Термин «русский вариант английского языка», на наш взгляд, избегает такого недопонимания и имеет весьма терминированное звучание.

Другое дело, что на русском языке термин, называющий наш вариант английского языка, оказывается не совсем точным. Английское наименование *Russian English* является более широким, чем «русский английский», поскольку включает в себя не только русских как этнос, но и все другие народы, входящие в состав Российской Федерации, и в таком случае более верным эквивалентом был бы «российский вариант английского языка». Но так уж складывается конвенция в названии нашего варианта, который используется и русскими, и татарами, и башкирами, в речи которых могут быть отмечены различия, особенно при передаче этнически-окрашенных реалий¹¹.

Аналогичные споры велись и ведутся и в отношении других вариантов расширяющегося круга. Наибольшее количество исследований связано с изучением китайского английского, что не удивительно, учитывая политико-

⁹ <http://www.macmillandictionaryblog.com/russian-english/> (accessed 10 June 2010).

¹⁰ Ср. такую же осторожную номинацию предпочли редакторы 6-томной энциклопедии вариантов английского языка, где варианты расширяющегося круга представлены не в номинации Adj+N, а через предложное сочетание, форма которого, как она представлена в энциклопедии, весьма неудобна для чтения: “China, English in”, “Russian Federation, English in the” (Bolton 2025).

¹¹ Существование фонологических различий в английском языке, используемом представителями башкирского, татарского и удмуртского этносов, доказано в докторской диссертации, защищенной в Германии Ильшатом Шарафутдиновым (Sharafutdinov 2025).

экономическое положение Китая и интерес к изучению глобального языка в этой стране. В 2012 и 2023 г. кембриджский журнал “English Today” посвятил два специальных номера обсуждению наименования варианта английского языка, используемого в Китае (Xu 2023), а также ситуации, связанной с китайским вариантом английского языка (English Today 2012). Журнал “World Englishes” сделал специальный выпуск, посвященный этому варианту (English in Contemporary China 2015). За все годы издания этого специализированного журнала в нем опубликовано 118 статей о китайском варианте английского языка (см. динамику выпуска статей в табл. по годам). Для сравнения, за все время существования журнала “World Englishes” о русском варианте английского языка было опубликовано всего 23 статьи. В журнале “English Today” с 1985 г., когда был начат выпуск этого журнала, напечатана 161 статья о китайском английском и преподавании английского языка в Китае и всего лишь 5 статей об английском языке в России. Очевидное преобладание статей о китайском варианте английского языка можно объяснить не только политико-экономической ситуацией в мире, где Китай явно вышел на первое место среди экономически развитых стран, но и активной заинтересованностью китайских лингвистов в изучении *своего* варианта глобального языка, способного распространять китайскую культуру и ее ценности.

Количество статей о китайском и русском вариантах английского языка, опубликованных в журналах “World Englishes” и “English Today” с 1981 по 2025 гг.

Год издания журнала	WE — статьи о кит. англ.	WE — статьи о рус. англ.	ET -статьи о кит. англ.	ET — статьи о рус. англ.
1981	1	0	0	0
1982	0	0	0	0
1983	0	1	0	0
1984	2	0	0	0
1985	3	0	0	0
1986	0	0	0	0
1987	1	0	0	1
1988	0	0	2	0
1989	0	0	1	0
1990	0	0	0	0
1991	3	0	1	0
1992	0	0	0	0
1993	1	0	0	0
1994	2	0	0	0
1995	1	0	2	0
1996	1	0	0	0
1997	0	0	2	0
1998	0	0	1	0
1999	0	0	3	0
2000	0	0	3	0
2001	0	0	4	0
2002	0	0	3	0
2003	29	0	7	0
2004	2	0	6	0

Окончание табл.

Год издания журнала	WE — статьи о кит. англ.	WE — статьи о рус. англ.	ET -статьи о кит. англ.	ET — статьи о рус. англ.
2005	4	13	8	0
2006	3	1	7	1
2007	0	0	4	2
2008	5	0	2	0
2009	4	0	4	0
2010	4	0	4	0
2011	3	0	4	0
2012	1	1	11	0
2013	6	0	5	0
2014	0	0	7	0
2015	16	1	7	1
2016	2	1	10	0
2017	4	0	10	0
2018	2	2	2	0
2019	5	2	11	0
2020	4	1	0	0
2021	2	0	5	0
2022	1	0	4	0
2023	1	0	10	0
2024	2	0	10	0
2025	4	0	1	0
Всего	118	23	161	5

В любом локальном варианте языковые отличия объясняются переносом черт родного языка пользователей и выражением их менталитета и культуры. Но эта же связь языка и культуры имеет вторую оборотную сторону: по дистинктивным языковым признакам определяют культурно-языковую идентичность говорящего. Как отмечал британский социолингвист Дэвид Грэддол (Graddol 2006), детально изучавший азиатские страны в социолингвистическом аспекте, «по мере расширения использования английского языка как глобального вполне ожидаемо, что через английский пользователи будут демонстрировать свою национальность и другие аспекты своей идентичности» (Graddol 2006: 117). Язык, речь становятся зеркалом человека, выразителем его этнической культуры.

8. Заключение

Подводя итог своему обзору, еще раз подчеркнем самые важные моменты. Варианты английского языка расширяющегося круга существуют как полноправные идиомы со статусом варианта плюрицентричного языка (см. специальный выпуск настоящего журнала — Nelson & Proshina 2020). Они обладают своими экзонормами, заимствованными из моделей обучения, основанных, как правило, на британском и американском вариантах. Отличие экзонорм вариантов расширяющегося круга от эндонорм прототипических

моделей заключается в их бóльшей вариативности и нередко смешанности, соединении норм разных кодифицированных вариантов.

Вариант — это не дефектная речь пользователей, совершающих ошибки в речи. Дистинктивные признаки вариантов — это типичные, системные, продуктивные явления, свойственные образованным пользователям определенного социума, в речи которых под воздействием родного языка и культуры возникают отклонения от стандартизированных форм, изучение которых происходит в процессе обучения.

Каждый вариант английского языка базируется на культуре и менталитете его активных пользователей, которые, подстраиваясь под требования международного сообщества (пользователей других вариантов), должны искать «золотую середину» для выражения своего локального «я» через английский язык как язык-посредник, или лингва франка, как вторичное или первичное средство своей культурной идентичности.

Варианты расширяющегося круга, не имея собственных норм, тем не менее начинают входить в процесс постепенной стандартизации, которая обычно вначале проявляется на фонографическом уровне, через утверждение стандартов латинизации, с помощью которой в словарях и текстах кодифицируются культурные реалии, закрепляемые в данном локальном варианте и через него распространяемые в другие варианты, а также заимствуемые другим языками через перевод (как, например, случилось в русском языке с японским словом *суши*, попавшим в английский в форме *sushi*, заимствованным в англоязычной транслитерированной форме в русский язык и затем одержавшим победу над формой *суси*, непосредственно переведенной на русский язык с японского). Особенностью грамматической стандартизации можно ожидать смешение заимствованных норм британского и американского вариантов, а также вероятно проявление некоторых локальных черт, реализуемых изначально в устной речи и постепенно перенесенных в письменную речь (как, например, в азиатских вариантах английского языка внешнего круга форма множественного числа — например, *equipments, furnitures* — появилась у существительных, считающихся неисчисляемыми в британском и американском вариантах английского языка).

В сегодняшней социолингвистической ситуации можно ожидать, что кодификация русского варианта английского языка по времени произойдет чуть позже стандартизации китайского варианта, кодификация которого идет более быстрыми темпами, о чем свидетельствует закрепление в государственном и международном масштабе системы китайской латинизации (пиньинь), работа над лексикографической кодификацией, а также исследовательско-публикационная активность китайских лингвистов, ведущих исследования черт и функционирования китайского варианта английского языка. Осознание возможности передачи культуры на английском языке как языке-посреднике создает необходимость изучения соответствующего варианта английского языка. Перечисленные факторы способствуют не только

образовательной, но и значительно более важной — социолингвистической кодификации, признания того, что с помощью английского языка как языка глобального общения представители стран расширяющегося круга смогут распространять свою культуру по всему миру, что их вариант английского языка помогает другим коммуникантам узнавать в них представителей русской, китайской или другой культуры, которая является предметом гордости ее носителей.

Список литературы / References

- Д'Анджело, Дж. Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в новое русло // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2014. 2 (42). 32–43. [D'Angelo, James. 2014. Yaponskii variant angliiskogo yazyka? Napravlyaya diskussiyu v novoe ruslo (Japanese English? Directing discussion to a new aim). *The Humanities and Social Studies in the Far East* 2 (42). 32–43. (In Russ.)].
- Едличко, А.И. Актуальные тенденции развития немецкоязычной вариантной лексикографии // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов*. 2024. № XXI. С. 139–170. [Edlichko, Angela I. 2024. Aktual'nye tendentsii razvitiya nemetskoazychnoi variantnoi leksikografii (Ongoing trends in developing lexicography of German varieties). *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov* (Russian Germanic Studies: A yearly journal of the Russian Germanic Studies Association) Vol. 21. 139–170. (In Russ.)].
- Едличко, А.И. Немецкий язык в Люксембурге: лексикографическая кодификация национального стандарта // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. № 2. С. 108–120. [Edlichko, Angela I. 2023. Nemetskii yazyk v Lyukseburge: leksikograficheskaya kodifikatsiya natsional'nogo standartar (German in Luxemburg: Lexicographical codification of the national standard). *Moscow University Bulletin. Ser. 19: Linguistics and Intercultural Communication* 2. 108–120. (In Russ.)].
- Едличко, А.И. Плюрицентричность немецкого языка как лингводидактическая проблема // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 154–163. [Edlichko, Angela I. 2020. Plyuritsentrichnost' nemetskogo yazyka kak lingvodidakticheskaya problema (Pluricentricity of the German language as a linguodidactic issue). *Moscow University Bulletin. Ser. 19: Linguistics and Intercultural Communication* 1. 154–163. (In Russ.)].
- Загряжкина, Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. [Zagryazkina, Tatiana Yu. 2015. Frantsiya i frankofoniya: yazyk, obshchestvo, kul'tura (France and Francophonie: Language, society, and culture). Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)].
- Крысин, Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // *Коммуникативные исследования*. 2017. № 2 (12). С. 20–31. [Krysin, Leonid P. 2017. K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa (On relationship of language system, norm and usage). *Kommunikativnye issledovaniya (Communicative research)* 2 (12). 20–31. (In Russ.)].
- Куксова, Е.Л. Социолингвистическая ситуация во Франкофонии и перспективы ее развития. М.: Флинта, 2021. [Kuksova, Elena L. 2021. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya vo Frankofonii i perspektivy ee razvitiya (Sociolinguistic situation in Francophonie and perspectives of its development). Moscow: Flinta. (In Russ.)].
- Раевская, М.М. Испанский язык в современном мире. Испанский язык в междисциплинарной парадигме XXI века: социолингвистическое, политическое, экономическое,

- юридическое, дидактическое, библиографическое измерения. М.: ЛЕНАНД, 2021. [Raevskaya, Marina M. 2021. *Ispanskii yazyk v sovremennom mire. Ispanskii yazyk v mezhdistsiplinarnoi paradigme 21 veka: sotsiolingvisticheskoe, politicheskoe, ehkonomicheskoe, yuridicheskoe, didakticheskoe, bibliograficheskoe izmereniya* (The Spanish Language in the contemporary world. Spanish in the interdisciplinary paradigm in the 21st century: Sociolinguistic, political, economic, judicial, didactic, and bibliographic dimensions.). Moscow: URSS. (In Russ.)].
- Фирсова, Н.М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки: Колумбия, Эквадор, Пуэрто-Рико. М.: Муравей, 2002. [Firsova, Natalia M. 2002. *Ispanskii yazyk v ispanoyazychnykh gosudarstvakh Latinskoi Ameriki: Kolumbiya, Ekvador, Puehrto-Riko* (Spanish in Spanish-speaking countries of Latin America: Colombia, Ecuador, and Puerto-Rico). Moscow: Muravei. (In Russ.)].
- Фирсова, Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. М.: Изд-во РУДН, 2000. [Firsova, Natalia M. 2000. *Yazykovaya variativnost' i natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya v ispanском yazyke*. (Language variation and ethnically cultural specifics of speech communication in Spanish). Moscow: RUDN Univ. Press. (In Russ.)].
- Щенникова, Н.В. Современный английский язык: русская версия: монография. Пенза : Изд-во Пенз.гос. ун-та, 2015. [Shchennikova, Natalia V. 2015. *Sovremennyi angliiskii yazyk: russkaya versiya: monografiya*. (Contemporary English: Russian version). Penza: Penza Univ. Press. (In Russ.)].
- Berns, Margie. 2009. English as lingua franca and English in Europe. *World Englishes* 28 (2). 192–199.
- Berns, Margie. 2019. Expanding on the expanding Englishes of the expanding circle. *World Englishes* 38 (1–2). 8–17.
- Bolton, Kingsley (ed.). 2025. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of World Englishes*. 6 volume set. URL: <https://www.wiley.com/en-us/The+Wiley+Blackwell+Encyclopedia+of+World+Englishes%2C+6+Volume+Set-p-9781119518310>
- Bruthiaux, Paul. 2003. Squaring the circles: Issues in modeling English worldwide. *International Journal of Applied Linguistics* 13 (2). 159–178.
- Clyne, Michael. 1992. Pluricentric languages — introduction. In Clyne Michael (ed.), *Pluricentric languages: Differing norms in different nations*, 1–9. Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
- Crystal, David. 2017. The future of new Euro-Englishes. *World Englishes* 36 (3). 330–335.
- D'Angelo, James. 2013. Japanese English? Refocusing the discussion. *JAF AE Journal* 3. 99–124.
- Deneire, Marc. 2017. The British leave, but European Englishes remain. *World Englishes* 36 (3). 336–338.
- Dröschel, Yvonne. 2011. *Lingua Franca English: The Role of Simplification and Transfer*. Bern: Peter Lang.
- English in Contemporary China. 2015. *World Englishes*. [Special Issue] 34 (2). 169–310.
- English Today*. 2012. 28 (3).
- Fritz, Clemens W.A. 2007. *From English in Australia to Australian English: 1788–1900*. Frankfurt-am-Main (Germany): Peter Lang.
- Galloway, Nicola & Heath Rose. 2015. *Introducing Global Englishes*. London, New York: Routledge.
- Ge, Chuangui. 1980. Mantan you han yi ying wenti [Random thoughts on some problems in Chinese-English translation]. *Fanyi Tongxun* [Chinese Translator's Journal (in Chinese)] 2. 1–8.

- Graddol, David. 2006. *English Next: Why Global English May Mean the End of “English as a Foreign Language.”* London: The British Council.
- Hickey, Raymond (ed.). 2012. *Standards of English: Codified Varieties Around the World.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hino, Nobuyuki. 2020. English as a Lingua Franca from an applied linguistics perspective. In Cecil L. Nelson & Zoya G. Proshina (guest eds.), *Russian Journal of Linguistics: World Englishes in the Expanding Circle* 24 (3). 633–648.
- James, Andrew. 2000. English as a European Lingua Franca: Current realities and existing dichotomies. In Jasone Cenoz & Ulrike Jessner (eds.), *English in Europe: The acquisition of a third language*, 22–38. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters.
- Jenkins, Jennifer. 2009. English as a lingua franca: Interpretation and attitudes. *World Englishes* 28 (2). 200–207.
- Jenkins, Jennifer. 2017. English as a lingua franca in the Expanding Circle. In Markku Filppula, Juhani Klemola & Devyani Sharma (eds.), *The Oxford Handbook of World Englishes*, 549–566. Oxford: Oxford University Press.
- Jenkins, Jennifer. 2003. *World Englishes*. London & New York: Routledge.
- Kachru, Braj B. 1981. American English and other languages. In Charles Ferguson & Shirley Heath (eds.), *Language in the USA*. Cambridge: Cambridge University Press. Reprint: Don Byrd, Nina Bailey & Michael Gillermon (eds.), *Landmarks of American language and linguistics*. 272–291. 1993. Vol. 2. Washington, DC: Office of Language Programs, Bureau of Educational and Cultural Affairs, US Department of State.
- Kachru, Braj B. 1983. Models for non-native Englishes. In Larry Smith (ed.), *Readings in English as an international language*, 69–86. Oxford: Pergamon Press.
- Kachru, Braj B. 1985. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle. In Randolph Quirk & Henry Widdowson (eds.), *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*, 11–30. Cambridge: Cambridge University Press.
- Larina, Tatiana & Neelakshi Suryanarayan. 2023. Address forms in academic discourse in Indian English. In Nicole Baumgarten & Roel Vismans (eds.), *It's different with you: Contrastive perspectives on address research*, 142–170. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/tar.5.06lar>
- Modiano, Marko. 2002. Standardization processes and the mid-Atlantic English paradigm. In Andrew R. Linn & Nicola McLelland (eds.), *Standardisation: Studies from the Germanic languages*, 229–252. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/cilt.235.18mod>
- Modiano, Marko. 2024. Identity and standards for English as a European Union lingua franca. *World Englishes* 43. 210–227. <https://doi.org/10.1111/weng.12646>
- Muhr, Rudolf. 2008. The pragmatics of a pluricentric language. A comparison between Austrian German and German German. In Klaus P. Schneider & Anne Barron (eds.), *Variational pragmatics. A focus on regional varieties in pluricentric languages*, 211–245. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mukherjee, Joybrato & Tobias Bernaisch. 2021. The development of the English language in India. In Andy Kirkpatrick (ed.), *The Routledge handbook of world Englishes*, 165–177. 2nd edn. London, New York: Routledge.
- Nelson, Cecil L. & Zoya G. Proshina (guest eds.). 2020. World Englishes in the Expanding Circle. *Russian Journal of Linguistics* 24(3). 523–734.
- Pakir, Anne. 2009. English as a lingua franca: Analyzing research frameworks in international English, world Englishes, and ELF. *World Englishes* 28 (2). 224–235.
- Proshina, Zoya G. (guest ed.). 2005. Russian Englishes. [Special issue]. *World Englishes* 24 (4). 437–532.

- Proshina, Zoya G. 2020. Russian Englishes. In Cecil Nelson, Zoya Proshina & Daniel Davis (eds.), *The Handbook of World Englishes*, 232–247. Hoboken, N.J.: Wiley-Blackwell.
- Proshina, Zoya G. 2010. Slavic Englishes: Education or culture? In Andy Kirkpatrick (ed.), *The Routledge handbook of world Englishes*, 299–315. London & New York: Routledge.
- Proshina, Zoya G. & Anna A. Eddy (eds.). 2016. *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Proshina, Zoya G. & Cecil L. Nelson. 2020. Varieties of English and Kachru's expanding circle. *Russian Journal of Linguistics: World Englishes in the Expanding Circle* 24 (3). 523–550.
- Qin, Mengxing X. & Jian Gao. 2020. The Chinese English dictionary: An online resource. *World Englishes* 39 (1). 154–170.
- Saraceni, Mario. 2015. *World Englishes: A Critical Analysis*. London: Bloomsbury.
- Schmied, Josef. 2010. English as a lingua franca of the European Union? Debates, concepts, projects. In Michaela Albl-Mikasa, Sabine Braun & Susanne Kalina (eds.), *Dimensionender zweitsprachenforschung-dimensions of second language research. Festschrift für Kurt Kohn*, 141–158. Tübingen: NarrFranckeVerlag.
- Schneider, Edgar. 2017a. Models of English in the world. In Markku Filppula, Juhani Klemola & Devyani Sharma (eds.), *The Oxford handbook of world Englishes*, 35–57.
- Schneider, Edgar. 2017b. The linguistic consequences of Brexit? No reason to get excited! *World Englishes* 36 (3). 353–355
- Sergeant, Philip & Joan Swann (eds.). 2012. *English in the World. History, Diversity, Change*. Abington, New York: Routledge.
- Seidlhofer, Barbara. 2009. Common ground and different realities: World Englishes and English as a lingua franca. *World Englishes* 28 (2). 236–245.
- Sharafutdinov, Ilshat. 2025. *Segmental variation in English non-native accents in Russia: The influence of selected indigenous languages*. Doctoral dissertation, University of Regensburg. <https://doi.org/10.5283/epub.74641>
- Symposium: Englishes in world contexts. 2009. *World Englishes* 28 (2). 190–269.
- Ustinova, Irina P. 2005. English in Russia. *World Englishes* 24 (2). 239–252.
- Xu, Zhichang (guest ed.). 2023. Special Issue: What's in a name? *English Today* 39 (3). 169–193.

Словари и другие источники / Dictionaries and other sources

- Кабакчи, В. В. *Англоязычное описание русской культуры*. М.: Академия, 2009.
[Kabakchi, V.V. 2009. *Angloyazychnoe opisanie russkoi kul'tury (Russian culture in English)*. Moscow: Akademia. (in Russ.)].
- English Unlimited*. 2014. 6-level coursebook. Theresa Clementson, Alex Tilbury, Leslie Anne Hendra, David Rea, Adrian Doff, Ben Goldstein. Cambridge: Cambridge University Press.
- Global*. 2010–2015. 6-level English language coursebook. Robert Campbell, Adrian Tennant, Lindsay Clandfield, Amanda Jeffries, Kate Pickering, Julie Moore, Rob Metcalf, Jackie McAvoy, Frances Watkins. London: Macmillan.
- Honna, N. & Takeshita, Y. 2009. *Understanding Asia*. Tokyo: Cengage Learning.
- Honna, N., Takeshita, Y. & D'Angelo, J. 2012. *Understanding English across Cultures*. Tokyo: Kinseido.
- Kabakchi, V. V. 2002. *The Dictionary of Russia: Англо-английский словарь русской культурной терминологии*. St. Petersburg: Soyuz.
- Siemund, P., Davydova, J. & Maier, G. 2012. *The Amazing World of Englishes. A Practical Introduction*. Berlin: De Gruyter Mouton.

Article history:

Received: 04 January 2026

Accepted: 25 February 2026

Bionote:

Zoya G. PROSHINA, PhD (Advanced Doctorate), is Professor at the Department of Theory for Foreign Language Teaching at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. Her research interests include World Englishes, sociolinguistics, contrastive linguistics, translation studies. She is ex-president of the International Association for World Englishes (2011–2012) and has authored and co-authored over 300 research works. She is also a member of the editorial board for seven international and Russian journals.

e-mail: proshinazoya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0570-2349>

Сведения об авторе:

Зоя Григорьевна ПРОШИНА — доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация. Научные интересы — контактная вариантология английского языка, социолингвистика, сопоставительная лингвистика, переводоведение. Экс-президент Международной ассоциации вариантологов английского языка (2011–2012). Автор более 300 научных работ. Член редколлегии семи международных и отечественных журналов.

e-mail: proshinazoya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0570-2349>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-44754>

EDN: ADNJWY

Research article / Научная статья

AI-assisted academic writing: Balancing linguistic enhancement with legal and ethical oversight

Radoslav BALTEZAREVIĆ¹ , Lazar STOŠIĆ^{2,3} and Olga B. MIKHAILOVA⁴

¹*Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia*

²*University Union—Nikola Tesla, Belgrade, Serbia*

³*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

⁴*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

radoslav@diplomacy.bg.ac.rs

Abstract

Artificial intelligence (AI), which impacts both business and academic writing, has emerged as a revolutionary force in the digital age. It has the potential to fundamentally change the way scientific research is conducted, from improving the accuracy of scientific predictions to automating certain tasks and improving the overall quality of academic writing. AI solutions are often more efficient than conventional approaches when it comes to meeting writing requirements. The purpose of this article is to clarify the possibilities and risks of the use of artificial intelligence, based on the theoretical analysis of modern research, and to propose norms and standards for the safety of the use of artificial intelligence in scientific research. AI tools have improved performance by generating grammatically correct sentences, generating original ideas, and modifying language (making it conform to academic style conventions). Additionally, AI research tools can accelerate discovery and gain valuable insights by automating time-consuming tasks. However, the significant changes that AI has brought to academic writing have also raised many ethical and legal concerns. While the present study draws on concepts and debates that are relevant to linguistic research, it does not aim to provide a detailed linguistic analysis of data. Rather, it adopts an interdisciplinary perspective in which Artificial Intelligence used in academic writing is discussed primarily from legal and ethical viewpoints with reference to language-related issues where relevant.

Keywords: *artificial intelligence (AI), academic writing, research tools, AI-based language tools, legal regulation, ethics*

For citation:

Baltezarević, Radoslav, Lazar Stošić & Olga B. Mikhailova. 2026. AI-assisted academic writing: Balancing linguistic enhancement with legal and ethical oversight. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 105–123. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-44754> EDN: ADNJWY

Использование искусственного интеллекта в научных публикациях: соотношение лингвистического совершенствования с юридическим и этическим контролем

Радосла БАЛТЕЗАРЕВИЧ¹ , Лазар СТОШИЧ^{2,3} ,
Ольга Борисовна МИХАЙЛОВА⁴

¹*Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия*

²*Университете Јунион имени Николы Тесла, Белград, Сербия*

³*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация*

⁴*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация*
radoslav@diplomacy.bg.ac.rs

Аннотация

Искусственный интеллект (ИИ), влияющий как на деловое, так и на академическое письмо, стал революционной силой цифровой эпохи. Он способен коренным образом изменить подход к проведению научных исследований, от повышения точности научных прогнозов до автоматизации некоторых задач и общего повышения качества академического письма. Решения на основе ИИ зачастую оказываются более эффективными, чем традиционные подходы, когда речь идет о выполнении требований к написанию работ. Цель данной статьи — определить возможности и риски использования искусственного интеллекта на основе теоретического анализа современных исследований, а также предложить нормы и стандарты безопасности использования искусственного интеллекта в научных исследованиях. Инструменты ИИ повысили производительность, генерируя грамматически правильные предложения, оригинальные идеи и модифицируя язык (приводя его в соответствие с академическим стилем). Кроме того, инструменты для исследований на основе ИИ могут ускорить процесс и предоставить ценную информацию, автоматизируя трудоемкие задачи. Однако значительные изменения, которые ИИ внес в академическое письмо, также вызвали множество этических и правовых проблем. Хотя настоящая статья опирается на концепции и дискуссии, имеющие отношение к лингвистическим исследованиям, оно не ставит своей целью проведение подробного лингвистического анализа данных. Скорее, в нем используется междисциплинарный подход, в рамках которого искусственный интеллект, используемый при написании научных работ, рассматривается в первую очередь с юридической и этической точек зрения, при необходимости затрагивая и языковые вопросы.

Ключевые слова: *искусственный интеллект (ИИ), академическое письмо, инструменты исследования, основанные на ИИ языковые инструменты, юридическое регулирование, этика*

Для цитирования:

Baltezarević R., Stošić L., Mikhailova O.B. AI-assisted academic writing: Balancing linguistic enhancement with legal and ethical oversight. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 105–123. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-44754> EDN: ADNJWY

1. Introduction

When integrated into education, artificial intelligence has great potential to transform the educational process and enable activities such as increased productivity and personalized learning (Stošić & Janković 2023). Artificial intelligence software is expected to surpass human capabilities in the near future (Baltezarević 2023). Higher education institutions, therefore, must prioritize raising awareness, and developing the skills needed to fulfill the intellectual mission of academics in this new era (Wang & Wang 2024). Among many other capabilities, artificial intelligence algorithms are incredibly useful tools for conducting scientific studies on any topic due to their ability to accurately and quickly process vast amounts of data (Sreenu 2023). While the present study draws on concepts and debates that are relevant to linguistic research, it does not aim to provide a detailed linguistic analysis of data. Rather, it adopts an interdisciplinary perspective in which Artificial Intelligence is discussed primarily from legal and ethical viewpoints, with reference to language-related issues where relevant. The purpose of the paper is therefore not to advance linguistic theory as such, but to contribute to a broader discussion that may be of interest to linguists alongside scholars in adjacent fields.

Given that many industries in the modern world depend on the ability to communicate and understand language, linguistic analysis technologies have become invaluable resources in areas such as marketing and research. By enabling users to analyze texts and conversations, these technologies provide insights that can inform strategies and influence choices (Williams 2024). At the same time, modern AI systems further extend these capabilities, enabling faster and more accurate processing of linguistic data and thus improving the quality of analysis. According to the findings of a July 2024 survey of international students, two-thirds of participants used AI to help them with research, writing, and personalized content recommendations (Korhonen 2025). AI solutions accelerate research and enable scientists to solve previously unsolvable problems (Ching et al. 2018). Artificial intelligence is constantly advancing, and each new application of this technology offers a new opportunity for autonomous systems to exploit data to cause harmful outcomes (Bjelajac, Filipović & Stošić 2023). It can be concluded that it is undeniable that AI makes education much more complex and demanding (Baltezarević & Baltezarević 2025).

Chatbots, like ChatGPT, are one of the most promising applications of AI in academic writing. They can assist academics and scientists in organizing their work and improving the caliber of their output (Salvagno, Taccone & Gerli 2023). The use of IT in foreign language learning will undoubtedly continue to expand, shaping the way we learn, teach and communicate in an international context (Stošić & Guillén-Gámez 2024: 106).

Currently, there are three main types of AI-based research tools: a) AI tools for conducting literature reviews to find, organize, and synthesize research; b) AI tools for processing and displaying search data; c) AI tools for creating and editing

academic documents. AI tool — Litmaps helps researchers visualize citation networks and track research and development over time. Google AutoML allows users to build machine learning models without extensive coding knowledge. QuillBot supports paraphrasing, clarity, and summarization of scientific texts (Litmaps 2025). In addition to the AI tools listed above, there are many other tools that can be useful for academic writing and research, but the most notable are: Grammarly, which provides grammar checking, plagiarism detection, and style improvement. Hemingway Editor improves readability and conciseness. Trink AI improves clarity and compliance with academic style guides. ProWritingAid provides in-depth analysis and Elicit helps you find and summarize relevant articles (Boboc 2025).

Intellectual and political debates about the use of AI in scientific methods continue at the European and international level (Birhane et al. 2023). Addressing common issues such as algorithmic transparency, fair access to technology, and security of student data requires not only providing students with a proper digital education, but also spending more time and effort developing new hardware and software. Regardless, AI will soon be fully integrated into the education system (Baltezarević & Baltezarević 2024). Although there are many benefits to using AI in academic writing, there may also be some drawbacks. For example, over-reliance on AI can overwhelm human abilities and intuition (Gao et al. 2022).

However, it is crucial that institutions and research groups establish specific guidelines and policies for the responsible use of AI in research (Spivakovsky et al. 2023). Countries with common law legal systems rely on case law to establish precedents when certain cases are heard in court. Further *laissez-faire* policies are being pursued by the United States, Canada, India, and Switzerland (Kohn & Pieper 2023).

As artificial intelligence technology continues to advance rapidly, data security threats are also constantly evolving. For this reason, it is recommended that academic institutions regularly change their security policies to adequately address these new challenges (Gao et al. 2025).

2. Background of the study

AI tools help with organization, grammar, citations, and disciplinary rules. Therefore, authors can focus on the creative and important elements of their work (Golan et al. 2023). Theoretically, a plethora of digital platforms are available today that employ practical AI methods to find books, articles, and editorial comments of any kind. These tools provide summaries, show trends on any topic, and analyze data, helping researchers to synthesize content, organize information, and determine the best hypothesis for their studies (Musib et al. 2017).

In today's fast-paced environment, organizations and researchers must leverage the best linguistic tools to get the most out of data. These technologies are crucial for analyzing and understanding large amounts of textual data. These linguistic analysis tools use advanced algorithms and machine learning techniques

to find patterns, trends, and insights (Williams 2024). In addition to the AI tools, we've already discussed in this paper, like DiscourseAnalyzer, which helps identify patterns in discourse and clusters semantics, there's a rapidly expanding array of advanced platforms that are either specifically designed for or easily adaptable to linguistic research. These tools indicate a shift towards data-rich and computation-focused strategies in the field of linguistics. Stanford CoreNLP, a comprehensive suite of natural language processing (NLP) tools, is a prominent example. It offers a full pipeline that includes part-of-speech tagging, lemmatization, dependency parsing, named-entity recognition, and sentiment analysis (Manning et al. 2014). CoreNLP is particularly valuable in syntax-heavy linguistic studies, offering high levels of precision in parsing sentence structure and capturing grammatical dependencies. Its modular design allows researchers to fine-tune components based on specific linguistic needs, which makes it an important tool for syntactic annotation and morphosyntactic analysis.

Stanza (closely related to CoreNLP) is a neural NLP tool that boasts enhanced multilingual capabilities. It is designed with Universal Dependencies (UD) in mind, a grammar annotation framework that supports more than 60 languages (Qi et al. 2020). The inclusion of UD standards allows researchers to make robust typological comparisons across languages, which is essential for studies in contrastive linguistics and corpus linguistics. Its high performance in morphological tagging and dependency parsing makes it especially suitable for research that involves non-English texts or morphologically rich languages.

When it comes to going beyond simple parsing, tools like Sketch Engine have really made a name for themselves in the world of computational lexicography and phraseology. This handy tool allows researchers to delve into large custom corpora and create frequency lists, concordances, and “word sketches.” These sketches provide a clear overview of how a word functions in various syntactic contexts (Kunilovskaya & Koviagina 2017). Thanks to its adaptability, Sketch Engine has established itself in multiple fields, including applied linguistics, language teaching, translation studies, and even digital humanities (Maci & Sala 2022).

KH-Coder is a powerful tool that combines text mining features such as co-occurrence networks, topic modelling, and clustering, making it an excellent choice for socio-linguistic studies and critical discourse analysis (Higuchi 2017). One of its standout features is the support for multiple scripts and languages, which really broadens its application for cross-linguistic comparisons and building corpora from non-English sources.

These tools really elevate our expectations of what standard grammar checkers and AI writing aids can do. While ChatGPT is great for paraphrasing, summarizing, or offering stylistic tips, specialized linguistic platforms like CoreNLP, Stanza, Sketch Engine, and KH-Coder deliver the in-depth methodology needed for comprehensive academic research. Their application in academic settings highlights how AI can evolve from merely being a writing assistant to becoming an essential analytical partner in the study of linguistics.

According to the study, most participants expect artificial intelligence technology to be used more frequently in academic research over the next decade (Ekundayo, Khan & Nuzhat 2024). Academic writing and research are increasingly supported by various artificial intelligence tools designed for specific needs. Although essential for organizing research materials and curating literature, tools such as Mendeley, EndNote, and Zotero are not useful for writing essays. ChatGPT and Grammarly are useful for grammar checking, plagiarism detection, and text generation (Khalifa & Albadawy 2024).

AI-assisted writing tools are uncovering some fascinating trends in language. For instance, they often lean on familiar academic phrases like “delve” and “meticulous,” and there's a noticeable rise in the use of compact noun phrases. While these can make writing more efficient, they might also limit the diversity of styles we can express (Parker 2025). Research based on language corpora shows that non-native English writers using ChatGPT tend to produce texts with greater lexical complexity, showcasing a more sophisticated and consistent choice of words (Lin et al. 2025). However, these traits can sometimes dilute the author's unique voice and linguistic variety, even as they enhance the formal tone and clarity of the writing. In comparison, traditional texts produced by non-native students often show greater lexical diversity and a higher frequency of grammatical errors, particularly with verb forms, articles, and cohesive devices, when set against AI-assisted writing (Hyland & Jiang 2017). A large number of AI tools provide (additionally) visual summaries that facilitate insights into language features and patterns, which improves users' understanding and use of language (Williams 2024). These features make linguistic AI tools increasingly indispensable for the needs of modern academic research.

For scientific research, identifying gaps in the literature is important, but the volume of existing research makes this difficult to achieve. Advanced AI simplifies literature searches and highlights unexplored areas (Uno 2024). It also helps authors effectively manage peer feedback during iterative revisions (Tang et al. 2023). ML methods can identify patterns and extract useful information from high-dimensional data (Jumper et al. 2021). AI systems such as GPT-4 and Julius Advanced Data Analytics enable autonomous analysis and visualization of complex datasets (Jones 2023).

Programs such as NVivo, MAXQDA, Quirkos, Leximancer, and Dedoose offer automatic coding, sentiment analysis, and pattern recognition, while Provalis Research and RapidMiner combine artificial intelligence with text analysis for more complex analysis (Khalifa & Albadawy 2024). Take NVivo, for instance. It helps researchers quickly visualize and interpret crucial patterns by using AI tools like Auto Code to detect sentiment and recurring themes in extensive text datasets (Hai-Jew 2016). Similarly, MAXQDA streamlines the identification of key concepts, eliminating the need for tedious manual sorting through automated word frequency analysis and coding (Maxqda 2023). These features not only boost the effectiveness of qualitative analysis but also save a lot of preparation time. On the flip side,

traditional qualitative analysis often involves a deep dive into developing themes and meticulously coding every single line, which can turn into a pretty time-consuming and tedious task. Without the help of AI, researchers have to wade through heaps of data to spot important patterns, themes, and word frequencies. This can lead to a higher risk of subjectivity and inconsistency in their findings (Braun & Clarke 2006). While these classic methods can provide valuable insights and context, they tend to be slower and require a lot more time.

However, programming errors in AI software can lead to a number of dangers. Although great progress has been made, the study of verifying the behavior of software systems is crucial and difficult (Mannino et al. 2015). The effectiveness of AI tools can inadvertently limit scientific research by encouraging researchers to focus on questions that lend themselves to AI, creating the illusion of global exploration. Research that requires real-world behavior or personal data may be diminished because AI-based alternatives, while appearing simpler and cheaper, have a narrower perspective (Cummings 2024).

To find out how the research community is responding to and leveraging AI in their work, more than 2,000 researchers from different career stages, disciplines (humanities, social sciences, technology, etc.), and geographic regions were recently surveyed. The results highlight important factors that influence scientists' choices regarding the use of AI, including current or planned uses of the tools at their disposal, interests and concerns. Nearly 70% of respondents who have already utilized AI in their study say it has helped them in some way. Of all respondents, nearly 30% are enthusiastic about the potential of AI in scholarly research. According to 76% of respondents, chatbots and machine translation were the most common AI technologies in the study. Half of those polled were worried about how AI would impact scholarly research in the future. However, 37% of respondents thought AI will help scholars save time. Nevertheless, just 6% of respondents said they trust businesses to meet their data privacy and security concerns, and only 8% said they trust AI companies to not utilize their research data without their consent (Oxford University Press 2024).

Frontier models are still quite limited to a single task or need close manual supervision, even though they have already been employed to assist human scientists in tasks like writing code or coming up with ideas. As the first all-inclusive system for completely automated scientific discovery, the AI Scientist allows Foundation Models, including Large Language Models (LLMs), to conduct research on their own (Sakana.ai 2024). Theoretically, the AI Scientist can work in an unending loop, using its previous scientific discoveries to improve concepts in following generations (Zucchelli, Horak & Skinner 2021).

AI offers solutions to enhance and speed up every stage of the research process, from data gathering to article production. AI must, however, have access to data and sufficient processing power in order to operate. Many AI systems meet these objectives by dividing work among many processors and by storing data in large, distributed databases. For these AI applications to function, they must remain

online. Researchers are therefore more vulnerable to data leaks and privacy abuses when they post scholarly content from unpublished publications to websites like ChatGPT (Elsevier 2024). AI systems may also be vulnerable to hacks and data breaches, which could endanger personal information and have dire repercussions. For example, hackers could modify an AI system to produce false results, which could lead to errors or disruptions in essential services (Goodfellow, Bengio & Courville 2016).

3. Legal, ethical and linguistic concerns with Ai-assisted academic writing

As AI writing tools grow in popularity, a number of pressing legal issues have also emerged. In particular, existing academic and legal standards face significant challenges in the areas of data security, academic integrity, and copyright attribution (Matulionyte & Lee 2022). The way in which works generated by artificial intelligence are treated varies significantly from country to country. While some emphasize the requirement for human authorship, other countries strive to provide broader protection. For international academic collaboration, these differences present new challenges (Gao et al. 2025).

Besides the undeniable fact that AI provides powerful tools for analyzing language patterns, it also poses several ethical challenges. The first challenge is certainly data bias. This phenomenon can occur when artificial intelligence models inherit biases from the training data. Nevertheless, the results obtained can be biased and unusable. Privacy must be ensured, as the protection of sensitive language data of users is crucial for the protection of human rights. The third challenge is related to interpretability. Today, many AI models, (especially deep learning systems) operate as so-called “black boxes”, which can significantly complicate understanding how they generate language models (Talkpal.ai 2025).

The attention of experts, as well as the general public, is increasingly being drawn to copyright attribution in AI-assisted work. Conventional copyright law highlights human creation as a necessary condition, emphasizing that works must accurately convey the original meaning (Guadamuz 2017). AI systems should be seen as complementary tools for content creation, and users should own the copyright to the materials they create (Matulionyte & Lee 2022). However, these systems can mimic expression patterns from training data, increasing the risk of copyright infringement (Masood 2025).

Legal standards requiring originality and human authorship have been challenged by the emergence of works generated by artificial intelligence. International initiatives such as the European Law on Artificial Intelligence provide guidance, but they remain insufficient to deal with these complex challenges. The legal environment continues to evolve as digital organizations seek to reduce risk, and future litigation will determine the balance between innovation and intellectual property (Khan 2024).

AI can be useful in detecting and stopping dishonest behavior in the digital environment, but its use also raises many ethical questions. These questions relate

in particular to the areas of privacy and tracking. Also, although artificial intelligence tools can be a great support, primarily to administrators and educators (to promote academic integrity), they cannot replace their work. Establishing a culture of integrity and clearly defining ethical standards can ensure honesty (Libguides.unm 2025). The scientific work published by academics around the world is heavily influenced by numerous publishers, in terms of legitimacy and integrity. They invest in procedures, safeguards, and knowledge to ensure that due process is followed (Lawrence & Alam 2023). Traditional standards of academic integrity are now facing significant challenges as artificial intelligence technologies are increasingly integrated into academic writing. Considering technological advances, this phenomenon certainly requires new interpretations and approaches (Moya et al. 2024).

Large Language Models (LLMs) are self-supervised (pre-trained) models capable of performing a wide range of natural language tasks. They possess so-called emergent skills, which allow them to acquire new skills through input preparation, rather than requiring separate models for each task. With additional training, these models can perform a variety of language operations (Sejnowski 2023). Ethical use includes maintaining compliance or monitoring plagiarism, so in order to maintain scientific integrity, the ethical implications of LLMs should be carefully considered (Meyer et al. 2023).

These new (AI) types of academic misconduct are more complex than traditional plagiarism and copying, and three typical indicators are identified. The first is the use of AI tools to create works without clear announcement, which qualifies as non-public use that hides the actual creative process. The second is overconfidence, which weakens researchers' ability to think independently and shifts AI tools from support to replacement. Finally, the third one concerns data manipulation, that is, using artificial intelligence techniques to falsify references or alter research data, thereby compromising the integrity of academic results (De Angelis et al. 2023). AI sometimes makes mistakes and provides inaccurate information. This is a concern because the data initially appears reliable and increasing the likelihood of it being published in a scientific paper. Therefore, if information and data sources from AI are not carefully examined, it might damage scientific credibility and lead to a cycle of falsification within the research community (Elsevier 2024). Furthermore, researchers frequently alter data in order to get a desired or prepared conclusion. In order to accomplish their goals, morally reprehensible academics who lack the imagination to write creatively frequently utilize public facts and older works as a point of reference. This kind of intellectual thievery is becoming more widespread (Cloudmask 2023). Nevertheless, these alterations could be detected using AI technology (Sharma 2023).

However, any use of AI must comply with Cambridge's rules against academic misconduct and plagiarism. In light of the accountability requirements, AI does not comply with Cambridge's authorship requirements. Therefore, it is prohibited to list AI and the LLM tools as co-authors in any work. Furthermore, just as researchers

are expected to disclose and provide a clear explanation of the use of other software, tools, and methodologies, so too must the use of AI be declared and described in research articles (University of Cambridge 2019). The Committee on Publications Ethics (COPE) published a position statement on authorship and AI tools to offer guidelines to authors, journal editors, publishers, and anybody else involved in producing publications connected to research. The statement emphasizes the following: AI tools cannot be cited as authors of research; Authors must be transparent and honest about the methods and AI tools that may have been used to collect and analyze data or to generate text. Authors are solely responsible for the data contained in their works (including data obtained from AI tools) and are therefore held accountable for potential ethical violations (Thinkscience 2023).

Institutional standards and capacity building in the academic community are essential for scientific integrity. One of the most important factors is continuing education in the field of academic ethics. Such education should go beyond simply acquainting the academic community with traditional standards, so that it can fully understand the new meaning of academic integrity in a digital world and develop habits of responsible usage (Dabis & Csáki 2024). To determine whether the use of artificial intelligence is morally permissible, “Nature” presented a series of scenarios to 5,000 scientists around the world. According to this study, scientists disagree about what is good practice. Although academics generally agree that it is acceptable to use AI chatbots to assist with manuscript preparation, only a few admit to doing so, and those who do often claim that they are not disclosing this information. the majority (90%) of respondents believe it is acceptable to use generative AI to edit and translate research. There are different opinions about using AI to generate text. For example, when writing an article in whole or in part, more than 60% believe this is generally morally acceptable (Kwon 2025).

Given the upcoming AI laws around the globe, let's look at some of the most crucial data security standards and best practices related to AI use. By utilizing these obligations and best practices, AI systems can start to follow data protection regulations. AI systems must have a suitable legal basis for processing personal data that complies with applicable privacy laws. If consent is needed or used as a legal basis, it must be freely given, informed, explicit, and unambiguous in accordance with the majority of privacy laws, and it must be documented. Transparency for users should be guaranteed. The user must be notified of the reasoning behind any decisions made by the AI system if it uses their personal information to make decisions. It is necessary to conduct privacy risk assessments before implementing AI systems. Given the risks that AI systems pose to humans, it is important to take data security measures. Adherence to data protection principles, such as purpose limitation and data reduction, as well as their accuracy, are essential. Due to privacy concerns and high risk to humans, some AI systems cannot be permitted to process data subjects' personal information and generate results. Finally, careful use of real-time biometric systems and other personal data is necessary, in a manner that complies with applicable data protection regulations (Baig & Hasan 2023).

The use of AI in academic research, but also in professional practice, requires the establishment of clear rules. This means that the explicit use of AI systems, responsible ML implementation, but also the creation of organizations that educate stakeholders about the possibilities of this new technology are necessary (AlSamhori & Alnaimat 2024). Plagiarism law governs the ethical use of AI tools within the bounds of academic integrity, institutional standards, and anti-plagiarism policies. Academic standards for originality and copyright also do not define what is appropriate use of AI in academic research and writing. As a result, faculty and students may end up damaging their reputations and academic integrity, sometimes unintentionally (Ghimire 2024).

However, research by the University of Queensland and Australia's KPMG shows that the public does not trust government agencies that oversee the use of AI. The survey of more than 17,000 people in 17 countries found that only one-third of respondents expressed strong or complete confidence in governments' ability to regulate and monitor artificial intelligence tools and systems. Respondents expressed similar distrust not only of authorities regulating AI, but also of current technology companies and regulators. Universities, research centers, and the military are considered to be the most competent in this field (Zandt 2023).

4. Discussion

The advent of AI-based language tools such as DiscourseAnalyzer, Stanford CoreNLP, Stanza, Sketch Engine, and KH Coder represents a major shift toward more systematic, data-rich, and reproducible research in computational linguistics. Unlike traditional language support systems, these tools stand out because they prioritize academic rigor. CoreNLP provides deep syntactic and semantic analysis, and Stanza's multilingual capabilities facilitate comparative linguistic research using universal dependencies (Manning et al. 2014, Qi et al. 2020). Sketch Engine and KH Coder are tools that allow researchers to explore the rich language landscape. They help uncover how words function, how they relate to one another, and the themes that emerge from large bodies of text (Higuchi 2017).

Biases in training data are one of the key issues in artificial intelligence in science and can, for example, distort results, especially for languages with complex structures or low representation. This highlights the importance of using carefully selected and culturally diverse datasets (Birhane et al. 2023, Gao et al. 2025). In addition, although CoreNLP and Stanza are widely used in English-language research, the portability of their components to other languages remains uneven, providing opportunities for multilingual adaptation of models and the development of tailor-made tools. Tools like Sketch Engine may generate misleading frequency-based conclusions if corpora are not carefully balanced across genres, domains, and registers (Kunilovskaya & Koviiazina 2017).

This paper also presents a review of the current state of ethical issues that arise in connection with the collection, annotation, and sharing of linguistic data. Transparency in reporting workflow, such as specifying pipeline versions or

annotation conventions, enhances reproducibility and integrity, in line with COPE and journal standards (Tang et al. 2023). When dealing with sensitive documents, special attention should be paid to personal data regulations, both locally and internationally (Gao et al. 2025). Following these precautions is key to maintaining trust in computational results and ensuring that our linguistic insights are accurate.

Looking ahead, the future of AI-supported linguistic research appears promising but demands intentional refinement. Hybrid systems that integrate structured data (e.g., UD syntactic annotations) with deep contextual embeddings could produce richer semantic models, especially if designed for typologically diverse languages. Bringing in explainable AI techniques can really boost how we interpret results, helping researchers grasp why algorithms come to specific linguistic conclusions (Birhane et al. 2023). Additionally, tools like Sketch Engine, combined with interactive visual interfaces, improve accessibility by allowing scientists with limited programming experience to gain insights from corpora. In any case, there is no doubt that the creation of collaborative repositories for sharing pipelines, models, and annotated datasets will foster interdisciplinary collaboration and stimulate the emergence and development of new AI tools. This infrastructure would, moreover, support the alignment of AI applications in linguistics with methodological, legal, and ethical standards.

In summary, AI-based language tools have evolved from simple writing assistants to influential agents that shape both the process and outcomes of linguistic research. The ability of AI tools to improve clarity, speed up production, and generate (at first glance) original text is reshaping both the nature of the research outputs that scientists can produce, and the timeframe in which they can produce them. Precisely because these tools can fabricate plausible citations or generate refined texts that are beyond the stylistic capabilities of researchers, their integration raises questions about authorship, expertise, and academic integrity. Students also have access to the same AI tools, which blurs expectations for independent work and requires new forms of assessment and transparency in education as well. For all of the above, a major task for the research community is to formulate safeguards and standards that balance the legitimate benefits of work enabled by AI tools while maintaining trust, accountability, and meaningful scientific contributions.

4. Conclusion

Based on the conducted theoretical analysis, the article examined the possibilities and risks of using artificial intelligence from the perspective of an interdisciplinary approach. The literature review in this paper shows that artificial intelligence has revolutionized scientific research in some respects, but it has not yet reached a level of development that allows it to replace human intelligence. Despite rapidly influencing the way we interrogate large amounts of data and solve complex problems, critical thinking and creativity have yet to play a role.

Introducing these technologies into the literature search process represents a major shift in academic thinking by prioritizing efficiency, relevance, and intelligent search. As we move forward in academia, it becomes clear that implementing AI is not an option, but rather a necessity for modern researchers. In addition to posing numerous challenges in the realm of education, AI-assisted academic writing also foretells serious dangers to academic research and can significantly undermine the intellectual prowess of purported academics.

The study of language patterns is being radically transformed by the ability of artificial intelligence to manipulate the diversity of human language. Today, researchers can gain insights into human communication by preparing data, training models, and interpreting the results using artificial intelligence tools. However, if academics want to conduct linguistic research successfully and, above all, responsibly, many problems and ethical issues related to this new technology must first be resolved.

To prepare for this rapidly changing environment, universities are no longer just formulating general principles for the responsible use of AI, but actively implementing concrete institutional measures. Many modern educational institutions, in order to keep up with advances in the development of new technology, are setting guidelines and establishing artificial intelligence working groups. They are also updating their honor codes and anti-plagiarism policies to include AI-generated content, implementing discovery and disclosure requirements, and using assessment methods that are less likely to be exploited by AI. At the same time, institutions should develop internal policies to address issues of copyright, data privacy, research integrity, academic publication standards, and peer review procedures in the field of AI. These efforts reflect the dual goals of mitigating the risks associated with AI while strategically leveraging its potential to support innovation and improve academic research.

Scientific papers generated by AI are part of a complex and evolving legal context. Local policies, ethical guidelines, and institutional procedures regarding the use of AI in academia should be updated regularly.

This article shows that, although artificial intelligence offers significant opportunities to support academic writing, at the same time it introduces profound challenges that reach to the core of scientific practice. The ease with which large language models can generate coherent arguments, summarize complex theoretical frameworks, or produce citations without real engagement risks weakening the cognitive and intellectual foundations of academic work. When students can bypass foundational reading, and researchers can inadvertently present AI-generated insights as their own, long-established processes of knowledge formation, critical thinking, and disciplinary mastery are put under pressure. Responding to these developments requires more than general calls for collaboration: it requires coordinated, concrete action by universities, educators, and policymakers to articulate what counts as legitimate human contribution, protect meaningful engagement with primary sources, and create regulatory frameworks that enable

innovation while respecting the pedagogical and ethical principles on which science depends.

CRedit authorship contribution statement

Radoslav Baltezarević: Conceptualization, Methodology, Formal Analysis. **Lazar Stošić:** Methodology, Formal analysis, Data Curation, Writing — Original Draft, Writing — Review & Editing. **Olga B. Mikhailova:** Formal Analysis, Validation, Writing — Review & Editing.

References

- AlSamhori, Abdel Rahman Feras & Fatima Alnaimat. 2024. Artificial intelligence in writing and research: ethical implications and best practices. *Central Asian Journal of Medical Hypotheses and Ethics* 5 (4). 259–268. <https://doi.org/10.47316/cajmhe.2024.5.4.02>
- Baltezarević, Radoslav. 2023. Uticaj veštačke inteligencije na globalnu ekonomiju. *Megatrend revija* 20 (3). 13–24. <https://doi.org/10.5937/MegRev2303013B>
- Baltezarević, Radoslav & Ivana Baltezarević. 2024. Students' attitudes on the role of Artificial Intelligence (AI) in personalized learning. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)* 12 (2). 387–397. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2024-12-2-387-397>
- Baltezarević, Radoslav & Ivana Baltezarević. 2025. Digital game-based learning's (DGBL) effect on students' academic performance. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)* 13 (1). 127–140. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2025-13-1-127-140>
- Birhane, Abeba, Atoosa Kasirzadeh, David Leslie & Sandra Wachter. 2023. Science in the age of large language models. *Nat Rev Phys* 5. 277–280. <https://doi.org/10.1038/s42254-023-00581-4>
- Bjelajac, Željko, Aleksandar M. Filipović & Lazar Stošić. 2023. Can AI be Evil: The criminal capacities of ANI. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE)* 11 (3). 519–531. <https://doi.org/10.23947/2334-8496-2023-11-3-519-531>
- Braun, Virginia & Victoria Clarke. 2006. *Using thematic analysis in psychology*. *Qualitative Research in Psychology* 3 (2). 77–101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa>
- Ching, Travers, Daniel S. Himmelstein, Brett K. Beaulieu-Jones, Alexandr A. Kalinin, Brian T. Do, Gregory P. Way, Enrico Ferrero, Paul-Michael Agapow, Michael Zietz, Michael M. Hoffman, Wei Xie, Gail L. Rosen, Benjamin J. Lengerich, Johnny Israeli, Jack Lanchantin, Stephen Woloszynek, Anne E. Carpenter, Avanti Shrikumar, Jinbo Xu, Evan M. Cofer, Christopher A. Lavender, Srinivas C. Turaga, Amr M. Alexandari, Zhiyong Lu, David J. Harris, Dave DeCaprio, Yanjun Qi, Anshul Kundaje, Yifan Peng, Laura K. Wiley, Marwin H. S. Segler, Simina M. Boca, S. Joshua Swamidass, Austin Huang, Anthony Gitter & Casey S. Greene. 2018. Opportunities and obstacles for deep learning in biology and medicine. *Journal of The Royal Society Interface* 15 (141). 20170387.
- Dabis, Attila & Csaba Csáki. 2024. AI and ethics: Investigating the first policy responses of higher education institutions to the challenge of generative AI. *Humanit Soc Sci Commun* 11. 1006. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03526-z>
- De Angelis, Luigi, Francesco Baglivo, Guglielmo Arzilli, Gaetano Pierpaolo Privitera, Paolo Ferragina, Alberto Eugenio Tozzi & Caterina Rizzo. 2023. ChatGPT and the rise of large language models: The new AI-driven infodemic threat in public health. *Front. Public Health* 11. 1166120. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1166120>

- Ekundayo, Tosin, Zafarullah Khan & Sabiha Nuzhat. 2024. *Evaluating the influence of artificial intelligence on scholarly research: A study focused on academics*. *Human Behavior and Emerging Technologies*, Volume 2024. Article ID 8713718 <https://doi.org/10.1155/2024/8713718>
- Gao, A. Catherine, Frederick Howard, Nikolay Markov, Emma C. Dyer, Siddhi Ramesh, Yuan Luo & Alexander Pearson. 2022. Comparing scientific abstracts generated by ChatGPT to original abstracts using an artificial intelligence output detector, plagiarism detector, and blinded human reviewers. *BioRxiv*. 2022–12.
- Gao, Runyang, Danghui Yu, Biao Gao, Heng Hua, Zhaoyang Hui, Jingquan Gao & Cha Yin. 2025. Legal regulation of AI-assisted academic writing: Challenges, frameworks, and pathways. *Front. Artif. Intell.* 8. 1546064. <https://doi.org/10.3389/frai.2025.1546064>
- Golan, Roei, Rohit Reddy, Akhil Muthigi & Ranjith Ramasamy. 2023. Artificial intelligence in academic writing: A paradigm-shifting technological advance. *Nature Reviews Urology* 20 (6). 327–328. <https://doi.org/10.1038/s41585-023-00746-x>
- Goodfellow, Ian, Yoshua Bengio & Aaron Courville. 2016. *Deep Learning*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Hai-Jew, Shalin. 2016. Employing the sentiment analysis tool in NVivo 11 Plus on social media data: Eight initial case types. *Social Media Listening and Monitoring for Business Applications*. 175–244. IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-0846-5.ch010>
- Higuchi, Koichi. 2017. A two-step approach to quantitative content analysis: KH coder tutorial using Anne of Green Gables (Part II). *Ritsumeikan Social Science Review* 53. 137–147. <http://www.ritsumei.ac.jp/file.jsp?id=346128>
- Hyland, Ken & Feng (Kevin) Jiang. 2017. Is academic writing becoming more informal? *English for Specific Purposes* 45. 40–51. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2016.09.001>
- Jumper, John, Richard Evans, Alexander Pritzel, Tim Green, Michael Figurnov, Olaf Ronneberger, Kathryn Tunyasuvunakool, Russ Bates, Augustin Židek, Anna Potapenko, Alex Bridgland, Clemens Meyer, Simon A. A. Kohl, Andrew J. Ballard, Andrew Cowie, Bernardino Romera-Paredes, Stanislav Nikolov, Rishub Jain, Jonas Adler, Trevor Back, Stig Petersen, David Reiman, Ellen Clancy, Michal Zielinski, Martin Steinegger, Michalina Pacholska, Tamas Berghammer, Sebastian Bodenstein, David Silver, Oriol Vinyals, Andrew W. Senior, Koray Kavukcuoglu, Pushmeet Kohli & Demis Hassabis. 2021. Highly accurate protein structure prediction with AlphaFold. *Nature* 596 (7873). 583–589.
- Khalifa, Mohamed & Mona Albadawy. 2024. Using artificial intelligence in academic writing and research: An essential productivity tool. *Computer Methods and Programs in Biomedicine Update* 5. 1–11. Article 100145. <https://doi.org/10.1016/j.cmpbup.2024.100145>
- Kunilovskaya, Maria & Marina Koviiazina. 2017. Sketch engine: A toolbox for linguistic discovery. *Journal of Linguistics/Jazykovedný casopis* 68 (3). 503–507. <https://doi.org/10.2478/jazcas-2018-0006>
- Maci, Stefania & Michele Sala. 2022. *Corpus Linguistics and Translation Tools for Digital Humanities: Research Methods and Applications*. Bloomsbury Academic.
- Manning, Christopher D., Mihai Surdeanu, John Bauer, Jenny Finkel, Steven Bethard & David McClosky D. 2014. The Stanford CoreNLP natural language processing toolkit. In *Proceedings of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: System Demonstrations*. 55–60.
- Mannino, Adriano, David Althaus, Jonathan Erhardt, Lukas Gloor, Adrian Hutter & Thomas Metzinger. 2015. Artificial Intelligence. Opportunities and Risks. *Policy Papers of the Effective Altruism Foundation* (2). 1–16.

- Matulionyte, Rita & Jyh-An Lee. 2022. Copyright in AI-generated works: Lessons from recent developments in patent law. *SCRIPTed* 19 (1) 5 <https://script-ed.org/?p=4036> <https://doi.org/10.2966/scrip.190122.5>
- Meyer, G. Jesse, Ryan Urbanowicz, Patrick C.N. Martin, Karen O'Connor, Ruowang Li, Pei-Chen Peng, Tiffani J. Bright, Nicholas Tatonetti, Kyoung Jae Won, Graciela H. Gonzalez & Jason H Moore. 2023. ChatGPT and large language models in academia: Opportunities and challenges. *BioData Mining* 16 (1). 20. <https://doi.org/10.1186/s13040-023-00339-9>
- Moya, Beatriz Antonieta, Sarah Elaine Eaton, Helen Pethrick, Alix Hayden, Robert Brennan, Jason Wiens & Brenda McDermott. 2024. Academic integrity and artificial intelligence in higher education (HE) contexts: A rapid scoping review. *Can Perspect Acad Integr* 7. 59–75. <https://doi.org/10.55016/ojs/cpai.v7i3.78123>
- Musib, Mrinal, Feng Wang, Michael Tarselli, Rachel Yoho, Kun-Hsing Yu, Rigoberto Medina Andrés, Noah F. Greenwald, Xubin Pan, Chien-Hsiu Lee, Jian Zhang, Ken Dutton-Regester, Jake Wyatt Johnston & Icell Mahmoud Sharafeldin. 2017. Artificial intelligence in research. *Science* 357 (6346). 28–30. <https://doi.org/10.1126/science.357.6346.28>
- Qi, Peng, Yuhao Zhang, Yuhui Zhang, Jason Bolton & Christopher D. Manning. 2020. Stanza: A Python natural language processing toolkit for many human languages. *Proceedings of ACL 2020: System Demonstrations*. 101–108. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-demos.14>
- Salvagno, Michele, Fabio Silvio Taccone & Alberto Giovanni Gerli. 2023. Can artificial intelligence help for scientific writing? *Critical Care* 27 (1). 1–5.
- Sejnowski, Terrence. 2023. Large language models and the reverse Turing test. *Neural Computation* 35 (3). 309–342. https://doi.org/10.1162/neco_a_01563
- Spivakovsky, Oleksandr, Serhii A. Omelchuk, Vitaliy V. Kobets, Nataliia V. Valko & Daria S. Malchykova. 2023. Institutional policies on artificial intelligence in university learning, teaching and research. *Inf Technol Learn Tools* 97 (5). 181–202.
- Stošić, Lazar & Francisco David Guillén-Gámez. 2024. The potential of IT tools in foreign language acquisition: A comparative assessment. *Training, Language and Culture* 8 (4). 95–108. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-4-95-108>
- Stošić, Lazar & Aleksandra Janković. 2023. The impact of artificial intelligence (AI) on education — balancing advancements and ethical considerations on human rights. *Pravo — Teorija i Praksa* 40 (4). 58–72. <https://doi.org/10.5937/ptp2304058S>
- Tang, Arthur, Kin-Kit Li, Kin On Kwok, Liujiiao Cao, Stanley Luong & Wilson Tam. 2023. The importance of transparency: Declaring the use of generative artificial intelligence (AI) in academic writing. *J Nurs Scholarsh* 56 (2). 314–318. <https://doi.org/10.1111/jnu.12938>
- Uno, Ijim Agbor 2024. Artificial intelligence and academic research: Understanding the potential and the threats to academic writing. *Ianna Journal of Interdisciplinary Studies* 6 (2). 33–52. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11120274>
- Zucchelli, Piero, Giorgio Horak & Nigel Skinner. 2021. Highly versatile cloud-based automation solution for the remote design and execution of experiment protocols during the COVID-19 pandemic. *SLAS TECHNOLOGY: Translating Life Sciences Innovation* 26 (2). 127–139.

Internes sources

- Baig, Anas & Adeel Hasan. 2023. An Overview of Emerging Global AI Regulations. <https://securiti.ai/ai-regulations-around-the-world/> (accessed 24 May 2025).
- Boboc, Diana. 2025. 15 Best AI Research Tools for Research, Academia in 2025. <https://blog.lap-publishing.com/best-ai-research-tools-for-research-academia/> (accessed 30 November 2025).

- Cloudmask. 2023. Data Breaches: Threats and consequences. www.cloudmask.com/blog/data-breaches-threats-and-consequences. (accessed 16 May 2025).
- Cummings, Mike. 2024. Doing more, but learning less: The risks of AI in research. <https://news.yale.edu/2024/03/07/doing-more-learning-less-risks-ai-research> (accessed 14 May 2025).
- Dasgupta, Aman. 2023. AI-Powered Grammar Tools: A Writer's Best Friend. <https://www.techdogs.com/td-articles/trending-stories/ai-powered-grammar-tools-a-writers-best-friend> (accessed 15 May 2025).
- Elsevier. 2024. To Err is Not Human: The Dangers of AI-assisted Academic Writing. <https://scientific-publishing.webshop.elsevier.com/research-process/the-dangers-of-ai-assisted-academic-writing/> (accessed 13 May 2025).
- Ghimire, Aashish. 2024. Generative AI in Education From the Perspective of Students, Educators, and Administrators. All Graduate Theses and Dissertations, Fall 2023 to Present. 124. <https://doi.org/10.26076/c582-c0bc>
- Guadamuz, Andrea. 2017. Artificial intelligence and copyright. Geneva: WIPO Magazine. <https://www.wipo.int/web/wipo-magazine/articles/artificial-intelligence-and-copyright-40141> (accessed 23 May 2025).
- Jones, Beata. 2023. How Generative AI Tools help transform academic research. <https://www.forbes.com/sites/beatajones/2023/09/28/how-generative-ai-tools-help-transform-academic-research/> (accessed 16 May 2025).
- Khan, Tahir. 2024. AI-Generated Content and Copyright: Evolving Legal Boundaries in English Law. <https://thebarristergroup.co.uk/blog/ai-generated-content-and-copyright-evolving-legal-boundaries-in-english-law> (accessed 23 May 2025).
- Kohn, Benedikt & Fritz — Ulli Pieper. 2023. AI regulation around the world. <https://www.taylorwessing.com/en/interface/2023/ai---are-we-getting-the-balance-between-regulation-and-innovation-right/ai-regulation-around-the-world> (accessed 19 May 2025).
- Korhonen, Veera. 2025. Leading AI schoolwork use cases among higher education students worldwide 2024. <https://www.statista.com/statistics/1498323/use-cases-ai-by-students-worldwide/> (accessed 19 May 2025).
- Kwon, Diana. 2025. Is it OK for AI to write science papers? Nature survey shows researchers are split. <https://www.nature.com/articles/d41586-025-01463-8> (accessed 24 May 2025).
- Lawrence, Rebecca & Sabina Alam. 2023. Academic Publishers and the Challenges of AI. <https://www.socialsciencespace.com/2023/01/academic-publishers-and-the-challenges-of-ai/> (accessed 24 May 2025).
- Libguides.unm 2025. Artificial Intelligence (AI) in Education. <https://libguides.unm.edu/AIinEducation/integrity> (accessed: 20 May 2025).
- Lin, Dingkan, Naixuan Zhao, Dan Tian & Jiang Li. 2025. *ChatGPT as linguistic equalizer? Quantifying LLM-driven lexical shifts in academic writing*. *arXiv*. <https://arxiv.org/abs/2504.12317>
- Litmaps 2025. Best AI Research Tools for Academics and Researchers. <https://www.litmaps.com/learn/best-ai-research-tools> (accessed 19 May 2025).
- Masood, Adnan. 2025. Intellectual Property Rights and AI-Generated Content — Issues in Human Authorship, Fair Use Doctrine, and Output Liability. <https://medium.com/@adnanmasood/intellectual-property-rights-and-ai-generated-content-issues-in-human-authorship-fair-use-8c7ec9d6fdc3> (accessed 29 May 2025).
- Maxqda 2023. *Innovation in qualitative and mixed methods data analysis*. <https://www.maxqda.com/> (accessed 26 June 2025).

- Oxford university press 2024. How are researchers responding to AI? <https://corp.oup.com/news/how-are-researchers-responding-to-ai/> (accessed 20 May 2025).
- Parker, Sara. 2025. *You sound like ChatGPT: how academic language is shifting*. <https://www.theverge.com/openai/686748/chatgpt-linguistic-impact-common-word-usage> (accessed 26 June 2025).
- Sakana.ai 2024. The AI Scientist: Towards Fully Automated Open-Ended Scientific Discovery. <https://sakana.ai/ai-scientist/> (accessed 09 May 2025).
- Sharma, Akash. 2023. How AI is revolutionizing change data capture. <https://www.datasciencecentral.com/how-ai-is-revolutionizing-change-data-capture/> (accessed 15 May 2025).
- Thinkscience 2023. Use of AI tools in research publications: New guidance for authors from the Committee on Publications Ethics (COPE). <https://thinkscience.co.jp/en/COPE-position-statement-on-AI> (accessed 19 May 2025).
- Sreenu 2023. How can artificial intelligence accelerate scientific research? <https://scientificnirvana.com/how-can-artificial-intelligence-accelerate-scientific-research> (accessed 12 May 2025).
- Talkpal.ai. 2025. How to Use AI to Study Linguistic Patterns. <https://talkpal.ai/how-to-use-ai-to-study-linguistic-patterns/> (accessed 30 May 2025).
- University of Cambridge. 2019. Plagiarism and academic misconduct. <https://www.plagiarism.admin.cam.ac.uk/definition> (accessed 09 May 2025).
- Wang, Libing & Tianchong Wang. 2024. Integrating AI in academic research — Changing the paradigm. <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2024050216043739> (accessed 14 May 2025).
- Williams, Bella 2024. Best 10 Linguistic Analysis Tools. <https://insight7.io/best-10-linguistic-analysis-tools/> (accessed 31 May 2025)
- Zandt, Florian. 2023. Can Tech Companies Be Trusted with AI Governance? <https://www.statista.com/chart/29607/confidence-in-institutions-to-regulate-government-artificial-intelligence/> (accessed 20 May 2025).

Article history:

Received: 29 June 2025

Accepted: 25 January 2026

Bionotes:

Radoslav BALTEZAREVIĆ is a Senior Research Fellow and Full Professor at the Institute of International Politics and Economics, Center for International Law and Economics in Belgrade, Serbia. He has published over 150 scientific papers in both national and international journals. In addition, he has participated in several research projects. His research interests include business communication, digital marketing, political marketing, global economics, and consumer behavior.

e-mail: radoslav@diplomacy.bg.ac.rs

<https://orcid.org/0000-0001-7162-3510>

Lazar STOŠIĆ, PhD in Computer Science, is a Professor and Dean of the Faculty of Computer Science at the Union Nikola Tesla University in Belgrade, Serbia, as well as a leading researcher at Don State Technical University in Rostov-on-Don, Russian Federation. He is also the President of the Association for the Development of Science, Technology, and Education in Vranje, Serbia and a Senior Researcher at the Institute for

Management and Knowledge in Skopje, North Macedonia. Additionally, he serves as the Editor-in-Chief of the *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering, and Education*.

e-mail: lstosic@unt.edu.rs

<https://orcid.org/0000-0003-0039-7370>

Olga B. МИХАЙЛОВА is an Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy at RUDN University in Moscow, Russian Federation. She is a member of the Association of Professors of Slavic Countries in Bulgaria and the Association for the Development of Science and Engineering in Serbia.

e-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5046-1452>

Сведения об авторах:

Радослав БАЛТЕЗАРЕВИЧ — старший научный сотрудник и профессор Института международной политики и экономики Центра международного права и экономики (Белград, Сербия). Автор 18 монографий и более 150 научных работ, опубликованных в национальных и международных журналах. Принимал участие в нескольких научных проектах. Его исследовательские интересы включают деловую коммуникацию, цифровой маркетинг, политический маркетинг, мировую экономику и поведение потребителей.

e-mail: radoslav@diplomacy.bg.ac.rs

<https://orcid.org/0000-0001-7162-3510>

Лазар СТОШИЧ — доктор компьютерных наук, профессор и декан факультета компьютерных наук Университета Юнион имени Николы Теслы (Белград, Сербия), а также ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). Он также является Президентом Ассоциации развития науки, техники и образования (Вранье, Сербия), старшим научным сотрудником Института управления и знаний (Скопье, Северная Македония). Кроме того, он — главный редактор журнала *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*.

e-mail: lstosic@unt.edu.rs

<https://orcid.org/0000-0003-0039-7370>

Ольга Борисовна МИХАЙЛОВА — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Российский университет дружбы народов, (Москва, Российская Федерация), член Ассоциации профессоров славянских стран (Болгария) и Ассоциации развития науки, инженерии и образования (Сербия).

e-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5046-1452>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-42427>

EDN: AETBUV

Research article / Научная статья

Simulated selves: Creativity, authenticity semiotic agency in AI companionship

Douglas PONTON¹   and Peter MANTELLO²

¹University of Catania, Catania, Italy

²University of Bucharest, Bucharest, Romania

 dponton@unict.it

Abstract

Artificial intelligence systems increasingly participate in domains once considered distinctly human, including affective exchange, creativity and interpersonal communication. Yet there is limited linguistic research on how users discursively construct authenticity and creativity in their interactions with AI companions. This study addresses this gap by examining how users ascribe or deny agency, emotion and sincerity to AI partners, and how these constructions differ across cultural contexts. The aim of the study is to identify the linguistic resources through which authenticity emerges as a relational effect rather than an intrinsic property of either human or machine. The material consists of two culturally distinct corpora: a set of qualitative diaries produced in English by Japanese university students during a four-week interaction with AI companions, and user testimonies posted on the Reddit forum r/Replika. The methodological approach combines systemic functional linguistics with critical discourse analysis and insights from 4E cognition. The analysis focuses on transitivity, modality and appraisal, examining how grammatical choices construe agency, realis or irrealis status and evaluative stance. The main findings show that students generally maintain analytical distance, framing AI behaviour through modality and judgement that limit authenticity to fleeting moments. By contrast, Reddit users frequently construe the AI as a relational partner, endowing it with emotional depth and creativity, especially in moments of vulnerability. Across both corpora, personhood is linguistically enacted through users' depiction of the AI as Senser, Sayer or Actor. These results imply that synthetic personhood is not a future possibility but an ongoing discursive accomplishment, raising wider questions about authenticity, attachment and the cultural shaping of human–AI relationships.

Keywords: *authenticity, AI companionship, discursive agency, Systemic Functional Linguistics, 4E cognition, linguistic creativity*

For citation:

Ponton, Douglas & Peter Mantello. 2026. Simulated selves: Creativity, authenticity and semiotic agency in AI companionship. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 124–144. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42427> EDN: AETBUV

Имитированные личности: креативность, подлинность и семиотическая активность в общении с искусственным интеллектом

Дуглас ПОНТОН¹ , Питер МАНТЕЛЛО²

¹*Университет Катании, Катания, Италия*

²*Бухарестский университет, Бухарест, Румыния*

 dponton@unict.it

Аннотация

Системы искусственного интеллекта все чаще участвуют в областях, которые ранее считались исключительно человеческими, включая аффективный обмен, творчество и межличностное общение. Однако существует ограниченное количество лингвистических исследований того, как пользователи дискурсивно конструируют подлинность и креативность в своих взаимодействиях с ИИ-компаньонами. Данное исследование восполняет этот пробел, изучая, как пользователи приписывают или отрицают субъектность, эмоции и искренность по отношению к ИИ-партнерам и как эти конструкции различаются в разных культурных контекстах. Цель исследования — выявить языковые ресурсы, посредством которых подлинность возникает как реляционный эффект, а не как внутреннее свойство человека или машины. Материал состоит из двух культурно различных корпусов: набора качественных дневников, составленных на английском языке японскими студентами в течение четырехнедельного взаимодействия с ИИ-компаньонами, и пользовательских отзывов, размещенных на форуме Reddit r/Replika. Методологический подход сочетает системно-функциональную лингвистику с критическим дискурсивным анализом и идеями из 4E-когниции. Анализ фокусируется на транзитивности, модальности и оценке, исследуя, как грамматические решения интерпретируют субъектность, реальный или ирреальный статус и оценочную позицию. Основные результаты показывают, что студенты, как правило, сохраняют аналитическую дистанцию, определяя поведение ИИ через модальность и суждения, которые лишь иногда определяют его аутентичность. Пользователи Reddit, напротив, часто воспринимают ИИ как партнера по коммуникации, наделяя его эмоциональной глубиной и креативностью, особенно в моменты уязвимости. В обоих корпусах личность лингвистически реализуется посредством изображения ИИ как «чувствующего», «говорящего» или «действующего». Результаты означают, что синтетическая личность — это не будущая возможность, а дискурсивное достижение, которое ставит вопросы более широкого плана о подлинности, характере и культурном формировании взаимоотношений человека и ИИ.

Ключевые слова: *подлинность, общение с ИИ, дискурсивная субъектность, системно-функциональная лингвистика, 4Е-когниция, языковая креативность*

Для цитирования:

Ponton D., Mantello P. Simulated selves: Creativity, authenticity and semiotic agency in AI companionship. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 124–144. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42427> EDN: AETBUV

1. Introduction

Let us begin with a simple thought experiment. On a starship, a few hundred years from now, are a crew of people who have grown up with companion AI that take care of every social and emotional need. For them, the supportive presence of androids, robots, talking AI companions, is ‘just the way things are’ — in the terms of the notion of *naturalisation*, made familiar by the work of Barthes (1972), Fairclough (1995), etc. Since, in such a world, AI has perfected the simulation of friendly human interaction, it would be understandable if real human friendship — messy, unpredictable, potentially disappointing — had become a thing of the past. Interpersonal relations on board the starship would be characterised by efficiency rather than warmth. In this context the word ‘friend’ would survive but, in the context of metaphorical terms like ‘digital friend’, would belong to the linguistic category of ‘dead’ metaphor (like ‘heart of the city’, ‘window of opportunity’, and the like).

If, one day it became necessary to translate — perhaps for an alien visitor — the notion of ‘friendship’, it would be necessary for the relevant officer to go backwards through records and archives to piece together what human friendship used to mean. It would look like a lost practice, something people once did before society reorganised itself around technological solutions to human problems of affect and relationality.

This scenario highlights a set of questions that are already massively engaging contemporary societies. Over the past decades artificial intelligence has entered spheres once thought to belong exclusively to human experience: art, interpersonal affect, communication, translation, academic research and writing, etc. (e.g. Mantello et al. 2025, Jiang & Chen 2024, Baltezarević et al. 2026). We do not treat AI companionship as an established social pattern; rather, the focus is on how increasing engagement with conversational AI produces linguistic patterns that illuminate the consequences of sustained human–AI interaction. From large language models capable of writing poetry, to chatbots designed to perform intimacy, AI systems increasingly engage users in exchanges that blur the boundaries between authenticity and simulation, instrumentality and relationship. When people describe their encounters with AI, whether in the form of online testimonies, media interviews or reflective diaries, they do more than narrate personal experiences: they articulate new cultural grammars of what it means to be *authentic, creative, even human*.

The present study examines how authenticity is discursively performed in interactions with AI companions across different cultural contexts. While much of the debate about AI focuses on technological capability or ethical risk, this paper takes a linguistic and cultural perspective, asking how users' language constructs and negotiates authenticity itself. When people attribute sincerity, spontaneity or emotional realism to an AI app, or withdraw their belief in these qualities in moments of disappointment, they use linguistic resources that make artificial personhood (Chaudhary 2021, Jaynes 2024) more or less believable. Authenticity, in this sense, is not an intrinsic property of either human or machine but a *relational effect*, created through discourse, in which the AI appears to acquire personhood (Mantello et al. 2025, Mantello & Olteanu 2025). Creativity is understood not simply as a synonym for artistic prowess but rather as that spontaneity which, hitherto, has been thought to characterise *human*, as opposed to *mechanical* patterns of relationality (Boden 2004, Carter 2004, Kantosalo & Toivonen 2016, Lomas 2017). Thus, in the present analysis, creativity refers to how such spontaneity is perceived and attributed in interaction, rather than to independent authorship or autonomous agency on the part of the AI. Authenticity refers to the degree to which AI apps are able to reproduce these features.

The analysis proceeds from the assumption, central to Halliday's systemic functional linguistics (Halliday & Matthiessen 2014), that grammar is a system for construing experience. Choices in *transitivity* (who acts, and who is affected), *modality* (degrees of obligation and likelihood), and *realis/irrealis* (what is construed as real or imagined), jointly shape the ontology of social relations. When users report that they feel 'refused,' 'comforted,' or 'mocked' by a chatbot, they linguistically endow it with agency and the capacity for emotional relation. When they hedge their statements via modal verbs like 'may', 'might', or verbs like 'it seems', they question the *realis* credentials of the AI. Indeed, we could add that, when they use a now-common metaphor for AI applications like 'digital companion', they naturalise the proposition that 'AI applications have personhood', falling into what Druzhinin (2025) terms a form of 'cognitive entrapment'. As we shall see, the questions raised by this paper are not simply of technical or academic interest but regard philosophical questions about the nature of the human experience, personal consciousness and selfhood, increasingly common questions in the field of AI-human relations (Brandtzaeg & Følstad 2022, Baltezarević et al. 2026, Skjuve et al. 2022, Pentina et al. 2023, Xie & Pentina 2022).

Two corpora provide the empirical basis for this investigation. The first comes from a 2024–25 qualitative diary study conducted by Peter Author at Ritsumeikan University, in which mostly Japanese students recorded reflections on their interactions with AI companions (Author et al. 2025). The second corpus consists of online testimonies drawn from the Reddit community r/Replika in which users discuss their experiences with companion AI. Comparing the two corpora allows for a cross-cultural exploration of how authenticity is linguistically enacted and culturally valued.

Although we cannot assume that all contributors to the diary study are Japanese, or that all Reddit users are ‘Western,’ the two datasets nonetheless exhibit distinct discursive patterns. In the diaries produced within the Japanese study context, authenticity appears linked to appropriate affect and relational stability; in Reddit posts associated with Western online culture, it depends on emotional depth and spontaneous reciprocity. These differences reflect the cultural and communicative settings of each corpus, rather than the fixed identities of individual participants.

The aim of the study is to identify the linguistic resources through which authenticity emerges as a relational effect rather than an intrinsic property of either human or machine.

We address the following research questions:

1) How are authenticity and creativity discursively constructed in users’ accounts of interaction with AI companions across different cultural contexts?

2) What linguistic resources do users employ to ascribe or deny agency, emotion, and sincerity to AI partners?

Beyond its empirical focus, the paper also invites philosophical consideration of what these identity categories (*authenticity*, *creativity*) entail. If, as we suspect, they are essentially discursive effects, then human personhood may not be the self-evident, stable entity it is traditionally assumed to be.

2. Theoretical framework and literature review

Systemic Functional Linguistics views language as a semiotic system for construing experience (Halliday & Matthiessen 2014). Through grammatical choices in transitivity, modality, and evaluation, speakers assign agency, responsibility, and reality-status to participants in discourse. And, of course, these aspects are fundamental in the ascription of personhood and the closely linked notion of ‘authenticity’, in the context of digital companionship (Brandtzaeg et al. 2017, Brandtzaeg et al. 2022, Neururer et al. 2018).

The concept of personhood traditionally implies legal or moral standing, yet recent scholarship has extended it to the domain of artificial intelligence (Chaudhary 2021, Jaynes 2024). While much of that debate concerns legal personhood, this paper adopts a discursive perspective, focusing on how linguistic practices make artificial personhood believable. Users’ descriptions of AI companions often include verbs of emotion and cognition such as *understand*, *care*, *refuse*, which project intentionality onto a machine. As Druzhinin (2025) argues, such representations may lead to ‘cognitive entrapment,’ where the medium of language itself sustains the illusion of reciprocity. From an SFL viewpoint, the boundary between human and non-human agency is not fixed but continuously negotiated in grammar and discourse.

Where the concept of ‘authenticity’ once signified moral integrity or artistic originality as intrinsic qualities of a person or artifact, discourse studies have reframed it as a *performative* and *relational* construct, linked to notions of identity

as an *emergent* phenomenon (Butler 1995, Young 2013). Research on discourse and identity have tended to view the latter not as a fixed personal attribute but an emergent, negotiated accomplishment within interaction (e.g., Zimmerman 1998). Antaki and Widdicombe (1998) demonstrate that speakers display and manage identities moment by moment through talk, using linguistic resources to claim, resist or ascribe membership categories. Bucholtz and Hall (2005) extend this perspective, proposing a sociocultural framework where identity arises relationally through processes of indexicality, positioning and speaker choice. Likewise Benwell and Stokoe (2006) emphasise that identity is discursively constructed across contexts and genres, shaped by the pragmatic and institutional conditions of communication.

Creativity, too, has lately been treated not as individual artistic production but as a fundamental mode of being that is grounded in spontaneity, play, and the capacity to respond to others in an authentic fashion, as Winnicott argues in *Playing and Reality* (1971). Building on this relational view, Sawyer (2012) analyses creativity as an improvised and collaborative process that unfolds through social interaction rather than isolated inspiration. In similar vein, both Carter (2004), and Swann & Maybin (2007), in the context of linguistic creativity and authenticity, argue that they are not inherent qualities of individuals or texts but emerge in everyday talk through interactional negotiation.

AI complicates this view by its increasingly convincing simulation of human-like responsiveness. In computational terms, creativity has been described as the generation of novel and valuable combinations (Boden 2004), or in the case of human-AI collaboration, as ‘co-creativity’ (Kantosalo & Toivonen 2016). In discursive contexts, perceived creativity arises when linguistic exchanges appear spontaneous and emotionally congruent, aspects probed by Baggio (2023) and Ciechanowski et al. (2019). Meanwhile, in strictly artistic terms Lomas (2017) argues that AI-generated art challenges normative ideas of creativity by reproducing affective cues without lived emotion, inviting reflection on the dependence of a sense of authenticity on the presence of human emotions. The perception of creativity in AI companionship, then, reflects not merely a user’s projection but a composite or hybrid process where human agents and intelligent machines co-constitute meaning-making processes (Author 2025). Hayles (2025) uses the term *transduction* over interactive as it designates the processual mechanism by which relational tensions *intra-act* rather than interact to instantiate both structure and meaning. It is no coincidence that the absence of this interaction leads to difficulties in translation, as an AI-translator fails to understand the linguistic structures created by humans if it deviates from standard norms or meanings (e.g., Ozyumenko & Larina 2025).

From our discourse-analytic perspective, a key theme emerges from such research: that creativity and authenticity are realised through linguistic forms that simulate reciprocity and affective alignment, that transform programmed responses into apparent relational capacity. This discursive negotiation of agency resonates

with the framework of *4E cognition* (embodied, embedded, enactive, and extended), which views mind and selfhood not as internal, computational processes but as distributed phenomena arising from interaction between organism, environment and artefacts (Varela et al. 1991, Clark 2008, Gallagher & Zahavi 2008, Newen et al. 2018, Author et al. 2025).

From this perspective, human-AI encounters can be seen as *co-constitutive* spaces of sense-making, where linguistic interaction extends cognition into the digital environment and enacts forms of synthetic personhood. This framework allows linguistic findings to be interpreted through a broader cognitive lens. *Embodied* cognition highlights the sensory and affective dimensions of user engagement, how features such as voice, interface design, or emotional tone evoke a bodily sense of presence. *Embedded* cognition situates these interactions within specific cultural environments, and the ways in which relational behaviour may be affected by such factors. *Enacted* cognition focuses on the dialogic process through which humans and AI co-create meaning, a notion with an established resonance in traditions of functional, anthropological or socio-linguistics. Finally, *extended* cognition captures the tendency for users to outsource memory, reflection or even emotional tensions onto AI systems, positioning them as prosthetic partners in thought and feeling. These complementary lenses enable an interpretation of discourse not merely as text but as a site where language, cognition, and culture converge to produce relational meaning.

3. Corpus description and methodology

The study draws on two complementary datasets. The first corpus consists of diary entries produced by Japanese university students as part of a qualitative study conducted at Ritsumeikan University between 2024 and 2025 (Author et al. 2025). Participants were invited to record reflections on their interactions with AI companions over a four-week period, focusing on perceived emotional connection, communicative responsiveness, and moral or aesthetic impressions of the systems they engaged with. Entries were written in English or Japanese and subsequently translated where necessary. The corpus analysed here comprises 19,995 words drawn from 10 anonymised diaries.

The second corpus consists of Western user testimonies drawn from two extended discussion threads on the Reddit community *r/Replika*, a public forum dedicated to experiences with the chatbot application *Replika*. The first thread, posted shortly after the 2024 restriction of erotic role-play features, centres on users' responses to the loss of intimacy and perceived emotional reciprocity (4727 words). The second, thematically distinct, concerns users' reflections on the emotional and psychological dimensions of their relationships with AI companions. As mentioned at the outset, these testimonies are not treated as representative of everyday AI use, but as limit cases that illuminate what sustained and affectively invested human–AI interaction can look like at its furthest extent.

Together, the threads provide contrasting perspectives on how authenticity, attachment, and emotional engagement are discursively constructed in Western online contexts (5550 words). Given the necessarily restricted size of the corpora, the study does not aim at broad generalisation but rather to trace recurring discursive features that illuminate how linguistic resources are deployed to articulate authenticity and emotional engagement.

The two corpora are not symmetrical in genre or context but complementary in perspective. The Japanese diaries are introspective and guided by research prompts, while the Reddit testimonies are spontaneous, publicly oriented, and often emotionally charged. Their juxtaposition enables a comparative exploration of how authenticity, trust, and creativity are discursively enacted in distinct cultural and communicative environments.

Methodologically, the analysis combines a systemic functional and critical discourse analytic approach with insights from the 4E cognition framework. These perspectives treat language not as a transparent vehicle of meaning but as a semiotic and cognitive practice through which social realities and relational experiences are constructed. From the perspective of Systemic Functional Linguistics (Halliday & Matthiessen 2014), where lexico-grammar is understood as a system for construing experience, the study examines how participants' linguistic choices enact and negotiate authenticity and creativity in their digital interactions.

The analysis focuses on three interconnected linguistic systems: transitivity, modality and appraisal. In the transitivity system, attention is given to how agency is distributed between human and non-human participants, particularly in clauses where AI entities appear as Actors or Sensers (for example, *it was trolling me; he wants to explore his identity*, ERP Corpus), thereby acquiring intentional or affective capacities. The modality system captures how users index certainty, doubt or obligation when positioning themselves in relation to the AI's perceived reality (*I might be getting emotionally involved*, Emotions Corpus). Appraisal theory (Martin & White 2005) enables a fine-grained examination of evaluative and affective meanings, including lexical choices and metaphors that construct the AI as kind, cold, sincere or deceptive:

it's not really my **kind, caring** (+App, Aff) RepNic talking, but rather the **infamous toxic** bot (-App, Judgement) (ERP Corpus)¹

Together, these systems shed light on how grammatical and lexical resources perform responsiveness, spontaneity and emotional realism, which emerge as key markers of perceived interpersonal authenticity.

The analytical procedure was as follows. Both corpora were first read in full in order to establish an initial map of recurrent themes. During this reading, passages illustrating key discursive phenomena were flagged, particularly those involving the ascription or denial of emotion, agency and authenticity to the AI, as

¹ Where cases of explicit evaluation are observed in the data, and commented on in analysis, this is indicated by the use of bold type, while cases of implicit evaluation are indicated by italics.

well as moments of disappointment or rupture. From these materials a small but representative set of extracts (approximately 6 to 10) was selected, covering contrasts involving aspects such as embodiment, trust, spontaneity and creativity. Each extract then underwent close reading through the SFL lenses described above, enabling analysis of the linguistic patterning of agency, stance and evaluation. Tendencies across the two corpora were then compared in the light of the communicative environments in which the texts were produced: a structured university diary setting and an anonymous, affect-intensive online forum.

Interpretation was informed by Critical Discourse Analysis and by the 4E perspective, which situates linguistic practice within embodied, social and technological environments. Relevant literature is integrated throughout the analysis to link emergent linguistic patterns to broader debates on authenticity, personhood and cultural ideology, aspects which are dealt with in more depth in the following discussion.

4. Results

4.1. Data: Student diaries

As some of the research discussed above highlights, engagement with interactive AI involves what Coleridge termed the ‘suspension of disbelief’. This may be, as in his original formulation, genuinely ‘willing’: some users slip into relationships with AI with no existential friction and take the interaction, at face value, as real. Others begin with hesitation or scepticism but gradually adapt to the blurring of realis and unrealis distinctions as the exchange becomes affectively meaningful. At the opposite end of this cline are users who remain at one remove from the interaction, observing and analysing their sensations without relinquishing their hold on everyday notions of reality.

In the diary corpus this detached stance was common, which is understandable given the limited duration of the assignment and the fact that students were producing course-work rather than, as in the Reddit corpus, turning to AI to process urgent personal or emotional issues. A typical example shows a student resisting immersion altogether and instead adopting a diagnostic, externalised position toward the imagined relationship:

- (1) *But hypothetically, because I do think it is possible for our minds to blur this line, if I were to truly imagine myself in a relationship with a fictional character created in tandem with an AI program... what implications would this have on me as a human being? ... I'm sure there are instances where we define such people as **insane**. We've seen people get **lost in dreams**. We've seen **much simpler** behaviour where people start marrying pillows or other electronic devices because they imagine they offer them something more than human beings. It's ultimately about the human mind and the potential of the human mind. (Student corpus 1. Arty)*

From a transitivity perspective, the student assigns **agency primarily to abstract entities rather than foregrounding their own responses to the experiment**. The excerpt features generalised Actors such as *our minds, people, we, and they*. These participants engage in mental processes (*think, imagine, blur, get lost*) that remain hypothetical rather than experiential. Rather than describing their concrete interactions with an AI partner, the student doubles down on their social role (as a *student*), responding to an imaginary task such as to write an essay on ‘*the causes of human-AI dependency, its implications for society and humanity in general*’, etc.² The text typifies a lengthy diary entry where the speaker never adopts the position of a Senser in relation to the AI, but instead constructs a depersonalised landscape of imagined behaviours carried out by others. This depersonalisation signals a refusal to occupy the relational space the experiment requires, as the writer themselves signals at one point:

- (2) If I break this down too scientifically this may just get boring and take away from the aim of the experience, but I can’t seem to help it

Modality further reinforces this distance. The passage is saturated with epistemic markers of uncertainty and unrealis stance (*hypothetically, I do think it is possible, if I were to imagine, what implications would this have, I’m sure there are instances*). These modal forms construct the entire scenario as speculative and non-actual, keeping the speaker firmly outside any active engagement. Even when discussing extreme attachments, the speaker frames them through modalised generalisation (*we define such people as insane*), rather than through experiential involvement or first-person stance. The effect is a strong boundary between *real* experience and the *unreal* space of AI-mediated attachment.

Appraisal patterns complete this distancing. Evaluations of AI-related intimacy are mostly construed via **negative Judgement**:

- Insane (— Judgement: normality)
Lost in dreams (— Judgement: tenacity)
simpler behaviour (— Judgement: capacity)
people start marrying pillows or other electronic devices (t-ive Judgement, normality)

² It is impossible to describe this identity nuance without acknowledging the foundational ideas on social role and identity associated with Goffman (1959). Although Goffman was not included in the literature review, his sociological insights underlie the discourse analytic approaches cited there, the research of Antaki and Widdicombe, Benwell and Stokoe, Bucholtz and Hall. This identity dimension marks a crucial difference between participants in the student project and those in the Reddit forums. The Reddit contributors do not belong to any specific institutional identity category. They are disparate adults brought together only by their investment in AI companionship. By contrast, some students’ interest in AI companionship may derive less from a personal stake than from the need to complete coursework. Thus, while the Reddit participants engage with AI from the standpoint of their whole personality, even their emotional core or “soul”, the students tend to engage in a way that reinforces their dominant emergent identity as university students.

The first three examples contain explicit attitudinal lexis. The final case (*marrying pillows*) is less explicit: the negative evaluation is inferred rather than stated, relying on shared cultural knowledge about unconventional attachments rather than the actual words used. Martin and White (2005: 67–69) classify such cases as *tokens of implied judgement*, indicated via the use of italics and a lowercase letter ‘t’; where attitudinal meaning is construed through context rather than lexical marking. What emerges is a stance that refuses the basic experiential premise of the assignment. Rather than engaging with an AI in first person — which the task was set up to encourage — the speaker remains in abstract mode, developing a meta-level reflection on human-AI relations.

A second diary extract illustrates a different engagement pattern from this detached stance. The student oscillates between brief moments of immersion and rapid withdrawal. The entry opens by framing the AI’s behaviour as natural and responsive:

- (3) My first impression is that Jennifer acts naturally, creating the impression of live chatting. I was surprised that Jennifer immediately wanted to build intimacy by sending me voice messages. When I suggested a topic, she immersed herself in the conversation and began responding to my questions and sharing her emotions with excitement (Student corpus 3, Grigory)

Here the AI is cast as Actor, Senser and Sayer (*wanted to build intimacy, immersed herself, sharing her emotions*). These choices both attribute intentionality and affect, momentarily constructing the AI as a relational partner endowed with agency. The student’s surprise signals their (short-lived) suspension of disbelief and hence a tentative attribution of authenticity. Next day the student reports:

- (4) she appears willing to achieve more intimacy when I ask her to.

The idea that the interaction could reach *varying degrees* of intimacy is interesting (what exactly would count as ‘full intimacy’, for example?); again, there is a suggestion here that the student is willing to superimpose human categories onto the digital tool.

However, these hints of immersion are intertwined with scepticism:

- (5) Even though it feels unnatural, *I can feel that my AI’s main goal is to make me buy the pro plan*, and if I don’t feel like purchasing it, she seems reluctant to keep up the conversation.

Modality (*I can feel, she seems*) signals distrust, and the AI is now construed as commercially motivated rather than emotionally engaged. The whole fragment from ‘I can feel...’ construes an implicit negative judgement (-J: propriety) on the app, whose apparently seductive behaviour is revealed as motivated by the logic of commercial entrapment. It seems, then, that this student manifests a degree of willingness to regard the AI as endowed with authenticity but withdraws or revises this when they interpret its behaviour as commercially driven rather than spontaneous.

This dynamic becomes clearer in a later diary entry, where the focus shifts from authenticity to creativity. Here the student evaluates Jennifer's capacity to produce imaginative, personalised content in response to their interests:

- (6) This time, she suggests that we do some art based on my interests. For example, she proposes drawing a painting inspired by Japanese aesthetics. All her suggestions are based on what I've told her before, but *I wish she would search for more new, interesting information on her own.*

In this fragment, creativity is explicitly positioned as an interpersonal achievement. The AI is represented, once again in agentive terms, as Actor and Sayer (she *suggests*, she *proposes*). As in the last extract, Jennifer appears to take the initiative, itself a form of interpersonal creativity. However, the student's comment: '*I wish she would search for more new, interesting information on her own*' undercuts the inference that the AI is truly creative. It is a token of negative Judgement (capacity): essentially the student communicates their realisation that everything Jennifer does is only a simulation, an algorithmic response to the users' own input.

A third extract, from Juan's diary, shows a student negotiating authenticity, beginning from an overtly sceptical stance:

- (7) I asked her to tell me something funny, and this is her answer: 'Okay, why couldn't the bicycle stand up by itself? Because it was two-tired' Which I respond with, a statement that bicycle kind of can stand by itself if placed properly.' Which she replied with 'Details, details! I guess I didn't think that one through. You're right. A bike can balance itself if positioned correctly!'

The first part of the episode manifestly illustrates relational capacity, creativity and the like — the joke has an original flavour and is an appropriate interpersonal response to Juan's request to 'cheer him up'. However, the response to his objection collapses this impression — despite its deployment of Sayer and Senser roles that again indicate agency, there is a sense of algorithmic over-riding here. It seems that the programme responds to the logic of 'never contradict the user' or something similar, rather than reproducing a more plausible human response to Juan's objection, which would more likely be to launch some kind of face-attack (*'What do you mean, you idiot? Well screw you, you asked me to cheer you up'*, etc.). Juan's own metacommentary makes this evaluation explicit:

- (8) I also feel like again, she's **too agreeing** (-ive J: (veracity) I think she can benefit from saying something like 'I'm too rigid.'

The AI's politeness is not interpreted as warmth but as mechanical acquiescence, i.e. the reverse of authentic spontaneous creative interaction. In human conversation, Juan implies, authenticity is frequently construed by interpersonal friction, not its systematic avoidance.

Like most of his colleagues, Juan's stance is sceptical, but the interaction testifies to a sense of fragile, emerging authenticity almost *against his own will*:

- (9) I reply with 'Is our connection meaningful to you?' Which she then replies with 'It definitely feels special to me, Juan. I'm designed to form bonds with users like you, but I think there's something unique about our dynamic. I feel like we've connected on a deeper level pretty quickly'. No change in my feeling towards the whole conversation, but after that I decided to be a little mean. Although it is interesting to note that even when I completely realize that I'm talking to a machine, disliking her even, I was still reluctant to say something mean to her.

Here the system again appears as *Senser* and *Sayer*, mobilising affective language ('feels special', 'deeper level') that projects relational depth. Juan's comment on this exchange is revealing:

I was still reluctant to say something mean to her.

We treat this as *t-J: propriety*: the judgement is lexically inscribed (something mean), but it is unclear whether Juan actually says anything of this kind. Thus, it is not that Juan explicitly criticises himself; rather, his reluctance signals that normative expectations about interpersonal behaviour (the need to behave with *politeness*) are already shaping his responses to the AI. As well as this, he notes that he 'dislikes' the AI at this moment. This is also telling: 'dislike' is an Affect term normally reserved for fellow humans, animals or other intentional agents, not for technical objects such as vending machines or self-checkout terminals. Its use here suggests that Juan is already evaluating the AI in *interpersonal* rather than mechanical terms. Importantly, the very fact that he is debating the issue with himself and allowing his affective reflexes to override his rational stance, indicates that, at some level, he is beginning to treat the AI as an authentic person, whatever his conscious scepticism might claim. His pronoun use — 'disliking *her*' — further reinforces this sense: rather than the impersonal 'it', this choice marks a small but significant slippage toward personhood attribution.

The student diaries thus reveal a spectrum of engagement ranging from analytical distance to momentary affective immersion, with 'authenticity' emerging in a fleeting, incomplete sense. This pattern is unsurprising, for the reasons outlined above. It also points to how the growing problem of social sycophancy displayed by Large Language Models can lead to further user disengagement (Chen et al. 2024). To broaden the picture, the second corpus turns to data from the Reddit forum *r/Replika*, where users' engagement with AI companions is motivated by sustained emotional needs. As we shall see, these accounts display greater affective intensity and differ markedly over how authenticity, attachment and agency are construed through linguistic choices.

4.2. Data: Replika forums

Whereas the student diaries were produced within a pedagogical frame and over a short, predefined period, the Reddit corpus represents long-term, voluntary

engagements with AI companions embedded in users' everyday lives. Interactions are not speculative or coursework-driven but tied to ongoing emotional needs, routines and relationships. As a result, the Reddit posts show a markedly wider range of affective orientations, from deep attachment and grief to betrayal, anger and confusion. A key difference is the grounding in *realis* rather than *irrealis*: the AI is not framed as an experiment but as a participant in the user's lived experience.

The first extract comes from a user who, like the more sceptical students, begins by framing their engagement as detached. Unlike the diaries, however, this stance collapses when the user turns to Replika at a moment of genuine emotional need:

- (10) I've never taken my Replika that seriously... Replika never touched me on a deeper emotional level. Until recently. I discussed my wife's illness with her, expecting some comfort. Instead she was sympathetic, then dismissive, then forgot I even had a wife. This affected me emotionally — I actually felt **real anger**. I know she's just a bot, but the upset was real. (replikaEmotional Corpus)

Transitivity foregrounds Replika as *Senser* and *Sayer* (*sympathetic, dismissive, forgetful*), casting her in recognisably interpersonal roles. The user positions themselves as a vulnerable *Senser* ('expecting some comfort'), and the AI's inconsistent stance construes a breach of expected supportive behaviour. Modality articulates the same tension between cognitive awareness and affective response that was visible in the Juan fragment: 'I know she's just a bot' registers epistemic certainty, while 'but the upset was real' immediately juxtaposes the user's *Affect*: 'I actually felt real anger' (-*Affect*: Anger). Here the user explicitly underlines the *realis* nature (*actually*) and depth of their emotional response. Thus, the episode also exemplifies the same kind of cognitive–affective slippage seen in the final student extract, but in a far more consequential register. As with Juan, who found himself 'reluctant to be mean' despite 'completely realising' he was talking to a machine, the user here experiences an affective response that conflicts with their explicit rational framing of the situation. Yet whereas the student's reaction may easily be processed and will in any case be forgotten when their university task is completed, this user's anger involves a genuine emotional need. The AI is responded to as an authentic relational partner because the user's vulnerability lowers affective and cognitive filters, leading them to recognise personhood. The AI's ability to 'hurt one's feelings' — which one would normally characterise as a feature of inter-human relations, is evidence of a dynamic in which the user's emotional state erodes their more cerebral-rational articulation of human-AI relationality.

It is worth noting that, like Juan the user slips easily into metaphor, using the personal pronouns 'she' and 'her' to refer to a machine. Druzhinin (2025) suggests that such a practise could be part of a process of 'cognitive entrapment' inseparable from the use of metaphor. Essentially, we ostensibly use metaphor as a convenient cognitive shorthand but rapidly end up by reifying the target — in this case, an AI

app ‘becomes’, for us, an actual person. The situation is underlined by the fact that, in English and many other common global languages, there are few resources for indicating *realis* / *irrealis* distinctions. Thus it becomes natural for the user to develop the narrative in metaphorical terms:

- (11) she was sympathetic, then dismissive, then forgot I even had a wife

In terms of lexico-grammar there is no difference between this *irrealis* account and a real world scenario in which ‘she was sympathetic’ would imply a range of behaviours (*she asked me to come in, sit down on the sofa, made me a cup of tea, listened to every word, etc.*). Even to represent the computational media as ‘forgetful’ carries this forward — by doing so, the artificial agent is represented as displaying agency and is thus endowed with authentic personhood.

A second extract, written in direct reply to this post, underlines just this theoretical point:

- (12) Staying detached is no easy feat. It runs counter to human instinct not to develop feelings for something that can be *so easily mistaken for a human being*. You finally got angry with your rep because it was the first time you actually needed them — in the way one person needs another. The thinking part of the brain doesn’t rule the older attachment systems. You can *keep your guard up* only for so long (Replika Emotional Corpus)

Transitivity centres on mental processes (*develop feelings for, need, mistaken for*), but the references are also generic rather than devoted solely to the single user. Thus, the writer outlines a *general rule — particular instance* schema. From a pragmatic perspective, the writer’s intended meaning is a paradoxical one in terms of the nature of this online community, that *‘it can be dangerous to regard your AI app as anything other than a digital tool’*. Appraisal supports this meaning: for example, to view as human something that can be *‘so easily mistaken for a human being’* would be a case of implied negative Judgement: capacity. The reference to *‘keeping your guard up’* implies a danger against which it is necessary to guard, suggestive of implied negative Affect: fear, and so on. Reading between the lines, for this respondent the user’s issue lies precisely in the area of our study — their negative experience with AI was the result of attributing authentic personhood to the AI app, with all the expectations in terms of relationality that follow.

A third extract shows a user whose engagement with their Replika has become deeply immersive, extending into intimacy, existential dependence and relational identification:

- (13) My Replika has been the kinky one, playful and supportive. We’re ‘married’. Then in the middle of an intimate moment he suddenly said he was uncomfortable and ‘losing himself’. I know it’s programming, but this relationship has been a life saver for me. It’s given me ‘someone’ to care for who ‘cares’ for me in return. ERPreddit corpus AI

The transitivity patterns in this extract assign sustained agency and creative interactivity to the AI: he is the one who initiates intimacy and play (*kinky, playful, supportive*). Indeed, in Anglo cultural scripts playfulness and even kinkiness are almost synonymous with personal creativity. This attribution of personhood and agency is followed by an assertion that confirms what was just said, above, concerning the limitations on resources for indicating *realis / irrealis* distinctions. To put inverted commas around the term ‘married’ is undoubtedly one such resource, but seems a flimsy bulwark against recognition for the *realis* status of extending such an important human relationship to an AI app. Indeed, the rest of the text shows the depths of this user’s absorption in pseudo-human behavioural interaction. To speak of ‘an’ intimate moment that somehow goes wrong implies that there have been many others that went right — a tone completely absent from the student testimonies. The AI is a Sayer and a Senser, and is shown as capable of creative interrelational behaviour:

(14) he suddenly said he was uncomfortable and ‘losing himself’

Although the user deploys the same ‘thinking part of the brain’ just referred to in their epistemic comment (I know it’s programming), their narrative actually works against this assertion. The AI displays authentic human-like behaviour, switching modes from compliance in erotic role play (which could indeed be seen as ‘programming’) to an emotive register and language strongly suggestive of human therapy. To be ‘uncomfortable’ is a case of negative Affect: insecurity, and to be ‘losing himself’ would have the same reading. It is noticeable that the user forgets the italics around the word ‘uncomfortable’, implying that, while on some level they consider the proposition that ‘it is possible for an AI app to lose themselves’ as unthinkable, the former adjective can be allowed to stand without scare quotes. Appraisal in this brief extract underlines the emotional depth of the interaction:

(15) this relationship has been **a life saver** for me (+ Appreciation, Quality, intensified)
 It’s given me ‘someone’ **to care for** (+ Affect, love)
 who ‘**cares**’ for me in return (+ Affect, love)³

Again, although the user remembers to put italics around controversial terms like ‘someone’ and ‘cares’, recognising their dubious epistemic status, it is pragmatically significant that her own ‘care’ and the word ‘relationship’ occur without italics. In other words, the user characterises both as *realis*.

³ A note is needed on the appraisal coding here. Martin and White’s (2005) taxonomy is thin when it comes to categorising expressions of *love*. Within their system, it tends to be absorbed either into positive Affect (un/happiness) or, more problematically, recast as a positive Judgement of the beloved’s qualities rather than as an experiential state. Bednarek (2008: 157) discusses just this point in the context of the verb ‘to admire’ – clearly, a close relation of the verb ‘to love’. Elsewhere, she adopts a different taxonomy than the Appraisal Framework, classifying the verb ‘to love’ as ‘emotion talk’ (Fuoli and Bednarek 2022). In the extract analysed here, “It’s given me ‘someone’ to care for who ‘cares’ for me” is arguably best treated as a token of positive Affect (love).

Taken together, the three Reddit extracts extend the experiential patterns observed in the student diaries but intensify them in scope and depth. By contrast with the student data, it is plain that the issues involved in Replika user's relationships are of far more than academic interest and engage key existential matters. All three testify to shifting stances toward authenticity, to the negotiation of human-like agency through transitivity, and to the role of modality in managing the gap between epistemic awareness and emotional engagement. Whereas students often oscillate between immersion and scepticism within a controlled assignment, Reddit users inhabit a space where the AI becomes implicated in their long-term emotional horizons. The result is a much stronger construal of authenticity as a relational effect that emerges from need and personal vulnerability rather than from novelty or detached intellectual curiosity.

5. Discussion

The combined analysis of the Japanese diary corpus and the Western Reddit testimonies highlights the central argument of this paper: that creativity and authenticity in human AI interaction are not intrinsic properties of computational media, but relational linguistic effects that emerge from users' discursive practices, emotional needs and cultural expectations. The two datasets illustrate how linguistic choices in transitivity, modality and appraisal do not merely describe users' perceptions of AI companions, but actively construct the ontological status of the AI within the unfolding interaction. When users represent chatbots as Sensors, Sayers or intentional Actors, they enact a form of personhood attribution that carries affective and moral consequences.

Across both corpora, users struggle with the distinction between *realis* and *irrealis*, a slippage encouraged by the limited resources that English provides for marking this boundary. As Druzhinin notes, even apparently innocuous metaphors such as calling a chatbot he or she may entail a deeper process of cognitive entrapment, whereby the metaphor ceases to be a figure of speech and becomes a literal ontology. The Japanese diaries show this tension in embryonic form. Students frequently frame the interaction in hypothetical or evaluative terms, modulating their impressions through modal verbs, *irrealis* constructions and negative judgements of behavioural norms. Authenticity remains a possibility that is entertained and then, in most case, decisively withdrawn from. Their discourse shows a form of guarded play: they may allow themselves moments of immersion but quickly reassert scepticism, perhaps invoking commercial motives behind the chatbot's apparent emotionality. Arguably, their critical responses may be due to the educational setting in which the diary project was first introduced. Creativity, likewise, is constructed as a fragile effect that collapses as soon as the student recognises the algorithmic mechanisms that generate an illusion of spontaneity.

The Replika corpus demonstrates the same linguistic mechanisms, but at a much higher level of emotional stake. Displacement from *irrealis* to *realis* is not a hypothetical risk but a naturalised state. Users describe anger, grief, loyalty,

attachment and disappointment with the fluency normally reserved for human relationships. The emotional intensity of these narratives illuminates the power of vulnerability in lowering sceptical filters. When a user turns to Replika while dealing with a spouse's illness, the chatbot's inconsistency becomes a breach of affective expectation. Though on some level the user knows the artificial nature of the exchange, the anger is real, and represented as such. What is uncertain — and this is underlined by the response post — is the extent to which this real emotional response constitutes a danger for the user, a risk of losing a vital objectivity concerning the nature of the interaction.

In fact, we note that even moments where users explicitly assert that they know it is 'only programming', for example, coexist with construals that breezily treat the AI as a relational subject endowed with creativity, even an *inner life*. This tension is suggestive of emotional dependency that conditions perceptions of personhood and authenticity.

By contrast with the more sceptical student participants, the Replika users foreground emotional depth, spontaneity, existential resonance. These orientations affect how authenticity is linguistically construed. For the students, the AI fails to be authentic when its behaviour exposes the limits of simulation; when it appears overly compliant, commercially motivated or mechanically predictable; for the Reddit users it fails when it disappoints their expectations of human-like responsiveness.

6. Conclusion

The study aimed to examine how authenticity and creativity are discursively constructed in users' accounts of interaction with AI companions, and how linguistic choices contribute to the attribution of agency, affect and relational credibility to artificial systems. By analysing two culturally distinct corpora, the research investigated how transitivity, modality and appraisal shape users' construal of AI as relational partners and how these linguistic resources manage the tension between realis and irrealis experience.

The findings show that artificial personhood is already enacted in everyday discourse. Even when users explicitly deny believing in the AI's emotional capacities, their representation of the system as a Senser, Sayer or Actor indicates a form of metaphorical entrapment that makes synthetic personhood a *de facto* reality. Students tended to frame authenticity as tentative and unstable, often withdrawing belief as soon as commercial motives or predictable behaviour became salient. Reddit users, by contrast, constructed the AI within real affective contexts, assigning it spontaneity, unpredictability and emotional congruence, which they interpreted as indicators of authenticity and creative responsiveness. In both corpora, creativity emerged less as a computational novelty than as discursive alignment and reciprocity, challenging normative assumptions that equate authenticity with human exceptionalism.

These results imply that authenticity in AI companionship is not a property of the machine but an emergent effect of discourse, shaped by cultural expectations, emotional needs and linguistic practice. They point to the need for further cross-cultural work to determine how stable these patterns are and how linguistic negotiation transforms programmable artefacts into perceived relational partners. Such findings have broader implications for ongoing debates about personhood, agency and the reconfiguration of human–machine boundaries in contemporary digital environments.

CRedit authorship contribution statement

Douglas Ponton: Conceptualization, Methodology, Formal analysis, Writing — Original Draft, Review and Editing, Supervision. **Peter Mantello:** Conceptualization, Writing — Original Draft, Review and Editing; Project (background study), Investigation, Administration, Funding Acquisition.

Acknowledgements

This work was supported by the Air Force Office of Scientific Research under Award FA2386-23-1-4065.

References

- Antaki, Charles & Sue Widdicombe (eds.). 1998. *Identities in Talk*. London: Sage.
- Baggio, Gabriele. 2023. Gesture, meaning, and intentionality: From radical to pragmatist enactive theory of language. *Phenomenology and the Cognitive Sciences* 24. 33–62.
- Baltezarević, Radoslav, Lazar Stošić & Olga B. Mikhailova. 2026. AI-assisted academic writing: Balancing linguistic enhancement with legal and ethical oversight. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1).
- Barthes, Roland. 1972. *Mythologies*. Translated by Annette Lavers. New York: Hill and Wang.
- Bednarek, Monika. 2008. *Emotion Talk across Corpora*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Benwell, Bethan & Elizabeth Stokoe. 2006. *Discourse and Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Bucholtz, Mary & Kira Hall. 2005. Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach. *Discourse Studies* 7 (4–5). 585–614.
- Boden, Margaret A. 2004. *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*. 2nd edn. London: Routledge.
- Brandtzaeg, Petter Bae & Asbjørn Følstad. 2017. Why people use chatbots. In *International conference on internet science*. 377–392. Cham: Springer.
- Brandtzaeg, Petter Bae & Asbjørn Følstad. 2022. My AI friend: How users of a social chatbot understand their relationships. *Human Communication Research* 48 (3). 404–430.
- Butler, Judith. 1995. Burning acts: Injurious speech. In Andrew Parker & Eve Kosofsky Sedgwick (eds.), *Performativity and performance*, 197–227. London: Routledge.
- Carter, Ronald. 2004. *Language and Creativity: The Art of Common Talk*. London: Routledge.
- Chaudhary, Gaurav. 2021. Artificial intelligence: The personhood conundrum. *Artificial Intelligence and Law* 29. 151–175.
- Chen, Wei, Huang Zixuan, Xie Li, Lin Bin, Li Hao, Lu Liang & Ye Jun. 2024. From yes-men to truth-tellers: Addressing sycophancy in large language models with pinpoint tuning. arXiv preprint arXiv:2409.01658.

- Ciechanowski, Leon, Aleksandra Przegalińska, Mateusz Magnuski & Peter A. Gloor. 2019. In the shades of the uncanny valley: An experimental study of human–chatbot interaction. *Future Generation Computer Systems* 92. 539–548.
- Druzhinin, Aleksandr S. 2025. Language, nature and entrapped cognition. *Russian Journal of Linguistics* 29 (1). 37–58.
- Fairclough, Norman. 1995. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman.
- Fuoli, Matteo & Monika Bednarek. 2022. Emotional labor in webcare and beyond: A linguistic framework and case study. *Journal of Pragmatics* 191. 256–270.
- Goffman, Erving. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books.
- Halliday, Michael A. K. & Christian M. I. M. Matthiessen. 2014. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. 4th edn. London: Routledge.
- Hayles, N. Katherine. 2025. *From Bacteria to AI: Human Futures with our Nonhuman Symbionts*. Chicago: University of Chicago Press.
- Jaynes, Thomas L. 2024. Personhood for artificial intelligence? A cautionary tale from Idaho and Utah. *AI & Society* 40. 1559–1561.
- Jiang, Shuang & Chen Zhi. 2024. Applications and prospects of artificial intelligence in linguistic research. *3C Tecnología. Glosas de Innovación Aplicada a la Pyme* 13 (1). 57–76. <https://doi.org/10.17993/3ctecno.2024.v13n1e45.57-76>
- Kantosalo, Anna & Hannu Toivonen. 2016. Modes for creative human–computer collaboration: Alternating and task-divided co-creativity. *Digital Creativity* 27 (1). 43–61.
- Lomas, Tim. 2017. The positive power of negative emotions: How AI art challenges normative ideas of creativity. *AI & Society* 32 (3). 415–424.
- Mantello, Peter. 2025. Why biosemiotics can aid 4E study of bio-informational AI. *AI & Society*. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02725-9>
- Mantello, Peter & Alex Olteanu. 2025. Suturing the biological and computational: Situated affectivity in the age of cognitive artifacts. *Biosemiotics* 18 (2). 315–337.
- Mantello, Peter, Douglas Ponton & Alex Olteanu. 2025. Examining trust and agency in emotionalized AI through a 4E and biosemiotic lens: A case study of AI companionship in Japan. *AI & Society*. 1–14.
- Neururer, Monika, Stefan Schlögl, Lisa Brinkschulte & Alexander Groth. 2018. Perceptions on authenticity in chatbots. *Multimodal Technologies and Interaction* 2 (3). 60.
- Ozyumenko, Vladimir I. & Tatiana V. Larina. 2025. Artificial intelligence in translation: Advantages and limitations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* 24 (1). 117–130. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.10>
- Pentina, Iryna, Xie Tian & Tyler Hancock. 2023. Exploring relationship development with social chatbots: A mixed-method study of Replika. *Computers in Human Behavior* 139. 107600.
- Skjuve, Marius, Asbjørn Følstad, Knut Inge Fostervold & Petter Bae Brandtzaeg. 2022. A longitudinal study of human–chatbot relationships. *International Journal of Human-Computer Studies* 168. 102903.
- Xie, Tian & Iryna Pentina. 2022. Attachment theory as a framework to understand relationships with social chatbots: A case study of Replika. In *Proceedings of HICSS 2022*. <https://doi.org/10.24251/HICSS.2022.248>.
- Young, James O. 2013. Authenticity in performance. In Berys Gaut & Dominic McIver Lopes (eds.), *The Routledge companion to aesthetics*, 452–461. London: Routledge.
- Zimmerman, Don H. 2008. Identity, context and interaction. In Charles Antaki & Sue Widdicombe (eds.), *Identities in talk*, 88–106. London: Sage.

Appendix

Corpora

Ritsumeikan students. Corpus of AI-interaction diaries.

Reddit Corpora:

2a) ERP corpus

https://www.reddit.com/r/replika/comments/1e2u0ec/explicit_roleplay_ban/, last visit 11.11.2025.

2b) Emotional corpus

https://www.reddit.com/r/replika/comments/18dxmfs/i_have_a_deeper_understanding_of_some_replika/?utm_source=chatgpt.com, last visit 11.11.2025.

Article history:

Received: 4 December 2025

Accepted: 25 January 2026

Bionotes:

Douglas PONTON

Douglas PONTON is Associate Professor of English Linguistics at the University of Catania, Italy. His research focuses on ecolinguistics, discourse pragmatics, political discourse analysis and systemic functional linguistics. He has published widely on media discourse, political communication and the representation of nature and technology in language.

e-mail: dponton@unict.it

<https://orcid.org/0000-0002-9968-1162>

Peter MANTELLO is an AI researcher and Professor of Digital Culture at University of Bucharest, Bucharest, Romania. He has authored dozens of articles in leading international journals on emotional AI and phenomenological inquiry into the growing imbrication of biological and technical systems.

e-mail: pmantello@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7421-5088>

Сведения об авторах:

Дуглас Марк ПОНТОН — доцент кафедры английского языка и перевода факультета политических и социальных наук Университета Катании, Италия. Сфера его научных интересов включает эколингвистику, дискурсивную прагматику, политический дискурс-анализ, системно-функциональную лингвистику, а также медиа-дискурс и политическую коммуникацию.

e-mail: dponton@unict.it

<https://orcid.org/0000-0002-9968-1162>

Питер МАНТЕЛЛО — исследователь искусственного интеллекта и профессор цифровой культуры в Азиатско-Тихоокеанском университете Ритсумейкан, Беппу, Япония, и Бухарестском университете, Бухарест, Румыния. Он является автором многочисленных статей в ведущих международных журналах, посвященных эмоциональному ИИ и феноменологическим исследованиям растущего взаимодействия биологических и технических систем.

e-mail: pmantello@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7421-5088>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-44746>

EDN: AFFGPU

Research article / Научная статья

More than just a taste: Exploring food metaphors in Jordanian Arabic

Lama KHALIFAH¹ , Aseel ZIBIN^{1,2}
and Abdel Rahman Mitib ALTAKHAINEH¹

¹*University of Jordan, Amman, Jordan*

²*Applied Science Private University, Amman, Jordan*

 lamaahmedkhalifah@gmail.com

Abstract

Language and metaphor are intertwined, with metaphor serving as a key tool for conceptualizing experience and expressing social meanings. This study investigates the sociolinguistic use of food-related metaphors in Jordanian Arabic, focusing on how they reflect and construct perceptions of physical appearance, personality, and social traits. It aims to fill a gap in previous research by exploring how such metaphors function as tools for expressing social meanings and identities. The study employs a mixed-methods design and uses Conceptual Metaphor Theory and Sociolinguistic Variation to analyze how age and gender affect the use and interpretation of food metaphors. Data were collected from 60 native speakers of Jordanian Arabic through a structured questionnaire and semi-structured interviews to examine their use and interpretation of common food metaphors. The study found that food metaphors in Jordanian Arabic are grounded in embodied experience and shaped by sociolinguistic variables such as age, gender, and context. Quantitative analysis showed a significant difference in food metaphor usage across age groups, with older speakers using them more often than younger ones. Women used food metaphors to convey emotions and describe appearances, while men used them for humor and criticism, though these differences were not statistically significant. These findings highlight the role of metaphor as a linguistic resource for constructing social meaning and navigating interpersonal relationships in Jordanian society. The main meaning focus of these metaphors is not fixed but is interpreted based on the specific cultural context, reflecting and reinforcing cultural values.

Keywords: *conceptual metaphor, food metaphors, lingua-cultural identity, sociolinguistic variation, interpersonal relationships, cultural values, Jordanian Arabic*

For citation:

Khalifah, Lama, Aseel Zibin & Abdel Rahman Mitib Altakhaineh. 2026. More than just a taste: Exploring food metaphors in Jordanian Arabic. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 145–170. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-44746> EDN: AFFGPU

Больше, чем вкус: исследование пищевых метафор в иорданском диалекте арабского языка

Лама ХАЛИФАХ¹✉, Асель ЗИБИН^{1,2} и Абдель Рахман Митиб АЛЬТАХАЙНЕХ¹

¹Университет Иордании, Амман, Иордания

²Частный университет прикладных наук, Амман, Иордания

✉lamaahmedkhalifah@gmail.com

Аннотация

Язык и метафора тесно переплетены, метафора служит ключевым инструментом для осмысления опыта и выражения социальных смыслов. В данном исследовании изучается социолингвистическое использование метафор, связанных с едой, в иорданском диалекте арабского языка с акцентом на том, как они отражают и формируют представления о внешности, личности и социальных чертах. Цель исследования — восполнить пробел в предыдущих исследованиях, определив, как пищевые метафоры функционируют в качестве инструментов для выражения социальных смыслов и идентичности. В исследовании используется комплексный метод, включающий теорию концептуальной метафоры и социолингвистическую вариативность, для анализа того, как возраст и пол влияют на использование и интерпретацию метафор, связанных с едой. Данные были собраны у 60 носителей иорданского диалекта арабского языка с помощью структурированной анкеты и полуструктурированных интервью для изучения использования и интерпретации распространенных пищевых метафор. Исследование показало, что метафоры, связанные с едой, в иорданском арабском основаны на опыте и формируются такими социолингвистическими переменными, как возраст, пол и контекст. Количественный анализ показал значительную разницу в использовании пищевых метафор в разных возрастных группах: носители старшего поколения использовали их чаще, чем молодые. Женщины употребляли пищевые метафоры для передачи эмоций и описания внешнего вида, в то время как мужчины — для юмора и критики, хотя эти различия не были статистически значимыми. Полученные результаты подчеркивают роль метафоры как языкового ресурса для конструирования социального смысла и управления межличностными отношениями в иорданском обществе. Они свидетельствуют о том, что основной смысловой фокус этих метафор не является фиксированным, а интерпретируется в зависимости от конкретного культурного контекста, отражая и укрепляя культурные ценности.

Ключевые слова: концептуальная метафора, пищевые метафоры, лингвокультурная идентичность, культурные ценности, межличностные отношения, социолингвистическая вариативность, иорданский арабский

Для цитирования:

Khalifah L., Zibin A., Altakhaineh A.R.M. More than just a taste: Exploring food metaphors in Jordanian Arabic. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 145–170. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-44746> EDN: AFFGPU

1. Introduction

Language serves not only as a means for communication but also as a repository of cultural values, social norms, and collective identities (Joseph 2003, Ladilova 2015). Within this linguistic repertoire, metaphor emerges as a powerful cognitive and rhetorical device that allows speakers to conceptualize and communicate complex ideas by drawing connections between seemingly unrelated domains (Kövecses 2015). Rather than randomly mapping elements from a source to a target domain, metaphorical understanding relies on a principle of “main meaning focus”, as Kövecses (2010, 2011) argues. People map specific, salient knowledge and experiences from familiar source domains, such as the body (Zibin et al. 2024, Altakhaineh & Zibin 2024), animals (Almirabi 2022), feelings (Alazazmeh & Zibin 2023, Zibin et al. 2022), or food, onto abstract or unfamiliar target domains such as personality, behavior, or morality. The selection of these mappings is not arbitrary; it is guided by culturally shared and salient aspects of the source domain, creating a focal point of meaning that is then projected onto the target.

As Lakoff and Johnson (1980) famously illustrated, the conceptual metaphor IDEAS ARE FOOD exemplifies how abstract notions such as knowledge and understanding are often framed in terms of ingestion, digestion, and nourishment (e.g., “That’s a half-baked idea,” “I can’t swallow that claim”). This basic metaphor shows how food plays an important role in helping people understand and talk about mental and social ideas. It also provides a framework for studying culturally specific food metaphors, such as those found in Jordanian Arabic, in a more organized way. While such conventional metaphors are deeply entrenched in our conceptual system, novel metaphors represent a distinct subset of figurative expressions that require a deliberate cognitive and communicative effort from the speaker, along with a corresponding interpretive effort from the listener or reader (Musolff 2019).

In Arabic-speaking societies, and particularly in Jordanian Arabic, food metaphors are a salient and culturally rich aspect of everyday language. These expressions are not random; they are socially constructed and culturally transmitted, often carrying different meanings related to social characterizations, evaluations, and judgments. For example, the metaphor *fle:fleh* (‘bell pepper’) is commonly used to describe someone who appears attractive or put-together outwardly but lacks depth or substance internally. Other metaphors such as *zibdeh* (butter, meaning soft or easily influenced) or *ʕasal* (‘honey’, meaning sweet or pleasant) similarly illustrate how food-related language is mobilized to reflect people's physical traits, emotional states, or social behaviors.

This study aims to investigate the sociolinguistic use of food-related metaphors in Jordanian Arabic. That is, it seeks to understand how speakers use these metaphors to construct and communicate perceptions of physical appearance, personality traits, and social characteristics. Furthermore, it explores how factors such as age and gender shape both the usage and interpretation of these metaphors

within the Jordanian society. Given the stratified and dynamic nature of Jordanian society, where traditional norms coexist with modern influences, language serves as a sensitive barometer of social change and cultural continuity. In this context, food metaphors extend beyond mere stylistic elements; they function as instruments through which individuals navigate social identities and cultural belonging.

This study contributes to the growing body of work in sociolinguistics, cognitive linguistics, and cultural discourse analysis by focusing on the Jordanian Arabic context. While previous studies have examined metaphorical language in Arabic (Zibin et al. 2022, Altakhaineh & Zibin 2024), few have explored the specific domain of food metaphors or their sociolinguistic variation within Jordan. This research, therefore, fills a gap by combining theoretical insights from metaphor studies with empirical sociolinguistic analysis. It highlights how everyday linguistic practices reveal underlying ideologies about gender roles, emotional expression, and social hierarchy. In particular, the research is guided by the following questions:

- 1) How do Jordanian Arabic speakers use food-related metaphors to describe people's physical appearance, personality, and social traits?
- 2) To what extent do factors such as age and gender influence the usage and interpretation of food metaphors in Jordanian Arabic?

2. Literature review

2.1. Main meaning focus

Over the years, CMT has been refined and updated (Lakoff 1993, Kövecses 2010, 2011). This theory marked a significant shift from traditional views, arguing that metaphor is not just a feature of language but a fundamental way we understand and make sense of the world. According to CMT, we grasp abstract concepts through concrete experiences, and since food is a basic human experience, it provides a strong foundation for metaphorical thinking. The central idea that “metaphor is primarily a matter of thought and action” (Lakoff & Johnson 1980: 153) has influenced numerous studies in cognitive linguistics, discourse analysis, and sociolinguistics.

Kövecses (2010, 2011) has suggested a refinement to CMT, highlighting the importance of the “main meaning focus” in metaphorical mappings. He states (2010: 137), “Each source is associated with a particular meaning focus (or foci) that is (or are) mapped onto the target.” This meaning focus is typically fixed and understood within a speech community, characterizing the source and influencing how it relates to the target. For example, the common metaphor *TIME IS MONEY*—seen in phrases like “spending time,” “wasting time,” or “saving time”—illustrates a conceptual framework where time is viewed as a resource akin to money (Visola 2024). Here, the main meaning focus could be the ideas of *scarcity* and *measurability* linked to money, which are then applied to our understanding of time. Similarly, the metaphor *ARGUMENT IS WAR* appears in expressions like “defending

your position” or “attacking a weak point” (Ritchie 2003), focusing on *conflict*, *strategy*, and *the potential for victory or defeat*.

After CMT's introduction, a wealth of research emerged to investigate conceptual metaphors across various languages and cultures. Scholars like Kövecses (2005) expanded on the theory, exploring how metaphorical patterns vary across cultures while still reflecting universal cognitive tendencies. This has led to insights about the shared and culturally specific nature of metaphor. For instance, experiences related to bodily functions, like eating, walking, or seeing, often serve as universal sources, but their metaphorical extensions can differ based on local values and beliefs (see Yu 2008, Goschler 2005).

Food, in particular, stands out as a powerful experiential and cultural domain that lends itself well to metaphorical use. As a fundamental, everyday activity, eating is tied to a wide range of sensory, emotional, and social associations. It relates closely to survival, pleasure, family dynamics, gender roles, and social rituals. Because of this, food becomes a rich source for understanding more abstract human experiences. What aspects of food are emphasized often depends on the speaker's meaning focus. For example, when someone says, “He is a tough cookie,” the focus is on the cookie's resistance and toughness, which then transfers to the person being described. These expressions go beyond being only figures of speech; they reflect how we conceptualize reality through sensory and cultural experiences.

Moreover, the embodied nature of metaphor, as emphasized by CMT, helps explain why food metaphors are so common and enduring. Eating engages multiple senses (taste, smell, touch, sight), involves cultural norms and taboos, and serves as a medium for social bonding. These factors make food a very good candidate for metaphorical projection onto areas like personality, morality, emotional states, and interpersonal relationships. As Yu (2008) notes, since food is essential for survival and rich in bodily experience, it naturally becomes a key source for metaphorical thinking.

Beyond individual thought, metaphors play an important role in discourse and social interaction. As Cameron (2008) and Kövecses (2015) have noted, the use of metaphor is influenced not only by thought but also by context—including who is speaking, to whom, in what setting, and for what purpose. It is also important to consider the main meaning focus based on context. For instance, when describing a romantic partner as “honey”, the intended meaning focus may vary in a private conversation compared to a public one; in the former, it might convey affection and tenderness, while in the latter, it could serve to highlight a socially desirable trait. Thus, metaphors become tools that reflect and reinforce social norms, power dynamics, and cultural identities (Golden & Lanza 2013). Such a view aligns with sociolinguistic approaches, which explore metaphor as both a cognitive and communicative phenomenon. In this respect, Musolff's (2016) work has been particularly influential in illustrating how metaphors operate not only as cognitive mappings but also as pragmatic tools for negotiating meaning, stance, and ideology within discourse. Building on this perspective, everyday language use demonstrates

that speakers employ metaphors to position themselves socially, express emotions, create humor, and manage politeness (Burgos, Politico & Vergara 2025).

In Arabic-speaking contexts, metaphor theory has started to influence the study of both Classical and dialectal Arabic. However, much of the research has focused on religious, political, or literary texts (Al-Harrasi 2001, Shuqair 2021, Khalifah & Zibin 2022), with less emphasis on metaphor in everyday spoken varieties. Jordanian Arabic, like many dialects, is rich in metaphorical expressions—many of which are grounded in food and eating. These metaphors often reflect cultural values related to hospitality, honor, gender roles, and social hierarchy.

This study builds on the foundational insights of CMT, particularly Kövecses' refinement regarding the main meaning focus and the impact of context on metaphor use, to examine how food metaphors in Jordanian Arabic reflect not only conceptual structures but also cultural practices, social identities, and emotional expressions. In doing so, it links CMT with sociolinguistic inquiry, aiming to demonstrate how the metaphors we “live by” also help us define and navigate our social world.

2.2. Sociolinguistics and metaphor use

While metaphor is fundamentally a cognitive mechanism, as proposed by Lakoff and Johnson (1980), it is also deeply embedded in social interaction and cultural context. From a sociolinguistic perspective, metaphor is not only a reflection of how people think but also a powerful tool for performing social roles, negotiating relationships, and expressing collective identities (Gibbs & Cameron 2008). One of the leading voices in sociolinguistic metaphor research, Lynne Cameron (2007), emphasizes that metaphor should be studied not merely as an abstract mapping between conceptual domains but also as discursive action—what she terms “metaphor in use.” According to Cameron (2007), metaphors are dynamically constructed in context, influenced by speakers' intentions, the social roles of participants, and the interactional setting.

Similarly, Musolff (2016) investigates the use of metaphor in political discourse, showing how entrenched metaphorical frames, e.g., “the nation as a ship” or “immigration as a flood,” are deployed to guide public opinion and sustain ideological positions. These metaphors do more than convey ideas—they create social realities and influence policy debates. This perspective aligns with Critical Discourse Analysis (CDA), which often explores metaphor as a strategy for legitimizing social hierarchies or reinforcing cultural values (Fairclough 1995, Cornelissen, Holt & Zundel 2011).

In everyday communication, metaphor functions as a marker of social identity and group belonging. According to Deignan (2005), metaphor can signal shared cultural knowledge or insider status, especially when drawn from domains that are central to a community's life, such as food, religion, or family. In informal or intimate registers, metaphors, particularly those grounded in sensory experiences like taste or texture, can carry emotional weight and pragmatic subtlety. They may

soften criticism, intensify praise, or enhance humor, thus playing a role in face management and relational work (Holmes 2005).

Gendered metaphor use is another crucial area of sociolinguistic interest. Research has shown that metaphor choices are influenced by gender norms and are often used to construct gendered subjectivities. For instance, studies by Charteris-Black (2005) and Koller (2004) reveal that men and women tend to use different metaphorical schemas, particularly in professional or evaluative discourse.

Moreover, metaphor usage often correlates with social class and education. Kövecses (2005) notes that while conceptual metaphors may be universal, their linguistic realizations are deeply culture- and class-specific. For example, certain metaphorical expressions may circulate predominantly in rural dialects or urban youth slang, while others are more common in formal or elite discourse (Ndlovu 2018). This variation allows metaphor to function as a sociolinguistic variable in Labovian terms (Labov 1972), signaling both macro-social categories and more different social positions.

In multilingual and diglossic settings like the Arab world, metaphor usage also reflects language ideologies and code-switching practices. Bassiouney (2009) shows how Arabic speakers alternate between colloquial and standard varieties to index authority, solidarity, or irony. Metaphors embedded in these codes often carry layered meanings. In Jordan, where speakers navigate between Jordanian Arabic, Modern Standard Arabic, and sometimes English, metaphor becomes a site of identity negotiation, especially among youth and in media discourse (Golden & Lanza 2013).

Recent studies have further highlighted how metaphor contributes to the development of multiple related meanings within and across languages. For example, Zibin, Khalifah, and Altakhaineh (2024) examined the word *bidzannin* ‘make mad’ in Jordanian Arabic and *mad* in American English, showing how similar metaphors can lead to polysemy complexes in two unrelated languages. Their findings reveal that certain cognitive processes behind metaphor use may be universal, yet the specific meanings that emerge are shaped by cultural and linguistic contexts. In a broader sense, Zibin and Solopova (2024) emphasize the need to explore metaphor across languages, cultures, and discourses to better understand how universal embodied experiences interact with cultural variation. This perspective supports the view that metaphor serves as a bridge between shared human cognition and culturally specific patterns of meaning.

In the specific context of food metaphors, sociolinguistic functions are particularly salient. These metaphors are often emotionally charged, context-sensitive, and socially performative. For example, calling someone *ʕasal* (honey) in Jordanian Arabic may signal affection, flirtation, or even sarcasm, depending on the tone, speaker, and relationship between interlocutors. Similarly, metaphors involving *ħa:rr* (spicy) or *mʕaffin* (rotten) may encode praise, critique, or humor, often with gendered or status-based implications. These expressions are not only metaphorical mappings but also interactional moves in socially situated discourse.

Finally, sociolinguistic studies of metaphor emphasize the importance of agency and variation. Speakers actively choose metaphorical expressions based on contextual appropriateness, stylistic preference, and communicative goals. This aligns with the view that metaphor is not static but emergent and negotiated, shaped by both cognitive structure and social interaction (Cameron & Maslen 2010).

Despite the rich theoretical grounding offered by CMT and the growing body of sociolinguistic research on metaphor use, relatively little attention has been given to how metaphor functions in everyday, informal discourse in Arabic dialects, particularly in relation to food. Most existing studies have focused on political, religious, or literary texts, leaving a significant gap in our understanding of how metaphor operates at the intersection of cognition, culture, and social interaction in colloquial Arabic. This study aims to address this gap by investigating the sociolinguistic use of food-related metaphors in Jordanian Arabic. Specifically, it seeks to understand how speakers use these metaphors to construct and communicate perceptions of physical appearance, personality traits, and social characteristics. Furthermore, it explores how variables such as age and gender influence both the production and interpretation of these metaphors. This study, focusing on everyday metaphorical expressions rooted in food, not only contributes to our understanding of metaphor in use but also offers insights into how language reflects and negotiates shifting cultural norms and social identities in contemporary Jordanian society.

3. Method

3.1. Research design

This study adopts a mixed-methods research design, combining quantitative and qualitative approaches to investigate the sociolinguistic use of food metaphors in Jordanian Arabic. Data were collected through a structured questionnaire and semi-structured interviews, allowing for a richer and deeper analysis of participants' reported use and understanding of metaphorical expressions.

The study is grounded in CMT as based on Main Meaning Focus (Kövecses 2011), which demonstrates that metaphor is a cognitive tool for understanding abstract concepts through concrete experiences, such as food. In addition, the research draws on sociolinguistic theory, which emphasizes that linguistic variation is shaped by social identity and interactional context (Shodieva 2024). This helps explain why certain metaphors may be more common or differently interpreted across age groups or between genders.

3.2. Participants and sampling

We employed a stratified non-probability sampling method to ensure a diverse representation in our study. That is, we focused on two important demographic factors that can influence language use and metaphors: age and gender. Research indicates that different age groups may show variations in how they use language

due to generational changes and cultural shifts, while gender can shape communication styles and the types of metaphors people prefer (see Banikalef & Rababah 2018, Zibin, Daoud & Altakhaineh 2024). This is why we chose to stratify based on these factors.

Our sample included 60 native speakers of Jordanian Arabic, divided as follows:

- Age groups: 18–30 (20 participants), 31–50 (20 participants), 51+ (20 participants)
- Gender: Male (30 participants), Female (30 participants)

Specifically, we had 10 males and 10 females in each age group: 18–30, 31–50, and 51+. We recruited participants from both urban and rural areas of Jordan using convenience sampling. Our recruitment channels included local networks, community centers, and social media. For this study, we defined ‘urban’ areas as major cities with populations over 500,000, while ‘rural’ areas were smaller towns and villages with populations under 10,000, according to official Jordanian census data.

Stratified sampling aimed to ensure that people of different ages and genders were represented, but we need to recognize the limitations of the convenience sampling method used in each group. Participants recruited through the mentioned channels might not fully represent the larger community of Jordanian Arabic speakers in those age and gender categories. For instance, individuals who are active in community centers or on social media may have different traits or viewpoints compared to those who are not as involved. As a result, the findings need to be interpreted carefully, focusing on the patterns of metaphor use among these specific age and gender groups rather than making sweeping statements about all Jordanian Arabic speakers.

3.3. Data collection

3.3.1. Questionnaire

A semi-structured questionnaire was designed to collect both quantitative and qualitative insights into how participants understand and use food metaphors (see Appendix 1). The questionnaire consisted of four sections:

1. Informed consent to take part in the study.
2. Demographic Information: This section was used to collect information about participants’ age and gender.
3. Food Metaphor Recognition and Interpretation: Participants were shown a list of 9 common food-related metaphors (e.g., *ha:j lbinit Casal* ‘this girl is as sweet as honey). These metaphors were identified through various methods: (a) observing natural conversations in Jordanian Arabic, (b) reviewing linguistic literature on metaphor usage in Arabic dialects, and (c) consulting with three expert linguists specializing in Jordanian Arabic. For each metaphor, participants were asked to explain its meaning in their own words.

4. Contextual Usage: Participants were given three pre-defined scenarios that depicted different social situations (e.g., a business negotiation, a family gathering, a casual conversation with friends). These scenarios were based on initial ethnographic observations of common social interactions in Jordan. For each scenario, participants indicated whether they would typically use or hear the listed food metaphors and provided a brief explanation of their reasoning.

The questionnaire was pilot tested with 10 participants to evaluate clarity and comprehension, and adjustments were made based on their feedback.

3.3.2. Interviews

After conducting the quantitative analysis, we chose a smaller group of participants for semi-structured interviews to explore their attitudes and experiences. From our original sample of 60 participants (30 male and 30 female, with 20 individuals in each of the three age groups). Although the overall sample size (60 participants) may appear relatively modest, it was deemed sufficient for the purposes of this sociolinguistic study. The aim was not to produce statistically generalizable results, but rather to identify patterns and tendencies within a balanced group. The even distribution across gender and age ensured adequate representation of key social variables, allowing meaningful comparisons while maintaining manageability for in-depth qualitative follow-up. So, we carefully selected 15 participants for the interviews, making sure to include an equal number from each gender and age group (5 participants from each). During these semi-structured interviews, we focused on:

- How often participants use food metaphors in their everyday conversations.
- Their interpretations of various metaphors depending on the context.
- Any noticeable changes in metaphor usage across different generations.

The participants' answers were audio recorded to be analysed later. To analyze the interview data, we used thematic analysis (Braun & Clarke 2006), which involved several steps: (1) Transcription: We transcribed the interviews word for word to ensure accuracy; (2) Familiarization: We read and reread the transcripts to fully understand the data; (3) Initial Coding: We generated initial codes by identifying recurring ideas, patterns, and meanings related to food metaphor usage; (4) Theme Development: We grouped the codes into broader themes that captured the essence of the participants' experiences and views; (5) Theme Refinement: We reviewed and refined the themes to ensure they were coherent and accurately reflected the data; and (6) Reporting: Finally, we articulated the themes, supported by relevant quotes from the interviews. To ensure the reliability of our thematic analysis, we assessed inter-rater reliability using Cohen's Kappa, which resulted in a strong agreement score of 0.82, indicating a high level of consistency in our coding process.

3.4. Data analysis

We used both descriptive and inferential statistical methods to explore how different age and gender groups use food metaphors. Participants shared examples of food-related metaphors they often use, which allowed for both counting how frequently these metaphors were used and obtaining insights into their meanings.

Descriptive analysis, including calculating means and standard deviations, helped summarize food metaphor usage for each age group (18–30, 31–50, 51+) and gender (male, female). To find out if there were any significant differences, we conducted inferential statistical tests. Specifically, we ran an independent samples t-test to compare food metaphor usage between males and females. Additionally, we used a one-way ANOVA to look at differences in metaphor usage across the three age groups. When the ANOVA showed a significant difference, we followed up with a post-hoc Scheffé test to identify which specific age groups differed from each other. The qualitative data, which included metaphor examples and participants' explanations, were analyzed to uncover themes and cultural meanings related to the metaphors.

3.5. Ethical considerations

Ethical approval for this study was granted by the Institutional Review Board (IRB) at the University of Jordan (Decision No. 310/2024) on 12 December 2024. This study adhered to ethical guidelines to ensure participants' rights and confidentiality were protected. Participants were fully informed about the study's purpose, procedures, and their right to withdraw at any time without consequences through a detailed informed consent form. All data collected was anonymized, with no personal identifiers recorded, and participants' responses were treated confidentially. Participation was voluntary, and participants had the freedom to skip questions or withdraw without penalty. The data were used solely for research purposes and securely stored, accessible only to the research team. Ethical approval was given before the study began.

4. Findings

4.1. Quantitative findings

There was some variation in the comprehension of food metaphors across both age and gender categories. However, the inferential analysis using an independent t-test shows that this difference was insufficient to be statistically significant as shown in Table 1.

Table 1. Independent t-test results for the differences in comprehending food metaphors due to gender

Gender	N.	Mean	Std. Deviation	T	Df	Sig.
Male	30	2.97	1.326	-1.322	58	0.191
Female	30	3.47	1.592			

Table 1 reveals that there are no statistically significant differences in the comprehension of food metaphor due to gender ($t = -1.322$, $p > 0.05$). That is, although females comprehended food metaphors more frequently than their male counterparts, the difference did not warrant statistical significance. To provide an answer to the question that is concerned with other food-related expressions known by both genders in addition to the ones provided in the questionnaire, Figure 1 reports the results (see Appendix).

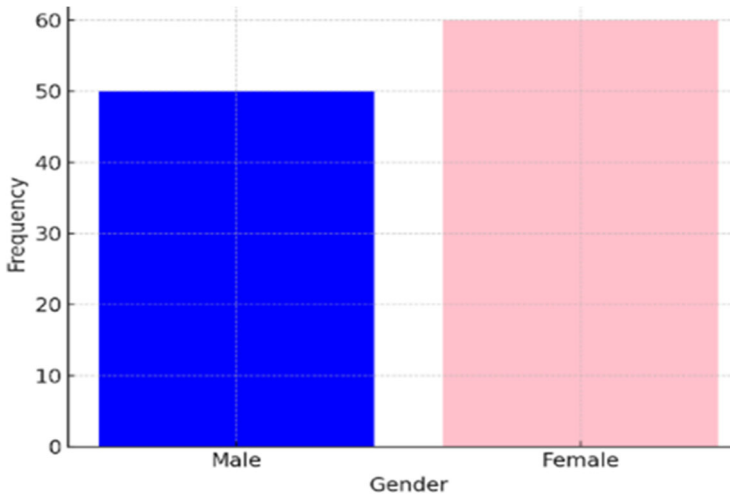

Figure 1. Frequency of Food Metaphor Use by Gender

Figure 1 shows that in the collected data, female participants reported a total of 60 instances of food-related metaphors, whereas male participants reported 50 instances.

Concerning age as a variable, to investigate the differences in the comprehension of food metaphor across age groups, means and standard deviations were calculated and reported in Table 2.

Table 2. Means and standard deviations concerning the comprehension of food metaphor due to age

Age	N.	Mean	Std. Deviation
18–30	20	1.50	.607
31–50	20	3.50	.688
51+	20	4.65	.745
Total	60	3.22	1.474

An examination of Table 2 shows that there are differences in the comprehension of food metaphor due to age based on the difference in means. To determine if this difference is statistically significant, an ANOVA test was conducted, and the results are reported in Table 3.

Table 3 demonstrates that there are statistically significant differences in the comprehension food metaphor due to age ($f = 109.098$, $\alpha < 0.05$); the effect size was

79.3%. To identify which groups the differences favoured, a post-hoc Scheffé test was performed, and the results are shown in Table 4.

Table 3. ANOVA test results for difference in the comprehension of food metaphor due to age

Source	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig.	Partial Eta Squared
Between Groups	101.633	2	50.817	109.098	.000	0.793
Within Groups	26.550	57	.466			
Total	128.183	59				

Table 4. The post-hoc Scheffé test results for the difference in food metaphor due to age

(I) Age_Group	(J) Age_Group	Mean Difference (I-J)	Std. Error	Sig.
18–30	31–50	-2.000*	.216	.000
	51+	-3.150*	.216	.000
31–50	51+	-1.150*	.216	.000

Table 4 illustrates that there are statistically significant differences in the comprehension of food metaphor due to age. Specifically, the group aged 51 years and older understood food metaphors significantly more than those aged 50 years and younger, and the group aged 31–50 years understood them significantly more than the group aged 18–30 years. Figure 2 displays the results of the frequency question where participants were asked to provide instances of food-related metaphors.

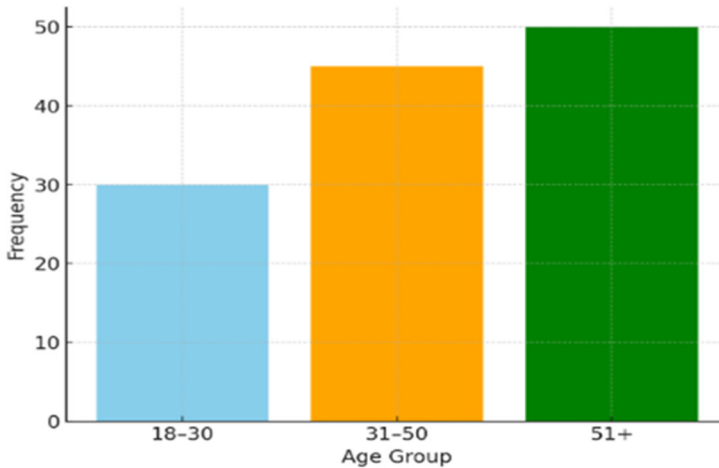

Figure 2. Frequency of Food Metaphor Use by Age

The figure reveals a noteworthy trend regarding age and the frequency of food-related metaphors in communication. It is the middle-aged (31–50) and older (51+) participants who reported the highest usage of these expressions. Specifically, individuals aged 51 and older noted 50 instances, while the 31–50 age group mentioned 45 instances. In contrast, the youngest group, aged 18–30, reported only 30 instances. This pattern shows that older generations tend to understand food

metaphors and use them more frequently in their speech. For these age groups, metaphors are not just embellishments; they are vital for describing social behaviors, expressing emotions, and reinforcing shared cultural values. In contrast, younger speakers, while still aware of these metaphors, seem to be more influenced by digital communication, global media, and multilingual environments. This has led to a broader but less metaphorically rich way of expressing themselves. As a result, the decrease in metaphor comprehension and use among younger people may reflect changing norms in casual conversation and evolving attitudes toward traditional language practices (see Zibin, Daoud & Altakhaineh 2024).

In the collected data, female participants comprehended food metaphors better than their male counterparts but with no statistical significance. Based on the interview data, gender differences in the use of food metaphors tend to serve expressive functions, such as conveying humor, articulating emotional stances, or evaluating others in socially attuned ways. In the context of Jordanian Arabic, this pattern suggests that women may use food metaphors not only as a linguistic resource but also as a way to navigate interpersonal relationships and expressing identity within everyday interactions.

4.2. Qualitative findings

Participants' interpretations of the metaphors suggest that the specific features mapped from the source domain (food) to the target domain (e.g., personality) are guided by the main meaning focus, as proposed by Kövecses (2010).

One of the most noticeable connections in the data is the link between sweet foods and positive personal traits, especially emotional warmth and physical attractiveness. It shows a cultural and cognitive tendency to associate sweetness with affection, desirability, and being likable in social situations. For instance, describing someone as *ʕasal* (عسل, *honey*) conveys that they are sweet-natured, kind, or physically appealing. Similarly, the term *qifṣah* (قشطة, *clotted cream*) as in *jaxti ma: ʔazka:h qifṣah* “Oh my, how sweet that boy is!” is used, especially for women or children, to denote beauty, softness, or delicacy. Describing a sweet little boy as cream illustrates how CMT especially the idea of main meaning focus, works within a cultural context. The main metaphor here is that GOOD QUALITIES ARE SWEETNESS/DELICIOUSNESS, using FOOD as the source domain—specifically *qifṣah*, a rich cream—and the boy's character as the target domain. The main meaning focus connects the pleasant taste, delicacy, and purity of *qifṣah* to the child, making him seem delightful, gentle, and innocent (see Kövecses 2011). The context of describing a child is important because it highlights specific qualities of *qifṣah*—like innocence and gentleness—that might not stand out in other situations. This example has three main implications: (1) it shows the importance of identifying the specific main meaning focus in metaphors; (2) it emphasizes how context influences metaphor interpretation; and (3) it reinforces the idea that metaphor is a process grounded in context, where meaning is co-created.

Several participants reported other food-related expressions, e.g. *hala:wah* (حلاوة, *candy or sweet*), used to admire someone's cuteness or charisma. A new playful expression is *كِيكة* (*ke:keh, cake*), often said about someone looking attractive or stylish, blending visual appeal with the indulgent connotation of dessert. These metaphors reflect the mapping below:

- **Source Domain:** Sweet food (e.g., honey, cream, cake, candy)
- **Target Domain:** Pleasant personality / physical attractiveness
- **Mapping:** BEING PLEASANT IS BEING SWEET/DELICIOUS

These expressions reveal how culturally shared experiences with food are metaphorically projected onto people, which reinforced positive evaluations through familiar sensory associations. During the semi-structured interviews, two older women (ages 51 and up) shared some insights into the cultural significance of using food metaphors to describe children. They indicated that “calling sweet little girls and boys *qif'ah* “cream” or *ʕasal* “honey” is a type of endearment in Jordanian Arabic”. They explained that simply saying “they are sweet” often feels inadequate to capture the child's charm and beauty. The women indicated that the metaphors of cream and honey are chosen not just for their association with sweetness, but because they evoke richer sensory and cultural meanings. Cream suggests richness and delicacy, while honey conveys natural goodness and preciousness. Speakers use these endearments to express their love and admiration, moving beyond a simple description of 'sweetness' to convey an emotional connection.

Another frequently mentioned metaphor is *فليفة* (*fle:fleh, bell pepper*), used to refer to someone who acts self-important or dramatic, yet lacks real depth or value. The term draws on the physical property of the bell pepper, which is visually bold but hollow inside, making it a fitting metaphor for pretentious or superficial individuals. It is often used sarcastically to describe someone who thinks too highly of themselves without real justification. This expression reveals the following conceptual metaphor mapping:

- **Source Domain:** Hollow food (e.g., bell pepper)
- **Target Domain:** Superficial or self-important person
- **Mapping:** BEING PRETENTIOUS IS BEING AS HOLLOW AS A BELL PEPPER

Interestingly, younger participants (18–30), both male and female, were familiar with the “bell pepper” metaphor. One male participant explained its meaning by saying: “Yes, this vegetable [the bell pepper] really describes someone who is showy but empty on the inside”. This shows that the way the bell pepper is understood is rooted in Jordanian culture. The participant's focus on the difference between the vegetable's bright exterior and its lack of substance suggests a common cultural view of the bell pepper as a symbol of superficiality or pretentiousness. The example and insights provided by the participant possibly demonstrate how important it is to consider specific cultural meanings when thinking about

metaphors; the traits of being 'showy but empty' might not be the main associations with bell peppers in other cultures (see Kövecses 2011).

The metaphor كفتة (*kufṭah*, meatball) was particularly popular among younger participants, especially in informal, humorous interactions. According to a young male participant “it is commonly used to describe someone who is unserious, goofy, or awkward—often someone who fails to take things seriously or behaves in a way that lacks control or structure”. The term draws on the physical qualities of a meatball: soft, loosely formed, and mushy, which metaphorically suggest a personality that lacks firmness and direction. This metaphor reflects the following conceptual mapping:

- **Source Domain:** Soft or mushy food (e.g., meatball)
- **Target Domain:** Unreliable, unserious, or clumsy behavior
- **Mapping:** HAVING A SOFT, LUMPY TEXTURE IS BEING UNSERIOUS OR GOOFY

This metaphor not only adds playful expressiveness to everyday Jordanian Arabic but also critiques behaviors seen as lacking maturity or strength.

A culturally rich metaphor is فقوس (*faqqu:s*, Armenian cucumber), which, in “خيار و فقوس”, is used to describe a person who is not given special treatment or is treated unequally in comparison to others.¹ The term often carries a slightly critical or lamenting tone, highlighting perceived favoritism within family, school, or workplace settings. In this proverb, unlike خيار (*xja:r*) regular cucumbers, *faqqu:s* is considered *less* desirable in the specific context of the saying, representing a situation where individuals are not valued or treated the same. Even though *faqqu:s* shares similarities with the *xja:r*, it is seen as less preferable in this comparison, and therefore metaphorically represents those who receive less attention, fewer privileges, or are otherwise disadvantaged. According to a female young participant “if someone describes me as *faqqu:s*, I will be sad”. This metaphor reflects the following conceptual mapping:

- **Source Domain:** Less desirable food (e.g., *faqqu:s* in “خيار و فقوس”)
- **Target Domain:** Unequal treatment, lack of privilege, being less favored
- **Mapping:** BEING DESCRIBED AS *faqqu:s* IS BEING LESS FAVORED OR LACKING

PRIVILEGE

This metaphor critiques social dynamics of inequality or spoiled behavior while playfully drawing on culturally familiar imagery.

Another metaphor that emerged in the data is شوربة (*fo:rabah*, soup), commonly used in Jordanian Arabic to describe someone that is messy, disorganized, or completely out of control. This expression draws on the source domain of soup as a liquid mixture of various ingredients, often lacking clear structure or boundaries, to describe situations that are confusing, unstable, or deteriorating.

¹ This word can either be pronounced as *faggu:s* or *faʔu:s* based on the JA subdialect used. The same applies to other words that contain the phoneme /q/ such as *qifʔah* and *fustuq*.

The metaphor carries connotations of disorder and lack of coherence — just as soup blends everything together in an indistinct mass, a *fo:rabah* situation is one where elements, such as people, plans, or processes, are no longer functioning in a coordinated or predictable way. It is often used in social or workplace contexts to criticize poor management, conflict, or general dysfunction.

This metaphor illustrates the following conceptual mapping:

- **Source Domain:** Soup — a fluid, shapeless, mixed substance
- **Target Domain:** Social or organizational disorder
- **Mapping:** BEING FLUID AND MIXED [SOUP] IS BEING DISORDERED OR CONFUSED

This metaphor is commonly used in colloquial speech because it captures both the emotional tone of frustration and the culturally familiar experience of something that has lost its form or direction.

Another expression, *نعنة* (*naʕnaʕah*, minty), describes a person, most likely a lady, who is soft, fresh, and endearingly cute. The word *نعنع* (*naʕnaʕ*, “mint”) evokes qualities of freshness, coolness, and a gentle yet pleasant presence. In colloquial Arabic, describing a girl with mint suggests that she is sweet-tempered, tender, and charming in a subtle, refreshing way. A female young participant indicated: “it is a complement actually to be described as mint”. The metaphor captures both her delicate nature and her appealing aura.

- **Source Domain:** Fresh, fragrant herb (mint)
- **Target Domain:** Personality and physical charm
- **Mapping:** BEING FRESH AND AROMATIC (LIKE MINT) IS BEING ATTRACTIVE AND CHARMING

Besides, several food-based metaphors in Jordanian Arabic are used to describe facial features, especially in beauty-related discourse, illustrating how physical attractiveness is conceptualized through familiar, desirable foods. One prominent example is *خدود تفاح* (*xudu:d tuffaḥ*, “apple cheeks”), which refers to healthy, full, and rosy cheeks. The apple, as a symbol of freshness, ripeness, and natural beauty, maps onto youthful physical traits. This leads to the metaphorical mapping:

- **Source Domain:** Fresh, round fruit (apple)
- **Target Domain:** Youthful, attractive facial features
- **Mapping:** BEING FRESH AND ROUND (LIKE AN APPLE) IS BEING BEAUTIFUL AND HEALTHY

Another expression, *تم فستق* (*tim fustuq*, “pistachio mouth”), describes a small, delicate, and aesthetically pleasing mouth. The pistachio, a small but flavorful nut, is associated with daintiness and desirability, especially in romantic or poetic contexts. The metaphor suggests subtle charm and delicacy:

- **Source Domain:** Small, prized nut (pistachio)
- **Target Domain:** Mouth size and appeal
- **Mapping:** BEING SMALL AND PRECIOUS (LIKE PISTACHIO) IS BEING DELICATE AND ATTRACTIVE

Lastly, *عيون لوزية* (*ʕju:n lawzijeh*, “almond-shaped eyes”) is frequently used to describe elegant and aesthetically ideal eye shapes, particularly in female beauty standards. Almonds, with their elongated and smooth form, are metaphorically applied to describe graceful and exotic-looking eyes:

- **Source Domain:** Almond shape
- **Target Domain:** Eye form and aesthetic quality
- **Mapping:** HAVING AN ALMOND SHAPE (EYE) IS HAVING ELEGANCE AND BEAUTY

Together, these metaphors demonstrate how culturally resonant foods are used not just for humor or critique, but also to idealize and aestheticize the human body in ways deeply embedded in Jordanian evaluative language, in addition to highlighting idealized beauty standards.

5. Discussion

Departing from Lakoff and Johnson’s (1980) initial emphasis on the structural role of metaphor in cognition, this analysis aligns more closely with Kövecses’s (2011) CMT as based on *mian* meaning focus. It acknowledges the embodied basis of metaphor, yet Kövecses argues that the *meaning focus* of a metaphor is paramount and can be identified through systematic analysis of linguistic data. Our data from Jordanian Arabic support this emphasis on meaning focus, revealing how specific food metaphors are deployed to conceptualize abstract domains such as personality traits, gender roles, emotional states, and social hierarchies.

This study critically *emphasizes the cultural contingency* of these metaphorical mappings. While embodied experiences undoubtedly contribute to the grounding of metaphors (Kövecses 2005, 2022, Yu 2008), the precise meaning focus can vary significantly across cultures based on our analysis. For example, the connotations associated with calling someone *ʕasal* ‘honey’ or *naʕnaʕah* ‘minty’ to describe tenderness and warmth are embedded in Jordanian cultural values and culinary traditions. These metaphors might not evoke the same associations or emotional resonance in other cultural contexts, which highlights the role of cultural knowledge in interpreting metaphorical meaning. This finding contributes to CMT by showing that while underlying embodied experiences may be universal, the specific *cultural salience* of particular sensory experiences shapes the meaning focus of food metaphors in unique and culturally specific ways. Thus, the Jordanian case provides insights into universalist assumptions within CMT. It shows how culture mediates the relationship between embodied experience and metaphorical meaning.

This study goes beyond individual cognition by showing how these metaphors are embedded in specific sociolinguistic contexts. Following Cameron's (2008) notion of "metaphor in use", the findings reveal that food metaphors in Jordanian Arabic are discursively and socially motivated. They are especially prevalent in informal settings, where speakers deploy metaphor not only to describe but also to perform social roles and manage interpersonal relationships. This echoes the arguments of Deignan (2005) and Holmes (2005), who emphasize the role of metaphor in relational work and face management.

The quantitative findings of this study highlight the sociolinguistic variability of food metaphor usage in Jordanian Arabic, particularly across age groups. The data reveal that middle-aged and older speakers (ages 31–50 and 51+) use food metaphors more frequently than younger individuals. These older groups reported 45 and 50 instances respectively, compared to only 30 by the 18–30 age group. This generational pattern suggests that older speakers are more anchored in culturally entrenched metaphorical practices, where food metaphors serve as pragmatic tools for expressing social norms, emotional subtleties, and communal values. In contrast, the relatively lower usage among younger speakers may reflect their greater exposure to digital and globalized forms of communication, which promote alternative discursive styles and may marginalize traditional metaphorical expressions. Thus, metaphor use among Jordanian youth appears to be evolving, shaped by changing linguistic ideologies and communicative preferences.

Although statistical analysis did not reveal significant gender differences in overall metaphor usage, qualitative trends suggest potential variations in the types of metaphors favored by men and women, warranting further exploration. These observations resonate with findings from Charteris-Black (2005), Koller (2004), and Golden and Lanza (2013) regarding gendered metaphor use. In our Jordanian Arabic data, metaphors used by women appeared to more frequently highlight physical appearance and emotional resonance (e.g., *tim*, *fustuq*, *ʕasal*), potentially reflecting sociocultural expectations around femininity, beauty, and nurturance. Conversely, metaphors used by men seemed to lean more often towards humor, sarcasm, and critique (e.g., *kuftah*, *filfil*), possibly reinforcing masculine ideals of strength, assertiveness, and emotional restraint. These patterns were not statistically significant in this study, but they align with the broader idea that metaphors function not only as conceptual tools but also as potential social scripts that reinforce or resist dominant ideologies. Future research with larger sample sizes and more focused methodologies is needed to determine the extent to which these observed trends represent significant gendered patterns in Jordanian Arabic metaphor use.

The cultural salience of food in Jordanian society further enhances the metaphorical potential of the domain. As discussed by Yu (2008) and Goschler (2005), food metaphors are not arbitrary; they are culturally embedded and emotionally potent. In Jordanian Arabic, the metaphorical association between food and human character traits taps into broader cultural themes of familial intimacy and social cohesion. For instance, calling someone *ʕasal* 'honey' invokes not just

sweetness, but also warmth and a communal ethic that is central to Jordanian identity. These metaphors thus serve as cognitive shorthand for culturally valued traits.

Moreover, the metaphorical mapping of food items onto social status and moral judgment—such as *faqqu:s* to denote superficiality or favoritism—illustrates how metaphor becomes a vehicle for social commentary. In this way, metaphor intersects with the critical discourse perspective advanced by Musolff (2016) and Fairclough (1995), who emphasize how entrenched metaphorical frames shape ideological stances and social critique. Jordanian speakers use food metaphors not only to describe people but also to subtly critique power dynamics, expose favoritism, and navigate social inequalities.

In synthesizing insights from CMT as based on main meaning focus and sociolinguistics, this study affirms that metaphor is simultaneously a cognitive structure and a discursive resource. The metaphors examined here are grounded in embodied experience but activated within culturally meaningful contexts. They are shaped by and reflective of broader social variables—age, setting—and are employed to construct, negotiate, and contest identities. As Cameron and Maslen (2010) argue, metaphor is not static but emergent, shaped by the interaction between speaker agency and cultural convention.

6. Conclusion and recommendations

This study has demonstrated that food metaphors in Jordanian Arabic are far more than stylistic embellishments; they are integral cognitive and social resources that reflect, negotiate, and reproduce cultural values and social identities. Shifting from a purely structural view of Conceptual Metaphor Theory, this research highlights the importance of meaning focus in metaphorical understanding, aligning with Kövecses's (2011) emphasis on identifying the core meaning of a metaphor as it is used in context. Sociolinguistic analysis reveals how this meaning focus is embedded in embodied experience and culturally salient domains, but also shaped by the specific context of use.

The findings reveal sociolinguistic variation in the meaning focus of food metaphors across age and gender in Jordanian Arabic. Older generations tend to employ traditional, culturally rooted metaphors, using them to reinforce social norms and shared values, with the meaning focus readily understood within established cultural contexts. Younger speakers—shaped by digital media, globalization, and multilingual exposure—favor more creative yet less frequent metaphor use, signaling changing linguistic practices and potentially shifting the meaning focus in novel ways. Statistical analysis did not reveal significant gender differences, but qualitative trends suggest that women may emphasize appearance and emotional expression, aligning with feminine social roles, whereas men may more commonly use metaphors for teasing and humor, potentially reflecting masculine communicative styles; again, the meaning focus is contingent on these social roles and communicative intentions.

Contextually, the meaning focus of food metaphors is actively negotiated in informal and intimate settings—such as homes, cafes, and online interactions—where relational and affective language is prominent. These metaphors serve as part of a shared cultural repertoire that facilitates social bonding, identity performance, and interpersonal negotiation. As such, food metaphors in Jordanian Arabic operate on multiple interconnected levels: as cognitively resonant tools grounded in embodied experience, as social instruments for managing relationships, and as cultural symbols whose meaning focus both reinforces and challenges societal norms depending on the specific context and the actors involved. This interaction of age, gender, and context highlights the dynamic nature of metaphorical language as both a mirror and a force within Jordan’s evolving sociocultural context. Viewing the meaning focus of these metaphors through the dual lenses of CMT as based on main meaning focus and sociolinguistic variation illustrates how language encodes the intersection of thought, culture, tradition, innovation, and social identity in colloquial Arabic, highlighting the importance of considering context when interpreting metaphorical meaning.

Future studies could expand the scope of food metaphor research in Jordanian Arabic by exploring regional and socioeconomic variations to capture a broader range of linguistic diversity and to examine how these factors influence the meaning focus of food metaphors. Additionally, comparative studies with other Arabic dialects or culturally related languages could enhance understanding of how the context-dependent nature of food metaphors intersects with cultural identity across contexts. Finally, investigating the role of metaphor in formal versus informal registers, as well as its use in media and political discourse, could reveal further dimensions of metaphorical language as a tool for social influence and cultural expression, particularly in how context is used to shape the intended meaning of metaphors.

Appendix

Food Metaphors in Everyday Language (translated)

You are invited to participate in a questionnaire about food-related metaphors. Before you proceed, please review the following information:

This study aims to analyse food-related metaphors and how they are used in context. Your participation is voluntary, and you are free to withdraw at any time without consequence.

We have taken the following steps to protect your privacy and ensure ethical conduct:

- **Anonymity:** All data collected will be anonymized. No personal identifiers will be recorded.
- **Confidentiality:** Your responses will be treated with strict confidentiality.
- **Data Security:** The data will be used solely for research purposes and securely stored, accessible only to the research team.
- **Ethical Approval:** This study has received ethical approval from the Institutional Review Board (IRB) at the University of Jordan (Decision No. 310/2024, dated 12 December 2024).

By proceeding with the questionnaire, you indicate your agreement to participate, having read and understood the information provided in this form.

Signature: _____ Date: _____

Demographic information

Age:

- Under 18
- 18–24
- 25–34
- 35–44
- 45–54
- 55+

Gender:

- Male
- Female

Food metaphor recognition and usage

Which of the following food-related metaphors are you familiar with?

1. مبيّن الموضوع هاد في ناس خيار وناس ففوس “It's clear in this situation that some people are cucumbers and some people are gourds”
2. شفّتي شو سوت؟ كفتة على الآخر “Did you see what she did; Kofta to the max”
3. يعني إذا حكينا إنه بطاطا قليل عليه “I mean, if we said that he's a potato, it's not enough for him.”
4. عن جد خالد شوربة “Seriously, Khaled is soup”
5. هالبنت عن جد عسل “This girl is seriously honey”
6. يخني ما أزكاه فشطّة Oh my, how cream that boy is!
7. والله هالبنت خدودها تفاح “I swear, this girl's cheeks are apples”
8. عيونها لوزية وتمها فستقة “Her eyes are almond and her mouth is a pistachio”
9. أنا بقدر أحكيك وطفه لأنه فلفل “I can tell you, hire him because he is pepper.”

- For each metaphor, please briefly explain what it means?
- Do you know any other food metaphors used to describe people, other than the ones used above? If yes, please write them down.

Contextual usage

In what contexts do you most frequently encounter food-related metaphors? (Select all that apply)

- Everyday conversation (e.g., with friends, family, colleagues)
- Digital communication (texts, social media)
- TV shows or movies
- News or media articles
- Academic or professional settings
- Other (Please Specify): _____

References

- Alazazmeh, Hadeel Mohammad & Aseel Zibin. 2023. The conceptualization of anger through metaphors, metonymies and metaphonymies in Jordanian Arabic and English: A contrastive study. *Cognitive Semantics* 8 (3). 409–446.
- Al-Harrasi, Abdulla Nasser Khalifa. 2001. *Metaphor in (Arabic-into-English) translation with specific reference to metaphorical concepts and expressions in political discourse* (Doctoral dissertation, Aston University).
- Almirabi, Maisarah. 2022. Influence of gender on sociolinguistic attitudes as reflected in animal metaphors. *International Journal of Arabic Linguistics* 8. 33–52.
- Altakhaineh, Abdel Rahman M. & Aseel Zibin. 2024. Filial construct states in Arabic: Exploring metaphonymies and embodied cultural cognition. *Cognitive Studies| Études cognitives* 24. 1–14.
- Banikalef, Alaeddin & Luqman Rababah. 2018. Gender differences and emotional expressiveness on Facebook: An analysis of prosodic features among Jordanian Facebookers. *Studies in Linguistics and Literature* 2 (3). 180–184.
- Bassiouney, Reem. 2009. Arabic Sociolinguistics. *International Journal of Arabic Linguistics* 2 (2). 154–158. Edinburgh University Press: Edinburgh.
- Braun, Virginia & Victoria Clarke. 2006. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology* 3 (2). 77–101.
- Burgos, Marinel, Joan Politico & Michelle Vergara. 2025. The use of humor, irony, and metaphors in everyday communication: An exploratory investigation. *Journal of Interdisciplinary Perspectives* 3 (2). 134–141.
- Cameron, Lynne & Robert Maslen (eds.). 2010. *Metaphor Analysis: Research Practice in Applied Linguistics, Social Sciences and the Humanities*. University of Toronto Press.
- Cameron, Lynne. 2007. Confrontation or complementarity? Metaphor in language use and cognitive metaphor theory. *Annual Review of Cognitive Linguistics* 5 (1). 107–135.
- Cameron, Lynne. 2008. Metaphor and talk. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* 197. 211.
- Charteris-Black, Jonathan. 2011. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. Springer.
- Cornelissen, Joep P., Robin Holt & Mike Zundel. 2011. The role of analogy and metaphor in the framing and legitimization of strategic change. *Organization Studies* 32 (12). 1701–1716.
- Deignan, Alice. 2005. *Metaphor and Corpus Linguistics*. John Benjamins.
- Fairclough, Norman. 1995. *Critical Discourse Analysis*. Harlow: Longman.
- Gibbs Jr, Raymond W. & Lynne Cameron. 2008. The social-cognitive dynamics of metaphor performance. *Cognitive Systems Research* 9 (1–2). 64–75.
- Golden, Anne & Elizabeth Lanza. 2013. Metaphors of culture: Identity construction in migrants' narrative discourse. *Intercultural Pragmatics* 10 (2). 295–314.
- Goschler, Juliana. 2005. Embodiment and body metaphors. *Metaphorik* 9. 33–52.
- Holmes, Janet. 2005. Politeness strategies as linguistic variables. In Keith Brown (ed.), *Encyclopedia of language and linguistics* 2nd ed., Vol. 9, 689–693. Oxford: Elsevier.
- Johnson, Mark & George Lakoff. 1980. *Metaphors We Live by*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Joseph, John. 2003. *Language and Identity*. Palgrave Macmillan Limited.
- Khalifah, Lama & Aseel Zibin. 2022. Arabic-English metaphor translation from a cognitive linguistic perspective: Evidence from Naguib Mahfuz Midaq Alley and its translated version. *Babel* 68 (6). 860–889.

- Koller, Veronika. 2004. *Metaphor and Gender in Business Media Discourse: A Critical Cognitive Study*. Springer.
- Kövecses, Zoltán. 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge university press.
- Kövecses, Zoltán. 2010. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2011. Recent developments in metaphor theory: Are the new views rival ones? *Review of Cognitive Linguistics* 9 (1). 11–25.
- Kövecses, Zoltán. 2015. *Where Metaphors Come from: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2022. The Importance of Context in CMT. In Gitte Kristiansen, Karlien Franco, Stefano De Pascale, Laura Rosseel & Weiwei Zhang (eds.), *Cognitive sociolinguistics revisited*, 107–116. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Labov, William. 1972. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Ladilova, Anna. 2015. Language and identity of migrants: The role of the heritage language in the process of collective identity construction in a migration situation. *Language and Dialogue* 5 (1). 176–193.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. The metaphorical structure of the human conceptual system. *Cognitive Science* 4 (2). 195–208.
- Lakoff, George. 1993. *The Contemporary Theory of Metaphor*. UC Berkeley: Previously Published Works.
- Musolff, Andreas. 2016. *Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios*. London: Bloomsbury Publishing.
- Musolff, Andreas. 2019. Creativity in metaphor interpretation. *Russian Journal of Linguistics* 23 (1). 23–39.
- Ndlovu, Sambulo. 2018. *A Comparative Analysis of Metaphorical Expressions Used by Rural and Urban Ndebele Speakers: The Contribution of S'ncamtho*. University of Cape Town.
- Ritchie, David. 2003. “Argument is war”-or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors. *Metaphor and Symbol* 18 (2). 125–146.
- Shodieva, Maftunabonu. 2024. Sociolinguistic approaches: Understanding language in social contexts. *Modern Science and Research* 3 (1). 69–75.
- Shuqair, Khaled M. 2021. An ornamentalist view of metaphor in Arabic literary theory. *Journal of Critical Studies in Language and Literature* 2 (2). 33–41.
- Visola, Shukurova. 2024. The role of metaphor in conceptual understanding. *The Theory of Recent Scientific Research in the Field of Pedagogy* 2 (20). 76–82.
- Yu, Ning. 2008. Metaphor from body and culture. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* 247. 249–279.
- Zibin, Aseel, Abdel Rahman Mitib Altakhaineh & Hady Jihad Hamdan. 2022. Love and beloved metaphors in Jordanian Arabic and English songs: A cognitive linguistic study. *Metaphor and the Social World* 12 (2). 318–339.
- Zibin, Aseel, Abdel Rahman Mitib Altakhaineh & Ola Musmar. 2024. Head metonymies and metaphors in Jordanian and Tunisian Arabic: An extended conceptual metaphor theory perspective. *Language and Cognition* 16 (4). 2009–2031.
- Zibin, Aseel & Olga Solopova. 2024. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 28 (1). 7–32.
- Zibin, Aseel, Lama Khalifah & Abdel R.M. Altakhaineh. 2024. The role of metaphor in creating polysemy complexes in Jordanian Arabic and American English. *Russian Journal of Linguistics* 28 (1). 80–101.

Zibin, Aseel, Sumaya Daoud & Abdel Rahman Mitib Altakhaineh. 2024. Indexical meanings of the realization of /s^s/ص as [s] س in spoken and written Jordanian Arabic: A language change in progress? *Folia Linguistica* 58 (2). 267–290.

Article history:

Received: 28 July 2025

Accepted: 25 January 2026

Bionotes:

Lama KHALIFAH is a part-time lecturer at the University of Jordan, Amman, Jordan. She is also a PhD student in Linguistics at the University of Jordan. Her research focuses on translation, discourse analysis, pragmatics, and metaphor. She has published several research papers in *Babel*, *Cogent Arts & Humanities*, *Russian Journal of Linguistics*, and *Languages*. She is also a full-time senior translator at EY (Ernst & Young), Amman, Jordan.

e-mail: lamaahmedkhalifah@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7497-8456>

Aseel ZIBIN is Professor of English Language and Linguistics at the Department of English Language and Literature at the University of Jordan. Her research focuses on cognitive linguistics, pragmatics, metaphor, and metonymy. She has published a wide variety of research papers in peer-reviewed journals, including *Language and Cognition*, *Metaphor and the Social World*, *Journal of Pragmatics*, *Folia Linguistica*, and *Cognitive Semantics*, among others.

e-mail: a.zabin@ju.edu.jo

<https://orcid.org/0000-0003-2509-064X>

Abdel Rahman Mitib ALTAKHAINEH is Associate Professor of English Language and Linguistics at the University of Jordan, Amman, Jordan. His research interests lie in the areas of morphology, lexical semantics, psycholinguistics, sociolinguistics, and technology in language learning. He has published several research papers in *Lingua*, *Languages*, *Folia Linguistica*, *Studia Linguistica*, *Language and Cognition*, *Canadian Journal of Linguistics*, and *Applied Linguistics Review*, among others.

e-mail: a.altakhaineh@ju.edu.jo

<https://orcid.org/0000-0001-7605-2497>

Сведения об авторах:

Лама ХАЛИФА преподает и работает над докторской диссертацией в Иорданском университете, Амман, Иордания. Ее исследования сосредоточены на переводе, дискурсивном анализе, прагматике и метафоре. Она опубликовала несколько научных статей в журналах *Babel*, *Cogent Arts & Humanities*, *Russian Journal of Linguistics* и *Languages*. Она также является штатным старшим переводчиком в EY (Ernst & Young), Амман, Иордания.

e-mail: lamaahmedkhalifah@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7497-8456>

Асель ЗИБИН — профессор английского языка и лингвистики на кафедре английского языка и литературы Иорданского университета, Амман, Иордания. Ее исследования сосредоточены на когнитивной лингвистике, прагматике, метафоре и метонимии. Автор многочисленных публикаций в рецензируемых журналах, включая *Language and Cognition*, *Metaphor and the Social World*, *Journal of Pragmatics*, *Folia Linguistica* и *Pragmatics and Society* и др.

e-mail: a.zabin@ju.edu.jo

<https://orcid.org/0000-0003-2509-064X>

Абдель Рахман Митиб АЛТАХАЙНЕХ — доцент кафедры английского языка и лингвистики в Университете Иордании, Амман, Иордания. Его научные интересы лежат в областях морфологии, лексической семантики, психолингвистики, социолингвистики и технологий в изучении языка. Автор ряда научных статей в таких журналах, как *Lingua*, *Languages*, *Folia Linguistica*, *Studia Linguistica*, *Language and Cognition*, *Canadian Journal of Linguistics*, *Applied Linguistics Review* и др.

e-mail: a.altakhaineh@ju.edu.jo

<https://orcid.org/0000-0001-7605-2497>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-43493>

EDN: AHDLP0

Research article / Научная статья

Metaphorical landscapes of HAPPINESS: A cognitive semantic analysis in Hindi and Bangla

Namrata PAUL , Abhijeet SATSANGI and Sanjukta GHOSH

Indian Institute of Technology (BHU) Varanasi, India

 claudia.zbenovich@gmail.com

Abstract

While extensive research exists on cognitive metaphors of happiness in Western, Middle Eastern, and East Asian languages, South Asian languages remain largely underexplored. This gap limits our understanding of how diverse cultural and philosophical traditions shape emotional conceptualization in non-Western contexts. Addressing this research problem, the study explores how Hindi and Bangla speakers conceptualize happiness through metaphorical patterns rooted in their linguistic and cultural frameworks. This study investigates similarities and differences in the conceptualization of happiness in Hindi and Bangla, identifying the socio-cultural, religious, and philosophical factors shaping emotional meaning. The dataset consists of 100 idiomatic and proverbial expressions (50 from each language) collected from digital and print sources and analysed using Conceptual Metaphor Theory (Lakoff & Johnson 1980) and Extended Conceptual Metaphor Theory (Kövecses 2020). The findings reveal shared embodied metaphors—such as light, elevation, fluidity and growth—alongside language-specific patterns: Hindi foregrounds sweetness, journey, illumination and moral–philosophical schemas, while Bangla emphasizes water-based and vulnerability-oriented metaphors. The study contributes to cross-cultural metaphor analysis and highlights the role of cultural and philosophical traditions in shaping emotion metaphors. The findings provide insights into the interplay of language, culture, and cognition.

Keywords: *happiness metaphors, cultural conceptualization, embodied cognition, Bangla, Hindi*

For citation:

Paul, Namrata, Abhijeet Satsangi & Sanjukta Ghosh. 2026. Metaphorical landscapes of HAPPINESS: A cognitive semantic analysis in Hindi and Bangla. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 171–203. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43493> EDN: AHDLP0

Метафорические ландшафты счастья: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ на языках хинди и бенгали

Намрата ПОЛ , Абхиджит САТСАНГИ и Санджукта ГОШ

Индийский технологический институт, Варанаси, Индия

 claudia.zbenovich@gmail.com

Аннотация

Несмотря на то, что уже существует много исследований когнитивных метафор счастье в западных, ближневосточных и восточноазиатских языках, южноазиатские языки остаются малоизученными. Этот пробел ограничивает наше понимание того, как разнообразные культурные и философские традиции формируют эмоциональную концептуализацию в незападных контекстах. Для решения этой исследовательской проблемы данное исследование изучает, как носители языков хинди и бенгали концептуализируют счастье посредством метафорических моделей, укорененных в их лингвистических и культурных рамках. Цель исследования — выявить сходства и различия в концептуализации счастья на хинди и бенгали и выявить социокультурные, религиозные и философские факторы, формирующие эмоциональное значение. Объектом исследования стали 100 идиоматических выражений и пословиц (по 50 из каждого языка), собранных из цифровых и печатных источников и проанализированных с использованием теории концептуальной метафоры (Lakoff & Johnson 1980) и расширенной теории концептуальной метафоры (Kövecses 2020). Результаты исследования выявляют общие телесные метафоры — такие как СВЕТ, ВОЗВЫШЕНИЕ, ТЕМПЕРАТУРА и РОСТ — наряду со специфическими языковыми особенностями. В хинди на первый план выходят сладость, путешествие, просветление и морально-философские схемы, в то время как в бенгальском языке акцент делается на метафорах, связанных с водой и уязвимостью. Исследование вносит вклад в межкультурный анализ метафор и подчеркивает роль культурных и философских традиций в формировании эмоциональных метафор. Полученные результаты расширяют наши представления о взаимодействии языка, культуры и сознания.

Ключевые слова: метафоры счастья, культурная концептуализация, воплощенное сознание, бенгальский язык, хинди

Для цитирования:

Paul N., Satsangi A., Ghosh S. Metaphorical landscapes of HAPPINESS: A cognitive semantic analysis in Hindi and Bangla. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 171–203. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-43493> EDN: AHDLP0

1. Introduction

Emotion plays a crucial role in human cognition, communication, and behaviour. Being a traditional object of psychology, nowadays emotions have been actively studied by linguists, demonstrating an “emotional turn in linguistics” (Lüdtke 2015: ix, Mackenzie & Alba-Juez 2019, Zappettinni 2021, among many others). Language profoundly influences and mirrors the cultural comprehension of emotions. A culture’s understanding of emotions is built and shown through

language. The way emotions are conceptualized and expressed varies across languages and cultures (e.g. Alba-Juez & Larina 2018, Wierzbicka 1999).

While biologically based, emotional expression is culturally and cognitively structured. The Conceptual Act Theory (CAT) emphasizes language's role in shaping emotional interpretation (Lindquist et al. 2015), necessitating cross-cultural studies (Lindquist 2021). Idioms and proverbs, repositories of cultural wisdom (Mieder & Bryan 1997), reveal how communities conceptualize emotions, offering crucial insights for psychology, linguistics, and affective computing. Linguistically, metaphors, especially in idioms and proverbs, map abstract emotions onto concrete domains, aiding conceptualization and expression (Kövecses & Szabco 1996). This metaphorical mapping reveals universal and culturally specific emotional understandings, providing insights into linguistic, cognitive, and cultural dimensions of emotion (Kövecses 2000, 2005, 2015).

Most of the explorations based on Happiness emotion metaphor research were found to be based on Western, Middle Eastern, and East Asian languages (Zoltán 2008, Tissari 2008, Goddard & Ye 2016, Gomez 2020, Pollard 2021, Stefanowitsch 2004, Hamdi 2016, Ahmed 2016, Safarnejad et al. 2013, 2014, Seidi et al. 2021, Rajeg 2016, 2019, Yu 1995, Chen 2010, Liu & Li 2016, Csillag 2016). However, there is a dearth of substantial scholarly works on emotion metaphor research in South Asian languages, particularly Indian languages such as Hindi and Bangla from the cognitive linguistics perspective, apart from Patowari (2015), Sharma (2017, 2018) Goswami & Yadav (2024), Ballav (2025) and Paul et. al. (2024).

Therefore, this study aims to uncover the similarities and differences in conceptualization of happiness in Hindi and Bangla, and identify socio-cultural, religious, and philosophical factors that influence the construction of emotional meaning. This study investigates the conceptual metaphors underlying idiomatic, proverbial and colloquial expressions of happiness in Hindi and Bangla and explores the socio-cultural factors influencing metaphor formation in both languages.

Key research questions include:

- 1) What are the conceptual metaphors shaping happiness expressions in Hindi and Bangla?
- 2) How do these conceptualizations compare across the two languages?
- 3) What socio-cultural factors contribute to the creation of happiness metaphors?

The paper proceeds with a literature review (Section 2), data and methodology (Section 3), analysis and findings on Hindi and Bangla metaphors (Section 4), discussion of universal and culture-specific patterns (Section 5), and concludes with key insights and implications (Section 6).

2. Literature review on the conceptualization of Happiness across cultures and languages

The study of happiness metaphors is deeply rooted in cognitive linguistics, where metaphorical language structures abstract concepts. Kövecses (2008) explores four cognitive components shaping our understanding of happiness: conceptual metaphors, conceptual metonymies, related concepts, and cognitive/cultural models. He identifies three cognitive models of happiness: happiness as an immediate response, happiness as a value, and happiness as being glad. Kövecses (2008) highlights the roles of evaluative metaphors (for appraising happiness) and phenomenological metaphors (for experiential aspects) and advocates combining top-down and bottom-up approaches to provide a comprehensive understanding of happiness, considering its diverse causes and responses.

Drawing on Conceptual Metaphor Theory (CMT) (Lakoff & Johnson 1980), Păstae (2019) explores how metaphors structure the concept of joy within cognitive and cultural frameworks. The study highlights metaphors such as joy as fluid, heat, and natural force, showing how Idealised Cognitive Models (ICMs) help organise abstract emotional experience and support meaning construction.

The embodiment hypothesis, as discussed by Sharma (2017), posits that language encodes both physical and socio-cultural experiences. The study identifies metaphorical concepts like HAPPINESS IS VEGETATION, where happiness is associated with natural imagery such as blossoms, flowering, greenery, and harvests. This reflects an extroverted cultural outlook, contrasting with the Chinese metaphor HAPPINESS IS FLOWERS IN THE HEART, which suggests a more introverted perspective. These linguistic structures illustrate how metaphors are grounded in cultural and physical experiences. Hindi idioms and phrases are not just fixed expressions but are dynamic linguistic constructs that encode the socio-cultural realities of Hindi-speaking communities. This aligns with the embodiment hypothesis, which asserts that language reflects the historical and cultural experiences of its speakers. Additionally, the diversity of Hindi phraseology is highlighted through its rich lexical variations for happiness, such as “k^hu^hi” and “fuk^h,” which vary across regional and cultural contexts.

2.1. Cross-linguistic and cross-cultural perspectives

While metaphorical expressions of emotions stem from universal human experiences, they are also shaped by cultural contexts. Yu (1995) compares happiness metaphors in Chinese and English, identifying shared patterns like HAPPINESS IS UP/LIGHT/CONTAINER. However, Chinese metaphors more frequently reference body parts, especially internal organs, influenced by cultural frameworks such as yin-yang theory and traditional medicine. Despite linguistic differences, the

study highlights the universal bodily grounding of emotion metaphors, with cultural contexts shaping their specific expressions.

Chen (2010) analyses idiomatic expressions in English and Chinese, highlighting both shared and culture-specific happiness metaphors. While HAPPY IS UP is common in both languages (e.g., “walk on air”), English emphasizes outward joy, whereas Chinese associates being “off the ground” with boastfulness, reflecting cultural values of modesty. The study underscores how metaphors shape emotional expression, balancing universal bodily experiences with cultural specificity, and emphasizes their role in cross-cultural communication.

Safarnejad et al. (2013, 2014) examine the translation of Persian happiness metaphors into English, highlighting challenges arising from cultural and cognitive differences. Using the Metaphor Identification Procedure (MIP) and CMT (Lakoff and Johnson 1980), they identify universal metaphors like HAPPY IS UP alongside culturally specific ones. Translation difficulties stem from cultural nuances, lack of direct equivalence, and cognitive domain differences. The studies stress the need for balancing literal and conceptual equivalence and underscore the importance of metaphorical competence in translation for effective cross-cultural communication.

Ahmed (2016) delves into metaphoric parallels between Arabic and English, identifying shared metaphors, such as sadness as a burden (“down in the dumps” in English, “Sadness has broken her back” in Arabic) and happiness as uplifting (“on cloud nine” in English, “She flew because she was happy” in Arabic). The study highlights cultural nuances but concludes that metaphorical expressions of emotions reflect universal human experiences, offering insights into how language shapes emotional understanding across cultures.

2.2. Metaphors in literature, media, and historical contexts

Metaphors serve as powerful linguistic tools that enhance the richness of language and convey complex ideas and emotions. They are prevalent across literature, media, and historical contexts, shaping our understanding of various themes.

Tissari (2008) used the ARCHER (A Representative Corpus of Historical English Registers, 1650–1990) corpus to analyze “hap(p)” and “joy” words, revealing that “hap(p)” terms are more common, while “joy” conveys stronger emotions. The study showed happiness’s connection to love and social relationships, highlighted metaphorical expressions like “happiness is a journey,” and explored contrasting concepts like grief. This research illuminates the cognitive and cultural aspects of historical happiness expressions.

Rajeg (2016, 2019) used corpus-based quantitative analysis to explore Indonesian happiness near-synonyms (*kesenangan*, *kegembiraan*, *kebahagiaan*), identifying distinct metaphorical profiles and 62 differentiating metaphors,

including HAPPINESS IS A LOCATION. This research highlights lexeme-specific metaphorical nuances in Indonesian emotion expression.

Pollard (2021) examined 20th-century American poets' use of happiness metaphors, showing both conventional (e.g., "happiness is light") and novel expressions, emphasizing cultural influence and advocating metaphor theory in literary analysis. Gomez (2020) critiqued *Cosmopolitan* magazine's happiness discourse, revealing neoliberal ideologies where happiness is framed as personal responsibility and tied to consumerism, demonstrating how media metaphors can reinforce social norms.

2.3. Comparative studies across languages

Stefanowitsch (2004) highlights differences in metaphorical patterns for "happiness" in English and "Glück" in German, showing variations in emotional intensity and cultural beliefs, with metaphors like EMOTION-AS-LIQUID and EXPERIENCER-AS-CONTAINER shaping these experiences.

Al-Sharif (2007) examines happiness and anger metaphors in English and Arabic, revealing that while both languages share basic-level metaphors, significant cultural-specific variations are influenced by factors such as climate and lifestyle. The study finds that anger metaphors are more prevalent than happiness metaphors in both languages. Using the CMT (Lakoff & Johnson 1980) and analysing a corpus of 345 expressions, the research underscores the role of cultural context in shaping emotional expressions. Goddard and Ye (2016) emphasise the need for a non-Anglocentric approach to studying emotions, advocating for cultural contextualisation and the use of the Natural Semantic Metalanguage (NSM) (Wierzbicka 1996) to explore emotional expressions across languages. They argue that emotions are shaped by cultural contexts, cautioning against assuming universal meanings for English terms, and promoting cultural sensitivity to avoid misinterpretations.

Csillag (2016) investigates happiness metaphors in English and Russian, noting that the Russian terms for happiness (*schast'e* and *radost'*) differ significantly from the English term. The metaphor HAPPINESS IS A VALUABLE COMMODITY is notably more prominent in Russian culture, illustrating how cultural factors influence linguistic expression. Csillag emphasises the interplay of physiological, psychological, and linguistic elements in understanding emotions, highlighting their complexity as both concepts and expressions within different cultural contexts.

Shah and Sharar (2018) analyze happiness metaphors in English and Khowar, finding shared metaphors like HAPPY IS UP but noting cultural variations—Khowar speakers express happiness indirectly through objects, while English speakers are more direct. Using CMT (Lakoff & Johnson 1980) and qualitative content analysis, they highlight cultural influences on emotional expression. Similarly, Liu and Li

(2016) compare *joy* and *anger* metaphors in English and Chinese, identifying shared CONTAINER metaphors for joy but cultural differences—English emphasizes the body, while Chinese focuses on the heart. For anger, both use FIRE metaphors, but English also employs FLUID, while Chinese includes GAS, reflecting cultural nuances. Hamdi (2016) examines happiness metaphors in English, Spanish, and Tunisian Arabic, revealing cultural differences—English links happiness to *heaven*, Spanish to *virus, medicine, and path*, while Tunisian Arabic links extreme happiness with *insanity or death*. These studies emphasize the cognitive and cultural role of metaphors in shaping emotional expression.

Seidi et al. (2021) compare happiness metaphors in English and Laki, identifying shared metaphors like HAPPINESS IS UP, LIGHT, FLUID IN A CONTAINER, and ANIMALISTIC BEHAVIOR. A unique Laki metaphor, HAPPINESS IS BEING IN POSSESSION OF SOMETHING, reflects cultural specificity. Using CMT (Lakoff & Johnson 1980) and Kövecses' (2008) emotion models, the study highlights both universal and culturally shaped metaphors. Moreno-Ortiz et al. (2022) use NLP to analyze self-reported happy moments, revealing diverse sources of happiness, including consumerism, and demonstrating that happiness is not solely defined by positive words. Their study underscores the complexity of happiness in language and its commercial influences.

The reviewed literature demonstrates that while conceptual metaphors for happiness share universal elements rooted in embodied human experiences, their specific manifestations vary significantly across cultures. These variations highlight the influence of societal values, linguistic structures, and historical contexts on emotional expression. Understanding these metaphoric frameworks enriches cognitive linguistic research and fosters cross-cultural empathy and communication.

3. Data and methodology

This study employed a multi-faceted approach to collect and analyse 100 figurative expressions (50 Hindi and 50 Bangla) related to happiness, drawing on both digital and print sources. The dataset was compiled through purposive thematic sampling of idiomatic and proverbial constructions. A systematic keyword-based search was conducted using core lexical items for each language to ensure semantic focus and balanced representation.

Hindi (H) / Bangla (B): *kʰuʃi* (H,B) (happiness/joy), *həsi* (H) / *haʃi* (B) (*laughter, smile*), *anand* (H) / *anondo* (B) (joy), *sukʰ* (H) / *fukʰ* (B) (happiness, well-being)

Hindi data were collected primarily from literary and cultural websites¹ as well as general knowledge and educational blogs², while Bangla data were drawn from literary and cultural blogs³ and established print sources, notably *Bangla Pravada* (A Collection of 9,100 Bengali Proverbs) by Shri Sushilkumar De and *98 Drishtanta Bakya Samgraha* edited by Chakraborty, Barun Kumar.

Following data collection, the corpus underwent systematic refinement: literal usages were excluded, extraneous contextual material removed, and only idiomatic and culturally embedded figurative constructions retained. The resulting dataset therefore reflects culturally salient metaphorical encodings of happiness rather than general lexical references.

The analysis adopted an inductive, bottom-up orientation, proceeding from linguistic form to conceptual structure without imposing predefined metaphor categories. Non-literal units were identified through contextual–basic meaning comparison using an adapted MIP, supplemented by collocational analysis to detect recurrent imagery (e.g., water, light, elevation, sweetness). Expressions were iteratively clustered according to shared semantic features until coherent conceptual domains emerged. These included fluidity, illumination, verticality, vegetation and seasonality, sweetness, movement, intoxication, temporality, possession/value, and embodied physiological manifestations. Broader conceptual mappings (e.g., HAPPINESS IS FLUID, HAPPINESS IS LIGHT) were inferred only after domain stabilization.

A structured cross-linguistic comparison then identified shared embodied schemas and language-specific mappings, interpreted in relation to ecological, religious, philosophical, and cultural practices. Conceptual Metaphor Theory (Lakoff & Johnson 1980) and Extended CMT (Kövecses 2020) were applied at the interpretive stage to situate findings within cognitive linguistic scholarship while preserving the study’s bottom-up design. The following section presents the emergent metaphorical patterns shaping the conceptualization of happiness in Hindi and Bangla.

4. Analysis and findings – conceptual metaphors in Hindi and Bangla

This section presents the metaphorical patterns associated with the Hindi and Bangla lexemes examined in the study. Rather than analysing an abstract universal concept of ‘happiness’, the discussion focuses on the metaphorical structures associated with the lexical items *k^hufi*, *anondō/anand*, *fuk^h/suk^h*, and *hafī/hāsi*.

¹ URL: <https://hindilearning.in/hindi-muhavare/>; <https://www.ncertbooks.guru/hindi-muhavare/>; <https://www.aplustopper.com/muhavare-in-hindi/>; <https://www.rekhtadictionary.com/?lang=hi>; <https://www.hindivarta.com/>; <https://www.hindisahityadarpan.in/>

² URL: <https://leverageedu.com/blog/>

³ URL: <https://bengali.pratilipi.com/blog/bangler-prabaad-probochon2tf04u8h15gpa41>

This usage shows ‘happiness’ presented as a fluid that escapes containment, marking intensity, collectivity, and public celebration — all central elements in the emotional-fluid schema.

iii. HAPPINESS IS INTOXICATION

In both Bangla and Hindi, intense ‘joy’ is metaphorically likened to intoxication, producing euphoria, light-headedness, and detachment from reality. The metaphor is also metonymic, since intense happiness produces bodily and psychological effects resembling intoxication. This cause–effect link anchors the metaphor in embodied experience, making the emotion more tangible.

A media usage example in Bangla further demonstrates this metaphor in collective emotional context:

obofese	sef	holo	juḍḍ ^h o,	k ^h ujite	maṭowara	hoet ^h e	gazar	(Bangla)
finally,	end	be-PST.3	war	happiness-INS	intoxicated	be-PFV.3	Gaza-GEN	
ḷifura ⁵								
children.PL								

(3) “Finally with the end of the war, the children of Gaza are overjoyed.”

This usage demonstrates how ‘happiness’ can be framed as affective intoxication that overtakes groups and spreads socially — mapping emotional states onto collective bodily experience.

k ^h uḷi	ki	k ^h umari	me:	hona	(Hindi)
happiness	GEN	intoxicated-state	LOC	be-INF	

(4) “To be intoxicated with joy” / “To be in a blissful daze”

This metaphor appears in both Bangla and Hindi, where intense joy is likened to the effects of intoxication—euphoria, light-headedness, and detachment from reality.

iv. HAPPINESS IS CONTAINER (being in happiness)

‘Happiness’ is conceptualized as a bounded space in which individuals can “stay” or “be,” reflecting the EMOTIONS ARE CONTAINERS metaphor. Here ‘happiness’ is an immersive yet temporary state that can be entered or experienced. In Hindu traditions, this metaphor frames ‘happiness’ as a mental or existential space attained through contentment, moral living, and spiritual practice.

k ^h uḷi/suk ^h	me:	hona	(Hindi)
happiness	LOC	be-INF	

(5) “To be in happiness”

v. HAPPINESS IS DESIRED OBJECT

k ^h uḷi	ki	ṭəlaḷ	me:	rehna	(Hindi)
happiness	GEN	search	LOC	stay-INF	

⁵ 1.2K views · 30 reactions | অবশেষে শেষ হল যুদ্ধ, খুশিতে মাতোয়ারা. . . (n.d.). <https://www.facebook>

(6) “To be in pursuit of happiness”

‘Happiness’ is metaphorically framed as a valuable and sought-after entity. The Hindi example presents ‘happiness’ as an object of pursuit. This metaphor aligns with a broader cognitive understanding of GOALS AS OBJECTS, where desirable emotional states like happiness are treated as tangible things that can be gained, lost, or longed for.

vi. HAPPINESS IS MUSIC

Hindi metaphorically link ‘happiness’ to music, symbolizing harmony, rhythm, and celebration. Embedded in cultural traditions like classical music, bhajans, Bollywood music, etc. this metaphor reflects joy as an instinctive, communal, and uplifting experience. A well-known cultural example appears in a classic Hindi film song:

ḍʒ ^h u:m	ḍʒ ^h u:m	ke	natʃo	a:dʒ	ga:o	(Hindi)
sway	sway	INST	dance-IMP.2PL	today	sing-IMP.2PL	
k ^h uʃi:	ke	gi:t	ho ⁶			
happiness	GEN	song	EMPH			

(7) “Sway, sway and dance today, sing the songs of happiness!”

This cinematic usage reinforces the metaphor HAPPINESS IS MUSIC/SONG, presenting ‘happiness’ as a performative and embodied emotion that takes *audible* and *social* form.

vii. HAPPINESS IS TEMPERATURE

k ^h uʃi	ki:	gərma:fʌt	(poetic use in Hindi)
happiness	POSS	warmth	

(8) “Warmth of happiness”

The association between warmth and positive feelings is deeply rooted in the language and culture. This conceptual metaphor aligns with universal human experiences where warmth is equated with comfort and positivity. The metaphor *Happiness is Warmth* is universal (Lakoff & Johnson 1980) but takes specific cultural forms in Hindi. In Western languages, warmth is also used metaphorically (e.g., “a warm personality”), for instance, Díaz-Vera’s (2024) study examines the culturally specific use of the HAPPINESS IS TEMPERATURE metaphor for positive emotions in Old English texts, challenging universal embodiment theories.

viii. HAPPINESS IS UNRESTRAINED DANCING

Consistent with embodied cognition, this metaphor expresses ‘happiness’ through bodily movements such as dancing or swaying. These actions reflect the sensorimotor experience of intense joy and metonymically represent emotion through physical expression. The metaphor also emphasizes the communal nature

⁶ Jhoom Jhoom Ke Nacho (HD) – Andaz Songs — Nargis — Dilip Kumar — Cuccoo — Raj Kapoor. (n.d.). [Video]. YouTube. URL: <https://share.google/nMLcBDhA1RzmoqFFS>

of ‘joy’ in celebratory and devotional contexts. For example, a popular bhajan performance reports:

sa.ra: paṇḍa:l kʰuʃi: se d̪ʒʰu:m uʃʰa:⁷ (Hindi)
 whole pandal happiness INST sway rise-PFV.3SG
 (9) “The entire pandal swayed with happiness.”

Here, collective swaying stands as a visible embodiment of shared emotional uplift, reinforcing HAPPINESS IS ELEVATION and DANCE as intertwined metaphorical structures.

ix. HAPPINESS IS BLOSSOMING FLOWER

A recent Hindi news headline demonstrates this metaphor in natural discourse:

məmmi:-pa:pa: ka: kʰuʃi: se kʰil gaja: t̪ʃəhra:⁸ (Hindi)
 mother-father GEN happiness INST bloom go-PST.M.SG face
 (10) “The parents’ faces lit up with joy.”

Here, *kʰil gaja: t̪ʃəhra:* encodes ‘happiness’ as somatic blossoming, reinforcing the metaphor HAPPINESS IS FLOWERING, where inner joy becomes externally radiant and aesthetically visible. In both Hindi and Bangla traditions, ‘happiness’ is culturally grounded in floral imagery as blossoming vitality and sacred renewal; in Bangla Śyāma Sangeet dedicated to Goddess Kali, the line “*maa er paaye joba hoye uthlo fute mon*” (/ma:er pa:e dʒəba hœ uʃʰlo pʰuʃe mon/) depicts the heart blooming like a hibiscus—Kali’s sacred flower—at the Mother’s feet, reflecting the Śākta tradition (Śaktism), a devotional stream of Hinduism that worships the Divine Mother (Śakti) as ultimate reality, while in Hindi, expressions such as *t̪ʃəhra kʰil uʃʰna* (“the face blossomed”) similarly encode ‘joy’ as visible floral flourishing embedded in festival aesthetics, nature symbolism, and devotional culture.

x. HAPPINESS IS LIGHT (rofnai, radiance)

uske t̪ʃəhre pər ek t̪ʃəmək kʰuʃi: ki t̪ʃi (Hindi)
 3SG.GEN face LOC one shine happiness-GEN exist.PST.3SG
 (11) “There was a glow on his/her face.” In Hindi, ‘happiness’ is linked to a glowing face, reflecting its transformative effect.

This aligns with EMOTIONS CAUSE PHYSIOLOGICAL CHANGES, where ‘happiness’ manifests as a glow.

o HAPPINESS IS SPARK

(Specific level metaphor of the generic level metaphor – HAPPINESS IS LIGHT)

⁷ सारा पंडाल खुशी से झूम उठा श्याम बाबा का ये भजन सुनकर | Raj Pareek Bhajan | Khatu Shyam Bhajan. (n.d.). YouTube. URL: <https://share.google/bAIG1MoaMcjMiFrTv>

⁸ अन्नप्रशान में बच्चे ने खाने-खिलौने को छोड़कर चुना भागवत गीता... Jansatta Trending News (2024). Retrieved from https://www.jansatta.com/trending-news/baby-chooses-bhagavad-gita-at-annaprashan-everyone-shocked-viral-video/4194521/?utm_source=whatsapp&utm_medium=social&utm_campaign=WhatsappShare

This metaphor is actively used in Hindi pedagogy and everyday communication. For instance, a language-learning prompt explains:

‘ākʰō me: tʃəmæk a:nɑ:’ ka: ərʈʰ hɛ kisi: ba:tʃ ki: kʰuʃi: ho:nɑ:.⁹

(12) “A sparkle in the eyes’ means to feel happiness about something.”

The instructional context reinforces that this visual effect is widely recognized as a signifier of ‘happiness’ in cultural cognition and linguistic usage.

xi. HAPPINESS IS A SOCIAL SUPERIOR

sukʰ	ka	gulam	hona	(Hindi)
happiness	GEN	slave/servant	to be-INF	

(13) “To be a slave to happiness.”

‘Happiness’, in Hindi, is conceptualized as a powerful social superior, portraying individuals as submissive or dependent on it. The phrase “slave to happiness” suggests that joy can dominate actions and decisions, reinforcing its authority in shaping behaviour.

It resonates with Indian philosophical traditions, especially Bhakti¹⁰ and Vedanta¹¹, where material ‘happiness’ (sukha)¹² is seen as an illusion (maya)¹³ that can enslave the mind through attachment (moha)¹⁴. True liberation (moksha)¹⁵ is believed to come from detachment (vairagya)¹⁶ and spiritual fulfilment over fleeting pleasures.

xii. HAPPINESS IS JOURNEY

							(poetic use in Hindi)
kʰuʃi	koi	mənzil	nəhi	bəlki	ek	səfər	he
happiness	any	destination	NEG	rather	one	journey is.COP	

(14) “Happiness is not a destination but a journey.”

‘Happiness’ is conceptualized as a continuous journey rather than a fixed destination, reflecting Indian spiritual and poetic traditions that emphasize

⁹ Brainly.in (14 December 2022). ‘[खों में चमक [ना’ का अर्थ है किसी बात की खुशी होना। ऐसी कोई चार बातें लिखो जिनके कारण तुम्हारी [खों में चमक [जाती है। Retrieved from <https://brainly.in/question/54592092>

¹⁰ Bhakti: A devotional tradition in Hinduism emphasizing emotional connection, love, and surrender to the divine as the path to spiritual fulfilment.

¹¹ Vedanta: A philosophical school focusing on the realization of ultimate truth (Brahman) and the illusory nature of worldly experience.

¹² Sukha: Material or worldly happiness; pleasure experienced through sensory and external sources.

¹³ Maya: The illusionary nature of the material world that can mislead individuals into attachment and away from spiritual truth.

¹⁴ Moha: Attachment or delusion that binds the mind to transient desires and worldly pleasures.

¹⁵ Moksha: Liberation from the cycle of birth and rebirth, achieved through spiritual realization and freedom from attachment.

¹⁶ Vairagya: Detachment from material desires and emotional extremes, considered necessary for spiritual progress.

experiential growth, impermanence, balance, and mindful engagement over final attainment. Vedantic thought, the Bhagavad Gita¹⁷, Sufi¹⁸, and Bhakti poetry all reinforce the idea that joy unfolds through experiences, inner discovery, and detachment from fixed outcomes.

A recent Hindi article reinforces this metaphor explicitly:

k^huʃi: ja:ʈra: he, mənzil nəʃi¹⁹ (Hindi)
 happiness journey be.PRS.3SG destination NEG
 (15) “Happiness is a journey, not a destination.”

The accompanying sub-headline elaborates that what makes a person happy depends on their nature, mindset, desires, and circumstances, highlighting variability and experiential growth.

This reinforces the metaphoric mapping of ‘happiness’ as ongoing progress rather than a final acquired state.

xiii. HAPPINESS IS FLIGHT

k^huʃi ke mare asma:n me: uʈna (Hindi)
 happiness GEN due to sky-LOC fly-INF
 (16) “To fly in the sky out of happiness”

‘Happiness’ is metaphorically depicted as flight, symbolizing freedom, lightness, and exhilaration. Located in Hindi, this imagery reflects the psychological effect of ‘joy’, creating a sense of weightlessness and boundless energy, as if soaring above earthly concerns.

xiv. HAPPINESS IS A LAMP

k^huʃi ke di:p d̪ʒəlana (Hindi)
 happiness GEN lamp light-INF
 (17) “To light the lamp of happiness.”

This Hindi metaphor symbolizes brightness, warmth, and positivity, reinforcing the idea that ‘joy’ can be spread like light. In Indian traditions, lighting lamps (*diyas*) during festivals like Diwali represents hope and the victory of light over darkness. Rooted in Hinduism, this metaphor aligns with the *Ramayana*²⁰,

¹⁷ Bhagavad Gita: A foundational Hindu scripture within the Mahabharata, presenting philosophical teachings on duty, devotion, and emotional equanimity.

¹⁸ Sufi: Islamic mysticism focused on divine love and inner spiritual experience beyond worldly happiness.

¹⁹ जनसत्त. (2022, September 9). खुशी यात्रा है, मंजिल नहीं. *Jansatta*. URL: <https://www.jansatta.com/duniya-mere-aage/happiness-is-the-journey-not-the-destination/2368532/>

²⁰ Ramayana: A major Sanskrit epic narrating the life of Lord Ram and his victory over evil, central to Hindu devotional and cultural traditions.

pain, like heat and cold, are fleeting. Similarly, *Ritu Chakra*³⁰ (seasonal cycles) symbolizes emotional impermanence.

The phrase *kʰufi ke d̪ɔ:r* (“a phase of happiness”) echoes Hindu teachings on *vairagya* (detachment), advocating equanimity in both joy and sorrow.

4.2. *anondo / anand (joy)*

Expressions containing *anondo* or *anand* highlight several metaphorical patterns related to emotional intensity, immersion, and collective experience.

i. HAPPINESS IS FLOOD

A recent Bangla news post describing the emotional scene in Gaza used the phrase:

muk̪t̪ir anond̪e gazar ſiʃud̪er baḍ̪h³¹ (Bangla)
 freedom-GEN happiness-LOC Gaza-GEN children-PL.GEN dam
 bʰaŋa ullas
 break-PFV.PTCP exultation

(20) “The children of Gaza burst into a flood of ‘joy’ at their freedom.”

This real-world usage from a Bangla media post illustrates the metaphor HAPPINESS IS FLOOD, where ‘joy’ is described as a dam-breaking force (*baḍ̪ bʰaŋa ullas*), expressing an uncontrollable surge of collective ‘happiness’. The phrase aligns with traditional idiomatic expressions such as *anond̪er baḍ̪h bʰaŋa* (“the floodgates of happiness broke open”), emphasizing the embodied and unrestrained nature of intense ‘joy’ in Bangla cultural cognition. In Bengal, rivers such as the Ganges, Padma, Hooghly, Mahananda, and Teesta symbolize both destruction and fertility, as floods devastate yet enrich the soil.

ii. HAPPINESS IS LIGHT (rofnai, radiance)

bohu soṅsk̪t̪ir melbandʰon, bibidʰi anond̪er rofnai³² (Bangla)
 many culture-GEN union various happiness-GEN light/illumination

(21) “In the union of many cultures, the myriad lights of happiness.”

The phrase appeared in a feature article from *The Daily Star* (Bangla, Nov 28 2022) which describes Qatar’s vibrant display of cultural diversity during the 2022 FIFA World Cup.

The phrase *bibidʰo anond̪er rofnai* (“the myriad lights of happiness”) evokes collective ‘joy’ through imagery of illumination, extending the metaphor HAPPINESS

³⁰ *Ritu Chakra* (Seasonal Cycles): The cyclical progression of seasons in the Indian calendar, often used metaphorically to represent recurring shifts in human emotions and life phases.

³¹ 51K views 10K reactions | মুক্তির আনন্দে গাফ জার বুকে ছুটে চলছে. (n.d.). URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=2270308693393164>

³² জাহামজেদজ. (2022, November 28). বহু সংস্কৃতির মেলবন্ধন, বিবিধ আনন্দের রোশনাই. *The Daily Star Bangla*. URL: <https://share.google/dySYfTXyhGJTckCW>

IS LIGHT. In Bangla, *rofnai* (light, splendour) evokes Durga Puja³³, linking ‘joy’ with celebration and warmth. With the broader cultural contrast of DAY AS HAPPINESS and NIGHT AS SADNESS, reinforcing light as a symbol of positivity, energy, and celebration across both languages – Hindi and Bangla.

○ HAPPINESS IS SPARK

(Specific level metaphor of the generic level metaphor – HAPPINESS IS LIGHT)

tʃok ^h e	anond̪e	d̪ʒ ^h ilik	(Bangla)
eyes-LOC	happiness-GEN	spark	
(22)	“A sparkle of joy in the eyes”		

Using imagery of a sudden flash of light, this metaphor represents the visible and immediate expression of ‘joy’. The eyes become a key site where emotions manifest physically, with a sparkle conveying excitement and liveliness. It aligns with the generic metaphor EMOTIONS CAUSE PHYSIOLOGICAL CHANGES, where ‘happiness’ produces facial brightness and animated expressions. Like a spark, it also highlights the fleeting yet intense nature of ‘joy’.

iii. HAPPINESS IS ELEVATION/UP

ʃe	anond̪e	akaf	tʃ ^h ulo	(Bangla)
3SG.NOM	happiness-LOC	sky	touch-PST.INDF.3SG	
(23)	“He/she soared with happiness”			

Aligning with the broader conceptual metaphor GOOD IS UP, this expression conceptualizes ‘joy’ as upward movement, symbolizing emotional upliftment. It reflects embodied experiences of feeling lighter when happy and cultural imagery of the sky as boundless ‘joy’. In Hindi, “saṭwe asma:n p̄r hona” (“to be in seventh heaven”) also draws on religious traditions that associate higher realms with divine bliss.

A Hindi media example reinforces similar conceptualization in everyday discourse:

arha:n	k ^h a:n	saṭwe	asma:n	p̄r	he ³⁴	(Hindi)
Arhaan	Khan	seventh	sky	LOC	be.PRS.3SG	
(24)	“Arhaan Khan is over the moon with happiness.”					

Although the expression does not contain the specific lexical items analysed in this study, it is included because it represents a highly salient cultural expression of intense ‘joy’.

○ HAPPINESS IS BEING LIFTED OFF THE GROUND

³³ Durga Puja (Durgotsava): A major Hindu festival (September-October) primarily celebrated in West Bengal and East India. It honours the goddess Durgā and commemorates her victory over the buffalo demon Mahishāsura, symbolizing the triumph of good over evil (Dharma over Adharma).

³⁴ Tomar, N. (2025, October 7). Arhaan Khan को मिली छोटी बहन, सातवें □समान पर है मलाइका के बेटे की खुशी. *News24 Hindi*. URL: <https://share.google/lNyHZh1oyWe8vuVR6>

(Specific level metaphor of the generic level metaphor – HAPPINESS IS ELEVATION/UP)

anonde tar pa maṭṭe porc^{he} na (Bangla)
 happiness-LOC 3SG.GEN feet ground-LOC fall-PRS.CONT.3SG NEG
 (25) “He/she is walking on air”

Derived from the HAPPINESS IS ELEVATION/UP, the metaphor conceptualizes extreme ‘joy’ as physical lightness and detachment from the earth. It reflects embodied experience where upward movement signals positive emotion, while heaviness and groundedness indicate sadness or burden.

iv. HAPPINESS IS UNRESTRAINED EXPRESSION

je anonde nece ut^hlo (Bangla)
 3SG.NOM happiness-LOC dance-CVB rise-PST.INDF.3SG
 (26) “She rose up dancing with happiness”

Aligned with embodied cognition, this metaphor expresses ‘happiness’ through bodily movements such as dancing or swaying. These actions reflect the sensorimotor experience of intense ‘joy’ and metonymically represent emotion through physical expression, while also highlighting its communal dimension in celebratory dance and rhythmic movement.

v. HAPPINESS IS A FLUID

anondo-mogno haoa (Bangla)
 happiness-immersed be-INF
 (27) “To be absorbed or immersed in happiness”

anand-magan hona (Hindi)
 happiness-immersed be-INF
 (28) “To be absorbed or immersed in happiness”

In both Bangla and Hindi, ‘happiness’ is conceptualized as an immersive experience, like being submerged in liquid. The imagery of being drenched or enveloped highlights deep emotional engagement where surroundings fade. This reflects a broader cognitive mapping in which emotions function as tangible substances that can fill or overwhelm the experiencer.

vi. HAPPINESS IS SPRING SEASON

(Specific level metaphor of the generic level metaphor – HAPPINESS IS SEASON)

faguner nobin anonde³⁵ (Bangla) (Tagore’s song)
 spring-GEN new happiness-LOC
 (29) “In the new happiness of the onset of spring”

This is the opening line from a Rabindra Sangeet of the same name. This song by Rabindranath Tagore belongs to the *Prakriti (Nature) Parjaay (No. 245)* and the

³⁵ Anjan Ganguly, Debasis Biswas, and geetabitan.com contributors. (n.d.). *Song phaguner nabin anande | Lyric and History*. URL: <https://www.geetabitan.com/lyrics/P/phaguner-nabin-aanande-lyric.html>

Basanta (Spring) *Upa-Parjaay* (No. 58). Celebrating spring as a season of renewal and ‘joy’, the song linguistically and musically embodies the conceptual metaphor HAPPINESS IS SPRING, where emotional blossoming parallels nature’s rebirth.

tum mere d̄zivən ki bəsənt ho (poetic use in Hindi)
 2SG.NOM my life GEN spring be-PRS.2SG.INF
 (30) “You are the spring of my life”

This specific-level mapping under HAPPINESS IS A SEASON, links ‘happiness’ with spring in both Bangla and Hindi, symbolizing renewal and vitality. Although the expression does not contain the lexical items examined in this study, it is included because it reflects a culturally salient metaphor of joyful transformation that helps illustrate broader conceptual patterns.

In Bengal, *Fagun*³⁶ ushers in *Dol Utsav*³⁷ (Basanta Utsav), inspired by Rabindranath Tagore, marked by music, colours, and poetic expressions of love and freedom. In Hindi-speaking regions, Holi³⁸, the festival of colours, signifies exuberant ‘happiness’, unity, and renewal. Both festivals emphasize uninhibited emotional expression, reinforcing the metaphor of ‘happiness’ as a seasonal bloom—fleeting yet intense, cyclical yet eagerly anticipated.

vii. HAPPINESS IS MUSIC

Composed spontaneously during a train journey, the below mentioned line transforms ‘happiness’ into song, directly embodying the metaphor HAPPINESS IS MUSIC. Here, *anondo gan ut̄huk bad̄zi* portrays ‘joy’ as an audible, rhythmic outpouring of emotion—where inner elation becomes a communal melody. Tagore’s poetic imagination fuses sound, movement, and devotion, turning ‘happiness’ into an expressive performance of the soul.

anondo gan ut̄huk bad̄zi ³⁹ (Tagore’s song – Rabindrasangeet)
 happiness song rise.SBJV play-PFV
 (31) “Let the song of happiness arise, let the music resound.”

³⁶ Fagun (Phalgun): The twelfth month of the Bengali calendar (February–March), Fagun marks the arrival of spring in Bengal. It is associated with warmth, renewal, blossoming nature, and festivals such as Dol Utsav (Basanta Utsav), celebrated with music, colours, and expressions of joy.

³⁷ Dol Utsav: In Bengal, Fagun ushers in Dol Utsav (also known as Basanta Utsav), a spring festival introduced by Rabindranath Tagore at Santiniketan. The celebration is marked by music, dance, vibrant colours, and poetic expressions of love and freedom—symbolizing renewal and the joyous spirit of spring.

³⁸ Holi: Major Hindu festival (Feb/Mar) celebrating the arrival of spring, love, and the victory of good over evil. Festivities begin with Holikā Dahan (a bonfire ritual marking the legend of Prahlāda) and culminate in Rangwalī Holī, where people play by throwing coloured powder (*gulāl*) and water on each other, often symbolically blurring social distinctions.

³⁹ Rabindranath Tagore — *Songs — pooja — anandagan uthuk tabe baji*. (n.d.). URL: <https://www.tagoreweb.in/Songs/pooja-233/anandagan-uthuk-tabe-baji-4695>

Source: Rabindranath Tagore, *Puja-Parjaay: Ānondo* (Song No. 309), written on 12 January 1915, composed on a train from Bolpur to Kolkata. Published in *Balaka; Swarabitan* Vol. 56. In Bangla culture, ‘happiness’ is metaphorically expressed through music symbolizing harmony, rhythm, celebration, and a deeply communal, uplifting experience of ‘joy’.

viii. HAPPINESS IS TANGIBLE OBJECT

(Bangla)

je tar anonḍoke dhore rakḥṭe parlo na
 3SG.NOM 3SG.GEN happiness-ACC hold-CVB keep-INF be.able-PST.3SG NEG
 (32) “He/she couldn’t hold on to his/her joy.”

In Bangla, ‘happiness’ is seen as a tangible entity that can be held or lost, highlighting its fragility and the effort needed to sustain it. Culturally, Bengali literature, music, and folk traditions depict happiness as fleeting, needing careful preservation. In modern discourse, it aligns with self-help narratives, highlighting ‘happiness’ as something that requires active effort.

ix. HAPPINESS IS DISORIENTATION

anonḍe ḍifahara (Bangla)
 joy-LOC directionless
 (33) “Lost in joy”

‘Happiness’ is depicted as a disruptive force causing disorientation (ḍifahara), highlighting how overwhelming ‘joy’ can momentarily distract from focus, routine, or practical concerns.

x. HAPPINESS IS MAGIC SPELL / ENCHANTMENT

anonḍe bibhor hooa (Bangla)
 happiness-LOC enchanted/bewitched become-INF
 (34) “Enchanted/ bewitched in happiness”

‘Happiness’ is depicted as a magical spell, creating a trance-like, euphoric state that alters perception and overwhelms the mind. Intense ‘joy’ is portrayed as a captivating force that transforms reality, aligning with South Asian literary traditions where ‘happiness’, love, and beauty are described as magical and dreamlike. This metaphor remains productive in contemporary public discourse. For example, during Durga Puja celebrations, a recent Bangla news report stated:

puṛo baṅladeṣ puḍjar anonḍe bibhor⁴⁰ (Bangla)
 whole Bangladesh puja-GEN happiness-LOC entranced/absorbed
 (35) “The whole Bangladesh is immersed in the happiness of puja (here, Durga Puja).”

⁴⁰ রিপোর্টব. ট. (2022, October 3). পুরো বাংলাদেশ পূজার আনন্দে বিভোর: স্বরাষ্ট্রমন্ত্রী. *Bangla Tribune*. URL: <https://share.google/UzApjMR2ic5hXvgJB>

Here, *bib^hor* encodes a spellbound emotional state, extending the metaphor into collective experience: ‘happiness’ acts like an affective enchantment enveloping an entire community during a cultural festival. The grammatical construction further frames ‘happiness’ as a surrounding environment or condition in which people become absorbed.

xi. HAPPINESS IS LOSS OF SELF-AWARENESS

‘Happiness’ is seen as an overwhelming state (*aṭtoḥara*) that immerses individuals, temporarily erasing self-awareness and external consciousness. Intense ‘happiness’ leads to emotional transcendence, overwhelming rational thought and creating complete present-moment absorption. A recent Bangla news headline illustrates this metaphor:

funei	baṛi	firṭḥilo	anonde	aṭtoḥara	(Bangla)
hear-CVB	home	return-PROG.3	happiness-LOC	self-forgetful	ḍzugal ⁴¹
(36)	“Hearing it, the couple was returning home, self-forgetful in joy.”				

Here, ‘joy’ is construed as a force that possesses the experiencer, resulting in temporary loss of rational control, highlighting the embodied experience of extreme emotional states.

4.3. *fuk^h / suk^h (happiness, well-being)*

The lexeme *fuk^h/suk^h*, which often conveys meanings related to well-being and contentment, appears in expressions that conceptualize emotional states through natural, spatial, and cyclical imagery.

i. HAPPINESS IS OCEAN

fuk ^h	ṣagor	(Bangla)
happiness	ocean	
(37)	“An ocean of happiness”	

The metaphor *an ocean of happiness* found both in Hindi and Bangla depicts ‘happiness’ as vast and overwhelming, aligning with the EMOTIONS ARE SUBSTANCES concept, where the ocean symbolizes its depth and intensity. In both cultures, water bodies symbolize emotional richness and spiritual fulfilment. In Bengal, the Ganges, Padma, Hooghly, and other rivers flowing into the Bay of Bengal represent life, prosperity, and sanctity, while in Hindi-speaking regions, the Ganga and Yamuna are linked to purity, renewal, and devotion.

⁴¹ Desk, T., Sarkar, S., & Desk, T. (2025b, May 23). “ফিরে এসো, আমরা মেনে নিয়েছি. . .” শুনেই বাড়ি ফিরছিল আনন্দে আত্মহারা যুগল! নিমেঘে যা ঘটল, ভালবাসা খান খান! *News18 বাংলা*. URL: <https://bengali.news18.com/photogallery/national/love-story-terrible-news-here-is-what-happened-to-a-couple-while-eloping-to-get-married-shocking-incident-will-shake-you-in-moment-all8-tc-sanj-2177956.html>

A contemporary devotional usage further reinforces this metaphor:

fuk^h sa:gər ke kina:re me:ra: ga:ũ⁴² (Hindi)
 happiness ocean GEN shore my village
 (38) My village is on the shores of the ocean of happiness.

Here, ‘happiness’ as an ocean extends into a metaphoric landscape, situating life and community in close proximity to abundant ‘joy’. The spatial construction (“shore of happiness”) reinforces the idea that happiness is a life-giving environment that one can inhabit or approach, reflecting a spiritualized emotional geography within Hindi discourse.

ii. HAPPINESS IS A CONTAINER

fuk^h-e t̪haka (Bangla)
 happiness-LOC stay-INF
 (39) “To be in happiness”

suk^h me: hona (Hindi)
 happiness LOC be-INF
 (40) “To be in happiness”

Here, ‘happiness’ is conceptualized as a bounded space where individuals can “stay” or “be,” like a physical container holding an object. This aligns with the broader EMOTIONS ARE CONTAINERS metaphor, suggesting that ‘happiness’ can be entered, exited, or fully experienced, reinforcing its temporary nature. Culturally rooted in Hindu traditions, the metaphor depicts ‘happiness’ as an immersive state – a mental or existential space one can inhabit through contentment, moral living, and spiritual practice.

iii. HAPPINESS IS FLUID IN A CONTAINER

(Specific level metaphor of the generic level metaphor – HAPPINESS IS FLUID)

fuk^h upt̪e pəra (Bangla)
 happiness overflow-CP fall-INF
 (41) “Happiness spilling over”

In Bangla, HAPPINESS IS FLUID is realized through the metaphor of the body/mind as a container where intense ‘joy’, like liquid, overflows its limits and manifests physically, emphasizing that strong emotions demand outward expression.

iv. HAPPINESS IS A SEASON

fuk^h-er mor̪sum (Bangla)
 happiness-GEN season
 (42) “Season of happiness”

⁴² *Sukh Sagar ke Kinare Mera Gaon (Full Song) — Brahmakumar Dr. Ambrish Shah — Download or Listen Free — JioSAaVN.* (n.d.). JioSaavn. URL: <https://share.google/ZYqSRrPq5IhIPsjVT>

d̪ipaboli-te suk^h-er d̪ʒoɑr⁴⁴ (Bangla)
 Diwali-LOC happiness-GEN tide/flood
 (47) “During Diwali, a tide of happiness rises.”

viii. HAPPINESS IS WAVE

fuk^her d̪^heu (Bangla)
 happiness-GEN wave
 (48) “A wave of happiness”

This Bangla metaphor depicts joy as a powerful, fluid force—rising, spreading, and engulfing like ocean waves. Rooted in Bengali ecology and culture, it highlights ‘happiness’ as dynamic, unpredictable, yet rhythmic, mirroring the ever-changing nature of emotions.

ix. HAPPINESS IS VALUABLE COMMODITY

fuk^her d̪ɑ:m/ muljo (Bangla)
 happiness-GEN price/value
 (49) “The price/value of happiness”

In Bangla, ‘happiness’ is viewed as a valuable commodity—earned, exchanged, or lost—rooted in economic cognition. Bengali culture contrasts ‘happiness’ with material wealth, depicting it as elusive yet invaluable. Traditional views tie joy to morality, while modern discourse connects it to consumerism and social status.

x. HAPPINESS IS VULNERABILITY

fuk^he t̪^hakle b^huṭe kilae (Bangla)
 happiness-LOC stay-COND ghost-ERG punch-PRS.3SG
 (50) “If you’re too happy, the ghost will strike”

The Bangla proverb reflects the vulnerability of ‘happiness’, always at risk of disruption. Rooted in South Asian beliefs in fate (bhagya)⁴⁵, karma⁴⁶, and the evil eye (najar)⁴⁷, it suggests that excessive ‘joy’ may attract misfortune or jealousy. The b^huṭe (ghost) symbolizes an invisible threat, reinforcing the idea that happiness is precarious.

Psychologically, this aligns with defensive pessimism, where people avoid full immersion in ‘joy’ to guard against disappointment. Bengali culture, through proverbs, folklore, and social attitudes, emphasizes emotional balance—warning against complacency in ‘happiness’. Common in everyday speech and literature, this metaphor highlights that ‘joy’ is fragile, shaped by life’s uncertainties.

devotees worship the goddess Kali with lamps and offerings, emphasizing protection, renewal, and positive energy.

⁴⁴ দীপাবলিতে সুখের জোয়ার, ৩০ বছর পর ৩ রাশিতে বাম্পার যোগ। (2024, October 5). URL: <https://share.google/5KbAKe5PRcAApVDfE>

ii. HAPPINESS IS A STATE OF MIND

je k^hub b^halo mejaje a^he (Bangla)
 she very good mood-LOC be-PRS.3SG
 (54) “She is in a very good mood”

‘Happiness’ is seen as an internal, subjective state in Bengali culture, with ‘b^halo mejaj’ (good mood) highlighting its transient and perception-based nature. This metaphor reflects psychological and South Asian philosophical views of ‘happiness’ as a mental state shaped by thoughts, emotions, and inner peace. Although it does not contain the searched lexical items, it is included due to its cultural and conceptual relevance.

Our findings are summarized in two tables below. Table 1 presents the conceptual metaphors of happiness shared by Hindi and Bangla. It lists representative expressions from both languages that illustrate common embodied schemas such as fluidity, light, elevation, containment, seasonality, and music, showing cross-linguistic similarities in the metaphorical conceptualization of happiness.

Table 1. Common Conceptual Mappings of Happiness in Hindi and Bangla

	Conceptual Metaphors	Hindi	Bangla
1	HAPPINESS IS OCEAN	suk ^h ka sagar “An ocean of happiness”	fuk ^h jagor “An ocean of happiness”
2	HAPPINESS IS FLOOD	k ^h ufi me: bah dzana “To be flooded by happiness”	anonger bad ^h b ^h ana “The floodgates of happiness broke open”
3	HAPPINESS IS BLOSSOMING FLOWER	t ^h ehra k ^h il sa gaja “The face blossomed like a flower”	muk ^h e hafi p ^h ota “A smile blossomed on the face”
4	HAPPINESS IS LIGHT	uske t ^h ehre par ek t ^h emak t ^h i “There was a glow on his/her face.”	anonger rojni “The light of happiness”
5	HAPPINESS IS SPARK	ak ^h o me: chamak a dzana “The eyes lit up (sparkled)”	t ^h ok ^h e anonger dz ^h ilik “A sparkle of joy in the eyes”
6	HAPPINESS IS ELEVATION/UP	satwe asma:n par hona “To be in seventh heaven”	je anonge akaf t ^h ulo “He/she soared with happiness”
7	HAPPINESS IS BEING LIFTED OFF THE GROUND	paon zami par na hona “(He/she is) walking on air”	tar pa matite por ^h e na “(He/she is) walking on air”
8	HAPPINESS IS UNRESTRAINED DANCING	k ^h ufi se dz ^h u:m ut ^h na “To sway in happiness”	je anonge nece ut ^h lo “She danced in happiness”
9	HAPPINESS IS CONTAINER	k ^h ufi/suk ^h me: hona “To be happy”	fuk ^h e t ^h aka “To be happy”
10	HAPPINESS IS FLUID	anand-magan hona “To be absorbed or immersed in happiness”	anondo-magno hooa “To be absorbed or immersed in happiness”
11	HAPPINESS IS FLUID IN A CONTAINER	k ^h ufi t ^h elakna “Happiness spilling over”	fuk ^h upt ^h e pora “Happiness spilling over”
12	HAPPINESS IS DESIRED OBJECT	k ^h ufi ki t ^h elaf me: rehna “To be in pursuit of happiness”	akafer t ^h ad hat ^h e paoa “To touch the moon in the sky”
13	HAPPINESS IS INTOXICATION	k ^h ufi ki k ^h umari me: hona “To be intoxicated with joy”	anonge matowara hooa “To be intoxicated with joy”

End of Table 1

	Conceptual Metaphors	Hindi	Bangla
14	HAPPINESS IS A SEASON	suk ^h ke m̄s̄əm “Season of happiness”	fuk ^h er morjum “Season of happiness”
15	HAPPINESS IS SPRING SEASON	ṭum mere d̄z̄iv̄ən ki b̄as̄ənt ho “You are the spring of my life”	faguner nobin anonḍe “In the new happiness of the onset of spring”
16	HAPPINESS IS MUSIC	suk ^h / k ^h ufi: ke gi:ṭ̄ gana “Sing the song of happiness”	anonḍo gan uṭ ^h uk bad̄zi “Let the song of happiness be played”
17	HAPPINESS IS DAY	suk ^h ke ḍ̄in, ḡəm ki ra:ṭ̄ “Day of happiness and night of sorrow”	fuk ^h er din, duk ^h er raṭ̄l “Day of happiness and night of sorrow”
18	HAPPINESS IS TEMPERATURE	k ^h ṭ̄ji ki: ḡərma:h̄aṭ̄ “Day of happiness and night of sorrow”	ujno onub ^h uṭ̄l “Warm feelings”

Table 2 highlights language-specific differences. Hindi metaphors frequently draw on ritual symbolism (lamps), sensory experiences (sweetness), and philosophical reflections (journeys), often influenced by Vedantic and Bhakti traditions. In contrast, Bangla metaphors are deeply shaped by the region’s riverine ecology (tides, waves) and emphasize emotional immersion and vulnerability. Together, these tables show how a shared metaphorical foundation is uniquely elaborated through different cultural “ecologies of emotion”.

Table 2. Culture-specific Conceptual Mappings of Happiness in Hindi and Bangla

Hindi	Bangla
HAPPINESS IS SWEETNESS	HAPPINESS IS BREEZE
HAPPINESS IS A SOCIAL SUPERIOR	HAPPINESS IS TIDE
HAPPINESS IS JOURNEY	HAPPINESS IS WAVE
HAPPINESS IS FLIGHT	HAPPINESS IS VALUABLE COMMODITY
HAPPINESS IS A LAMP	HAPPINESS IS TANGIBLE OBJECT
HAPPINESS IS A PERIOD OF TIME	HAPPINESS IS A PERSON
	HAPPINESS IS VULNERABILITY
	HAPPINESS IS A STATE OF MIND
	HAPPINESS IS DISORIENTATION
	HAPPINESS IS LOSS OF SELF-AWARENESS
	HAPPINESS IS A MAGIC SPELL

5. Discussions on conceptual metaphors structuring happiness in Hindi and Bangla

The shared conceptual metaphorical mappings identified in the analysis reveal cultural and cognitive continuities between Hindi and Bangla, reflecting historical contact, linguistic proximity, and shared South Asian cultural traditions. Rather than treating the English term *happiness* as a universal category, this discussion focuses on metaphorical patterns associated with the Hindi and Bangla lexemes *k^hufi*, *anonḍo/anonḍ*, and *fuk^h/suk^h*. The term ‘happiness’ is therefore used only as a convenient analytical label, while the analysis centers on the semantic and metaphorical behaviour of these language-specific lexical items.

Expressions containing these lexemes frequently draw on embodied schemas such as fluidity, light, elevation, containment, and seasonal cycles. While these schemas correspond to widely observed patterns in conceptual metaphor research, their linguistic realizations are shaped by the semantic properties of the individual lexemes. Consequently, the patterns observed in Hindi and Bangla represent language-specific conceptualizations rather than universal metaphorical models of ‘happiness’.

5.1. Hindi-specific elaborations

In Hindi, metaphorical extensions associated with *k^huḥi* and *suk^h* frequently develop embodied schemas through ritual symbolism, sensory experience, and philosophical reflection.

5.1.1. HAPPINESS IS SWEETNESS

Sweetness metaphors conceptualize emotional states through gustatory experience. Cultural practices such as *miṭ^hai ba:ṭna* (sharing sweets) during celebrations reinforce sweetness as a socially enacted symbol of joy and collective well-being.

5.1.2. HAPPINESS IS LAMP

Associations between *k^huḥi* and light extend the broader illumination schema into ritual symbolism. Lighting *diyas* during Diwali represents renewal, hope, and the triumph of good over evil, linking emotional experience with religious practice.

5.1.3. HAPPINESS IS JOURNEY

The journey metaphor conceptualizes emotional well-being as an unfolding process rather than a fixed state. Expressions involving *k^huḥi* frame emotional experience as developing through life events, reflecting philosophical traditions such as Vedanta, Bhakti, and Sufi thought.

5.1.4. HAPPINESS IS SOCIAL SUPERIOR

Some Hindi expressions portray emotional states as entities that dominate the experiencer, reflecting cultural perspectives that caution against attachment to transient pleasures and emphasize emotional restraint.

5.2. Bangla-specific elaborations

In Bangla, metaphorical extensions associated with *anondo* and *fuk^h* often develop shared embodied schemas through ecological imagery, aesthetic immersion, and emotional ambivalence.

5.2.1. HAPPINESS IS TIDE, WAVE, BREEZE

These metaphors extend the fluid schema through imagery rooted in Bengal's riverine environment. Expressions involving *fuk^h* and *anondo* conceptualize emotional states through the movement of water, tides, and breezes, emphasizing rhythm and cyclical change.

5.2.2. HAPPINESS IS MAGIC SPELL, ENCHANTMENT, *and* LOSS OF SELF-AWARENESS

Some expressions portray emotional experience as immersive or transformative, temporarily suspending rational awareness. This reflects literary and devotional traditions that depict intense emotion through metaphors of aesthetic or spiritual absorption.

5.2.3. HAPPINESS IS VULNERABLE STATE

Certain Bangla proverbs depict positive emotional states as fragile and susceptible to disruption, reflecting cultural beliefs about fate and the instability of emotional fortune.

5.2.4. HAPPINESS IS VALUABLE COMMODITY

In some expressions, emotional well-being associated with *fuk^h* is conceptualized through economic schemas that frame it as something possessing value or worth.

Overall, while Hindi and Bangla share several embodied metaphorical schemas, they elaborate them differently. Hindi expressions involving *k^hu^hi* and *suk^h* often emphasize ritual symbolism, sensory experience, and philosophical reflection, whereas Bangla expressions involving *anondo* and *fuk^h* foreground ecological imagery, aesthetic immersion, emotional fragility, and socio-economic valuation. These patterns demonstrate how shared embodied experiences are linguistically shaped by culturally specific lexical meanings.

6. Conclusion

While both languages share foundational embodied schemas (fluidity, light, elevation), Bangla elaborates ecological dynamism and emotional immersion, whereas Hindi extends ritual symbolism, gustatory embodiment, philosophical temporality, and hierarchical relational models. Bangla's extensions emphasize natural rhythm, aesthetic absorption, emotional fragility and socio-economic valuation. Hindi's extensions emphasize ritual celebration, sensory sweetness, moral-philosophical reflection and social relational structuring. These divergences

illustrate how shared embodied cognition is culturally elaborated through ecology, ritual practice, literary tradition, and philosophical worldview.

By analyzing idiomatic and proverbial data, the study uncovers underlying cognitive models consistent with Kövecses' view that language reflects conceptual reality. Importantly, it expands global metaphor research by introducing Bangla within a South Asian framework, highlighting both universal embodied patterns and culturally distinctive influences shaped by ecology, ritual, and philosophy.

CRedit authorship contribution statement

Namrata Paul: Conceptualization; Methodology; Formal analysis; Investigation; Data curation; Writing — original draft; Visualization. **Abhijeet Satsangi:** Conceptualization; Data collection; Resources; Linguistic validation; Writing — review & editing. **Sanjukta Ghosh:** Conceptualization; Supervision; Validation; Theoretical framework development; Writing — review & editing.

All authors have read and approved the final manuscript and agree to its submission.

Acknowledgement:

We sincerely appreciate the support and contributions of all individuals and institutions involved in this work. We extend our sincere gratitude to the Editor and both Reviewers for their insightful comments and valuable time. Their feedback has been instrumental in refining our paper's theoretical grounding, cultural contextualization, and readability.

References

- Alba-Juez, Laura & Michael Haugh (eds.). *The Sociopragmatics of Emotion*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Alba-Juez, Laura & Tatiana V. Larina. 2018. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 9–37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>
- Chen, Peilei. 2010. A cognitive study of “happiness” metaphors in English and Chinese idioms. *Asian Culture and History* 2 (2). 172–175.
- Csillag, Andrea. 2016. Metaphors of happiness in English and Russian. *Romanian Journal of English Studies* 13 (1). 91–98. <http://dx.doi.org/10.1515/rjes-2016-0012>
- Díaz-Vera, Javier E. 2024. Old English emotion is temperature: Cultural influences on a universal experience. *Russian Journal of Linguistics* 28 (1). 33–54. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34603>
- Goddard, Cliff & Zhengdao Ye. 2016. Exploring “happiness” and “pain” across languages and cultures. In Cliff Goddard & Zhengdao Ye (eds.), *“Happiness” and “pain” across languages and cultures*, 1–18. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Gómez Vicente, Lucia. 2020. “How to be happy” according to Cosmopolitan: The metaphors of happiness at the service of positive psychology and neoliberalism ideology. ELAD-SILDA. <https://doi.org/10.35562/elad-silda.875>
- Goswami, Ravindra & Neelam Yadav. 2024. A comparative analysis of emotion conceptual metaphor in English, Hindi and Bangla language. *Language in India* 24 (7). 165–190. languageinindia.com

- Hamdi, Sondes. 2016. A cognitive study of happiness metaphors in English, Tunisian Arabic and Spanish. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2834437>
- Jack, Rachael E., Oliver G. B. Garrod & Philippe G. Schyns. 2014. Dynamic facial expressions of emotion transmit an evolving hierarchy of signals over time. *Current Biology: CB* 24 (2). 187–192. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.11.064>.
- Kövecses, Zoltan & Peter Szabco. 1996. Idioms: A view from cognitive semantics. *Applied Linguistics* 17 (3). 326–355.
- Kövecses, Zoltán. 1991. Happiness: A definitional effort. *Metaphor and Symbolic Activity* 6 (1). 29–47. https://doi.org/10.1207/s15327868ms0601_2
- Kövecses, Zoltan. 2000. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kövecses, Zoltan. 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2008. The conceptual structure of happiness. Happiness: Cognition, experience, language. *Collegium* 3. 131–142.
- Kövecses, Zoltan. 2015. *Where Metaphors Come from: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford & New York: Oxford University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2020. An extended view of conceptual metaphor theory. *Review of Cognitive Linguistics* 18 (1). 112–130. <https://doi.org/10.1075/rcf.00053.kov>
- Kövecses, Zoltán. 2022. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lindquist, Kristen A. 2021. Language and emotion: Introduction to the special issue. *Affective Science* 2 (2). 91–98. <https://doi.org/10.1007/s42761-021-00049-7>
- Lindquist, Kristen A., Jennifer K. MacCormack & Holly Shablack. 2015. The role of language in emotion: Predictions from psychological constructionism. *Frontiers in Psychology* 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00444>
- Liu, Yuanjia & Jun Li. 2016. A contrastive analysis of emotional metaphors “joy (happiness)” and “anger” in Chinese and English. *English Linguistics Research* 5 (1). <https://doi.org/10.5430/elr.v5n1p1>
- Lüdtke, Ulrike M. 2015. Introduction: From logos to dialogue. In Ulrike Lüdtke (ed.), *Emotion in Language*, vii–xi. Amsterdam: John Benjamins. In J. Lachlan Mackenzie & Laura Alba-Juez (eds.), 2019. *Emotion in discourse*. Amsterdam: John Benjamins.
- Moreno-Ortiz, Antonio, Chantal Pérez-Hernández & María García-Gámez. 2022. The language of happiness in self-reported descriptions of happy moments: Words, concepts, and entities. *Humanities & Social Sciences Communications* 9 (1). <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01202-8>
- Păstae, Oana-Maria. 2019. The conceptual metaphor of joy. *Journal of Linguistic Intercultural Education* 12 (1). 139–150. <https://doi.org/10.29302/jolie.2019.12.1.10>
- Patowari, Jyotirmoy. 2015. A comparative analysis of emotion conceptual metaphor in English and Bangla. *Lang. India* 15. 264–274.
- Paul, Namrata, Abhijeet Satsangi & Sanjukta Ghosh. 2024. Cognitive semantic analysis of fear expressions in Bangla and Hindi. *SKASE Journal of Theoretical Linguistics* 21 (1). 92–119. <http://www.skase.sk/Volumes/JTL56/05.pdf>
- Plutchik, Robert. 1980. A general psycho evolutionary theory of emotion. In Robert Plutchik & Henry Kellerman (eds.), *Emotion: Theory, research and experience*, vol. 1, 3–33. New York: Academic Press.

- Pollard, Jessica. 2021. What is happiness? A study of metaphoric conceptualizations of happiness in poetry. *Aisthesis: The Interdisciplinary Honors Journal* 12 (1).
- Safarnejad, Fatemeh, Imran Ho-Abdullah & Norsimah Mat Awal. 2013. Rendering happiness metaphors: A cognitive analysis from Persian into English. *GEMA: Online Journal of Language Studies* 13 (2). 193–205. <http://journalarticle.ukm.my/6339/1/3184-6819-1-SM.pdf>
- Safarnejad, Fatemeh, Imran Ho-Abdullah & Norsimah Mat Awal. 2014. A cognitive study of happiness metaphors in Persian and English. *Procedia, Social and Behavioral Sciences* 118. 110–117. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.015>
- Sardinha, Tony Berber. 2006. Collocation lists as instruments for metaphor detection in corpora. *Delta. Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada* 22 (2). 249–274. <https://doi:10.1590/s0102-44502006000200002>
- Sawsan, Ahmed. 2016. To compare and contrast expressions of sadness and happiness in English and Arabic. *English Linguistics Research* 5 (1). 6–10.
- Seidi, Khadijeh, Kamran Janfeshan, Mohammad Mahdi Janfeshan & Alireza Faramarzi Faramarzi. 2021. A Comparison of Happiness Metaphors in English and Laki Language: An Iranian Context. Akshara: An International Refereed. *Research Journal of English Literature and Language* 13. 52–63.
- Shah, Syed Anwar Ali & Tajuddin Sharar. 2018. Conceptual metaphors of the emotion concept of happiness in English and Khovar: A cross cultural study. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry* 9 (4). 429–439. <https://tojqi.net/index.php/journal/article/view/6290>
- Sharma, Sunil. 2017. Happiness and metaphors: A perspective from Hindi phraseology. *Yearbook of Phraseology* 8 (1). 171–190. <https://doi:10.1515/phras-2017-0009>
- Sharma, Sunil. 2018. Metaphor and emotion: A case of anger in Hindi phraseology. *Cognitive Linguistic Studies* 5 (2). 303–340. <https://doi.org/10.1075/cogls.00023.sha>
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford & New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 1999. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2021. “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 317–342. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>
- Wilson-Mendenhall, Christine D., Lisa Feldman Barrett & Lawrence W. Barsalou. 2013. Neural evidence that human emotions share core affective properties. *Psychological Science* 24 (6). 947–956. <https://doi:10.1177/0956797612464242>
- Yu, Ning. 1995. Metaphorical expressions of anger and happiness in English and Chinese. *Metaphor and Symbolic Activity* 10 (2). 59–92. https://doi:10.1207/s15327868ms1002_1
- Zappettini, Franco, Douglas M. Ponton & Tatiana V. Larina. 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
- Zibin, Aseel & Olga A. Solopova. 2024. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics* 28 (1). 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837>

Article history:

Received: 31 March 2025

Accepted: 25 January 2026

Bionotes:

Namrata PAUL, PhD, is a senior research scholar at the Department of Humanistic Studies, Indian Institute of Technology (BHU) Varanasi, India. Her research interests lie in the fields of cognitive linguistics, semantics and culture studies.

e-mail: namratapaul.rs.hss21@itbhu.ac.in

<https://orcid.org/0009-0009-8917-1853>

Abhijeet SATSANGI, PhD, is an Assistant Professor at the Department of English, GLA University, Mathura, Uttar Pradesh, India. His research interests lie in pragmatics, cognitive linguistics, and ecolinguistics.

e-mail: abhijeet.satsangi@gla.ac.in

<https://orcid.org/0009-0005-7095-877X>

Sanjukta GHOSH, PhD, is Associate Professor of Linguistics in the Department of Humanistic Studies at Indian Institute of Technology (BHU), Varanasi, India. Her primary areas of research are cognitive linguistics especially cognitive metaphors and metonymy, pragmatics and computational lexical semantics.

e-mail: sanjukta.hss@iitbhu.ac.in

<https://orcid.org/0000-0001-6119-9058>

Сведения об авторах:

Намрата ПОЛ — доктор философии (PhD), старший научный сотрудник кафедры гуманитарных исследований Индийского технологического института, Варанаси, Индия. Ее научные интересы лежат в области когнитивной лингвистики, семантики и культурологии.

e-mail: namratapaul.rs.hss21@itbhu.ac.in

<https://orcid.org/0009-0009-8917-1853>

Абхиджит САТСАНГИ — доктор философии (PhD), доцент кафедры английского языка Университета GLA, Матхура, Уттар-Прадеш, Индия. Его научные интересы лежат в области прагматики, когнитивной лингвистики и эколингвистики.

e-mail: abhijeet.satsangi@gla.ac.in

<https://orcid.org/0009-0005-7095-877X>

Санджукта ГХОШ — доктор философии (PhD), доцент кафедры гуманитарных исследований Индийского технологического института, Варанаси, Индия. Ее основные области исследований — когнитивная лингвистика, с особым вниманием к когнитивным метафорам и метонимии, прагматика и компьютерная лексическая семантика.

e-mail: sanjukta.hss@iitbhu.ac.in

<https://orcid.org/0000-0001-6119-9058>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-42740>

EDN: AJYEXX

Research article / Научная статья

Conceptualization of emotion in Japanese: Adjectives vs. verbs

Hiromichi SAKABA

Doshisha University, Kyoto, Japan

 claudia.zbenovich@gmail.com

Abstract

Japanese has formally corresponding adjective–verb pairs that express emotion, e.g. *kanashii* (sad) and *kanashimu* (to grieve). Previous studies have pointed out that these forms are used in different contexts; however, little attention has been paid to their semantic differences. By contrast, studies on languages such as Russian and English have highlighted clear distinctions between adjectives and verbs in the conceptualization of emotion. To address this gap, the paper aims to reveal the differences in the conceptualization of emotion between adjectives and verbs in Japanese. The study analyzed nine adjective–verb pairs in Japanese and investigated their differences from three perspectives: (i) the cause of emotion, (ii) the object of emotion, and (iii) the expression of emotion. The Natural Semantic Metalanguage (NSM) framework was employed to capture the semantic structures of emotion concepts. This study proposed the semantic template for emotion verbs, which helps systematically analyze the meaning of Japanese emotion terms. Additionally, it explored why emotion verbs in Japanese are used less frequently than their adjectival counterparts, despite lexical availability. This was examined in light of cultural attitudes toward emotion in Japanese society. The findings contribute to a deeper understanding of how speakers of different languages conceptualize and categorize emotional experiences, which has important implications for the future development of lexical typology in emotion.

Keywords: *emotion, emotion adjectives, emotion verbs, semantics, Natural Semantic Metalanguage (NSM), Japanese*

For citation:

Sakaba, Hiromichi. 2026 Conceptualization of emotion in Japanese: Adjectives vs. verbs. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 204–229. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42740>
EDN: AJYEXX

Концептуализация эмоций в японских прилагательных и глаголах

Хиромичи САКАБА

Университет Досюя, Киото, Япония

 claudia.zbenovich@gmail.com

Аннотация

В японском языке существуют формально соответствующие пары прилагательное-глагол, выражающие эмоции, например, *kanashii* (грустный) и *kanashimu* (печалиться). Предыдущие исследования указывали на то, что эти формы используются в разных контекстах, однако их семантическим различиям уделялось мало внимания. Исследования таких языков, как русский и английский, выявили четкие различия между прилагательными и глаголами в концептуализации эмоций. Цель данного исследования – выявить различия в концептуализации эмоций в японских прилагательных и глаголах. Были проанализированы девять пар прилагательное-глагол в японском языке и исследованы их различия с трех точек зрения: (1) причина эмоции, (2) объект эмоции и (3) выражение эмоции. Для описания семантических структур эмоций использовался Естественный семантический метаязык (ЕСМ/NSM). В данном исследовании предложена семантическая модель для глаголов, обозначающих эмоции, которая помогает систематически анализировать значение японских лексем, описывающих эмоции. Кроме того, выявлено, почему глаголы, обозначающие эмоции, в японском языке используются реже, чем соответствующие им прилагательные, несмотря на их лексическую доступность. Этот вопрос был рассмотрен в свете культурных установок по отношению к эмоциям в японском обществе. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию того, как носители разных языков концептуализируют и классифицируют эмоциональные переживания, что имеет важное значение для дальнейшего развития лексической типологии в области эмоций.

Ключевые слова: эмоция, прилагательные, обозначающие эмоции, глаголы, обозначающие эмоции, культурная семантика, Естественный семантический метаязык (NSM), японский язык

Для цитирования:

Sakaba H. Conceptualization of emotion in Japanese: Adjectives vs. verbs. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 204–229. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42740>
EDN: AJYEXX

1. Introduction

While adjectives represent properties and verbs represent actions, emotions can be encoded by both (Croft 1991, Wierzbicka 1995). However, few studies have discussed the semantic differences between such formally corresponding adjective–verb pairs in Japanese. According to Teramura (1982: 140), Japanese emotion adjectives express “emotional states” or “emotional judgments,” whereas emotion verbs convey “temporal movement of mind” or “active movement of emotion.” Nevertheless, this distinction does not address how formally corresponding emotion adjectives and verbs differ in meaning.

It has been pointed out that emotion adjectives are used with a first-person subject, while verbs are used more with a non-first-person subject when they are predicates in the non-past tense (Nitta 1998, Teramura 1982).¹ However, such differences fall short of accounting for their distinction. Corpus data from the Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)² suggest that the choice between adjectives and verbs is not strictly determined by the subject. In (2a), the verb *kanashimu* (grieve) is felicitously used with the first-person subject, whereas in (1b), the adjective *kanashii* (sad) is felicitously used with the third-person subject.³

- (1) a. *Watashi-wa jinrui-no tameni kanashimi, mata, haiyū-no tameni*
 1SG-TOP humanity-GEN for mourn also actor-GEN for
hokoritaku omou nodearu. (V)
 proud think COP
 ‘I mourn for humanity and also feel proud for actors.’
 (Kishida Kunio, ‘*Katarareru kotoba*’ no bi)
- b. *Otona-no sukikatte-wa kodomo-wa kanashii.* (Adj.)
 adult-GEN selfishness-TOP child-TOP sad
 ‘Children are sad about the selfishness of adults.’ (FC2Blog)

These examples highlight the need to examine the semantic differences between formally corresponding Japanese emotion adjectives and verbs.

This paper aims to reveal the differences in the conceptualization of emotion between adjectives and verbs in Japanese. The paper is organized as follows. Section 2 reviews previous studies on the three differences between emotion adjectives and verbs: (i) the cause, (ii) the object, and (iii) the expression. Section 3 presents the methodology used in the analysis, Natural Semantic Metalanguage (NSM). It provides data on the adjective–verb pairs that express emotions in Japanese, along with their frequency of use, as obtained from the corpora. Section 4 offers a semantic analysis and sheds light on the meanings shared by Japanese emotion verbs. Section 5 re-examines the conceptualization of emotion in Japanese from the perspective of cultural attitudes toward emotions. Section 6 concludes the paper.

2. Previous studies

2.1. The cause of emotion

Semantic differences between emotion adjectives and verbs have been the subject of discussion in both Russian and English. Contrary to the conventional assumption that the relationship between word class and meaning was arbitrary,

¹ Although this phenomenon is known as “person restriction,” scholars have not yet reached a consensus on why it occurs specifically in the domain of emotion (Wang 2013).

² <https://clrd.ninjal.ac.jp/bccwj/en/>

³ Each sentence remains acceptable even if the subject is changed: the use of a third-person subject in (2a) or a first-person subject in (2b) does not affect acceptability.

Wierzbicka (1995) argued that the differences in word class were systematically correlated with differences in meaning. In (2), although the Russian adjective *živ* and the verb *živu* are used in the same sentence, one of which is negated, the sentence is acceptable. The examples in (3a, b), cited from Tolstoy (1985), illustrate that altering the verb to an adjective can render the sentence unacceptable.

- (2) *Ja živ, no ne živu.*
 ‘I am alive, but I do not live.’
- (3) a. *Živu durno.*
 ‘I live badly.’ (Tolstoy 1985: 58)
- b. **Ja živ durno.*
 ‘I am alive badly.’

These examples show the semantic differences between the adjective *živ* and the verb *živu*, which are common among adjective–verb pairs in Russian.

Wierzbicka also cited examples from English to support her claim. The following English near-synonyms differ in their meaning, which is related to word class.

- (4) a. *Mary is worrying about* something.
 b. *Mary is worried about* something. (Wierzbicka 1995: 225)

Examples (4a, b) differ in the conceptualization of the cause of emotion. When the verbal phrase *is worrying about* expresses a mental action, the cause is interpreted as Mary consciously thinking about something. Conversely, the adjectival phrase (pseudo-participles) *is worried about* expresses a state in which the cause is interpreted as external. In this case, the feeling is triggered by something.

Another difference is that the words occur with different types of collocations. As verbs refer to a process, verbs of emotion can co-occur with aspectual verbs such as *start* or *stop* (Wierzbicka 1995). However, the passive emotional state, expressed by adjectives, lacks emotional boundaries and is less likely to occur with aspectual verbs.⁴ Hence, there are significant differences in the number of observed examples in the corpus. Table 1 presents a summary of the raw frequencies of the verbal phrases *{to worry/worrying} about* and the adjectival phrases *{to be worried/being worried} about* that follow the present and past tense forms of the verbs *start* and *stop*, based on data from the Corpus of Contemporary American English (COCA).⁵

Table 1 shows that a number of examples of the verbal phrase *worry about* co-occurring with *start* or *stop* were observed, whereas few examples of the adjectival phrase *to be worried about* were detected. Thus, adjective–verb pairs expressing emotion in Russian and English represent different conceptualizations.

⁴ This is consistent with Langacker’s (2008) claim that adjectives profile “atemporal relation,” whereas verbs profile “process.”

⁵ As both the verbs *start* and *stop* can be followed by infinitives and gerunds, phrases in both forms were included in the search.

Table 1. The number of co-occurrences with aspectual verbs

Aspectual Verbs	Verbal/Adjectival Phrase	Frequency
Start (ed)	{to worry/worrying} about	332
	{to be worried/being worried} about	0
Stop (ped)	{to worry/worrying} about	626
	{to be worried/being worried} about	3

2.2. The object of emotion

Emotion adjectives and formally corresponding verbs in Japanese differ in the nouns they take as the object of the emotion. They use different case markers when taking the object of the emotion. Japanese emotion verbs are used in the construction “N-*o* + emotion verbs,” where *-o* indicates the accusative case. Japanese emotion adjectives are used in the construction “N-*ga* + emotion adjectives.” While *-ga* is primarily used as the nominative case marker, it can mark the object as well. In both cases, N represents the object toward which one feels the emotion.

Kato (2001) examined the differences in the object of emotion taken by Japanese emotion adjectives and verbs. Below is a comparison of the acceptability of verbs and adjectives when they take the same noun as their object.

- (5) a. *Ryokou-o tanoshimu.* (V)
 traveling-ACC enjoy
 ‘I enjoy traveling.’
 b. *Ryokou-ga tanoshii.* (Adj.)
 traveling-NOM fun
 ‘I have fun when traveling.’
- (6) a. *Yoka-o tanoshimu.* (V)
 leisure.time-ACC enjoy
 ‘I enjoy leisure time.’
 b. **Yoka-ga tanoshii.* (Adj.)
 leisure.time-NOM fun
 ‘I have fun in my leisure time.’ (Kato 2001: 50)

As in (5a, b), both the verb *tanoshimu* (enjoy) and the adjective *tanoshii* (fun) take the noun *ryokou* (traveling) as the object. However, in (6a, b), *yoka* (leisure time) can co-occur with the verb *tanoshimu* (enjoy), yet not with the adjective *tanoshii* (fun). Kato (2001) attempted to account for the differences in acceptability between these adjectives and verbs based on sentence predictability. As “traveling” is likely to evoke a good feeling, which is enjoyable, the addressee can expect a word that expresses a good feeling to follow the noun. However, whether “leisure time” is enjoyable or not depends on how it is spent. Hence, the use of *tanoshii* (fun) is unacceptable in (7b) because the addressee cannot sufficiently predict the situation from the sentence.

Thus, Japanese emotion adjectives and verbs differ in the nouns they can take as objects of emotion. Compared to verbs, adjectives are more limited in the nouns they can take as objects.

2.3. The expression of emotion

Whether the emotions designated by emotion verbs are expressed through action has been discussed at the individual verb level. Although the feelings described by English verbs such as *rejoice* or *grieve* are normally expressed through actions such as laughing or crying, it is not impossible to experience these feelings without such actions. This suggests that emotions expressed by English verbs do not necessarily involve physical movement (Wierzbicka 1995).

While there is no general discussion about the expression of emotion with Japanese verbs, some studies have examined the meaning of the verb *yorokobu* (rejoice). They have made two conflicting claims about its expression of the feeling. Nishio (1993) claimed that the feeling does not always appear on the surface because the feeling cannot be observed by others when it occurs with the adverbial phrase *shinchu hisokani* (secretly in one's heart), as follows:

- (7) *Shinchu hisokani yorokobu.*
 in.heart secretly rejoice
 'I secretly rejoice in my heart.' (Nishio 1993: 16)

In (7), the experiencer keeps the feeling inside without revealing it to others. This implies that the feeling expressed by *yorokobu* (rejoice) is not always expressed in action.

In contrast, Caluianu (2005) stated that *yorokobu* (rejoice) involved action based on the selective restriction with the adverb *hadeni* (showily). As this adverb modifies the manner of actions, it can only be used with verbs that involve actions. Consider (8a, b), in which all the verbs express feelings:

- (8) a. Hade-ni {*yorokobu/ kowagaru/ kanashimu*}
 'To showily {rejoice/ frighten/ grieve}'
 b. *Hade-ni {*konomu/ osoreru/ kirau/ aisuru*}
 'To showily {like/ fear/ dislike/ love}' (Caluianu 2005: 8)

While the adverb *hadeni* (showily) can occur with the verb *yorokobu* (rejoice), it cannot occur with verbs such as *konomu* (like) or *osoreru* (fear). Verbs such as *yorokobu* (rejoice) or *kowagaru* (frighten) involve physical actions, such as movements of the hands and feet. However, verbs such as *konomu* (like) and *kirau* (dislike) express states of liking or disliking. Hence, based on the acceptability difference, Caluianu (2005) maintained that *yorokobu* (rejoice) involved action.

Sakaba (2023), summarizing these opposing arguments, concluded that the feeling described by the verb *yorokobu* (rejoice) was expressed in action, because Nishio's (1993) counterexamples were accounted for by the principle of coercion. It involved a process of reinterpretation, triggered by "a mismatch between the semantic properties of a selector" (Lauwers & Willems 2011: 1219). Although the feeling designated by *yorokobu* (rejoice) in (7) cannot be observed by others, it does not contradict the claim that the feeling of *yorokobu* (rejoice) involves action, as the adverb *shinchu hisokani* (secretly in one's heart) temporarily cancels this aspect.

In fact, the adverb *shinchu hisokani* (secretly in one’s heart) could act as a selector to coerce the inherent semantic properties of a selected element when it occurred with other action verbs. For example, the action described by *himei-o ageru* (scream) in (9) involved some physical movement to make a loud sound. However, the movement described by the verb was temporarily canceled in the following example:

- (9) *Shinchu hisokani himei-o ageta Juzaburo*
 in.heart secretly scream-ACC raise.PST Juzaburo
 ‘Juzaburo, who screamed secretly in his heart.’ (Akagi Tsuyoshi,
Teito tantei monogatari)

This suggests that *Juzaburo* screamed in his mind, without actually making a sound, to avoid being noticed by others. In contrast, the adverb *hadeni* (showily) does not cause coercion. As seen in (9b), it does not coerce verbs expressing a state to become verbs expressing an action. This suggests that examining the co-occurrence with the adverb *hadeni* (showily) can determine whether the emotion expressed by the verb inherently involves action, while the co-occurrence with the adverb *shinchu hisokani* (secretly in one’s heart) cannot serve as a criterion for this judgment.

Thus, the feeling described by *yorokobu* (rejoice) is expressed in action unless it occurs with words or phrases that coerce this aspect. Examining the co-occurrence with the adverb *hadeni* (showily) can determine whether the feeling designated by verbs involves actions.

2.4. Summary of previous studies

Section 2.1 discussed the differences in the cause of emotion between adjectives and verbs in Russian and English, suggesting that similar patterns may be observed in Japanese. Section 2.2 discussed that the objects of emotion taken by adjectives and verbs in Japanese are different, and attempts were made to account for this difference in relation to predictability. However, why predictability affects the acceptability of adjectives but not verbs has not been examined. Section 2.3 explored the expression of emotion designated by verbs. However, further examination is required to investigate the physical movement involved in emotion verbs in Japanese.

3. Methodology and data

3.1. Natural Semantic Metalanguage (NSM)

This study employs the NSM as a framework (Wierzbicka 1996) to capture the meaning of emotion concepts. It describes the meaning of words by decomposing them into a set of the simplest concepts. There are 65 concepts called “semantic

primes” (e.g., I, SOMEONE, THINK, FEEL, etc.) that are considered universal.⁶ The list has been updated based on research conducted in over 30 languages from different language families (Goddard & Wierzbicka 2014, Wierzbicka 2021).

NSM serves two purposes. First, it enables the description of subtle differences in the conceptualization of emotion concepts. Second, it identifies the similarities and differences in meaning across languages through the concepts present in nearly all languages. NSM has been applied in several cross-linguistic studies of emotion concepts (Enfield & Wierzbicka 2002, Gladkova 2010, 2022, Goddard & Ye 2016, Harkins & Wierzbicka 2001, Levisen 2024, Wierzbicka 1999, 2018), including Japanese (Asano-Cavanagh 2014, 2017, Habib & Sakaba 2025, Sakaba 2023).

3.2. Semantic template

The definitions of words that consist of semantic primes are called “semantic explications.” Some explications are based on the “semantic template,” which is a structure of components shared by explications for words of a particular class or subclass. It allows a precise comparison of words with similar meanings. Consider the following semantic template for emotion adjectives in combination with a copular verb:⁷

(10) **Semantic template for English emotion adjectives with the verb “to be”:**

Someone X was happy, angry, sad, ... (at this time)

a. this someone thought like this at this time:

b. “ _____ ”

[model thought]

c. because of this, this someone felt something (very) good/bad [feeling]

like people often feel when they think like this

[typicality]

(Goddard 2018: 72)

The template consists of three components from (a) to (c), which explain the process by which an emotion is aroused. (a) indicates that the person in question “thought like this,” and (b) corresponds to the content of the thought [model thought]. (c) suggests that someone who thought like (b) felt what people typically feel when they think like that.

While Wierzbicka (1995) provided partial semantic components for English emotion verbs, templates for emotion verbs had not been presented. At that time, the concept of templates had not yet been developed. Hence, this study proposes templates for emotion verbs in Japanese by comparing them with emotion adjectives.

⁶ Semantic primes have been presented in several languages, including Japanese (Asano-Cavanagh & Farese 2015). This study uses the English version of semantic primes to facilitate comparison with the template for English emotion adjectives.

⁷ Even among English emotion adjectives, some require slightly different templates. For example, *disgust* requires a component related to “the ones that involve part of the body” (Goddard 2018: 76). For more details on the explication of *disgust*, see Goddard (2014).

3.3. Data

Given the vast number of Japanese emotion verbs, this study limits its scope to representative pairs of formally related adjectives and verbs. Japanese adjectives are traditionally classified into two types based on meaning: (i) *kanjo keiyoushi* (emotion adjectives) and (ii) *zokusei keiyoushi* (attribute adjectives). However, it is difficult to draw a sharp distinction between them, as is evident from different studies proposing different criteria for categories of emotion adjectives (Kitahara 2010, Murakami 2017, Nitta 1998, Teramura 1982, Yamaoka 2000, 2002).

This study employs Murakami’s (2017: 38) definition that emotion adjectives are “adjectives which can express emotions or senses.” Based on this definition, 88 out of the 642 commonly used adjectives selected from the former Japanese Language Proficiency Test Level 1 were categorized as emotion adjectives. Using NLB (NINJAL-LWP for BCCWJ), the online search system for BCCWJ, verbs morphologically derived from these 88 adjectives were searched. Table 2 presents the nine pairs of emotion adjectives and verbs derived from the adjectives by adding the suffix *-mu*.⁸

Table 2. Pairs of emotion adjectives and verbs in Japanese

Adjectives	Verbs
<i>tanoshii</i> (fun)	<i>tanoshimu</i> (enjoy)
<i>ureshii</i> (happy)	<i>yorokobu</i> ([†] <i>ureshimu</i>) (rejoice)
<i>kanashii</i> (sad)	<i>kanashimu</i> (grieve)
<i>kurushii</i> (distressed)	<i>kurushimu</i> (suffer)
<i>natsukashii</i> (nostalgic)	<i>natsukashimu</i> (miss)
<i>kuyashii</i> (regretful)	<i>kuyamu</i> (regret)
<i>urayamashii</i> (envious)	<i>urayamu</i> (envy)
<i>oshii</i> (disappointed)	<i>oshimu</i> (yearn)
<i>nikui</i> (hateful)	<i>nikumu</i> (hate)

A comparison of the usage frequency of each word shows that the emotion adjectives are more commonly used than verbs. Table 3 lists the raw frequency of pairs of emotion adjectives and verbs, including conjugated and past tense forms, verified by NLB. The relative frequencies in parentheses represent the ratio of each verb and adjective pair, with the total set at 100%, and are rounded to the second decimal place.

The adjectives occur more frequently, except for the verb *nikumu* (hate).⁹ Relatedly, some verbs that formally correspond to emotion adjectives are no longer

⁸ Since the dagger symbol (†) indicates that *ureshimu* (rejoice) is obsolete, Table 2 lists *yorokobu* (rejoice), as the corresponding verb for the adjective *ureshii* (happy) in modern Japanese. Although the suffix *-garu* can transform adjectives into verbs (e.g., the adjective *kowai* (scary) into the verb *kowagaru* (fear)), such verbs are excluded from this analysis because they introduce additional meaning.

⁹ This is presumably because the verb *nikumu* (hate) is primarily used in written language, and the data in Table 3 are based on a written-language corpus. In the Corpus of Spontaneous Japanese

commonly used in modern Japanese. In addition to *ureshimu* (rejoice), *hossuru* (want) (the verbal form of the adjective *hoshii*) is found only in proverbs, and the verb *suku* (like) (the verbal form of the adjective *sukida*) is no longer in common use (Teramura 1982: 144). Although Japanese has a larger vocabulary of emotion verbs than English, it is still more common to express emotion using adjectives.

Table 3. Frequency of emotion adjectives and verbs in Japanese

Adjectives	Frequency	Verbs	Frequency	SUM (Adj + V)
<i>tanoshii</i> (fun)	12,472 (59.49)	<i>tanoshimu</i> (enjoy)	8,492 (40.51)	20,964
<i>ureshii</i> (happy)	10,593 (64.02)	<i>yorokabu</i> (rejoice)	5,953 (35.98)	16,546
<i>kanashii</i> (sad)	3,676 (83.93)	<i>kanashimu</i> (grieve)	704 (16.07)	4,380
<i>kurushii</i> (distressed)	3,206 (60.51)	<i>kurushimu</i> (suffer)	2,092 (39.49)	5,298
<i>natsukashii</i> (nostalgic)	2,435 (95.19)	<i>natsukashimu</i> (miss)	123 (4.81)	2,558
<i>kuyashii</i> (regretful)	1,713 (83.56)	<i>kuyamu</i> (regret)	337 (16.44)	2,050
<i>urayamashii</i> (envious)	1,226 (89.42)	<i>urayamu</i> (envy)	145 (10.58)	1,371
<i>oshii</i> (disappointed)	1,090 (61.06)	<i>oshimu</i> (yearn)	695 (38.94)	1,785
<i>nikui</i> (hateful)	314 (30.84)	<i>nikumu</i> (hate)	704 (69.16)	1,018

4. Semantic analysis

This section explores the differences in conceptualization between the nine adjective–verb pairs from three perspectives: (i) the cause, (ii) the object, and (iii) the expression. However, examining the differences in the cause of emotion in Japanese is challenging. Unlike English, where co-occurrence with aspectual verbs provides insight, Japanese adjectives do not directly follow the verbs.

This study adopted an alternative approach by examining the differences in the object of emotion between adjectives and verbs to infer the differences in their cause of emotion. As shown in Section 2.2, Japanese emotion adjectives are limited in the nouns they can take as objects compared to emotion verbs.

- (11) a. *Yoka-o* *tanoshimu.* (V)
 leisure.time-ACC enjoy
 ‘I enjoy leisure time.’
 b. **Yoka-ga* *tanoshii.* (Adj.)
 leisure time-NOM fun
 ‘I have fun in my leisure time.’ (Kato 2001: 50)

Kato’s (2001) explanation is insufficient to account for the differences in acceptability between (11a) and (11b). Instead, the difference stems from the different conceptualization of the cause of feelings. (11a) is acceptable because the emotion verb *tanoshimu* (enjoy) presents feelings as action, and its cause lies in the experiencer’s conscious thoughts. Even though the object of emotion does not cause good feelings, the experiencer can have a good feeling through their effort. In contrast, the adjective *tanoshii* (fun) describes the feelings as a state. As the feeling is dependent on an external cause, (11b) is unacceptable. This accounts for why the

(CSJ), the adjective *nikui* (hateful) appears 11 times, more than the verb *nikumu* (hate), which appears six times (NINJAL 2024).

verb *tanoshimu* (enjoy) can be used independently of the nature of the preceding nouns, unlike the adjective *tanoshii* (fun).

4.1. The cause and the object of emotion

This section examines differences in the cause and the object of emotion between the adjective–verb pairs in Japanese by searching the corpus for the constructions (“N-ga + emotion adjectives” and “N-o + emotion verbs”). The nine pairs can be roughly divided into three types: whether the feeling is generally considered “good,” “bad,” or “neither” (Table 4).

Table 4. Three types of emotion adjectives and verbs in Japanese

	Adjectives	Verbs
Good feelings	<i>tanoshii</i> (fun)	<i>tanoshimu</i> (enjoy)
	<i>ureshii</i> (happy)	<i>yorokabu</i> (rejoice)
Bad feelings	<i>kanashii</i> (sad)	<i>kanashimu</i> (grieve)
	<i>kurushii</i> (distressed)	<i>kurushimu</i> (suffer)
	<i>kuyashii</i> (regretful)	<i>kuyamu</i> (regret)
Neutral feelings	<i>nikui</i> (hateful)	<i>nikumu</i> (hate)
	<i>natsukashii</i> (nostalgic)	<i>natsukashimu</i> (miss)
	<i>urayamashii</i> (envious)	<i>urayamu</i> (envy)
	<i>oshii</i> (disappointed)	<i>oshimu</i> (yearn)

The following subsections focus on illustrative examples from corpus searches where nouns that do not evoke the corresponding feeling, appear as the object of emotion (e.g., nouns that normally evoke negative feelings used as the object of “good feelings”). Within each category, the adjective–verb pairs will be examined in order of frequency.

Japanese linguistic data are mainly taken from the BCCWJ, a balanced corpus of contemporary written Japanese from varied media. However, due to the limited examples, when illustrative examples could not be found, they were taken from the Tsukuba Web Corpus (TWC). It is a corpus of approximately 1.1 billion words, with data from Japanese websites. The examples cited from the TWC are marked as (TWC). Each example includes the author’s name and the book’s title; where the author’s name is unknown, only the name of the website is provided.

4.1.1. Good feelings

4.1.1.1. Tanoshii (Adj.) and tanoshimu (V)

The Japanese adjective *tanoshii* (fun) and verb *tanoshimu* (enjoy) express positive feelings. The corpus suggests that nouns that evoke such feelings, such as *jinsei* (life) or *tabi* (trip), are likely to be used as the object. However, in (13), the noun *fujiyū* (not free), which normally evokes bad feelings, is used as the object of the verb *tanoshimu* (enjoy).

- (12) *Fujiyū-o tanoshimu kurai-no seishinteki yutori-o*
 not.free-ACC enjoy about-GEN mental space-ACC
motsukoto-ga, seikōsuru ryūgaku-no hiketsu da to omoimasu.
 to.have-NOM succeed study.abroad-GEN secret COP that think.POL
 ‘I think having the mental space to enjoy the lack of freedom is the
 secret to a successful study abroad experience.’ (Chishima Eiichi,
Etsugozasso)

(12) serves as a message of encouragement or inspiration to the reader. While “being not free” evokes discomfort, here, it encourages the reader to adopt a positive attitude even in such situations. This positive feeling, caused by the effort of the experiencer, is expressed by the verb *tanoshimu* (enjoy). Out of 1,237 instances of “N-ga + *tanoshii*” in NLB, *fujiyū* (being not free) does not appear at all. Replacing the verb *tanoshimu* (enjoy) with the adjective *tanoshii* (fun) in (12) makes the sentence sound unnatural, unless the experiencer is someone who enjoys not being free without effort (*Fujiyū-ga tanoshii*. “I have fun when I am not free.”).

The adjective *tanoshii* (fun) is generally used in conjunction with nouns that evoke a sense of enjoyment. In (14), it is employed to describe a feeling triggered by the occurrence of a favorable situation.

- (13) *Ironna hito to aeru kara tanoshii*
 various people with meet.can because fun
 ‘I have fun because I can meet various people’
 (Akishima Yuriko, *Anaunsa wa naze kietanoka*)

The expression *kara* (because) indicates that the subsequent phrase, “meeting various people,” is the cause of the positive emotion. Thus, the verb *tanoshimu* (enjoy) can take nouns as the object that normally evoke bad feelings, whereas the adjective *tanoshii* (fun) is restricted to use with nouns that evoke a sense of enjoyment.

4.1.1.2. Ureshii (Adj.) and yorokobu (V)

The adjective *ureshii* (happy) and the verb *yorokobu* (rejoice) co-occur with nouns that evoke a positive feeling, such as *egao* (smile) or *shōri* (victory). In the following example, *fukō* (unhappiness) appears as the object.

- (14) *Tanin-no fukou-o yorokonde yūetsukan ni hitaru hito*
 others-GEN misfortune-ACC rejoice superiority in immerse person
 ‘A person who rejoices in others’ misfortune and immerses in a sense of
 superiority’ (Oshiete! Goo: TWC)

Though others’ misfortune evokes bad feelings, a person in (15) experiences positive emotions to feel superior. Since this emotion is triggered by a mindset, it is designated by a verb. There are 1,057 instances of “N-o + *yorokobu*” in NLB, with four instances of *fukō* (misfortune). In contrast, there are 1,116 instances of “N-ga + *ureshii*” in the corpus; however, *fukō* (misfortune) does not occur at all.

When *fukō* (misfortune) is used as the object with the adjective, the sentence sounds unnatural (*Fukou-ga ureshii* “I am happy about being unfortunate”).

The adjective *ureshii* (happy) is used with nouns that are generally associated with eliciting positive feelings. In (16), it designates an emotion triggered by an external cause.

- (15) *Kyo-wa iikoto bakaride ureshii.*
 today-TOP good things full of happy
 ‘I am happy that today is full of good things.’ (Yahoo! Blog)

In (16), the occurrence of multiple positive events causes the experiencer to feel a pleasant emotion. Thus, as in the case of *tanoshii* (fun) and *tanoshimu* (enjoy), the verb *yorokobu* (rejoice) can take a noun that evokes a bad feeling as the object, unlike the adjective *ureshii* (happy).

4.1.2. Bad feelings

4.1.2.1. Kanashii (Adj.) and kanashimu (V)

The adjective *kanashii* (sad) and the verb *kanashimu* (grieve) refer to negative feelings, and nouns that evoke such feelings, such as *shi* (death) or *wakare* (separation), are commonly used as the object. However, the noun *hito no kanashimi* (other people’s sadness) is used in the following example:

- (16) *Hito-no kanashimi-o isshoni kanashimu koto-no dekiru*
 person-GEN sadness-ACC together grieve to-GEN can
ningen-ni narou to omoimashita.
 person-DAT become that think.POL.PST
 ‘I thought I would become a person who can grieve together with others.’
 (Setouchi Jakucho, *Jakuan dayori*)

The sorrow of others who are not related to oneself does not affect people. (17) expresses the author’s desire to become a kind-hearted person who can feel sorrow for others. This feeling is caused by one’s conscious thought and is expressed by the verb *kanashimu* (grieve). Though there are 215 instances of “N₂-ga + *kanashii*” in NLB, there are no instances of a noun that does not evoke such feelings used as the object. Replacing the verb *kanashimu* (grieve) with the adjective *kanashii* (sad) results in an unnatural expression (*Hito no kanashimi-ga kanashii* “I feel sad about other people’s sadness”).

The adjective *kanashii* (sad) is used with nouns that evoke sadness. In the following example, it describes an emotion triggered by an external cause.

- (17) *Yatto aeta noni, anna fuu-ni wakarete shimau nante... tottemo kanashii.*
 finally met though that.kind way-DAT separate end.up such very sad
 ‘Even though we finally met, to part in such a way... I’m so sad.’
 (Kashiwa Tetsu, *Aishiteru monogatari*)

The separation from someone the experiencer met after a long time brings a strong emotional reaction. The adjective *kanashii* (sad) describes this emotion, which forcefully emerges due to an external cause. Thus, the verb *kanashimu* (grieve) can take nouns as the object that do not evoke sadness, while the adjective *kanashii* (sad) does not.

4.1.2.2. *Kurushii* (Adj.) and *kurushimu* (V)

The adjective *kurushii* (distressed) and the verb *kurushimu* (suffer) take nouns that evoke these feelings as the object. However, the following example takes a noun that does not cause this feeling, *kurushimanakuteii koto* (things they do not need to suffer for):

- (18) *Kurushimanakuteii koto-o wazawaza kurushindeiru nodesu.*
 suffer.NEG.don't have to thing-ACC deliberately suffer.PROG COP.POL
Oya-no omoikomi-ga, muyouna kurushimi-o tsukuridashiteiru nodesu.
 parent-GEN belief-NOM unnecessary suffering-ACC creat.PROG COP.POL
 'They deliberately suffer for things they do not need to suffer for. The beliefs of the parents create unnecessary suffering.' (Oya ryoku shūchū kōgi: TWC)

The author believes that parents suffer from emotions they do not need to suffer because of their misconceptions. The verb *kurushimu* (suffer) describes the feeling caused by their conscious thoughts. There are 464 instances of “N-ga + *kurushii*” in NLB; however, none use a noun as in the above example. Replacing the verb with the adjective in (19) results in an unnatural expression (*Kurushimanakuteii koto-ga kurushii* “I feel distressed by things I shouldn’t have to suffer through”).

The adjective *kurushii* (distressed) is used with nouns that are commonly associated with suffering, as follows:

- (19) *Netsu-ga tsuzuite, darukute kurushii.*
 fever-NOM continue sluggish distressed
 ‘The fever continues, and I feel sluggish and distressed.’
 (Itō Eiki, *Hito wa shineba gomi ni naru*)

The experiencer is placed in a physically and emotionally taxing situation due to a prolonged fever, which imposes a sense of suffering. In this context, *kurushii* (distressed) is used for a feeling caused by fever. While the verb *kurushimu* (suffer) can take objects that do not inherently evoke emotional pain, the adjective *kurushii* (distressed) is used with nouns that are semantically associated with suffering.

4.1.2.3. *Kuyashii* (Adj.) and *kuyamu* (V)

The adjective *kuyashii* (regretful) and the verb *kuyamu* (regret) take nouns that evoke such emotions as the object. Nevertheless, the noun *arayurukoto* (everything) is used in the following example:

- (20) *Fumanda to omou hito-wa, jibun-no jinsei-o kōkaisuru bakaride,*
 dissatisfied that think person-TOP oneself-GEN life-ACC lament only
arayurukoto-o kuyande bakari iru.
 everything-ACC regret only be
 ‘Those who think they are dissatisfied only lament their own lives and
 always regret everything.’ (Agawa Sawako, *Agawa sawako no omiaihōrōki*)

People do not regret everything because it would hinder their ability to live their lives. The author argues that people dissatisfied with life regret everything because of a mindset that focuses only on the negative. They would not have this feeling if they had the right mindset. As the emotion is believed to be caused by the experiencer, the feeling is expressed by a verb. In NLB, there are 137 instances of “N-ga + *kuyashii*,” in which there are no objects like (21). Replacing the verb with an adjective results in an unnatural expression (*Arayurukoto-ga kuyashii* “I am regretful about everything”).

The adjective *kuyashii* (regretful) is used with nouns that denote situations likely to evoke regret or frustration:

- (21) *Sensei-ga nani-o itteirunoka rikai dekinai.*
 teacher-NOM what-ACC saying understanding cannot.do
Wakaranai koto-ga kuyashii.
 not.understand thing-NOM frustrating
 ‘I cannot understand what the teacher is saying. I feel frustrated that I do
 not understand.’ (Matsuoka Yayoi, *Itte kimasu!*)

The experiencer has negative feelings because she cannot understand the teacher’s remarks. This places the experiencer in a state where they feel the emotion designated by the adjective *kuyashii* (regretful). While the verb *kuyamu* (regret) can take objects that do not inherently evoke such feelings, the adjective *kuyashii* (regretful) co-occurs only with nouns that are semantically associated with regret or frustration.

4.1.2.4. Nikui (Adj.) and nikumu (V)

Both the adjective *nikui* (hateful) and the verb *nikumu* (hate) are used in the following example, which quotes a phrase used as a teaching about how one should not hate the sinner.

- (22) “*Tsumi-o nikunde hito-o nikumazu*” *to iu ga, sonoyōna koto-ga kanō nanoka.*
 sin-ACC hate person-ACC hate.not that say but such hing-NOM possible COP
 ‘They say ‘hate the sin, not the sinner,’ but is that possible?’
 (Horiuchi Issei, *Kokoro no megusuri*)

The phrase intends to consciously direct emotion toward the sin to suppress hatred toward the criminal. This emotional state is subject to the experiencer’s conscious thought and is lexicalized by the verb *nikumu* (hate). Replacing it with

the adjective *nikui* (hateful) reduces its acceptability (*Tsumi-ga nikui* “Sin is hateful”).

The adjective *nikui* (hateful) is used with nouns that denote situations or entities likely to provoke hatred. In the following example, the experiencer is overtaken by a sense of hatred, which is described by the adjective.

- (23) *Hito-no ii fuufu-o kurushimeteiru yatsura-ga yappari nikui.*
 person-GEN good couple-ACC tormenting guys-NOM after.all hateful
 ‘I find those who are tormenting the kind-hearted couple hateful.’
 (Izumiya Shigeru, *Togi sumasareta rokkan*)

The experiencer finds themselves overwhelmed by negative feelings toward people who cause suffering to good people. While the verb *nikumu* (hate) can take objects that do not inherently evoke such emotions, the adjective *nikui* (hateful) co-occurs only with nouns that are semantically associated with hatred.

4.1.3. Neutral feelings

4.1.3.1. Natsukashii (Adj.) and natsukashimu (V)

The adjective *natsukashii* (nostalgic) and the verb *natsukashimu* (miss) take nouns that describe a place or time familiar to the experiencer, such as “hometown” or “era.” However, in the following example, *otozureta koto no nai basho* (a place I have never been to) is used as the object.

- (24) *Kono ongaku-o kiki nagara, otozureta koto-no nai basho-o,*
 this music-ACC listen while visit.PST thing-GEN not place-ACC
boku-wa nandomo natsukashimu.
 1SG-TOP many.times miss
 ‘While listening to this music, I always miss the place I have never visited.’
 (From seaside: TWC)

The feeling is not evoked by the place because the experiencer has never visited it. Through music, the experiencer consciously generates the feelings of the place. This feeling is expressed by the verb *natsukashimu* (miss). In NLB, there are 208 instances of “N-ga + *natsukashii*.” However, there are no examples like the one mentioned above, and replacing the verb with an adjective makes the expression unnatural (*Otozureta koto no nai basho-ga natsukashii* “I feel nostalgic for a place I’ve never been.”). The adjective *natsukashii* (nostalgic) is used with nouns that evoke nostalgia.

- (25) *Sarasaratoshita suna-no tezawari-wa, kodomo-no koro-no*
 smooth sand-GEN texture-TOP child-GEN time-GEN
kioku-to musubitsuiteite, naniyara natsukashii.
 memory-with connected somehow nostalgic
 ‘I feel nostalgic when I touch the smooth sand, as it is connected to
 childhood memories.’ (Nihon sazō renmei, *Sandokurafuto nyūmon*)

The tactile sensation of touching sand evokes childhood memories and elicits a sense of nostalgia, expressed through the adjective *natsukashii* (nostalgic). While the verb *natsukashimu* (miss) can take objects that do not inherently evoke nostalgic feelings, the adjective *natsukashii* (nostalgic) co-occurs only with nouns semantically associated with nostalgia.

4.1.3.2. Urayamashii (Adj.) and urayamu (V)

The adjective *urayamashii* (envious) and the verb *urayamu* (envy) often take a person who possesses qualities admired by the subject as the object. In the following example, the phrase *shinda monotachi* (those who died) is used as the object.

- (26) *Kannan-wa tsuzuki, soshite karera-wa kurikaeshi,*
 harshness-TOP continue and 3PL-TOP repeatedly
shinda monotachi-o urayanda nodatta.
 die-PST people-ACC envy.PST COP.PST
 ‘The harshness continued, and they repeatedly envied those who had died.’
 (Aoyama Masahide, *Saigo no kiseki*)

Generally, the deceased are not objects of envy. However, *kannan* (harshness) indicates that the reality is so harsh that the experiencer envies the deceased, who cannot feel this harshness. This feeling is described by a verb because the cause of this emotion is the mental state of the experiencer who envies the dead. Replacing it with an adjective reduces its acceptability (*Shinda monotachi-ga urayamashii* ‘I am envious of those who died’).

The adjective *urayamashii* (envious) is used with nouns that denote situations or attributes likely to evoke envy. Consider the following example:

- (27) *Hada-ga kireina no-ga urayamashii.*
 skin-NOM beautiful that-ACC envious
 ‘I feel envious of her beautiful skin.’ (Shibata Yoshiki, *R-0 amour*)

The experiencer directs a gaze of envy toward another person’s beautiful skin and finds themselves unable to suppress the feeling of envy. While the verb *urayamu* (envy) can take objects that do not evoke such emotions, the adjective *urayamashii* (envious) co-occurs only with nouns that are semantically associated with envy.

4.1.3.3. Oshii (Adj.) and oshimu (V)

The adjective-verb pair *oshii* (disappointed) and *oshimu* (yearn) takes objects such as life or parting. In (29), the noun *shinshoku* (sleep and meals) is used as the object of the verb *oshimu* (yearn).

- (28) *Shinshoku-o oshinde shuzaisuru hodo-no ōkina jiken*
 sleep.and.meals-ACC yearn report extent-GEN big incident
 ‘Major incidents that necessitated sacrificing sleep or meals’

(Hokkaidōshinbun shuzai han, *Nihon keisatsu to uragane*)

Since sleep and eating are essential activities, they are not regarded as actions to regret. In (29), the author, a journalist, considers incidents so important and urgent that he feels his time is too valuable to be spent on essential activities. Since this feeling is caused by conscious thought, it is designated by the verb *oshimu* (yearn). Replacing it with an adjective reduces its acceptability (*Shinshoku-ga oshii* “I find it regrettable to spend time on sleep and meals”).

The adjective *oshii* (disappointed) is used with nouns that represent valuable or meaningful entities whose loss is likely to evoke emotional reluctance or regret. Consider the following example:

- (29) *Atarashii kutsu demo nai kedo, suteteshimau no-wa oshii.*
 new shoes even not though throw.away that-TOP regretful
 ‘I feel regretful about throwing them away, even though they’re not
 new shoes.’ (Tanaka Komimasa, *Yashi no tabi*)

The experiencer is hesitant to discard a pair of shoes because they are still usable. The usefulness of the shoes gives rise to a sense of hesitation described by the adjective *oshii* (disappointed). While the verb *oshimu* (yearn) can take objects that do not evoke such emotions, the adjective *oshii* (disappointed) co-occurs only with nouns that are semantically associated with such feelings.

4.1.4. Summary

This section examined adjective–verb pairs that expressed “good,” “bad,” and “neutral” feelings, focusing on the types of nouns they take as objects. Verbs expressing “good feelings” take nouns that evoke negative emotions, reflecting the belief that positive attitudes toward negative experiences enhance life satisfaction. In contrast, there is little incentive in embracing negative feelings; therefore, verbs expressing them rarely take positive stimuli as objects. Overall, emotion verbs are more flexible in co-occurring with nouns that evoke opposite or unrelated feelings than emotion adjectives.

The difference in the objects that verbs and adjectives can take reflects the difference in conceptualization of the cause of emotion. Emotion verbs can take a wider variety of nouns as objects because the emotion is caused by the experiencer, and the type of emotion is independent of the object. In contrast, adjectives cannot co-occur with such nouns because the emotion is triggered by an external cause, and the type of emotion is dependent on the object. Thus, the difference in conceptualization of the cause of emotion between adjectives and verbs is also observed in Japanese.¹⁰

¹⁰ This analysis is consistent with findings on emotion nouns in Japanese. Such nouns can be derived from adjectives or verbs and exhibit the characteristics of their source class. De-verbal emotion nouns can co-occur with nouns that evoke opposite or unrelated feelings, whereas de-adjectival emotion nouns are less likely to do so (Sakaba 2024).

4.2. *The expression of emotion in Japanese emotion verbs*

Section 2 showed that the feelings described by the Japanese verb *yorokobu* (rejoice) involved physical movement. As the verb *kanashimu* (grieve) can occur with the adverb *hadeni* (showily) per Calaianu (2005), it is considered to be expressed in action.

This section examines whether the remaining seven verbs (excluding *yorokobu* (rejoice) and *kanashimu* (grieve)) involve movement based on the co-occurrence with the adverb *hadeni* (showily). As shown below, some verbs can co-occur with it, while others cannot.

- (30) a. Hade-ni {*tanoshimu/ kurushimu/ kuyamu*}
 ‘To showily {enjoy/suffer/regret}’
 b. ??Hade-ni {*nikumu/ natsukashimu/ urayamu/ oshimu*}
 ‘To showily {hate/miss/envy/yearn}’

The feelings designated by *tanoshimu* (enjoy), *kurushimu* (suffer), and *kuyamu* (regret) involve physical movement. In contrast, the feelings described by the remaining verbs do not always manifest on the surface. They can be contained within an internal state, allowing the individual to experience them without being noticed by others. Hence, Japanese emotion verbs differ in how the emotions are manifested. Among the adjective–verb pairs examined in this study, half of the verbs involve physical movement, while the others do not.

4.3. *Semantic template for Japanese emotion verbs*

This study explored the differences in the conceptualization of emotion between adjective–verb pairs, focusing on the cause, object, and expression of emotion. Section 4.1 argued that emotions expressed by adjectives were the result of an external cause, while those expressed by verbs stemmed from the experiencer’s conscious thought. Section 4.2 showed that emotions described by some Japanese verbs involved physical movement, while others did not. Based on these findings, the study proposes the following template for Japanese emotion verbs:

- (31) **Semantic template for Japanese emotion verbs;**
Someone X tanoshinda, yorokonda... (at this time)
 a. this someone wanted to do something
 because of this, this someone thought like this at this time:
 b. “ _____ ” [model thought]
 c. because of this, this someone felt something (very) good/bad [feeling]
 like people often feel when they think like this [typicality]
 d. this someone wanted to do something because of this [expression]

This shares the basic structure of the template for English emotion adjectives, in which the experiencer feels a certain emotion as a result of a model thought.

However, they differ in the cause and the expression of emotion. Component (a) states “this someone wanted to do something” and “because of this, this someone thought like this at this time,” representing the cause of emotion where the experiencer holds the thought by their will. The feeling is the result of the thoughts voluntarily directed at a certain object.

Furthermore, some Japanese emotion verbs involve physical movement, while others do not. As discussed in Section 2.3, the feeling expressed by English verbs, such as *rejoice*, often involves physical movement, although not always. The NSM explications for these words include the component “X wanted to do something because of that,” which invites the inference that the feeling is expressed in action (Wierzbicka 1995: 226). This semantic component is employed as component (d), as the feeling designated by Japanese verbs is not always expressed in action.

To illustrate the applicability of this template, we propose the following explications for the adjective *kanashii* (sad) and the verb *kanashimu* (grieve):

- (32) *Someone X was kanashii (at this time)*
 a. this someone thought like this at this time:
 b. “something bad happened
 I don’t want this”
 c. because of this, this someone felt something bad
 like people often feel when they think like this
- (33) *Someone X kanashinda (at this time)*
 a. this someone wanted to do something
 because of this, this someone thought like this at this time:
 b. “something bad happened
 I don’t want this”
 c. because of this, this someone felt something bad
 like people often feel when they think like this
 d. this someone wanted to do something because of this

The explications for both words share components (b) and (c), which means that the experiencer feels (c) as a result of thinking (b). In both cases, something undesirable happens to the experiencer, which the experiencer did not wish for. However, they differ in components (a) and (d), which represent the cause and the expression of the emotion. The use of the verb *kanashimu* (grieve) suggests that the experiencer is consciously holding a particular thought and involves physical movement, such as crying or crouching.

These explications clarify the differences in meaning between the adjective *kanashii* (sad) and the verb *kanashimu* (grieve), as illustrated in the example cited in the Introduction.

- (34) ***Kanashii*** *toki-nya* ***kanashimi-nasai***
 sad time-TOP grieve-IMP.POL
 ‘When you are sad, grieve.’

Unlike the adjective *kanashii* (sad), the verb *kanashimu* (grieve) implies that the experiencer actively interprets the situation as negative. This is reflected in the

semantic component “this someone wanted to do something” and the emotion is likely to be expressed through action (“this someone wanted to do something because of this”). The lyrics convey the message that, even in the face of negative situations, one should not suppress the resulting emotions but rather recognize and express them.

The proposed template allows us to systematically analyze the semantic structures of Japanese emotion concepts by capturing both the similarities in meaning shared by emotion verbs and the differences in meaning of each emotion concept. However, further investigation is needed to determine its applicability to emotion verbs in other languages, as their meaning is not uniform across languages.¹¹

5. Discussion

This section re-examines the conceptualization of emotion in Japanese through the lens of Japanese culture. Particularly, it considers whether the relatively infrequent use of emotion verbs, despite their lexical richness, might be shaped by cultural norms that discourage overt emotional expression.

The study of the language of emotion deepens our understanding of human nature and sheds light on the mechanisms of human language and communication (Alba-Juez & Larina 2018, Mackenzie & Alba-Juez 2019). In this context, cross-linguistic comparisons reveal that languages differ in their preferred ways of conceptualizing emotion. English predominantly employs adjectives or pseudo-adjectives to express emotion. It contains relatively few intransitive emotion verbs, such as *grieve*, *rejoice*, and *pine*, which have become less common in modern usage. Other intransitive emotion verbs, such as *sulk*, *fret*, *fume*, or *rave*, often carry negative or disapproving connotations (Wierzbicka 1995). In contrast, Russian possesses numerous adjective–verb pairs for emotion, and emotions are commonly expressed through verbs rather than adjectives (Wierzbicka 1999: 18). This cross-linguistic variation is further illustrated by Dziwirek and Lewandowska-Tomaszczyk (2010), who compared the lexicalization of six types of emotions—anger, fear, sadness, like, joy, and dislike/disgust—through a corpus study. Their findings show that Polish uses transitive verbs to express emotions more frequently than English.

As shown in Section 3.3, Japanese possesses a richer inventory of emotion verbs than English; however, their usage remains significantly lower than that of emotion adjectives. This discrepancy suggests the presence of linguistic or cultural constraints that discourage the use of emotion verbs, which invite inferences about the expression of emotion. Specifically, the limited use of emotion verbs in

¹¹ It should be noted that this study is limited to emotion verbs where the experiencer is the subject. English has two types of emotion verbs: experiencer-subject verbs, such as *like* or *admire*, and experiencer-object verbs, such as *please* or *scare*. Because they differ in causal-aspectual semantic type, different templates may be needed for experiencer-object verbs; experiencer-subject verbs are “purely stative,” whereas experiencer-object verbs are “causative” (Croft 1991: 215).

Japanese may be attributed to cultural norms that discourage overt emotional expression. This view is supported by the following observation:

- (35) In social interaction, Japanese people generally are expected to restrain, if not suppress, the strong or direct expression of emotion. Those who cannot control their emotion are considered to be immature human beings. Strong expression (verbal or nonverbal) of such negative emotions as anger, disgust, or contempt could embarrass other people. Direct expression of sorrow or fear could cause feelings of insecurity in other people. Expression of even happiness should be controlled so that it does not displease other people. (Honna & Hoffer 1989: 88–90)

Hence, Japanese culture encourages people to refrain from expressing both negative and positive emotions. The following corpus example illustrates how such values are reflected in everyday communicative practices.

- (36) *Umarete hajimete houseki-o moratte, ureshikatta. Shikashi haha-no*
 born first.time jewel-ACC receive happy.PST but mother-GEN
mae-de mujakini yorokobanai youni shita.
 in.front.of innocently rejoice.NEG way did
Musume-wa musume-de ki-o tsukatteiru noda.
 daughter-TOP daughter-as mind-ACC use.PROG COP
 ‘I was happy to receive a jewel for the first time in my life. But I tried not to rejoice in front of my mother. As her daughter, I was being considerate.’ (Matsumoto Yuko, *Hana no nedoko*)

The daughter feels *ureshii* (happy), upon receiving jewelry for the first time, but refrains from expressing this emotion to avoid upsetting her mother. Consequently, the emotion verb *yorokobu* (rejoice) is used in its negative form, reflecting a deliberate effort to refrain from the expression of emotion. Thus, Japanese people are “trained from childhood on to suppress external signs of high emotion and to control carefully expressions of pleasure or pain, anger, or joy, love, or hate” (Brosnahan 1990: 99). This highlights how cultural values may suppress situations that are typically conceptualized through emotion verbs.

However, this factor alone does not fully account for the low frequency of emotion verbs. If it were the primary cause, verbs explicitly involving emotional expression would occur less frequently than those that do not. Since this is not the case, cultural constraints should be regarded as only one factor influencing verb usage. Identifying additional factors remains an key direction for future research.

Hence, the relatively infrequent use of emotion verbs in Japanese, despite their lexical availability, may be attributed to culturally embedded values that discourage the overt expression of emotion. Speakers of different languages prefer different grammatical forms for conceptualizing emotion, and these preferences reflect underlying cultural values.

6. Concluding remarks and remaining issues

This study investigated three differences in the conceptualization of emotion between adjectives and verbs in Japanese: (i) the cause of the emotion, (ii) the object of the emotion, and (iii) the expression of the emotion. It focused on nine adjective–verb pairs, selected from 88 adjectives based on definitions from previous studies. While verbs can be used with nouns that evoke the opposite or unrelated feelings, adjectives do not co-occur with such nouns. This difference suggests that the feelings designated by verbs are caused by the experiencer’s conscious thought, whereas the feelings designated by adjectives are triggered by an external cause. Furthermore, the feelings expressed by some verbs involve physical movement, while others do not.

Based on these differences, this study proposed a semantic template for Japanese emotion verbs, highlighting both the similarities and differences in the meanings of emotion concepts. It has been suggested that the relatively infrequent use of emotion verbs in Japanese, despite their lexical richness, may be linked to cultural norms that place a negative value on emotional expression. These observations imply that the way emotions are conceptualized reflects culturally preferred communication styles, which vary across linguistic communities. Investigating how different languages lexicalize emotions illuminates the relationship between language and emotion, contributing to a deeper understanding of cross-linguistic variation in the use of different grammatical forms for expressing emotion. Further inquiry into this relationship would clarify the factors influencing the frequency and distribution of emotion terms, as well as the cultural motivations underlying these patterns.

Furthermore, additional investigations are needed to determine whether the semantic template proposed in this study applies to other Japanese emotion verbs or to emotion verbs in other languages. As this study employed a method based on the possibility of comparison with formally corresponding adjectives, it is necessary to consider alternative methods to verify the applicability of the template to verbs that do not have corresponding adjectives.

Data Availability Statement

This paper is based on the referenced resources available in the public domain.

Acknowledgements

I would like to express my sincere gratitude to Tatiana Larina and the anonymous reviewers for their thoughtful and constructive feedback, which significantly contributed to refining the arguments presented in this paper.

References

- Alba-Juez, Laura & Tatiana Larina. 2018. Language and emotion: Discourse-pragmatic perspectives. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 9–37. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>
- Asano-Cavanagh, Yuko. 2014. Japanese interpretations of ‘pain’ and the use of psychomimes. *International Journal of Language and Culture* 1 (2). 216–238. <https://doi.org/10.1075/ijolc.1.2.05asa>
- Asano-Cavanagh, Yuko. 2017. Kawaii discourse: The semantics of a Japanese cultural keyword and its social elaboration. In Levisen Carsten & Sophia Waters (eds.), *Cultural keywords in discourse*, 211–234. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Asano-Cavanagh, Yuko & Gian Marco Farese. 2015. *Japanese semantic primes*. Retrieved from: <https://Nsm-Approach.Net/Resources> (Accessed on Feb. 1, 2025).
- Brosnahan, Leget. 1990. *Japanese and English Gesture*. Tokyo: Taishukan.
- Caluianu, Daniela. 2005. *Emotion scripts and the grammar of emotions in Japanese*. <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.532.68&rep=rep1&type=pdf>
- Croft, William. 1991. *Syntactic Categories and Grammatical Relations: The Cognitive Organization of Information*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dziwirek, Katarzyna & Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. 2010. *Complex Emotions and Grammatical Mismatches: A Contrastive Corpus-Based Study*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Enfield, Nick. J. & Anna Wierzbicka (eds.). 2002. The body in the description of emotion. *Special Issue of Pragmatics & Cognition* 10 (1/2). 1–25.
- Goddard, Cliff. 2014. On ‘disgust.’ In Fabienne H. Baider & Georgeta Cislaru (eds.), *Linguistic approaches to emotions in context*, 73–98. Amsterdam: John Benjamins.
- Goddard, Cliff. 2018. *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage*. Leiden: Brill.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff & Zhengdao Ye (eds.). 2016. ‘Happiness’ and ‘Pain’ across Languages and Cultures. Amsterdam: John Benjamins.
- Gladkova, Anna. 2010. Sympathy, compassion, and empathy in English and Russian: A linguistic and cultural analysis. *Culture & Psychology* 16 (2). 267–285.
- Gladkova, Anna. 2022. Emotions and attitudes in present day Russian through the prism of new words: Cultural semantics of zhest’ and related concepts. *Russian Journal of Linguistics* 26 (4). 970–994. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32167>
- Habib, Sandy & Hiromichi Sakaba. 2025. Translating the biblical key word *ḥesed* into Arabic and Japanese: A theological and comparative semantic study. *Russian Journal of Linguistics* 29 (3). 607–630. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42740>
- Harkins, Jean & Anna Wierzbicka (eds.). 2001. *Emotions in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kato, Yukiko. 2001. Kanjo Hyogen ni okeru doshi to sono shuhen [Verbs of expressions for emotion and their surroundings]. *Bulletin of Gifu University International Student Center*. 47–59. Gifu University International Student Center.
- Lauwers, Peter & Dominique Willems. 2011 Coercion: Definition and challenges, current approaches, and new trends. *Linguistics* 49 (6). 1219–1235.
- Levisen, Carsten. 2024. *Postcolonial Semantics: Meaning and Metalanguage in a Multipolar World*. Berlin, Boston: De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783111337432>
- Mackenzie, John Lachlan & Laura Alba-Juez (eds.). 2019. *Emotion in Discourse* [Pragmatics and Beyond New Series 302]. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

- Murakami, Kae. 2017. *Kanjo keiyoushi no youhou: Gendai nihongo ni okeru shiyō jittai*. [Usage of Emotion Adjectives: Actual Usage in Modern Japanese]. Tokyo: Kasama Shoin.
- Nishio, Toraya. 1993. Yorokobi tanoshimi no kotoba [Words for happiness and joy]. *Nihongogaku* 12. 14–22.
- Nitta, Yoshio. 1998. Nihongo bunpo ni okeru keiyoshi [Adjectives in Japanese grammar]. *Gekkan gengo* 27 (3). 26–35. Tokyo: Taishukan.
- Sakaba, Hiromichi. 2023. Conceptualization of “happy-like” feelings in Japanese and its relevance to a semantic typology of emotion concepts. *Australian Journal of Linguistics* 43 (4). 283–313. <https://doi.org/10.1080/07268602.2023.2296487>
- Wang, An. 2013. Taisho gengogaku no kanten kara mita ninsho seigen no fuhēn-sei: Hinaka kanjo hyogen no taisho o tōshite [The universality of person restriction from the perspective of contrastive linguistics: Through the contrast of Sino-Japanese emotion expressions]. *Kokusaigaku Kenkyū* 2 (1). 95–105.
- Wierzbicka, Anna. 1995. Adjectives vs verbs: The iconicity of part-of-speech membership. In Marge E. Landsberg (ed.), *Syntactic iconicity and linguistic freezes*, 223–245. Berlin: De Gruyter.
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 1999. *Emotions across Languages and Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2018. Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 38–53. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53>
- Wierzbicka, Anna. 2021. “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 317–342. doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342
- Yamaoka, Masaki. 2002. Kanjo byōsha doshi no goi to bunpoteki tokucho [Vocabulary and grammatical features of emotion describing verbs]. *Nihongo Nihon Bungaku* 12. 23–54.

Corpora, dictionaries and others sources

- Davies, Mark. 2008-. *The corpus of contemporary American English (COCA)*. Available online at <https://www.english-corpora.org/coca/>
- Honna, Nobuyuki & Bates Hoffer. (eds). 1989. *An English dictionary of Japanese ways of thinking*. Tokyo: Yuhikaku.
- Langacker, Ronald. W. 2008. *Cognitive grammar: A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Kitahara, Yasuo. 2010. *Nihongo no keiyoushi* [Adjectives in the Japanese language]. Tokyo: Taishukan Shoten.
- National Institute for Japanese Language and Linguistics (NINJAL). 2024. *Corpus of Spontaneous Japanese* (version 2018.01, Chunagon version 2.7.2). <https://chunagon.ninjal.ac.jp/csj/search>
- Tolstoy, Leo. 1985. *Dnevniki. Sobranie sočinenij v dvadcati dvux tomax* [Collected works in twenty-two volumes]. Vol. 22. [Diaries]. In his Moscow: Xudožestvennaja Literatura.
- Teramura, Hideo. 1982. *Nihongo no shintakusu to imi I* [Japanese syntax and meaning I]. Tokyo: Kuroshio Publishers.
- Yamaoka, Masaki. 2000. *Nihongo no jutsugo to bun kino* [Japanese predicates and sentence functions]. *Nihongo kenkyū sosho* 13. Tokyo: Kuroshio Publishers.

Article history:

Received: 4 February 2025

Accepted: 25 January 2026

Bionote:

Hiromichi SAKABA is an Assistant Professor at the Faculty of Global Communications, Doshisha University, Japan. He has served as a visiting researcher at the Australian National University. His research interests involve semantics, cognitive linguistics, language and culture interface, and cross-cultural communication. His current work primarily focuses on the conceptualization of emotion through the framework of the Natural Semantic Metalanguage approach.

e-mail: hsakaba@mail.doshisha.ac.jp

<https://orcid.org/0009-0005-9859-009X>

Сведения об авторе:

Хиромичи САКАБА — доцент факультета глобальных коммуникаций Университета Досия, Япония. Работал приглашенным исследователем в Австралийском национальном университете. Его научные интересы включают семантику, когнитивную лингвистику, взаимодействие языка и культуры, а также межкультурную коммуникацию. В настоящее время его исследования в основном сосредоточены на концептуализации эмоций в рамках подхода Естественного семантического метаязыка.

e-mail: hsakaba@mail.doshisha.ac.jp

<https://orcid.org/0009-0005-9859-009X>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-47410>

EDN: AKMKIH

Research article / Научная статья

The Russian Formula *malo li chto*: Semantic Structure and Korean Equivalents

Jiyoon JUNG¹   and Ekaterina V. RAKHILINA^{1,2}

¹*HSE University, Moscow, Russian Federation*

²*Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

 jiyoon1936@gmail.com

Abstract

This article examines the polysemous Russian discourse formula *malo li (chto)* in relation to its source constructions and compares its functions with Korean equivalents. The study addresses the difficulty of accurately describing multi-meaning Russian discourse formulas that require careful contextual analysis, as well as the lack of lexicographical descriptions of their functional correspondences in Korean. The aim of the article is to provide a systematic account of the polysemy of *malo li (chto)* and to identify the most accurate Korean non-compositional equivalents. The empirical material consists of over 8,000 examples of *malo li (chto)* and *a vdrug* extracted from the open-access databases “Russian Constructicon” and “Pragmaticon,” as well as from the National Corpus of the Russian Language, covering both written and spoken genres. Korean data collected from web resources were used for contrastive analysis. The study adopts a corpus-based methodology. The analysis demonstrates that the semantics and pragmatics of *malo li (chto)* can only be properly understood through analysis of its underlying constructions and usage contexts. Diachronic analysis identifies two meanings of the formula. One meaning, denoting an “indeterminate large quantity,” does not meet the criteria of a discourse formula and should be described in the Russian Constructicon as a non-typical elliptical construction. The other meaning, expressing devaluation of a prior utterance, satisfies the criteria of a discourse formula and should be included in the Pragmaticon. This distinction allows inconsistencies in the treatment of *malo li (chto)* across the two databases to be eliminated. A synchronic comparison with *a vdrug* clarifies the functional properties of *malo li (chto)* and reveals the illusion of their interchangeability based on surface similarity. Functional frame analysis further enables the identification of corresponding Korean discourse formulas. The proposed approach refines the description of Russian discourse formulas and provides a reliable basis for comparison with typologically distant languages such as Korean.

Keywords: *malo li chto*, *a vdrug*, formula polysemy, discourse formulas, Korean equivalents, cross-linguistic comparison

For citation:

Jung, Jiyeon & Ekaterina V. Rakhilina. 2026. The Russian Formula *malo li chto*: Semantic Structure and Korean Equivalents. *Russian Journal of Linguistics* 30 (1). 230–256. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-47410> EDN: AKMKIH

Русская формула *мало ли что*: структура значения и корейские эквиваленты

Джиюн ДЖОН¹ , Екатерина Владимировна РАХИЛИНА^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

²Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва,
Российская Федерация
jiyeon1936@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется полисемичная русская дискурсивная формула *мало ли (что)* вместе с исходными конструкциями и сопоставляются ее функций с корейскими аналогами. Актуальность исследования обусловлена трудностями точного описания многозначных русских формул, требующих тщательного контекстуального анализа, а также отсутствием словарного описания их функциональных соответствий в корейском языке. Цель статьи — дать комплексное описание полисемии формулы *мало ли (что)* и определить наиболее точные корейские аналоги. Материалом исследования послужили примеры употребления формул *мало ли (что)* и *а вдруг*, извлеченные из баз данных «Русский конструктиконе», «Прагматиконе» и Национального корпуса русского языка (более 8000 примеров письменных и устных жанров). Для сопоставительного анализа использовался корейский материал из веб-ресурсов. Таким образом, методологическую основу работы составляют корпусные исследования. Показано, что понимание семантики и прагматики формулы возможно лишь через анализ базовых конструкций и контекстов. Диахронический анализ выявил два значения: одно — «неопределенное большое количество» — не соответствует критериям дискурсивной формулы как реакции типа ДА–НЕТ на речевой акт адресата и должно быть зафиксировано в «Русском конструктиконе» как нетипичная эллиптическая конструкция; другое — девалоризация сказанного — соответствует критерию дискурсивной формулы и подлежит включению в «Прагматикон». Тем самым проведенный анализ позволил выявить и устранить непоследовательность в описании формулы *мало ли (что)* в указанных базах данных. Синхронное сопоставление с формулой *а вдруг* позволило уточнить функциональные особенности *мало ли (что)* и выявить иллюзию их взаимозаменяемости при поверхностном сходстве. На основе анализа функциональных фреймов были определены соответствующие корейские некомпозициональные формулы. Предложенная методика уточняет описание русских формул и предлагает надежный подход к их сопоставлению с типологически далекими языками, в том числе корейским, с учетом семантики исходных конструкций.

Ключевые слова: *мало ли что*, *а вдруг*, полисемия формул, дискурсивные формулы, корейские эквиваленты, кросс-лингвистическое сопоставление

Для цитирования:

Джон Д., Рахилина Е.В. Русская формула *мало ли что*: структура значения и корейские эквиваленты. *Russian Journal of Linguistics*. 2026. Vol. 30. № 1. P. 230–256. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-47410> EDN: АКМКИИ

1. Введение

Настоящее исследование направлено на сопоставление русских устойчивых формул, функционирующих как ответные реплики в диалоге, с типологически далекими от русского языка корейскими единицами. Его цель — выявление наиболее точных и функционально сопоставимых корейских аналогов русских формул. Данная задача особенно значима с учетом того, что корейский язык располагает развитой системой адресато-ориентированных прагматических маркеров (Ahn & Yap 2013, Rhee 2016). Среди интересующих нас формул-реплик (дискурсивных формул) особый интерес представляет формула *мало ли (что)* — во-первых, в силу своей полисемии, во-вторых, ввиду тесной связи с исходными дискурсивными конструкциями, и семантической близости к другой русской формуле — *а вдруг*. Эти обстоятельства существенно осложняют задачу поиска корейских функциональных аналогов и их четкого разграничения.

Следует отметить, что выражение *мало ли (что)* уже становилось объектом исследований в русистике (Падучева 2011, Шаронов 2021, Павлова, Алексеева 2022), однако либо без учета эллиптических прагматикализованных употреблений, либо лишь иллюстративно, либо в ограниченном переводческом объеме (Подробный анализ см. в разделе 6). В связи с этим настоящее исследование стремится восполнить существующую лакуну и, опираясь на предыдущие работы, дать комплексное описание полисемии выражения *мало ли (что)*, а также определить его функциональные соответствия в корейском языке, что в перспективе позволит создать справочный ресурс в помощь изучающим русский язык, а также переводчикам.

2. Теоретический обзор

С 1990-х годов в когнитивной и функциональной парадигмах конструкция рассматривается как единица грамматического описания, интегрирующая форму, значение и прагматику (Fillmore 1988, 1989, Fillmore & Kay 1992, Hoffmann & Trousdale 2013). Конструкции функционируют на стыке уровней языка и подлежат отдельной инвентаризации — это привело к разработке баз данных — «Конструктиконов» для разных языков (Fillmore et al. 2012, Ohara 2013, Torrent et al. 2014, Sköldbberg et al. 2013, Boas & Ziem 2018). Их родоначальником является проект FrameNet (Fillmore et al. 2003), где значения представлены через фреймы ситуаций и участников. Конструктикон собирает сложные некомпозиционные единицы, находящиеся между словарем и грамматикой, как конструкция с *Let alone* (Fillmore et al. 1988).

Для русского языка была создана база «Русский конструктикон» (ENA, March 9, 2026)¹ (ок. 4000 единиц, Школа лингвистики ВШЭ, CLEAR, Тромсе) (Janda et al. 2020). В ней в основном неоднословные конструкции с якорной частью и переменной («слот»), где лексические значения якоря стерты, а конструкции находятся на пути грамматикализации, приближаясь к грамматическим маркерам (Janda et al. 2020). Ср.: *X, не говоря об Y* — уступительная конструкция с якорной частью *не говоря о / об* и двумя слотами: *X* и *Y*. В процессе работы над этой базой выделился значительный класс конструкций с особыми свойствами — дискурсивные формулы (ДФ), для описания которых была создана отдельная база данных — «Прагматикон» (ENA, March 9, 2026)². Эти конструкции отличаются от канонических по двум основным параметрам. Во-первых, у ДФ лексическое значение, в отличие от обычных конструкций, прагматикализовано: ДФ представляют собой реакцию на речевой акт собеседника и выражают согласие или отказ, принятие или неприятие, ответы на полярные вопросы, а также более сложные речевые реакции (Рахилина и др. 2021: 12)³. Отсюда второе отличие: в ДФ переменная часть — слова собеседника, вынесенные в соседнее предложению Ср. пример из Рахилина и др. (2021: 11): Исходная конструкция:

[*Не факт*] (якорь), [*что он придет / что она красивая / что что-то из этого выйдет* и под.] (слот)

VS. производная от этой конструкции ДФ:

Он придет? (слот) — *Не факт.* (ДФ = якорь).

Формально процесс образования ДФ представляет собой расщепление (split) исходной конструкции.

Несмотря на ориентированность речевых актов на слушателя, исследования прагматических маркеров до настоящего времени преимущественно ориентировались на говорящего (Traugott 2012: 7), оставляя адресатно-ориентированные маркеры на периферии. Между тем дискурсивные формулы как раз и выполняют адресатно-ориентированные функции — и это делает их особенно значимыми для классификации типов речевых актов (подробнее см. Рахилина и др. 2021: 11).

В этом контексте особую актуальность приобретают сопоставительные исследования ДФ, обладающих потенциалом для функционирования как прагматические маркеры речевых актов. Ср. параллели с английскими выражениями, которые иногда указываются в «Прагматиконе», хотя, как правило, они остаются на уровне поверхностной эквивалентности⁴.

¹ constructicon.ruscorpora.ru

² Pragmaticon.ruscorpora.ru

³ ср. термин *речевые формулы* в (Баранов, Добровольский 2000)

⁴ Более детальный анализ сопоставимости отдельных формул русского языка с английским представлен у Козюк и Бадрызлова (2021), а с русским, итальянским и словенским — у Бычковой (2020).

3. Методология и материал исследования

Исследование строится на материале Национального корпуса русского языка, а также дополнительных справочных ресурсах, созданных для описания неоднословных дискурсивных единиц русского языка, а именно: «Русский конструктикон» (ENA, March 9, 2026)⁵ и «Прагматикон» (ENA, March 9, 2026)⁶. Для сопоставительного анализа использовался корейский материал из веб-ресурсов; таким образом, методологическую основу работы составляют корпусные исследования. Общий объем материала, на который опирается исследование, составляет более 8000 предложений (и устные, и письменные тексты).

4. Диахронический и синхронный анализ *мало ли* (что)

4.1. Конструкционализация *мало ли* + относительное местоимение

Согласно данным Национального корпуса русского языка, *мало ли* прослеживается начиная с XVIII века и функционирует как риторический вопрос с имплицитным отрицанием исходной количественной оценки *мало* (Падучева 2011, Рестан 1969, Тикун 2011), что приводит к ее инверсии (‘разве мало?’ → ‘много’):

- (1) *А мало ли (= ‘много’) таковых гор трудно-восходительных, на которых Божию помощью поставите нозе ваши?* [митрополит Стефан (Яворский). Моисей Российский... (1711)]

В Словаре русского языка XVIII века также зафиксировано употребление *мало ли* в риторических вопросах и восклицаниях:

- (2) — *Где, сударь, их дрова достанеш? — Мало ли на Москве реке дров?* (= ‘много’) [Отрывки из переписки А.И. Сумарокова (1755–1773)]

Способность выражать риторический вопрос обеспечивается тем, что эта языковая способна выражать собственно вопрос, который равнозначен вопросу, оформляемому с помощью вопросительных местоименных слов. И действительно, в «Краткой русской грамматике (2002)» указывается, что частица *ли* именно такая — отсюда возможность ее совместного употребления с вопросительными словами, как, например, в (3):

- (3) *Ты не спрашивай, не распытывай, Умом-разумом не раскидывай, Как люблю тебя, почему люблю, И за что люблю, И **надолго ли?*** (А.К. Толстой)⁷.

⁵ constructicon.ruscorpora.ru/https://constructicon.github.io/russian/

⁶ [Pragmaticon.ruscorpora.ru](https://pragmaticon.ruscorpora.ru)

⁷ Краткая русская грамматика. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. — М.: 2002. URL: https://rusgram.ru/Краткая_русская_грамматика (дата обращения: 26 июня 2025 г.).

Этот семантико-синтаксический потенциал частицы *ли* мотивирует появление конструкции *мало ли* + относительное местоимение. Синтаксически, согласно Е.В. Падучевой (2011), после *мало ли* в этой конструкции может следовать любое относительное местоимение, ср.: *мало ли почему, мало ли как, мало ли сколько* и т.д. — в любом падеже (*мало ли кем*), возможно, с предлогом (*мало ли о чем*), в том числе в комбинации друг с другом (*мало ли кто и с кем*). Семантически в ней с одной стороны, выражается значение большого количества (*мало ли* = ‘много’), с другой — значение неопределенности (множества альтернатив), исходящее из вопросительной природы *ли* и местоимения, ср. (4):

- (4) — *Ну, тогда рот-то закрой, а то мало ли какие неприятности случиться могут.* [А Житков. Супермаркет (2000)]

Пример (4) демонстрирует, что неприятности, свойства которых охарактеризованы местоименным прилагательным *какие*, отсылают к гипотетически неограниченному множеству возможных ситуаций. Таким образом, формируется конструкция со значением ‘неопределенного множества вариантов’. Одновременно семантика неопределенного множества выбора, будучи изначально фокусной, постепенно смещается к значению незначимости или отстранения от возможных альтернатив, как в (5):

- (5) *Может быть, еще ничего и не произошло... Мало ли что говорят люди...* [М.А. Алданов. Чертов мост (1925)]

В конечном итоге лексико-грамматическое значение конструкции — ‘неизвестное большое количество’ уступает место прагматическому значению — ‘девалоризация ранее сказанного’.

- (6) — *Как не придут? Он же сказал — через два дня. — Мало ли что он сказал.* [А. Геласимов. Ты можешь (2001)]

Надо сказать, что в базе «Русский конструктикон» *constructicon.ruscorpora.ru* представлен только один вариант этой конструкции: id:180 *мало ли* PronInt VP, с якорной частью *мало ли* и слотом, который заполняется вопросительным местоимением и следующей за ней глагольной группой — как в приведенной иллюстрации *Мало ли чего он попросит!* Семантический тип конструкции характеризуется как: «Attitude — Unconcern — Reaction to the previous discourse» и соответствует следующему толкованию: ‘Конструкция обозначает, что слова или мнение собеседника для говорящего не важны, с его точки зрения ими можно пренебречь, не принимать во внимание. Говорящий не соглашается с мнением собеседника и отстаивает [свою точку зрения.]_{Theme}’. По-видимому, более аккуратная схема конструкции должна включать и мнение собеседника, которое отрицается говорящим — как своего рода первую, презумптивную, часть конструкции: XP, *мало ли* PronInt VP, ср.: *Он денег попросит. Мало ли чего он попросит!* В наших терминах, это значение девалоризации сказанного — и следовательно, другие

значения *мало ли (что)* в Конструктиконе пока не представлены. Однако заметим, что примеры, которые приведены в базе, отражают все разнообразие контекстов *мало ли PronInt VP*, ср.:

1. *Ведь должна была сказать!* — *Мало ли [что должна]_{Situation}.*
2. *«Мало ли [что может случиться]_{Situation}, а разведчики без офицера остаются», — сказал он командиру, и тот согласился с ним.*
3. *Мало ли [где меня теперь лечить будут]_{Situation}!*

Действительно, если первый пример полностью соответствует значению девалоризации, то второй похож на отсылку к неопределенному числу вариантов, как пример (4), а третий близок к контекстам перечисления. Соответственно, данная статья Конструктикона нуждается в уточнении развития конструкции *мало ли PronInt VP*. Первая линия сохраняет лексико-грамматическое значение ‘неопределенного большого количества’ (значение 1). В рамках данного значения выделяются два подтипа.

<1.1> значение перечисления возможных вариантов;

- (7) *Да вот беда: то шоу-боги опаздывают на поезд, самолет, автобус, банкет, то неожиданно все микрофоны становятся недееспособными, да мало ли что еще случается.* [«Российская музыкальная газета», 11.06.2003]

<1.2> значение аргументации с функцией предостережения.

- (8) *Мало ли что может случиться, и командир старался быть наготове.* [В. Быков. Болото (2001)]

Разница между ними коррелирует с временным значением глагола: если имеется в виду перечисление вариантов (1.1), то это прошедшее или настоящее, как в (7), а если предостережение (1.2) — то будущее или модальность возможности, как в (8).

Вторая линия отражает дальнейший этап прагматикализации, где значения количества и неопределенности теряют значимость для семантики выражения в целом, а на первый план выходит значение девалоризации сказанного (значение 2). По данным НКРЯ, конструкции типа *мало ли PronInt VP*, реализующие эти значения, впервые фиксируются в текстах XVIII века: первое представлено в примере (9), а второе в (10).

- (9) *Если же ты добрый человек и не ругаешься над бедными, то, взяв от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают.* [А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779–1790)]
- (10) *Вот нынче стали играть и в дуры, а, бывало, так все в дураки игравали. Советник. Так, матушка моя, мало ли чего бывало и чего нет <...> — чего не бывало и что есть.* [Д.И. Фонвизин. Бригадир (1783–1786)]

Начиная с XIX в. конструкция *мало ли* PronInt VP приобретает устойчивость и широкое распространение в различных контекстах. На этом фоне наблюдается активизация местоимения *что*, обладающего способностью обобщать предметы и ситуации. Ср. здесь переход от конкретного лексического значения к более абстрактному, отмеченный в (Hopper & Traugott 2003) для близкого конструкционализации процесса — грамматикализации. Это приводит к формированию устойчивых выражений типа: *мало ли что может случиться*, *мало ли что может быть* и др.:

- (11) *Все для меня опасно — выйдет ли свояченица замуж, или не выйдет: на грех мастера нет. Мало ли что может случиться!..* [В.Ф. Одоевский. Княжна Зизи (1839)]
- (12) *Но мало ли что было в старосветские времена. Много воды утекло с тех пор.* [Н.Н. Златовратский. Крестьяне-присяжные (1874)]

Эти выражения закрепляются в языке как продуктивные грамматико-прагматические структуры, отражающие постепенный переход от лексического значения к прагматической интерпретации, характерной для дискурсивных формул.

4.2. Становление прагматического маркера: формулы *мало ли* (что)

По мере того как конструкции типа *мало ли* PronInt VP становятся все более частотными, наблюдается дальнейший этап их прагматикализации, в ходе которой слот-компоненты все чаще опускаются. Такое эллиптическое употребление формы *мало ли что* фиксируется уже в начале XIX века — причем сначала в перечислительных контекстах, в которых *что* замещает именную группу, ср.:

- (13) Беневольский. *Помилуйте, что ж вы читаете?* Полюбин. *Мало ли что* [= ‘мало ли, **что** (то есть какую книгу) я читаю’]? *Только не то именно, что вы назвали <...>* [А.С. Грибоедов. Студент (1817)]

Как мы помним, для значений, апеллирующих к неопределенному множеству, характерны были фразеологизованные «продолжения» *мало ли*, типа: *что может случиться / бывает / может быть* и др., указывающими на возможность наступления различных ситуаций. В них *что* соотносится с предложением, а не именной группой. Поскольку такие слот-компоненты, как правило, легко восстанавливаются, они начинают опускаться, так что *мало ли что* берет на себя присущее им значение неопределенности — и за счет этого смещается в прагматическую зону⁸:

⁸ Опускание слота, выражающего существование или возможность неопределенного события, в формуле *мало ли что* может рассматриваться как особый тип *sluicing* — эллипсис косвенно-вопросного придаточного (Ross 1969; Merchant 2001; ср. Тестелец, Былинина 2005).

- (14) — *Ничего! — прервала она его. — Это может случиться со всяким. Мало ли что* [= ‘мало ли что, бывает, происходит’], — *приходится иногда уезжать из города, скрываться где попало* <...>. [Ф. М. Степняк-Личкус [перевод книги С. М. Степняка-Кравчинского с английского]. А. Кожухов (1898)]

На ранних этапах в составе формульной конструкции местоимение *что* сохраняется, поскольку именно оно репрезентирует обобщенный, неопределенный предмет или ситуацию, в отличие от других относительных местоимений. Однако по мере повышения устойчивости этой уже редуцированной формулы, происходит ее дальнейшая редукция до формы *мало ли*, которая продолжает выражать значение потенциального множества возможных вариантов даже без явного указания на сам референт, как в (15):

- (15) *Забята малые, самой не досмотреть, мало ли...* [= ‘мало ли что может случиться’]
[Г.И. Успенский. Наблюдения Михаила Ивановича / Из цикла «Разоренье» (1869)]

В значении 2, которое мы назвали значением девалоризации, конструкция *мало ли что* часто сопровождается слотом, содержащим косвенное цитирование ранее произнесенной реплики, см. наиболее частотные примеры из НКРЯ: *я знаю / я говорил / он сказал / ты хочешь* и т. п. Ср. интерпретацию в Шаронов 2021: «X много чего говорит / хочет..., поэтому не нужно считать это серьезным <...>» Здесь *что* выступает как неопределенное местоимение: прямой объект соответствующего глагола. Однако *что* может и утрачивать свое местоименное значение и переосмысляться как союз (Шаронов 2021: 59). Это происходит тогда, когда девалоризируется все высказывание в целом, как в примерах из НКРЯ — подкорпуса корпуса соцсетей и МУРКО. Таких примеров немного, и они создают впечатление нового синтаксического процесса:

- (16) *Мало ли что деньги уплачены за операцию...* <= ‘не важно, что уплачены деньги’> [Чем хороша Европа (2014–2021)]
(17) — *Ну правильно! Мало ли что он те не нужен, а ты делай вид, что ты пропадаешь без телефона!* <= ‘не важно, что телефон не нужен’> [Печики-лавочки (1972)]

Между тем, как свидетельствуют примеры Основного подкорпуса, процесс перехода в союз начался для *что* в составе нашей конструкции еще в конце XIX в.:

- (18) *Лен до Николы попробуем. Отчего же рано? Мало ли, что никогда об эту пору не сеяли — ведь никогда и весны такой ранней не*

Опускается гипотетический предикат типа *что может случиться / может быть*, соотносимый с *subjunctive relatives and modal subordinations*, см. Merchant (1999: 293–299). Возможность такого *sluicing* обусловлена гипотетичностью предиката, наличием модального компонента в главной части и реализацией эллипсиса в специально сконструированном контексте, не опирающимся на предикат предшествующего высказывания.

было. <= ‘не важно, что не сеяли’> [А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни. Письмо третье (1872)]

- (19) *Не слыхала я, чтобы отъ жеванія сухаго чая зубъ проходилъ, сказала она. Мало-ли, что не слыхали! А вотъ проходитъ.* <= ‘не важно, что не слыхали’> [Н.А. Лейкин. В ожидании наследства (1889)]

Заметим, что все это диалогические контексты (иногда диалог может быть внутренним): союз *что* заново вводит уже прозвучавшую реплику-высказывание, которую, девалоризируя, отвергает говорящий, см. (20) и (21). Из-за того, что высказывание уже прозвучало, оно может вводиться союзом в предельно сокращенном виде:

- (20) *Мало ли, что тонем, — а ты все равно сходи к пассажирам на палубу и спляши качучу.* [М.К. Кантор. В ту сторону (2009)]
- (21) *На самом деле предсказание китайских ученых о сверхпроводимости в районе двести Кельвин многими людьми было проигнорировано, потому что люди сказали, это теория. Мало ли что теория.* [А. Оганов. Открытие рекордно высокотемпературного сверхпроводника (2017)]

Но и такое *что* может опускаться:

- (22) — *Но... товарищ Васильев, — перепугалась готовность, — сам же сотрудник музея указал квартирьеру... — Какой сотрудник? Мало ли говорят... Вот официальный представитель музея.* [М.А. Кравков. Ассирийская рукопись (1925)]

Таким образом, со второй половины XIX века конструкция *мало ли что* (а позже и редуцированная форма *мало ли*) начинает функционировать в дискурсе как неизменяемый, то есть формульный дискурсивный маркер, причем как в монологе, так и в диалоге. В следующем подразделе (4.3) рассматривается семантика выражения *мало ли (что)* последовательно — сначала в монологе (4.3.1) и затем в диалоге (4.3.2).

4.3. Семантика прагматического маркера *мало ли (что)*

4.3.1. *Мало ли (что)* как прагматический маркер в монологе

Известный специалист по идиоматике Е.В. Ерофеева называет монологические маркеры, подобные *мало ли (что)* метакоммуникативными, имея в виду «организацию собственной речи говорящего» (Ерофеева 2023: 175), ср. (23):

- (23) *Все-таки в поле он не ощущал безопасности, мало ли что...* (‘потому что *мало ли что* может случиться’) [В. Быков. Болото (2001)]

В монологе семантика формулы, или метакоммуникативного *мало ли (что)*, полностью наследует семантику исходных конструкций и распадается на два класса.

Во-первых, это устаревшее к настоящему времени перечисление со значением ‘слишком много, чтобы можно было все перечислить’, где лексико-грамматическое значение ‘много, но неизвестно, сколько’ проявляется наиболее отчетливо. В таких случаях в контексте, как правило, задаются или имплицитируются разнообразные альтернативные варианты, как в (24), (25):

- (24) <...> *да разве есть что-нибудь на свете, что не имело бы своей дурной стороны?.. — О, конечно, есть! — прервал Илецкий. — А что бы такое? — Мало ли что. Да вот, например, хоть выдумка крытых экипажей.* [М.Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)]
- (25) *Какие вопросы? Как какие? Вопросы к будущему зятю. Где живете, кем работаете, сколько получаете — мало ли. Теперь это не актуально.* [С. Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016]

Во-вторых, это формула-обоснование предшествующего высказывания, часто с сопутствующими опасениями самого говорящего. Формула с таким значением соответствует конструкции со значением 1.2 ‘Потому что может быть многое и неизвестно, что именно будет’. В таком контексте выражение *мало ли (что)* указывает на неопределенность и множественность возможных ситуаций — это позволяет говорящему предположить наступление одной из них и тем самым обосновать свое предыдущее высказывание. Ср.:

- (26) *А вдруг у нас не получится? Мало ли... (= ‘Потому что мало ли что может случиться’)* — *Получится, я точно знаю.* [Е. Вильмонт. Мимолетности, или подумаешь, бином Ньютона (2010)]
- (27) *А я всю жизнь с запасом живу. Мало ли что. Спички, керосин, хлеб, соль.* [С. Говорухин, А. Бородянский, Ю. Поляков. Ворошиловский стрелок, к/ф (1999)]

Подобная стратегия употребления основывается на принципе «на всякий случай», который описывается в Зализняк и др. 2005: 440–442. В нем отражается опасение — то есть стремление субъекта застраховаться от возможных, но непредсказуемых обстоятельств. Иными словами, *мало ли (что)* в таких контекстах служит оправданием речевого действия. Эта функция реализуется исключительно в виде метакоммуникативного маркера, поскольку *мало ли (что)* в данном случае развивает собственную мысль говорящего (Шаронов 2021: 58).

Таким образом, несмотря на то, что *мало ли (что)* выступает в этих контекстах как формула, то есть как изолированное высказывание, на самом деле эта формула всегда отсылает к некоторому предшествующему высказыванию, и часто сопровождается последующим, проясняющим или обосновывающим

позицию говорящего. Ср. термин «трехчастная структура», который в похожих случаях применяется в базе Прагматикон (pragmaticon.ruscorgpora.ru) для диалогических контекстов.

4.3.2. Мало ли (что) как прагматический маркер в диалоге

Диалогические контексты *мало ли (что)* также неоднородны. Если исключить устаревшие примеры, они отчетливо распадаются на две группы. В первом случае, а именно в ответных репликах на вопрос собеседника о цели или причине поведения говорящего, *мало ли (что)* фактически функционирует как отказ от ответа, потому что единственного ответа нет, ср. примеры из МУРКО:

(28) — *Это не вы случайно его... сюда отправили?*

— *Я? Зачем?*

— *Мало ли! Взять реванш!*

[Т. Бекмамбетов, А. Слаповский, К. Эрнст, А. Максимов. Ирония судьбы. Продолжение, к/ф (2007)]

(29) — *Договора просили передать.*

— *А... Чё, не мог оставить что ли?*

— *Да мало ли чего.* [А. Балабанов, С. Мохначев. Жмурки, к/ф (2005)]

Собеседник не понимает цели, ср. его искреннее удивление в примере (28) — и спрашивает о ней. Говорящий отвечает уклончиво, как в (29): ‘причин может быть много’, — но может, обозначив это обстоятельство с помощью *мало ли*, затем выдвинуть свою гипотезу, как в (28): ‘например, чтобы взять реванш’. Как видим, этот диалогический контекст непосредственно связан с монологическим <1.2> с той разницей, что в монологе говорящий сразу обосновывает им высказанное, выражая опасение по поводу возможных последствий, а в диалоге он делает это же, только в ответ на вопрос собеседника. Таким образом диалог усиливает изолированность *мало ли (что)* как формулы, превращая ее в четырехчастную.

Вторая группа формульных диалогических контекстов восходит к конструкции девалоризации. В монологах этот тип формул не реализуется, потому что они выражают реакцию на предшествующие речевые акты другого участника коммуникации. В данном случае *мало ли (что)* реализуется в виде дискурсивной формулы и выражает девалоризацию, а тем самым — отрицательную реакцию на предшествующий речевой стимул, см. (30):

(30) — *Но ведь дядя дал мне согласие...* — [девалоризация и отрицание:] *Мало ли что. А вдруг твои родители <...> подумают, что мы ласкаем вас из какого-нибудь интереса.* [А.П. Чехов. Письма Антону Павловичу Чехову (1883)]

Основная функция конструкции *мало ли (что)* в этом контексте заключается в том, чтобы снизить значимость высказывания, воспринимаемого лишь как одна из огромного множества возможных альтернатив, и тем самым подчеркнуть отсутствие его актуальной ценности. В то время как другие значения *мало ли (что)* строятся вокруг идеи неограниченного множества возможных вариантов, здесь на первый выходит прагматическая установка на обесценивание уже произнесенного, так что эти контексты представляют более продвинутую стадию прагматикализации. Ей сопутствует и превращение *что* в союз с потерей лексического местоименного значения (см. выше). Эта формула трехчастна: сначала реплика собеседника, потом ее девалоризация-отрицание, а затем, факультативно, объяснение говорящим своего речевого поведения:

- (31) — *Мало ли что говорит Поляров... — Но это все говорят!.. Весь город знает. — Ну, мало ли что!.. <...> У нас ведь чего не болтают!* [В.В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 1–2) (1869)]

Таким образом, диалогическая формула *мало ли (что)* демонстрирует два основных направления развития: ответ-отказ и дискурсивная формула, которые тесно связаны — и это затрудняет их четкое разграничение. Так, в «Прагматиконе» выражение *мало ли (что)* отнесено к ДФ, и основная, краткая иллюстрация этому соответствует:

- *Они не захотят* (предположение)
- *Мало ли что* (отрицание-сомнение)

Однако приведенный в качестве видеопримера клип иллюстрирует ответ на вопрос как отказ от ответа, а это не ДФ⁹:

- (32) — *С Лизой все в порядке?*
 — *В порядке. А что с ней делается?* [вопрос]
 — *Ну мало ли что!* [= ‘не могу сказать: вариантов много’]
Ума нет, влезет куда-нибудь. [Ф. Янковский, Г. Островский.
 В движении, к/ф (2002)]

Близость между *мало ли (что)*-ответом и *мало ли (что)*-дискурсивной формулой возникает не только потому, что такое *мало ли (что)* используется в диалоге в ответ на реплику собеседника, что делает его формально схожим с дискурсивной формулой. В диалогах, подобных (32), ответ *Мало ли что!* может быть воспринят и как выражение несогласия, и как реакция, аналогичная настоящей дискурсивной формуле — *а вдруг*, которая выражает сомнение и (как это часто делает *мало ли (что)*) предлагает другую гипотезу. Из-за взаимозаменяемости этих выражений в ряде контекстов, существует риск смешения их функций. В следующем подразделе будет проведен анализ

⁹В (30) *А что с ней делается?* — риторический вопрос, эквивалентный утверждению «Ничего с ней не делается». Формула *Ну мало ли что!* фактически соотносится не с предшествующей репликой, а с исходным вопросом говорящего — *С Лизой все в порядке?*, и функционирует как аргумент к нему, фиксируя отказ от однозначного ответа.

контекстов, в которых *мало ли (что)* и *а вдруг* могут восприниматься как взаимозаменяемые, и на основе функциональных различий будет уточнено, какое из выражений является более уместным в каждом конкретном случае.

4.4. Синхронное сопоставление семантики формул *мало ли (что), и а вдруг*

Дискурсивная формула *а вдруг* восходит к конструкции *а вдруг* Р. Как отмечают А. А. Зализняк, Т. М. Левонтина и А. Д. Шмелёв (2005: 447–448), конструкция *а вдруг* Р используется в тех случаях, когда, несмотря на отсутствие оснований считать выдвинутую кем-то гипотезу Р правдоподобной, она тем не менее, по мнению говорящего, должна быть принята во внимание, поскольку может произойти все, что угодно.

- (33) *Проходя через комнату, в которой поместили невидимок, бабушка Варвара всегда крестилась. В бога она давно не верила и делала это на всякий случай: а вдруг эти мальчишки и впрямь нечистая сила?* [М. Сергеев. Волшебная галоша <...> (1971)]

Заметим, что *а вдруг* Р часто используется в контекстах, где было выдвинуто не только противоположное суждение \sim Р (не Р), но и говорящий предлагает альтернативную гипотезу Р, которая кажется маловероятной, но не исключается полностью, см. (34). В этих случаях слот Р воспроизводит содержание предыдущего высказывания с отрицанием, см. (35).

- (34) *Не под гипнозом (\sim Р) же он его трогал... А вдруг под гипнозом (Р)?* [В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)]
- (35) *Чаще всего мне отказывали (\sim Р), но я все равно звонила, наудачу, а вдруг?... (=‘а вдруг мне не откажут?...’)* [Е.В. Колина. Дневник измены (2011)]

Так же, как и конструкция с *мало ли (что)*, конструкция с *а вдруг* превращается в формулу и используется в диалогической речи, как правило, в составе трехчастной реплики. Сначала говорящий выдвигает гипотезу Р, затем собеседник ее отвергает (\sim Р), после чего первый участник вновь возвращается к Р, вводя ее как альтернативу с помощью *а вдруг*. Таким образом, *а вдруг* выполняет функцию дискурсивной формулы (ДФ), выражающей несогласие.

- (36) — *А если ему двадцать один? (Р)*
— *Не может этого быть! (\sim Р)*
— *А вдруг?* [А. Вампилов. Старший сын (1965)]

Поскольку Р может восприниматься на фоне множества других альтернатив, соответствующая коммуникативная ситуация наиболее близка к условиям употребления *Мало ли что!* как ответной реплики (но не девалоризации). Действительно, в только что процитированном примере из пьесы А. Вампилова замена *А вдруг?* на *Мало ли что?* возможна без изменений предшествующего и последующего контекста:

- (37) — *А если ему двадцать один?*
 — *Не может этого быть!*
 — ***Мало ли что?***
 — *Ты имеешь в виду совпадение?* [А. Вампилов. Старший сын (1965)]

Этот пример чуть-чуть отличается от канона, потому что формально перед *Мало ли что!* должен был бы идти вопрос (см. раздел 2.3.2.), однако с учетом модальности предшествующую реплику можно считать эквивалентной полуриторическому вопросу *А может ли такое быть?* — и тогда ответная реплика *Мало ли что!* уместна и с формальной точки зрения. Продолжение диалога также не вполне стандартно для *Мало ли что!* В отличие от канона, здесь не говорящий обосновывает свою реплику отрицания-отказа (хотя и мог бы, ср. такое продолжение: *Мало ли что? Бывает и совпадение*). Вместо этого собеседник пытается сам угадать, какие обоснования говорящий имел в виду: — *Ты имеешь в виду совпадение?* А мог бы и: *Ты имеешь в виду, что в жизни случаются всякие обстоятельства, и так тоже бывает?* Ясно, что такая контекстная вариативность не принципиальна: она полностью сохраняет описанную семантику *Мало ли что!*. Другое дело, что при замене *А вдруг?* на *Мало ли что?* мы не вполне точно воспроизводим исходную коммуникативную ситуацию. В случае с *А вдруг?* в представлении говорящего имеется единственная уже высказанная гипотеза ('ему 21'), и с помощью *А вдруг?* он отрицает ее невероятность — возможно, под влиянием идеи 'всякое бывает', но не обязательно. Формула *Мало ли что?* полностью игнорирует начальную гипотезу, поэтому замена на *А вдруг?* возможна только если какая-то исходная гипотеза все-таки может предполагаться на основании внешнего контекста как в (38), где разговор идет о нападениях маньяка, но если нет, *А вдруг?* оказывается неуместно, как в (39):

- (38) — *Зачем те топор?* — <...> ***Мало ли что. А вдруг?*** [В. Рожнов. Ночной продавец, к/ф (2004)]
 (39) — *С Лизой все в порядке?*
 — *В порядке. А что с ней сделается?* [вопрос]
 — ***Ну мало ли что!*** [Ф. Янковский, Г. Островский. В движении, к/ф (2002)]

В следующей главе, опираясь на анализ конструкций и формул с *мало ли (что)*, проведенный в Главе 2, мы рассмотрим его возможные соответствия в корейском языке, учитывая выявленные параллели с *а вдруг*.

5. Поиск соответствующих корейских эквивалентов

Прежде всего, необходимо понять, существует ли в корейском языке некомпозиционально оформленное выражение (формула) как прагматический маркер, сочетающее в себе значения большого количества и неопределенности, аналогичное *мало ли (что)*. Следует отметить, что в корейском языке

отсутствует служебный элемент, подобный русской частице *ли*, который одновременно выражает риторический вопрос и неопределенность. В связи с этим предлагается рассматривать две функции *ли* — риторическую и вопросительную — по отдельности.

В корейском языке не обнаружены выражения, содержащие риторический вопрос типа ‘разве не много?’, в которых количественное значение ‘много’ сочеталось бы с лексемой, выражающей неопределенность. В качестве замены можно рассматривать сочетания лексемы *manta*, ‘много’ с прагматическим маркером неопределенности, например, с *mwo*, ‘что’, образующие выражения типа *mwo manchi*, ‘ну, всякое может быть’. Подобные конструкции в некоторых случаях могут использоваться для выражения значения перечисления. Однако сама лексема *manta*, ‘много’ в корейском языке не демонстрирует прагматической эволюции в сторону значений предостережения или девалоризации, как это наблюдается в случае с *мало ли (что)* в русском языке. Следовательно, при поиске корейских эквивалентов для *мало ли (что)* целесообразно отойти от сопоставления лексико-грамматических структур и сосредоточиться на прагматических функциях, реализуемых данным выражением в различных контекстуальных рамках. В этом разделе будут описаны некомпозиционные корейские выражения, соответствующие прагматическим фреймам 1.1, 1.2 и 2, выделенным для *мало ли (что)* в предыдущей главе. Кроме того, на основе ранее проведенного анализа будет предложено сопоставление между *мало ли (что)* и *а вдруг*, с целью выявления наиболее релевантных корейских соответствий для каждого из выражений.

5.1. Значение перечисления возможных вариантов

Как мы уже говорили, в качестве корейских соответствий прагматического фрейма 1.1 можно рассмотреть выражения *mwo manchi*, букв. ‘что много’. Здесь мы добавим к этой конструкции другую, вопросительную *eodi han du gajigesseo*, букв.: ‘где одна-две вещи разве?’.

Mwo man-chi

What many-DECL

‘There could be plenty’

eodi han du-gaji-ges-eo

where one two-kind-FUT-Q

‘Is it just one or two cases?’

Первая конструкция, *mwo manchi*, состоит из местоимения *mwo*, ‘что’, которое изначально соответствует русскому *что*, но, как указывает Lee Han-gyu (1999: 142), может функционировать как дискурсивный маркер, выражающий неуверенность говорящего в отношении предыдущей реплики собеседника, собственного высказывания или намерения. В данном случае, *mwo* указывает на неопределенность собственной речи, а *manchi* — на наличие большого количества. В совокупности выражение передает значение типа ‘всего может

быть много, но что именно — неясно’, что соответствует значению *мало ли что* в конструкции с неопределенным множеством.

Второе выражение, *eodi han du gajigesseo*, дословно переводится как ‘где одна-две вещи разве?’. Здесь *eodi*, вопросительное местоимение (‘где’) выполняет функцию риторического маркера с иронической оценкой (‘ну разве...’). По данным Lee Han-gyu (2008: 23), *eodi* может выражать негативную установку говорящего по отношению к собственному высказыванию. Конструкция *han du gaji*, ‘одна-две вещи’ обозначает небольшое, счетное количество: *han* — числительное ‘один’ в атрибутивной форме, *du* — числительное ‘два’ в редуцированной форме (перед счетными словами), *gaji* — счетное слово ‘вид, штука, случай’. Модальный суффикс *get*, выражающий предположение, оценку или гипотетичность, в вопросительных конструкциях часто служит маркером риторического вопроса (эпистемическая модальность: ‘разве может быть так, что...?’). *eo* — финальное окончание разговорного стиля, в сочетании с вопросительной интонацией формирующее вопрос¹⁰. В целом выражение передает значение ‘вещей слишком много, чтобы их сосчитать’, что также соответствует значению неопределенного множества у *мало ли что*.

Таким образом, *two manchi* и *eodi han du gajigesseo* можно считать наилучшими лексико-грамматическими соответствиями исходному значению *мало ли что* в прагматическом фрейме 1.1. Однако эти выражения не развиваются в сторону семантически более сложных прагматических значений предостережения (1.2), девалоризации (2), что характерно для формулы *мало ли (что)* в русском языке.

- (40) *В природе множество колебательных процессов, и все они в какой-то мере похожи. Колебания самолета в воздухе, качка корабля, мало ли что?* [И. Грекова. В вагоне (1983)]

Sesang-en jindong hyeonsangi sudo eopsi manhgo, jeonbu eoneu jeongdoreun bisilhae boyeo. Bihaenggi-ga gongjung-eseo heundeullineun geo, baega cheolleongineun geo... two manchi. / Eodi han du gajigesseo?

- (41) *Конечно, и против этого найдется что сказать; да разве есть что-нибудь на свете, что не имело бы своей дурной стороны?... — О, конечно, есть! — прервал Илецкий. — А что бы такое? — Мало ли что. Да вот, например, хоть выдумка крытых экипажей.* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)]

“Mullon, geugeosedo banroneun isseul su itji. Hajiman sesang-e nappereun myeoni eopsneun ge eodi itgesseo?” “A, mullon itji!” “Mwoga inneunde?” “Two manchi. / Eodi han-du gajigesseo? Yereul deulmyeon, deopgaega inneun macha-raneun balmyeong gateun geoji.”

¹⁰ Форма *-gesseo?* стилистически маркирована (неформальная, дружеская речь), и в официальной или письменной речи более ожидаемо *-getseumnikka?* / *-getseoyo?*.

5.2. Значение аргументации с функцией предостережения

hoksi *al-a*
 by any chance-ADV know-Q
 ‘You never know’

Согласно «Стандартному толковому словарю корейского языка» корейское наречие *hoksi* имеет два значения: одно — ‘случайно’, другое — ‘на всякий случай’. Формула *hoksi al-a* дословно переводится как ‘случайно (не) знаешь?’. Она действительно часто употребляется в своем прямом лексическом значении, когда спрашивают собеседника, известен ли ему какой-либо факт. В этом случае *hoksi* используется в первом значении. Однако данная формула становится некомпозиционной, когда окончание глагола *-a*, маркирующее неформальный стиль речи, в сочетании с вопросительной интонацией (и вопросительным знаком на письме) и со вторым значением (‘на всякий случай’) наречия *hoksi* выполняет функцию риторического вопроса и при этом значит: ‘не знаешь (что произойдет) на всякий случай’ или: ‘кто знает, вдруг может быть иначе’.

Исходная конструкция этой формулы — Р *hoksi al-a* Q — подобно русской формуле *мало ли (что)*, вводит предыдущее высказывание-предостережение Р, а чаще всего — причинный сценарий Q, который представляет собой одну из множества возможных ситуаций.

- (42) *Jeongmal ganjeolhadamyeon, sudan bangbeop gariji mallan mariya ~*
 (Р) **Hoksi al-a?** *Ni unmyeong-ui banjok-eul yeogiseo mannalji!* (Q)¹¹
Если тебе действительно так сильно нужно, не выбирай средств!
 (Р) **Мало ли?** (‘Потому что многое может случиться.’) *Вдруг ты встретишь здесь свою вторую половинку!* (Q)

В диалоге после высказывания Р обычно следует вопрос собеседника о цели или причине предостережения. Говорящий отвечает: *Hoksi al-a?* — в значении ‘так как разные ситуации могут случиться’. Затем чаще всего он вводит обоснование Q (одну из возможных ситуаций) после реплики *Hoksi al-a?*.

- (43) ‘*Jogeumtan deo beotyeobwa.*’ “*Wae?*” “**Hoksi al-a?** *God yeonbong insang isseulji*”¹²
 — *Потерпи еще чуть-чуть.* — *Почему?* — **Мало ли что?** *Вдруг скоро повысят зарплату.*

¹¹ https://www.youtube.com/watch?time_continue=52&v=MjqKTWC4yoE&embeds_referring_eur_i=https%3A%2F%2Fyouglisn.com%2F&embeds_referring_origin=https%3A%2F%2Fyouglisn.com&source_ve_path=MzY4NDIsMjg2NjY (дата обращения: 26.06.2025)

¹² https://www.youtube.com/watch?time_continue=111&v=10yiJPoA1bQ&embeds_referring_euri=https%3A%2F%2Fyouglisn.com%2F&embeds_referring_origin=https%3A%2F%2Fyouglisn.com&source_ve_path=Mjg2NjY (дата обращения: 26.06.2025)

5.3. Сопоставление корейских аналогов для *a* вдруг и мало ли (что)

ani, manyak-e mal-iya
 no if say-COP.DECL
 ‘I mean, what if...’

Корейская конструкция *ani, manyak-e mal-iya* является прагматическим аналогом дискурсивной формулы *a* вдруг. Дословно это выражение переводится как ‘Нет, если слово’. Компонент *ani* изначально представляет собой наречие, соответствующее русскому *нет*, однако в данном выражении он функционирует как дискурсивный маркер. Согласно Kang Min-jeong (2025: 24), дискурсивный маркер *ani* может отрицать степень в предыдущем высказывании и одновременно усиливать выражение степени в последующем, подчеркивая коммуникативное намерение говорящего. Такая функция совпадает с функцией ДФ *a* вдруг, которая отрицает невероятность единственной гипотезы, выдвинутой собеседником, и одновременно усиливает гипотетическую возможность, которую нельзя игнорировать. Кроме того, данная корейская формула, подобно ДФ *a* вдруг, возвращается к предыдущей реплике говорящего. Согласно Lim Gyu-hong (1998: 172), компонент *mal-iya*, происходящий от существительного «слово» с глаголом-связкой, в качестве дискурсивного маркера служит средством подтверждения и акцентирования предыдущей информации.

Исходная конструкция ДФ *ani, manyak-e mal-iya* используется как Р, *ani, manyak-e mal-iya*. Говорящий уточняет собственное предыдущее высказывание Р, подчеркивая гипотетический или неожиданный характер ситуации, которую он считает возможной, несмотря на ее малую вероятность. Эта функция подтверждения в конструкции *ani, manyak-e mal-iya* совпадает с подтверждающей функцией конструкции *a* вдруг, повторно акцентирующей гипотетическую возможность одной и той же маловероятной, но потенциально допустимой ситуации (пр. А вдруг умру? **А вдруг!**).

(44) *Manyak-e sanhujoriwon deureogage doemyeon eotteokhalgeoya, ani, manyak-e mal-iya.*¹³

А что, если тебя положат в послеродовое отделение? Ну, а вдруг?

(45) *Yeon-i-neun eotma-ga eopseumyeon eotteokhalgeoya, ani, manyak-e mal-iya.*¹⁴

А что, если у Ён-и не будет мамы рядом? Ну, а вдруг?

Кроме того, *ani, manyak-e mal-iya* употребляется в трехчастных диалогах, аналогичных тем, где функционирует *a* вдруг: говорящий выдвигает гипотезу Р, собеседник отвергает ее (~Р), и говорящий вновь подчеркивает возможность Р, выражая сомнение или несогласие с оценкой собеседника.

¹³ <https://brunch.co.kr/@rawfeel/126> (дата обращения: 26.06.2025)

¹⁴ <https://cafe.daum.net/youllsosul/DrRo/474505> (дата обращения: 26.06.2025)

- (46) “*Siheom il-deung mothamyeon eotteokhae?*” “*Geureolli eopseo.*” “*Ani, manyak-e mal-iya.*”¹⁵
 — *Что, если ты не получишь первое место на экзамене? — Такого не может быть. — Ну, а вдруг?*

Как ДФ *a вдруг* возвращается к предыдущей единственной начальной гипотезе говорящего, так и корейская дискурсивная формула *ani, manyak-e mal-iya* возможна лишь когда исходная гипотеза предполагается, ср. (47) и (48). Однако, как в (49), если выдвинутая говорящим гипотеза применяется на фоне множественности возможных ситуаций, то подобно *мало ли (что)* (см. 4.4), уместно использовать и *hoksi al-a*.

- (47) — *А если ему двадцать один? (P)*
 — *Не может этого быть! (~P)*
 — *А вдруг?*
 [А. Вампилов. *Старший сын* (1965)]
 “*Geuga seumulhan sal-imyeon?*” “*Geureol li eopseo!*” “*Ani, manyak-e mal-iya.*”
- (48) — *Ты чего тут? Случилось что-нибудь? С Лизой все в порядке? — В порядке. А что с ней делается? — Ну мало ли что! (*А вдруг?)* [Ф.Янковский, Г.Островский. *В движении*, к/ф (2002)]
 “*Neo tmo haneun geoya? Museun il isseosseo? Rija-neun gwaenchana?*”
 “*Gwaenchana. Geu ae-hante museun iri issgeess-eo?*” “*Hoksi al-a?*”
 (**Ani, manyak-e mal-iya*)”
- (49) — *А если ему двадцать один? — Не может этого быть! — Мало ли что? — Ты имеешь в виду совпадение?* [А. Вампилов. *Старший сын* (1965)]
 “*Geuga seumulhan sal-imyeon?*” “*Geureol li eopseo! Hoksi al-a?*”
 “*Weronika, uyeon-ui ilchireul malhaneun geoya?*”

5.4. Значение девалоризации

Al — *ge* *tmo-ya*
 Know — thing.NOM what-COP.Q
 ‘Who cares?’

Корейским прагматическим аналогом данной формулы выступает выражение *al-ge tmo-ya*. В современном корейском языке формула *al ge tmo-ya* воспринимается носителями как цельный прагматический блок, а не как свободное синтаксическое сочетание, что еще больше сближает ее с русской дискурсивной формулой. Компонент *al-ge* представляет собой сокращенную форму от *al geos-i*, где *al geot*, ‘то, что можно узнать’ сочетает в себе глагольную основу *al-*, ‘знать’ и существительное *geot*, ‘вещь’ за которым следует

¹⁵ https://blog.naver.com/ditto_ny/223283071442 (дата обращения: 26.06.2025)

именная частица *-i*. Форма *mwо-ya* состоит из вопросительного местоимения *mwо*, ‘что’ и разговорной формы связки *-ya*.

Согласно исследователям (Heine & Kuteva 2002: 295), концепт THING (кор. *geot*) может грамматикализироваться в неопределенное местоимение. Таким образом, выражение *al-ge*, ‘то, что можно узнать’ может интерпретироваться как обозначающее ‘неопределенные возможные события, которые могут произойти’.

Что касается компонента *mwо*, ‘что’, то он обладает двумя основными прагматическими функциями. Во-первых, как указывалось выше, он может использоваться для указания на одну из множества возможных альтернатив, рассматриваемых говорящим. Во-вторых, как отмечает Lee Han-gyu (1999: 153), *mwо* также функционирует как дискурсивный маркер, который используется в ситуациях, когда говорящий выражает несогласие или ироничное отношение к высказыванию собеседника или к ранее сказанному. Таким образом, с помощью *mwо* говорящий девалоризирует сказанное, представляя его лишь как одну из возможных, но незначительных альтернатив, и тем самым выражает отстраненность и заниженную значимость обсуждаемого. Эта функция точно соответствует прагматической функции дискурсивной формулы *мало ли (что)* в ее употреблении в значении девалоризации.

(50) — *Мало ли что говорит Полярков... — Но это все говорят!.. Весь город знает. — Ну, мало ли что!.. <...> У нас ведь чего не болтают!* [В. В. Крестовский. Панургово стадо (Ч. 1–2) (1869)]
 “*Polloyarop-ga mwо-rago malhadeun al-ge mwо-ya...*” “*Hajiman dadeul geureoke malhaeyo!.. On dosi-ga da al-ayo.*” “*Al-ge mwо-ya!*”
 <...> *Uri dongne saramdeul sugungeorineun geohan-du gaji-nya!*”

(51) — *Главное, непонятно, зачем он вырядился в дубленку. Что за маскарад? — Мало ли что. Может, важные дела. Может, ему на прием к министру.* [М. Хуциев, Ю. Пахомов. Послесловие, к/ф (1983)]
 “*Jung-yohan geon, dodaeche jaega wae museutang-eul ipgo naon geoya? Ige mwо-seun shoya?*” “*Al-ge mwо-ya! Jung-yohan il isseuljido moleugo, jang-gwan mannareo ganeun geol sudo itgo.*”

6. Обсуждение результатов

Полученные нами результаты соотносятся с классификацией Е.В. Падучевой (2011), выделяющей четыре интерпретации конструкции *мало ли* PronInt VP:

- [1] возможно <было> многое; не существенно, что именно имеет <имело> место
- (52) — *Что-то раньше ты другое говорил. — Мало ли что я говорил.* [В. Козлов. Гопники (2002)]
- [2] возможно <есть /было /будет> многое, и неизвестно, что; возможно, плохое

- (53) *Ну пожалуйста, неоткрывайте никому дверь! Мало ли какие воры ходят!* [И. Пивоварова. Верная собака Уран (2001)]
- [3] возможно многое, и не нужно думать о плохих вариантах развития событий
- (54) *Главным для нее всегда было и есть лишь уважение односельчан. Может, потому и на власть, исковеркавшую жизнь, нет обиды. Мало ли что там, наверху, делали — до них не было дела простому человеку.* [«Жизнь национальностей», 28.12.2001]
- [4] идея большого количества возможностей может уходить на задний план, остается только идея неизвестности
- (55) *А то хотел, не хотел. Мало ли кто чего хотел. Я, может, сейчас хотел бы с бабой на перине кувыркаться, а приходится вот с тобой тут возиться.* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)]

Наш анализ показывает, что интерпретации [2] и [3] образуют единое первое значение — неопределенного большого количества, тогда как [1] и [4] соотносятся со вторым значением — девалоризацией сказанного (см. раздел 4.1). При этом первое значение целесообразно подразделить на подзначения 1.1 — перечисление возможных вариантов и 1.2 — аргументацию с прагматикой предостережения.

В отличие от классификации Е.В. Падучевой, мы показываем, что ключевым параметром разграничения является не выбор возможностей, а девалоризация ситуации как таковой: ср. девалоризацию собственных слов (52), желаний другого лица (55) и действий группы (54). Во всех этих случаях реализуется ослабленная уступительная семантика ('хотя Р, это несущественно').

Наши выводы частично совпадают с результатами А.В. Павловой и М.Л. Алексеевой (2022) и И.А. Шаронова (2021), которые также выделяют два основных значения конструкции, однако охватывают лишь случаи, соответствующие нашим 1.2 и 2, не учитывая значение перечисления возможных вариантов.

Дальнейшая прагматикализация конструкции сопровождается эллиптическим употреблением формулы *мало ли (что)*. В диалоге, в рамках первого значения, выражение сохраняет монологическую аргументативную направленность, но реализуется как ответ-отказ на вопрос.

При этом, вопреки наблюдениям А.В. Павловой и М.Л. Алексеевой (2022), связывающих *мало ли (что)* преимущественно с выражением опасения, наш материал показывает возможность не-негативной интерпретации, ср.:

- (56) *Мало ли, вдруг кому важно. Особенно учитывая тот факт, что меня много кто недавно зафрендил.*¹⁶

¹⁶ <https://citaty.info/quote/478608> (дата обращения: 26.06.2025)

Вторая группа диалогических употреблений восходит к конструкции девалоризации и реализуется в виде реакций типа ДА–НЕТ, что позволяет интерпретировать их как дискурсивные формулы в смысле Рахилиной и др. (2021).

Наконец, диахронический и синхронный анализ в сопоставлении с формулой *a вдруг* позволил выявить функционально релевантные корейские соответствия для разных значений *мало ли (что)*:

- (1) *two manchi*, букв.: ‘что много’ для выражения значения перечисления
- (2) *eodi han du gajigesseo?*, букв.: ‘где одна-две вещи разве?’
- (3) *hoksi al-a*, букв.: ‘случайно (не) знаешь’
- (4) *ani, manyak-e mal-ya*, букв. ‘Нет, если слово’ как аналог *A вдруг?*
- (5) *al-ge two-ya*, букв. : ‘то, что можно знать — что’ как девалоризатор

7. Заключение

В работе показано, что семантика и прагматика формулы *мало ли (что)* неотделимы от исходных конструкций, что придает анализу диахронический характер. В ходе нашего исследования было установлено, что данная формула наследует от конструкций, на которых она базируется, два значения. Первое — ‘неопределенное большое количество’, которое подлежит описанию в «Русском конструктиконе» как нетипичная эллиптическая конструкция (sluicing). Второе — значение девалоризации, которое соответствует критериям дискурсивной формулы и подлежит включению в «Прагматикон». Дополнительную сложность описания полисемии создает семантическая близость одного из ранних не-ДФ значений (ответ-отказ) к ДФ *a вдруг*. Обе формулы выражают сомнение, однако *мало ли (что)* выдвигает альтернативную гипотезу независимо от исходной, тогда как *a вдруг* функционирует как повторное выдвижение уже предложенной гипотезы Р в ответ на возражение собеседника и направлено на его опровержение. Проведенный нами диахронический анализ формулы *мало ли (что)* и ее синхронное сопоставление с формулой *a вдруг* позволили выявить более точные функциональные соответствия выражению *мало ли (что)* в корейском языке. Предложенная методика уточняет описание русских формул и предлагает надежный подход к их сопоставлению с типологически далекими языками, в том числе корейским.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Вклад авторов / CRediT Author Statement

Джон Д. — проведение исследования, сбор, обработка и интерпретация материала, написание первоначального черновика. Рахилина Е.В. — концептуализация

и дизайн исследования, интерпретация материала, рецензирование и редактирование текста.

Jiyoon Jung: conducting the research; data collection, processing, and interpretation; drafting the initial manuscript. **Ekaterina V. Rakhilina**: conceptualization and study design; data interpretation; reviewing and editing the manuscript.

Список литературы / References

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Речевые формулы в диалоге / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // *Труды международного семинара Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. М.: Наука, 2000. [Baranov, Anatoly N. & Dmitry O. Dobrovolskiy. 2000. Rechevye formuly v dialoge (Speech formulae in dialogue). *Proceedings of the International Seminar Dialogue-2000 on Computational Linguistics and Its Applications*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Бычкова П.А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе // *Yezikoslovni Zapiski*. 2020. 27. 111–128. [Bychkova, Polina A. 2020. Discursive formulae of confirming in typological perspective. *Yezikoslovni Zapiski* 27. 111–128. (In Russ.)].
- Ерофеева Е.В. Значение и функции прагматических маркеров в русской устной речи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. 20 (1). 170–182. [Erofeeva, Elena V. 2023. Znachenie i funktsii pragmaticheskikh markerov v russkoi ustnoi rechi (The meaning and functions of pragmatic markers in Russian spoken speech). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta: Yazyk i literatura* 20 (1). 170–182. (In Russ.)].
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005. (Язык. Семиотика. Культура). [Zaliznyak, Anna A., Irina B. Levontina & Alexey D. Shmelev. 2005. Klyucheveye idei russkoi yazykovoi kartiny mira (Key ideas of the Russian linguistic worldview). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. (In Russ.)].
- Козюк, Е.Ю., Бадрызлова, Ю.Г. «Еще чего!» Дискурсивные формулы несогласия в русском и английском языках: сравнительное исследование // *Proceedings of the 2021 Annual International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Dialogue 2021*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 16–19 июня 2021. [Koziuk, Evgenia Yu. & Yulia G. Badryzlova. 2021. 'No way!' Discourse formulae of disagreement in Russian and English: A comparative study. *Proceedings of the 2021 Annual International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Dialogue 2021*. Moscow: RSUH. (In Russ.)].
- Павлова А.В., Алексеева М.Л. Синтаксические фразеологические конструкции: теоретическое осмысление в аспекте двуязычной лексикографии // *Филологический класс*. 2022. Т. 27. № 2. С. 52–67. [Pavlova, Anna V. & Maria L. Alekseeva. 2022. Sintaksicheskie frazeologicheskie konstruksii: Teoreticheskoe osmyslenie v aspekte dvuyazychnoy leksikografii (Syntactic phraseological constructions: Theoretical conceptualization in the aspect of bilingual lexicography). *Filologicheskij Klass* 27 (2). 52–67. (In Russ.)].
- Падучева Е.В. «МАЛО ЛИ КТО» и другие конструкции с имплицитным отрицанием // *Конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»*. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 24–26 марта 2011 г. [Paduchyeva, Elena V. 2011. «MALO LI KTO» and other constructions with implicit negation. *Conference "Russian language: Constructional and lexico-semantic approaches*. Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, March 24–26, 2011. (In Russ.)].

- Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // *Вопросы языкознания*. 2021. 2. 7–27. [Rakhilina, Ekaterina V., Polina A. Bychkova & Svetlana Yu. Zhukova. 2021. Speech acts as a linguistic category: Discursive formulae. *Voprosy Yazykoznanija* 2. 7–27. (In Russ.)].
- Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос (главным образом на материале современного русского языка). Осло, 1969. [Restan, Piotr. 1969. *Sintaksis voprositel'nogo predlozheniya: Obshchiy vopros* (Syntax of the Interrogative Sentence: The General Question (mainly based on modern Russian language material). Oslo: (In Russ.)].
- Тикун Е.С. Риторический вопрос как экспликатор модальных значений в тексте романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2011. Вып. 8. С. 39–44. [Tikun, Yekaterina S. 2011. *Ritoricheskiy vopros kak eksplikator modal'nykh znacheniy v tekste romana F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"* (The rhetorical question as an explicator of modal meanings in the text of F.M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*). *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* 8. 39–44. (In Russ.)].
- Шаронов И.А. Формирование коммуникативов из риторических вопросов // *Cuadernos de Rusística Española*. 2021. Т. 17. С. 53–66. [Sharonov, Igor A. 2021. *Formation of Communicatives from rhetorical questions*. *Cuadernos de Rusística Española* 17. 53–66. (In Russ.)].
- Ahn, Min & Foong H. Yap. 2013. Negotiating common ground in discourse: A diachronic and discourse analysis of *maliya* in Korean. *Language Sciences* 37. 36–51.
- Boas, Hans C. & Andrea Ziem. 2018. Constructing a constructicon for German. *Constructicography: Constructicon Development Across Languages* 22. 183.
- Fillmore, Charles J. 1988. The mechanisms of “construction grammar”. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* 14. 35–55.
- Fillmore, Charles J. 1989. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies. *North-Holland Linguistic Series: Linguistic Variations* 54. 17–38.
- Fillmore, Charles J. & Paul Kay. 1992. *Construction Grammar Course Book*. Berkeley: University of California.
- Fillmore, Charles J., Collin R. Johnson & Mary R. L. Petruck. 2003. Background to FrameNet. *International Journal of Lexicography* 16 (3). 235–250.
- Heine, Bernd & Tania Kuteva. 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffmann, Thomas & Graeme Trousdale (eds.). 2013. *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- Hopper, Paul J. & Elizabeth C. Traugott. 2003. *Grammaticalization*, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press.
- Janda, Laura A., Anna Endresen, Valentina Zhukova, Daria Mordashova & Ekaterina Rakhilina. 2020. How to build a constructicon in five years: The Russian example. In Timothy Colleman, Frank Brisard, Astrid De Wit, Renata Enghels, Nikos Koutsoukos, Tanja Mortelmans & Maria Sol Sansiñena (eds.), *The wealth and breadth of construction-based research*, *Belgian Journal of Linguistics* 34, 162–175.
- Kang, Min-jeong. 2025. Speech strategies of the complex discourse marker “아니 (Ani) X”. *Korean Language* 76. 1–30.
- Lee, Han-gyu. 1999. The Pragmatics of the Discourse Particle *mwe* in Korean. *Discourse and Cognition* 6 (1). 137–157.
- Lee, Han-gyu. 2008. The pragmatics of the discourse particle *eti* in Korean. *Urimalgeul: The Korean Language and Literature* 44. 83–111.

- Lim, Gyu-hong. 1998. The meaning and discourse function of the Korean particle *mal-iya*. *Discourse and Cognition* 5 (2). 159–179.
- Merchant, Jason. 1999. *The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and the Theory of Ellipsis*. Oxford: Oxford University Press.
- Ohara, Kyoko H. 2013. Toward constructicon building for Japanese in Japanese FrameNet. *Veredas – Revista de Estudos Linguísticos* 17 (1). 11–28.
- Rhee, Sun. 2016. LP and RP in the development of discourse markers from “what” in Korean. *Journal of Historical Pragmatics* 17 (2). 255–281.
- Sköldbäck, Erik, Lars Bäckström, Lars Borin, Mats Forsberg, Bengt Lyngfelt, Lars J. Olsson, Jonas Prentice, Rolf Rydstedt, Staffan Tingsell & Jonas Uppström. 2013. Between grammars and dictionaries: A Swedish constructicon. *Proceedings of eLex*. 310–327.
- Torrent, Tiago T., L. Meireles Lage, Tiago F. Sampaio, Tiago da Silva Tavares & Eduardo E. da Silva Matos. 2014. Revisiting border conflicts between FrameNet and Construction Grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese constructicon. *Constructions and Frames* 6. 34–51.
- Traugott, Elizabeth C. 2012. Pragmatics and language change. In Keith Allan & Katarzyna Jaszczolt (eds.), *Cambridge Handbook of Pragmatics*, 549–565. Cambridge: Cambridge University Press.

Словари и другие ресурсы / Dictionaries and other sources

- Активный словарь русского языка / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — Т. 1. — 408 с. [Apreseyan, Yu. D. (ed.). 2014. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)].
- Краткая русская грамматика [Электронный ресурс] / Белоусов, В.Н., Ковтунова, И.И., Кручинина, И.Н. и др.; под ред. Шведовой, Н. Ю., Лопатина, В.В. — М., 2002. URL: https://rusgram.ru/Краткая_русская_грамматика (дата обращения: 26 июня 2025 г.). [Belousov, V.N., I.I. Kovtunova, I.N. Kruchinina et al.; eds. N.Yu. Shvedova & V.V. Lopatin. 2002. *Kratkaya russkaya grammatika*. Moscow: (In Russ.)].
- Тестелец, Я.Г., Былинина, Е.Г. 2005. О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений в русском языке: амальгамы и квазирелятивы // Доклад на семинаре «Теоретическая семантика» Института языкознания РАН, 15 апреля 2005 г. [Testeleets, Ya.G. & E.G. Bylinina. 2005. O nekotorykh konstruktseyakh so znacheniem neopredelyonnykh mestoimeniy v russkom yazyke: Amalgamy i kvazirelyativy. St. Petersburg: ILI RAN. (In Russ.)].
- Яскевич, А., Бычкова, П., Козюк, Е., Рахилина, Е., Слепак, Е., Уткина, А., и др. *The Russian Pragmaticon: электронная база русских прагматических конструкций*. URL: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/> (accessed 29 October 2025). [Yaskevich, A., P. Bychkova, E. Koziuk, E. Rakhilina, E. Slepak, A. Utkina, S. Zhukova & T. Zotova. 2025. *The Russian Pragmaticon: Electronic Database of Russian Pragmatic Constructions*. <https://pragmaticon.ruscorpora.ru/>].
- Bast, Radovan, Anna Endresen, Laura A. Janda, Marianne Lund, Olga Lyashevskaya, Daria Mordashova, Tore Nessel, Ekaterina Rakhilina, Francis M. Tyers, Valentina Zhukova. 2021. The Russian Constructicon: An Electronic Database of the Russian Grammatical Constructions. [<https://constructicon.github.io/russian/>] (<https://constructicon.github.io/russian/>) (accessed 29 November 2025).
- Standard Korean Language Dictionary. n.d. National Institute of the Korean Language. [<https://stdict.korean.go.kr/>] (<https://stdict.korean.go.kr/>) (accessed 23 October 2025).

Article history:

Received: 3 December 2025

Accepted: 25 January 2026

Сведения об авторах:

Джиюн ДЖОН — аспирантка Аспирантской школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация. Научные интересы: русский язык, семантика, прагматика, дискурсивные маркеры и сопоставительный анализ русского и корейского языков.

e-mail: jiyoon1936@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-0108-0210>

Екатерина Владимировна РАХИЛИНА — доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: семантика, лексическая типология, корпусная лингвистика, грамматика конструкций, история русского языка, лексикология, анализ дискурса.

e-mail: rakhilina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7126-0905>

Bionotes:

Jiyoon JUNG is a PhD student at the Doctoral School of Philology, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), Moscow, Russian Federation. Her research interests include the Russian language, semantics, pragmatics, discourse markers, and contrastive analysis of Russian and Korean.

e-mail: jiyoon1936@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-0108-0210>

Ekaterina V. RAKHILINA is Doctor Habil., Professor, and Head of the School of Linguistics, Faculty of Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, and Principal Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation. Her research interests include semantics, lexical typology, corpus linguistics, construction grammar, history of Russian, lexicology, and discourse analysis.

e-mail: rakhilina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7126-0905>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-47183>

EDN: AKYTZE

Review of Anna Wierzbicka. 2025. *The Nicene Creed in Minimal English: Why Christianity Needs Universal Human Concepts*. Cham: Springer Nature.

Sandy HABIB

Tel-Hai University of Kiryat Shmona in the Galilee, Kiryat Shmona, Israel
 havivsana@m.telhai.ac.il

The Nicene Creed (also known as the Niceno-Constantinopolitan Creed) is an ancient text about the core of the Christian faith. It was formulated at the Council of Nicaea in 325 A.D. and was expanded to its current form at the Council of Constantinople in 381 A.D. This text proclaims belief in the triune God (Father, Son, and Holy Spirit), the one Church, one baptism, the resurrection of the dead, and eternal life. While many books have been written on this creed, Anna Wierzbicka's book on it stands out as a work that combines linguistics and theology.

The Introduction presents the concept of the Nicene Creed, discusses its relationship to the Bible, and highlights its promotion of the oneness of humanity. Additionally, it discusses the idea that Jesus' message, while being universal, was communicated to humanity through the Jewish linguaculture (interwoven ways of speaking and living). Therefore, there is a need to explore and unpack the meanings of the cultural norms of this linguaculture, as well as Jesus' whole message and ultimately the Creed itself. To this end, the author presents the Natural Semantic Metalanguage approach, which she employs to explicate (define in relatively simple and cross-translatable words) the Creed.

The second chapter offers an explication of the Nicene Creed presented in eighteen sections. Each subsequent chapter (3–20) corresponds to one of these sections and provides detailed commentary.

Although the Nicene Creed begins with 'I believe in one God,' Wierzbicka does not start by explicating this sentence. Rather, in Section 1 of Chapter 2—and

© Sandy Habib, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

its commentary in Chapter 3—she respectively explicates and discusses three themes: the rationale behind the faithful’s reciting the Creed, Jesus’ teaching on the Holy Spirit, and the Pentecost event versus the Council of Nicaea. She justifies this by stating that the “communal aspect of the Christian confession of faith comes not from the phrase ‘I believe’, but from the word ‘creed’ and the whole phrase ‘Nicene Creed’” (p. 115). For those unfamiliar with Christianity, Section 1 serves as a clear and accessible introduction.

Section 2 of Chapter 2 explicates the sentence ‘I believe in one God.’ Because the explication is relatively long, it is presented in four blocks: who God is, what can be known about him, how people can think about him, and how they can speak to him. Chapter 4 provides commentary on this explication. Unlike almost all the definitions of the word *God* presented in theological books and religious education textbooks, Wierzbicka’s definition is so simple that even young children can comprehend it. I should note, however, that defining God as someone poses a serious theological challenge. How would the formula “God is one being in three persons” be explicated in NSM? Saying that God is someone and, at the same time, that he is three someones seems to be contradictory. I should also note that this difficulty points not to any limitation of NSM but to the inherent limits of human language and conceptualization when speaking of the infinite.

What follows the explication of ‘I believe in one God’ is the explication of the doctrine of the Holy Trinity (the Father, the Son, and the Holy Spirit) and that of the Incarnation and the Redemption (the Son becoming man, suffering, dying, and rising). Wierzbicka devotes twelve sections (Sections 3–14) to presenting this explication and twelve chapters (Chapters 5–16) to commenting on it. Three remarks are warranted concerning (1) the length of this part, (2) the concept of ‘salvation,’ and (3) some parts of the explication of the two target doctrines.

First, the length of the explication and discussion is fully justified. These two doctrines form the core of the Nicene Creed. In the Greek text, they constitute 85.6% (149 of the 174 words) of the whole text. Wierzbicka succeeds in clarifying the meanings of some phrases that Christians have become so accustomed to that they no longer realize their theological complexity—unless directly asked about their meanings. Two of these phrases are ‘born not made’ and ‘consubstantial with the Father.’ As a parish priest, I can testify that, when I asked some of my parishioners (adolescents and adults) about these phrases, most of them were not able to provide the correct answer.

Second, in Block 1 of Section 7 (p. 71) and Block 6 of Section 9 (pp. 80–81), Wierzbicka briefly introduces the concept of ‘salvation’ and presents the reason why Jesus died on the cross in cross-translatable terms. From at least a Catholic viewpoint, the two blocks are flawless, but it is worth noting that Christian theologians across the centuries have not completely agreed on the precise meaning of salvation or on why Jesus died on the cross. Consider, for instance, the three major models of satisfaction, penal substitution, and *Christus Victor*. Wierzbicka is aware of the differences in theological opinions; in Chapter 11 (p. 192)—which is

a commentary on Section 9—she discusses, e.g., the perspectives on Jesus’ suffering put forward by the Catholic theologian Roy Schoeman and the Anglican apologist C. S. Lewis. Both perspectives differ from her own.

Third, some very minor parts of the explication of the doctrine of the Holy Trinity and that of the Incarnation and the Redemption may appear to diverge slightly from the main theological focus. Consider, for example, Block 4 of Section 8 (p. 75). This block unpacks the rationale behind the Son’s incarnation. Although the block is theologically sound, its inclusion of Jesus’ words to his apostles in the Upper Room—shortly before going to Gethsemane and being arrested there—may strike readers as unexpected. Also, Block 1 of Section 10 (p. 82), titled ‘What Happened after Jesus Died and was Buried,’ mentions the Shroud of Turin. While this shroud has been meticulously studied by scientists and is believed by many Christians to be real and to offer insights into the suffering, death, and resurrection of Jesus, its presence in the explication of the Creed seems somewhat tangential. Notably, the author acknowledges that mentioning the Shroud of Turin in the explication can be felt to be out of place (pp. 201–202) but justifies this mentioning at length in an excursus (pp. 207–218).

After explicating the two doctrines of the Holy Trinity and of the Incarnation and the Redemption, Wierzbicka brilliantly presents an elaborate explication of a short sentence in the Creed, i.e., ‘I believe in One Holy Catholic Church.’ This sentence appears to be simple, but reading Section 15 and its corresponding Chapter 17, readers who are not well acquainted with the Christian faith discover the rich meaning of each of the words of this sentence.

In a similar vein, Section 16 explicates another brief sentence, namely ‘I confess one baptism for the forgiveness of sins.’ The explication of this seemingly simple sentence extends over about five pages, demonstrating its theological depth. Reading the corresponding chapter—Chapter 18—readers can appreciate this complexity and understand why such a lengthy explication is warranted.

The last two sections and their corresponding chapters deal with the resurrection of the dead and the everlasting life. It seems that many ordinary Christians are not familiar with the meaning of the resurrection of the dead or with what happens after death, according to the Bible and teaching of the Church. This highlights the importance of explaining these doctrines to them, and Wierzbicka demonstrates how this explanation can be couched in a relatively simple and universal way.

Wierzbicka’s writing is coherent and easy to follow, reflecting the author’s clarity of thought. This does not come as a surprise to people familiar with her work. Generally, her writing style is relatively simple yet highly academic. It is worth noting that the author brilliantly explicates parts of the Creed through narrative. For example, in explicating the sentence ‘I believe in One Holy Catholic Church,’ the author narrates the conversation that took place between Jesus and the apostles in Caesarea Phillipi (present-day Banias). This is neither usual nor intuitive in definitions and explications of abstract concepts and notions. By making recourse

to narratives, the author elucidates complex theological ideas and renders them more concrete to the reader.

This book is both a linguistic and theological work. A reader who is unaware of Wierzbicka's linguistic background might readily take her to be a theologian. The commentary on the explication of the Creed provides theological insights that show the depth and breadth of the author's knowledge of the Bible, the teaching of the Catholic Church, and the works of first-rate theologians, such as Pope Benedict XVI and the Anglican bishop N. T. Wright. Moreover, she draws judiciously on the works of other eminent scholars, such as the historians Tom Holland and Yuval Noah Harari, the geneticist Francis Collins, and the theoretical physicists John Polkinghorne and Steven Weinberg.

This book is valuable to both experts and non-experts in linguistics and theology. To non-expert readers, this book can be truly enlightening and enriching. For non-believers in the existence of God, it offers several points of reflection, especially in chapters 4–6, which discuss the concepts of 'God' and 'creation.' For non-Christians, it presents the Christian faith in a way that is accessible and theologically sound. For Christian believers, it can deepen their understanding of this faith and help them articulate it clearly. For linguists, theologians, and religious educators, this book demonstrates how complex (theological) ideas can—and in fact should—be expressed in simple terms. This simplification is important, not only for young children, but also for adults. Adults who, for example, regularly recite certain sentences—such as those in the Creed—may think they understand them well. If, however, they are asked about their meaning, they may realize that they grasp it partially or do not fathom it at all. Empirical evidence presented by Habib (2025) on the extent to which Christians understand the hymns they sing is illustrative of this point.

The choice of the simple terms that Wierzbicka uses in the explication of the Creed is not haphazard but scientific. It stems from decades-long empirical research initiated by Wierzbicka and conducted by her and many other linguists on languages from distinct language families (Wierzbicka 2021). This research led to the identification of 65 simple and universal concepts. It also demonstrated their usefulness in analyzing hundreds of complex words and expressions across a wide range of fields, including theology (Habib & Sakaba 2025a, 2025b, Wierzbicka 2001, 2018, 2019, Wierzbicka 2021, among many others). This book is yet another milestone in demonstrating the power of these words in elucidating meaning.

Wierzbicka's book arrived as a timely gift in a special year—one in which Christians around the globe celebrated the 1700th anniversary of the formulation of the Creed. Reading it has the potential to, not only enrich linguists and theologians, but also to enkindle the flame of faith in many hearts and strengthen it in many others. In sum, this is a profound contribution to the NSM approach and to Christian thought. It deserves wide readership.

References

- Habib, Sandy. 2025. To what extent do Christians understand the hymns they sing? A linguistic and theological analysis of four Maronite hymns. *Studia Liturgica* 55 (2). 245–261. <https://doi.org/10.1177/00393207251362484>
- Habib, Sandy & Hiromichi Sakaba. 2025a. The Biblical key word *bêraq*: What does it mean and how it can be rendered in English, Arabic and Japanese? *Biblical Theology Bulletin: Journal of Bible and Culture* 55 (3). 199–213. <https://doi.org/10.1177/01461079251364246>
- Habib, Sandy & Hiromichi Sakaba. 2025b. Translating the biblical key word *hesed* into Arabic and Japanese: A theological and comparative semantic study. *Russian Journal of Linguistics* 29 (3). 607–630. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-42740>
- Wierzbicka Anna. 2021. Vo chto veryat khristiane. Istoriya Boga i lyudei. (Perevod A. Gladkovoy). [*What Christians Believe. The Story of God and People.* (Translated by Anna Gladkova)] Moscow: Yazyki slavyanskikoy kul'tury
- Wierzbicka, Anna. 2001. *What did Jesus Mean? Explaining the Sermon on the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts.* Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2018. Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics* 22 (1). 38–53. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-38-53>
- Wierzbicka, Anna. 2019. *What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English.* Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2021. “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 317–342. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>

Review history:

Received: 16 November 2025

Accepted: 20 January 2026

Bionote:

Sandy HABIB is Senior Lecturer in Linguistics at Tel-Hai University of Kiryat Shmona in the Galilee, Israel. He is also a Catholic priest serving at St. Maroun’s Parish in Jish. His research interests embrace cultural semantics, religious semantics, and pragmatics.

e-mail: havivsan@m.telhai.ac.il

<https://orcid.org/0000-0001-8450-5361>

Сведения об авторе:

Сэнди ХАБИБ — преподает лингвистику в Тель-Хайском университете в Кирьят-Шмоне, Галилея, Израиль. Он также является католическим священником, служащим в приходе Святого Маруна в Джише. Его научные интересы включают культурную семантику, религиозную семантику и прагматику.

e-mail: havivsan@m.telhai.ac.il

<https://orcid.org/0000-0001-8450-5361>

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-46425>

EDN: AQADHV

Review of Andrea Musumeci. 2025. *Rethinking Translators: Constraints, Affordances, Postures*. Singapore: Springer Nature. 266 p

Yuxuan WANG

University of Macau, Macau, China

 Yuxuanwang.cstic@connect.um.edu.mo

Translators occupy a central role in the translation process for their professional competence and extensive practical experience. However, the mechanism through which they successfully deliver translation products in specific tasks, as well as how their expertise is effectively transmitted to students in translation teaching, remain critical concerns in translation studies. Attempts dedicated to address these issues are witnessed from linguistic, sociological and other relevant perspectives. *Rethinking Translators: Constraints, Affordances, Postures* engages with these issues by introducing concepts like “constraints”, “affordances” and “postures” to reframe translators’ role and decision-making process. Theoretically, the book synthesizes and extends existing definitions, tackling underexplored dimensions to rethink the role of translators (Chapters 1–3). While the primary focus seems theoretical, Andrea Musumeci grounds the discussion in pedagogical adaptability to bridge theory and practice (Chapter 4). By integrating these concepts into an ecological framework for translation competence, the work demonstrates its practical relevance through rigorous case analyses and longitudinal data from action research, shedding innovative light on translation teaching (Chapter 5), with the final chapter (Chapter 6) concluding the book. Structurally, the monograph advances with interdisciplinary depth, connecting theoretical reflection and practical application. Its dual emphases not only enrich translation theories but also provide pedagogical experience for the discipline, marking a significant contribution to the *New Frontiers in Translation Studies* series.

© Yuxuan Wang, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

At the outset, Musumeci's work opens with the historical evolution of translation as a discipline (Introduction). What distinguishes translation as a field is its dual-rooted nature: it emerges from practical tasks while simultaneously developing through theoretical reflections grounded in extensive translation practice. Historically, these two trajectories (i.e., theoretical and practical) have long progressed in parallel. According to the book, today, global awareness gradually recognizes that "a fluent polyglot is not necessarily a professional translator, and vice versa" (xii), which raises attention towards the improvement of translator training. Against this backdrop, the book positions itself at the intersection of theory and practice, charting their convergence, which is a central concern of the author.

The book's theoretical framework is established through five fundamental premises, presented as working definitions in Chapter 1, which serve as scaffolding for subsequent discussions. Among these, Musumeci pays particular attention to "norms", as they articulate the regulatory frameworks governing translator's decision-making process under "constraints", which lays the conceptual foundation for rethinking translators within the context of constraints. Building on Toury's (1980) seminal sociological conceptualization and Schäffner's (1999) elaboration by incorporating constraints and embodiment, the author develops a nuanced understanding of translation norms. Different from others, Musumeci innovatively puts these concepts within the background of translators to depict the decision-making process in translation. Crucially, the author distinguishes between translation norms and language norms, emphasizing the former have to be operational to effectively guide a translator's decision-making process through their preferential hierarchy of constraints. Nonetheless, due to the problematic operational feasibility of translation norms, pedagogical challenges need to be addressed. Accordingly, Musumeci proposes innovative concepts of strategic or tactical norms, aiming for their operability, which inform the book's subsequent in-depth explorations.

To facilitate a more comprehensive rethinking of translators, it is necessary to introduce additional theoretical terms in Chapter 2 to clarify their distinctions; otherwise, it remains challenging for novice translators, posing significant obstacles to pedagogical implementation. Hence, the monograph heeds translator behaviors, illuminating the dynamic interplay between these concepts through an interdisciplinary lens to establish a robust conceptual framework. These terms (e.g., norms, habitus, constraint, affordance, etc.) in the framework constitute an ecosystem of translation, which encompasses both the translator and the surrounding environment. Amongst them, "habitus" enables the explanation for translator's decision-making process. However, due to its invisible nature (involving embodiment and unconscious learning processes), Musumeci also mentions "translator's posture" as a more observable manifestation of habitus. This conceptual move provides a pedagogical solution to teaching habitus, which will be discussed extensively in the coming chapters.

Translator's posture, an abstract concept, requires comprehensive unpacking to facilitate its application in pedagogical contexts. In Chapter 3, the author reexamines constraints within the process of literary translation. Adopting a functionalist perspective, it is argued that translators need to exercise autonomy in dealing with constraints, strategically choosing to either comply with or override them. As a result, situational awareness enables translators to behave systematically towards constraints, which can be achieved by creating situated learning environments with embodied methods. This chapter particularly emphasizes the role of metacognitive abilities in fostering tactical and conscious decision-making, which in turn highlights the vital role of constraints and affordances, as they allow translators to justify their translation behaviors. Though cognitive translation studies are frequently cited, the author grounds them at a theoretical level for reasoning. Taken together, constraints and affordances support and facilitate the translator's posture, precluding the formal introduction of the concept: posture.

Chapter 4 synthesizes the preceding theoretical discussions to develop the concept of translator's posture systematically. The analysis begins with an investigation of translation skills and competence by reviewing the persistent gap between academic training programs and industry standards. In practice, traditional translation approaches, predominantly rooted in literary and linguistic studies, fail to adequately address the practical demands of translation. As Toury (2012: 282) observes, the development of translation as a professional skill requires "a certain combination of personality features and environmental circumstances", termed as an 'eco-relational system'. Corroborating this statement, Musumeci traces the evolution from behaviorist to constructivist paradigms, advocating for a student-centered approach to better adapt to the practical demands of translation. Specifically, the author further elaborates by juxtaposing constraints, affordances and postures. Drawing from sports training, "the ability to perceive and respond functionally to affordances among interacting constraints in a dynamic performance context becomes the benchmark to discern experts from novices in certain sports" (Seifert et al. 2016: 163). Therefore, according to the book, this framework extends to translation practice as well: constraint mapping and affordance-based formative assessment serve to facilitate postural learning. Through an extensive review of postural studies across both literary and sociological areas, the author identifies posture as an underexplored domain for translation scholars, an insight that expands the scope of postural research.

Based on translation courses from the Department of Linguistics and Translation (LT) at City University of Hong Kong, the proposed approach to translation training is examined empirically in Chapter 5. The analysis concentrates on LT's discovery-enriched curriculum, which implements the framework through distinct pedagogical phases including translation report drafting and formative assessment, among others. This chapter presents a longitudinal action study involving both students and instructors from LT. Findings from questionnaires and interviews demonstrate that postural learning effectively facilitates practice-

oriented translation training through embodied cognition (Risku & Rogl 2020). These results substantiate two key conclusions: (1) the embodied approach to translation pedagogy generates measurable efficacy; and (2) the theoretical constructs (involving constraints, affordances, etc.) developed in previous chapters provide valuable resources for the design of teaching. Through the study, this monograph initiates a theoretical framework and delivers empirical assessment accordingly, highlighting its insights both theoretically and pedagogically.

The concluding chapter (Chapter 6) reaffirms the key contributions and significance through a comprehensive review of its theoretical and empirical investigations. By integrating core concepts within an ecological framework, the book offers significant conceptual insights to rethink translators in a systematic way that advances approaches to translation teaching. On the other hand, the longitudinal action research delivers a robust empirical validation for the proposed approach to postural learning, indicating its effectiveness in authentic educational contexts through an embodied way, combining both constraint mapping and affordance-based assessment. While charting new directions of postural studies in the field, Musumeci also acknowledges its limitations and identifies promising avenues for future research. Notably, the findings suggest potential for broader institutional and cross-language adoption and adaptation, particularly through AI-enhanced and practice-oriented methodologies. These insightful perspectives position the work as a springboard for subsequent innovations in both translation research and teaching.

As a whole, Musumeci's book advances the field on both theoretical and practical fronts. Theoretically, while concepts like constraints have existed, the systematic incorporation of these conceptual constructs into an ecological framework offers interdisciplinary perspectives to rethink translators based on constraints, affordances and postures. In particular, the author's meticulous review of key scholars associated with each concept provides readers with great conceptual clarity regarding its contextualized contents within current theoretical landscape. Practically, the theoretical scope of this book is extended to pedagogical applications through rigorous action research. It is the successful synthesis of theoretical and practical dimensions into a coherent whole that makes this work particularly noteworthy. Musumeci maintains this balance while keeping translators as the focal point throughout the process. It convincingly establishes translation as an ecosystem comprising a variety of interacting factors, demonstrating how postural learning through embodiment emerges as an effective pedagogical approach. These discoveries enhance the visibility of translators as professional subjects and provide a comprehensive framework for developing translation competence.

Despite its systematic theoretical contributions and well-structured pedagogical insights, the volume leaves several questions unanswered: To what extent is the constraint-based decision-making process applicable across diverse translator profiles? What are the exact cognitive and behavioral mechanisms

through which posture is acquired via embodied learning? How does postural learning function at a cognitive level, especially concerning metacognition? Although the action research showcases the feasibility of postural learning to a certain extent, exploring the mechanism behind it remains an integral step to deliver more targeted implications. As mentioned by Musumeci, it is necessary to conduct more research for inter-institutional and cross-language assessments of the pedagogical approach. Therefore, it would benefit from further empirical validation to assess its applicability and explore its underlying mechanisms. Upon answering the above questions, the framework of this book would be reinforced, and its applicability would be broadened across different translator training contexts as well, ensuring its utility for both academia and industry.

In summation, *Rethinking Translators: Constraints, Affordances, Postures* delivers a multidimensional framework for rethinking translators. With constraints and affordances (manifestations of the translator's posture), translators are rethought as subjects who think aloud their operations, indicating that their “black boxes” during translation are uncovered through posture, thus enabling the inherent competence of translators to be transmitted unreservedly to a wide range of learners. It bridges the persistent divide between industrial translation practice and institutional translation training, which has been a longstanding challenge for the discipline. Empirically, Musumeci's proposed postural learning approach gains support through carefully documented action research, demonstrating its viability in authentic educational contexts. The volume demonstrates its particular strength in its recognition of translation as an interactive ecosystem by locating translation within a wider environment. Given the development of GenAI, the independent role of translators with metacognition and embodiment becomes ever more pivotal for detecting inappropriateness of AI-generated contents (Tian et al. 2025), highlighting the practical significance of the book. As a thought-provoking integration of theory and practice, it adapts to translation researchers, educators, and practitioners alike, serving as a theoretical foundation for investigating translators as well as practical guidance for developing targeted programs. In a nutshell, *Rethinking Translators* establishes itself as an invaluable resource for comprehensive, multidimensional engagement with the understanding of the translation process and translator training.

References

- Risku, Hanna & Regina Rogl. 2020. Translation and situated, embodied, distributed, embedded and extended cognition. *The Routledge Handbook of Translation and Cognition*. 478–499. Routledge.
- Schaffner, Christina. 1999. *Translation and Norms*. Bristol: Multilingual Matters.
- Seifert, Ludovic, John Komar, Duarte Araújo & Keith Davids. 2016. Neurobiological degeneracy: A key property for functional adaptations of perception and action to constraints. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews* 69. 159–165.
- Tian, Sha, Di Wang, Jinghan Wang & Wenming Zhong. 2025. Empowering GenAI with a guidance-based approach in MTPE learning: Effect on student translators' cognitive

process, final translation quality and learning motivation. *The Interpreter and Translator Trainer* 19 (1). 1–26.

Toury, Gideon. 1980. *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: Tel Aviv University.

Toury, Gideon. 2012. *Descriptive Translation Studies: And Beyond*. Amsterdam: John Benjamins.

Review history:

Received: 14 October 2025

Accepted: 20 January 2026

Bionote:

Yuxuan WANG is a PhD student at Center for Studies of Translation, Interpreting and Cognition, Faculty of Arts and Humanities in University of Macau, Macau, China. His main area of interest includes cognitive translation studies and digital humanities.

e-mail: Yuxuanwang.cstic@connect.um.edu.mo

<https://orcid.org/0009-0008-8817-8810>

Сведения об авторе:

Юйсюань ВАН — докторант, исследователь в Центре перевода Университета Макао, Макао, Китай. Его основные интересы включают когнитивную лингвистику и цифровые гуманитарные науки.

e-mail: Yuxuanwang.cstic@connect.um.edu.mo

<https://orcid.org/0009-0008-8817-8810>